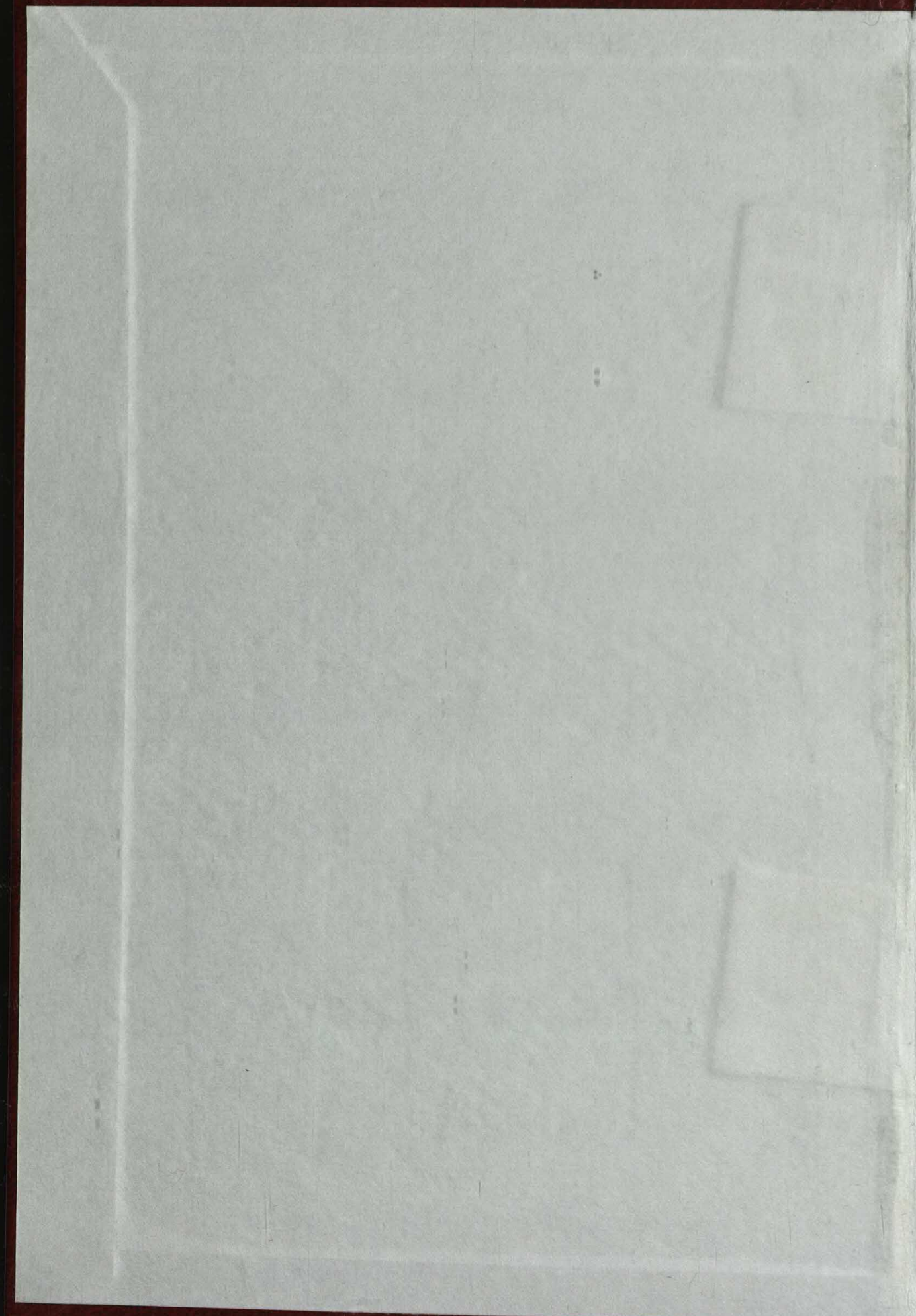
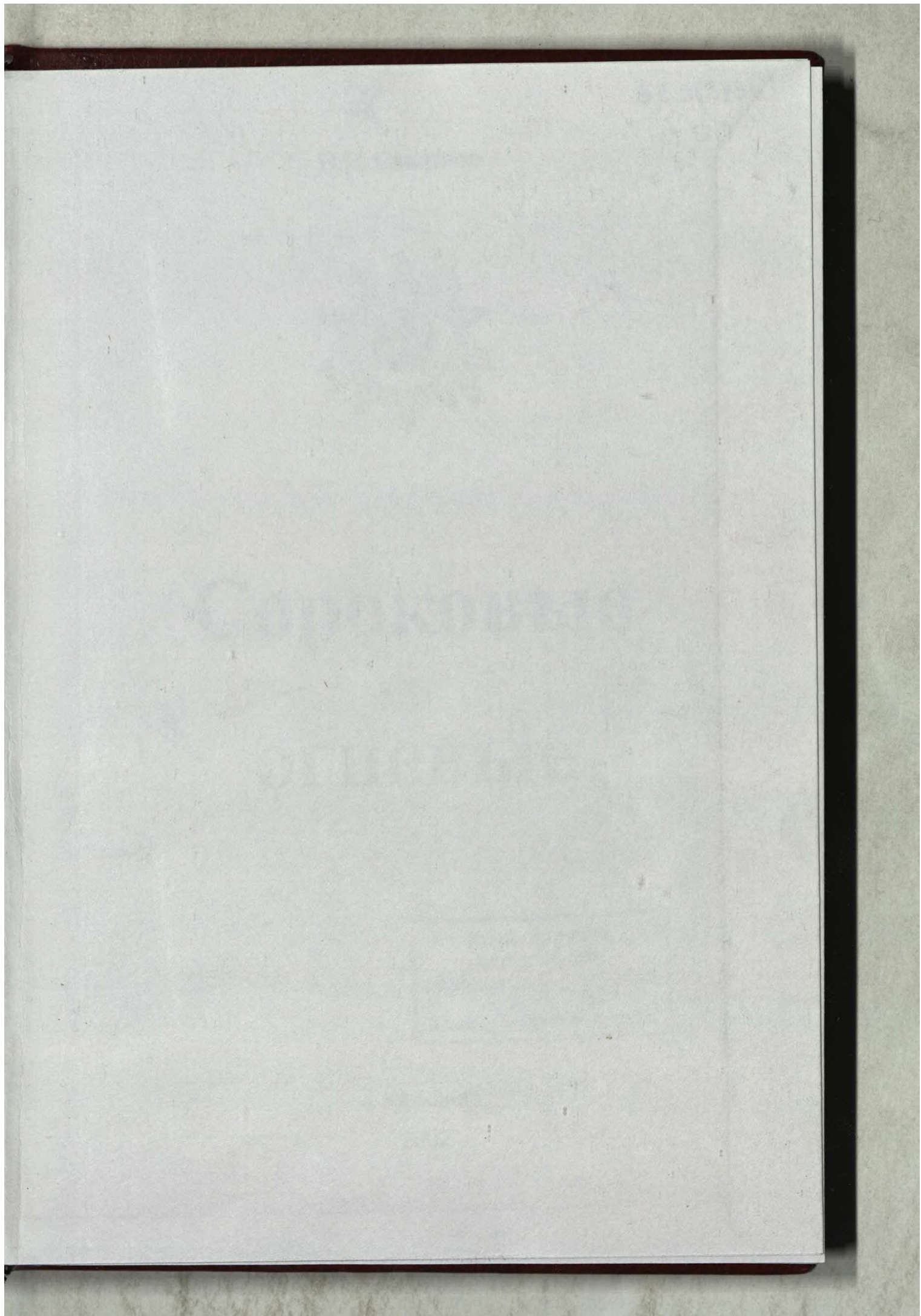

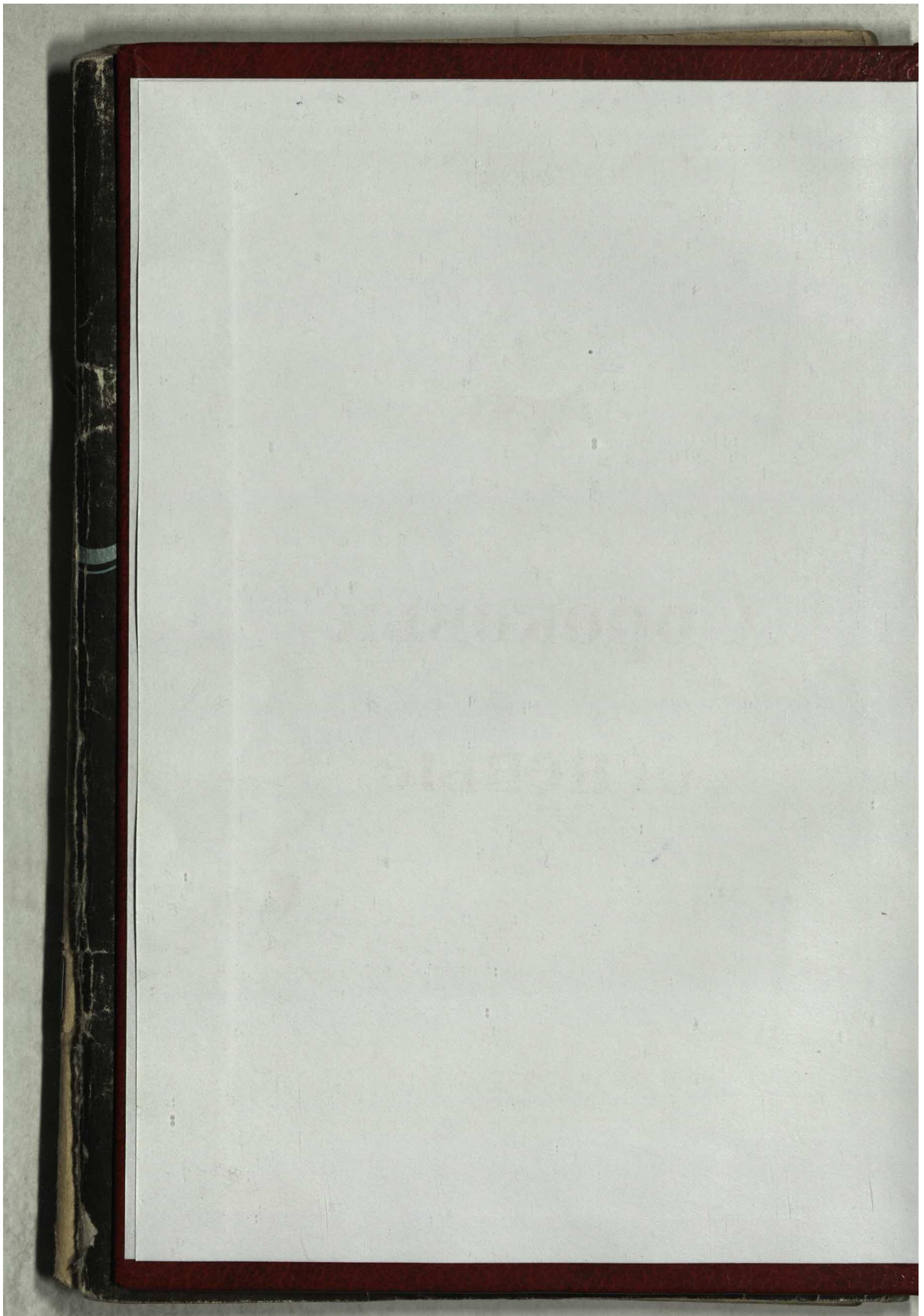
В.В. Смирнов

**Сороковые
огневые**

г. Качканар

ЭК

63.3(2936)

С 50

В.В. Смирнов

Сороковые
огневые

б/к

II

Качканарская
центральная
городская библиотека
г. Качканар
Свердловской области

г. Качканар

2002

С. В. Смирнов
С. В.

С. В.

С. В. Смирнов

В. В. Смирнов

С. В.

50 ЛЕТ ПОБЕДЫ

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ МЫ ПОБЕДИЛИ

22 июня 1941 г.
НАЧАЛАСЬ ВЕЛИКАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

3 сентября 1945 г.
ДЕНЬ ПОБЕДЫ НАД
ЯПОНИЕЙ

Сороковые огневые

9 мая 1945 года
ПОБЕДА СОВЕТСКОГО
НАРОДА В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

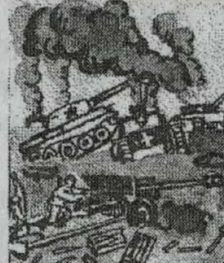

7 ноября 1941 года
БИТВА
ПОД МОСКВОЙ
БЫЛА НАЧАЛОМ КО-
РЕННОГО ПЕРЕЛОМА

1944-45 год освобождения
Чехословакии,
Венгрии, Югославии,
Болгарии, Румынии,
Польши

Июль 1942 года, по
Февраль 1943 года
ПОД СТАЛИНГРАДОМ
СЛОМАЛИ ХРЕБЕТ
ФАШИСТСКОГО ЗВЕРЯ

ЛЮДИ! ПОМНИТЕ!

1943 год КУРСКАЯ
БИТВА ПОСТА-
ВИЛА ГИТЛЕРОВСКУЮ
АРМИЮ НА ГРАНЕ
КАТАСТРОФИ

Качканарская
Центральная
городская библиотека
г. Качканар
Свердловской области

Книга «Сороковые огневые» знакомит вас с ветеранами Качканара, и повествует о их боевом пути в годы войны.

Она посвящена Качканарским участникам войны и безвременно ушедшей супруге Татьяне Федоровне.

Книга «Сороковые огневые» выходит к 40 - летию пуска Качканарского ГОКа. В ней рассказывается о ветеранах, которые участвовали в строительстве комбината.

Боевая и трудовая слава качканарцев

Они не знали друг друга- воевали в разных частях, разных родах войск: пехотинцами, кавалеристами, артиллеристами и танкистами, моряками, разведчиками, партизанами...

Их боевые пути не пересекались. Но они делали одно важное дело ковали победу для нашей родины, били нещадно немецких фашистов и японских самураев.

И вот теперь они встретились на страницах четырех книг В.В.Смирнова. в разгроме немецко-фашистских войск и Квантунской армии есть, пусть маленькая, но частица их ратного подвига.

Победа! Как много в этом слове. Но всегда мы задумываемся, как досталась она. Вот и решил Виталий Васильевич собрать всех качканарцев, тех кто приближал этот великий день мая 1945 года.

Шла наша молодость к маю,
По самой великой весне.
Я зависти к юным не знаю,
Пускай позавидуют мне.

Сам автор книг конногвардеец 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского корпуса ордена Ленина, Краснознаменного орденов Суворова, Кутузова под командованием генерала Плиева И.А. Корпус часто уходил в прорыв фронта. Он совершал рейды по тылам противника, так было при освобождении Украины, Белоруссии, Польши, Венгрии, Чехословакии с развернутыми знаменами, неожиданно кавалеристы врываются в города и села, захваченные фашистами.

В корпусе были полки артиллерийско-минометный, зенитно-артиллерийский, стрелковые, артиллерийские и другие. Так, что Смирнов прошел боевой путь артиллериста, пехотинца конногвардейца, как говорится сам из племени отважных.

И что важное, солдат взялся за перо, пока живы фронтовики, запечатлеть их ратные и трудовые дела, чтобы их жизнь-воина, как факт биографии служили примером для молодого поколения.

Солдаты Победы на 287 страницах фамилии, кто в гражданской, кто в армейской форме. В кратких очерках рассказывается кто, когда родился; где и кем работал, каким военкоматом призван в красную Армию, в какой воинской части служил, на каком фронте воевал.

Есть сведения о ранениях, наградах. Некоторые ветераны сами написали свои воспоминания об участии в войне, другим помогали это сделать. Получился интересный, коллективный рассказ о ветеранах войны. О войне такой, какой ее видели, чувствовали, творили сами участники:

Фронтной шофер-Алексей Андреевич Федосеев,

медсестра-Нина Федоровна Литвиненко,
минометчик-Борис Александрович Оберюхтин
повар полка- Медовщикова Зинаида Григорьевна
танкист Иван Ильич Семенов,
зенитчик-Василий Емельянович Хоруженко,
партизан-Константин Иванович Медяник,
военный моряк-Аркадий Ильич Черепанов,
авиамеханик-Федор Васильевич Ведерников,
и многие другие герои книги «Сороковые огневые».

Книги В.В.Смирнова несомненно станут полезным пособием для проведения военно-патриотического и нравственного воспитания молодежи. Ее подарят школам, библиотекам, музеям и конечно каждому участнику тех событий, и семьям умерших ветеранов, не доживших до выхода книги «Сороковые огневые».

С.Екимов

*Председатель комитета ветеранов
войны и военной службы, майор в отставке*

От Автора

Тема книги – дела военные. Центром повествования стали участники войны – качканарцы. Об их нелегком военном пути, горьких переживаниях, разочарованиях, раздумий. При этом надо напомнить о скромности участников войны, с ней связана краткость их воспоминаний.

В этой книге затронута о Великой Отечественной войне, в ней пополнены воспоминания качканарских участников и продолжена тема второй книги: "Под гусеницами танка", как, например воспоминания Б.А. Оберюхина, а также П.В. Герасимова до конца войны. Есть некоторые повторения в главах "Танкисты". Раскрыта большая глава "Женщины Качканара на фронтах войны" Описаны фронтовые судьбы полсотни участниц.

Сделаны выписки из истории ветеранского движения г. Качканара и его военно-патриотической работе.

Правда, сейчас Совет ветеранов пополнился людьми трудового фронта. Ветераны войны уходят, их года подходят к последнему пределу.

Изменился сам стиль работы Совета. В нем больше стали работать бюрократическим методом: распределяют средства из бюджета.

Еще к 40-летию ПОБЕДЫ я ходил по квартирам участников войны и записывал воспоминания, набрал их около сотни.

Но, когда началась подготовка к выпуску книги "Качканар", я их отдал в Совет ветеранов, чтобы редактор Медведев использовал их в книге. Но они почти не были использованы за исключением некоторых. Вдобавок обратно получил только половину, а вторая потерялась. Поэтому я использую только имевшиеся. Жаль, конечно; ветеранам я обещал их воспоминания использовать в книге.

Книгу я дополнил новыми главами: "Огонь на себя" (о моих однополчанах, пехоте и арtpолке.) «Они служили в военно-морском флоте» и другими воспоминаниями.

Некоторые ветераны обижены отношением к ним и часто из-за обиды не хотят дать воспоминания. Другие говорят «что я могу рассказать, когда все время находился в кубрике механиком подлодки и т.д.» Но память, как совесть нужна.

По мере появления у меня новых воспоминаний я постараюсь использовать их в главе "О ветеранах" память как совесть нужна.

Книги Виталия Смирнова

Их три: "Иптаповцы", "Под гусеницами танка", "Истоки". В библиотеках и магазинах не встретишь подобных книг. Необычны внешний вид и внутреннее оформление, своеобразна история их создания, интересен и автор. В этом убедились "лукоморцы", пригласившие на встречу в литературном объединении Виталия Васильевича Смирнова. Внимательно слушали ветерана войны, пристально рассматривали его книги, задавали вопросы.

"Иптаповцы". Кто они такие? Это бойцы 152-го истребительного противотанкового артиллерийского полка. Им, боевым товарищам, славным истребителям танков, посвятил Виталий Васильевич свою первую книгу, над которой работал десять лет. Встречи с однополчанами в Кущевке, Барановичах, Краснодаре, Слуцке, Москве, многолетняя переписка, постоянный поиск боевых друзей – все это оседало в папках с воспоминаниями, впечатлениями, шлифовалось, обрабатывалось, выстраивалось шеренгами рукописных строк будущей книги.

"На знамени нашего 152-го гвардейского ИПТАПа сияли два ордена Красного Знамени, ордена Суворова и Кутузова. Наш 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус вернулся с Великой Отечественной, имея на своем знамени ордена Ленина, Красного знамени, Суворова и Кутузова. И мы по праву гордимся тем, что с честью прошли трудным боевым путем, сражаясь за свободу Родины, что отстояли ее в огне войны", – пишет в предисловии автор, девизом которого при работе над книгой были слова декабриста Федора Глинки: "Опиши героев бывших и Родина родит героев будущих".

Им, будущим героям, нынешним молодым людям, адресованы и две другие книги В.Смирнова.

"Под гусеницами танка" – это сборник воспоминаний ветеранов войны. "Воинам, отдавшим жизнь за Родину и безвременно ушедшим, выразим благодарность словами русского поэта В. Жуковского: Не говори с тоской: их нет, А с благодарностью: были!" Таков эпиграф. Множество героических и трагических эпизодов минувшей войны, сотни фамилий, десятки фотографий, карт и схем сражений, боевого пути однополчан составили содержание этой книги.

А открывается она большой главой "Горняки Главного карьера" – о работниках карьера, участвовавших в Великой Отечественной войне. Еще в начале 80-х, будучи ответственным, за работу с ветеранами карьера, Виталий Васильевич собрал о них большой материал и к 40-летию Победы сделал великолепный альбом. Этот материал, дополненный новыми воспоминаниями, и лег в основу главы о земляках, которая позднее выделилась в самостоятельную книжку "Преодоление".

“Пусть потомки знают и помнят ратные дела своих дедушек и бабушек в суровые дни и ночи 1941 - 45 годов. И пусть гордятся предками, вынесшими на своих плечах всю тяжесть величайшей в истории битвы за жизнь и мир на Земле!” – эта мысль вдохновляла и поддерживала Виталия Васильевича в его многолетней работе над книгами о войне.

“Истоки” – книга о мирной жизни. Она тоже обращена к потомкам. Ее авторы – Г.А.Пономарев, Н.П.Тукмачев и В.В.Смирнов. Есть в ней такие слова, написанные Николаем Павловичем Тукмачевым:

“Я прохожу по улицам Качканара и вспоминаю, как тут разбивали первые просеки. Я поднимаюсь по тротуару от Стройбанка на квартал 1б, и сохранившийся здесь лес больше всего напоминает мне то, что было на площадке поселка, когда мы первый раз пришли сюда.

Я переплываю на противоположный берег пруда и нахожу уцелевший столб с надписью “Зона затопления”. 235 таких столбов было установлено по всей разрубленной 34-километровой просеке береговой линии.

Я поднимаюсь на левый борт долины под Выйской плотиной – только там сохранились осевые репера, заложенные еще в 1958 году. Все заросло молодым лесом, столбы погнили, но видна четко сделанная надпись, и бетонные центры надежно хранят свои координаты.

Выхожу на гору Любви, отсюда видна панорама нашего комбината. Сколько же здесь было вложено труда, сколько было тревог, волнений!”

О том, сколько было вложено труда, чтобы в тайге поднялся гигант-комбинат, о тех, кто стоял у его истоков, и рассказывает эта книга, иллюстрированная рисунками Л.Ушенина и фотографиями о строительстве ГОКа.

Историю открытия и освоения Качканарского месторождения интересно, убедительно, профессионально описал наш неутомимый краевед Геннадий Афанасьевич Пономарев. Им написана также глава о начале строительства комбината. В содружестве с В.Смирновым он поведал о становлении Главного карьера, а Виталий Васильевич – о крае родном.

На обложке “Истоков” три автора, однако в книге приведены и другие воспоминания: геологоразведчиков и первостроителей, Я.Ф.Вольского, И.С.Грачева, секретаря парткома комбината С.П.Баранова, который в небольшой главке “Как это было” рассказывает о дне рождения Качканарского ГОКа – 30 сентября 1963 года. Создавая книгу, В.Смирнов попытался объединить в ней все, что было написано о том, как начинался наш комбинат. Нет сомнения, что эта книга, как и первые две, имеет большую документальную ценность. Место этих книг – в городских и школьных библиотеках, в музее.

Место, конечно, всегда найдется – были бы книги. Но, как уже сказано, книги В.Смирнова – особые. Чтобы увидели свет его книги о

войне, автору приходилось стучать не в одну дверь, ходить по мукам в поисках добрых людей. Кто-то из его бескорыстных помощников правил тексты, кто-то печатал их на машинке или компьютере, кто-то делал фотоснимки и рисунки, кто-то помогал издавать. Все, кто его видел, оценили книгу по достоинству. В.М.Георгиев, возглавляющий управление образования и социо-культурной сферы, считает, что книгу надо издать большим тиражом она будет хорошим подспорьем в воспитании юных качканарцев. Конечно, мир не без добрых людей, и Качканар – тоже. Хорошо, если они помогут. Но "лукоморцы" считают, что книги В.Смирнова – явление из области культуры. А потому управление социокультурной сферы не должно уповать только на спонсоров. Может, обратиться к главе администрации? Ведь нашла же городская администрация возможность издать большим тиражом книгу о Качканаре. Может, найдутся средства и для них?

Но это уже не должно быть заботой Виталия Васильевича. Он сделал свое дело, посвятив 20 лет неустанному поиску и творчеству. Теперь дело – за благодарными потомками.

Члены литобъединения выразили восхищение этим ветераном, который семнадцатилетним парнишкой воевал на Курской дуге, имел ранения и награды, почти восемь лет служил в армии, а после демобилизации окончил Исовской геологоразведочный техникум и Свердловский горный институт и 27 лет отдал комбинату. Участников встречи поразили подвижничество и жизненная энергия этого человека, который, несмотря на возраст (15 апреля 2000г. ему исполняется 75 лет), не утратил молодости души и активно работает ради будущих поколений.

Г.П. Краснопевцева

Из истории ветеранского движения в городе Качканаре

... Мирные заботы ветеранов. Н. Семенов – председатель комитета.

Началась война. Около 300 человек, призванных Исовским райвоенкоматом, ушли на фронт из поселка Валерияновский и Именновский.

Пришла победа. 106 наших земляков не вернулось домой. Погибли отец и сын Драницыны, Ивановы, Нечаевы, три брата Шумихиных, братья Блиновы, Богомягих, Дрямины, Коробейниковы, Лужбины, Соколовы, Тушины и другие.

Память о них, как и обо всех погибших, бессмертна.

Наши земляки участвовали в боях за Родину на всех направлениях и фронтах ВОВ. 12 человек защищали Москву, среди них Г.М. Киреев, П.Ф. Петренко, С.Н. Простолупов. 24 человека участвовало в обороне Ленинграда, в том числе А.М. Глотов, В.А. Долгоруков, В.С. Лапина, З.Д. Медовщикова, Н.И. Скурихин. В боях за Сталинград сражались Ф.Н. Жогин, М.Д. Морозов, М.Н. Котов, С.А. Папилин и другие всего 31 человек. П.К. Шитоев, М.Г. Горяев, Н.И. Филистеев всего 12 человек участвовало Курско-Орловской битвы /здесь, надо заметить, показаны только те, кто принял первым удар немцев – оборонительные бои, а Курско-Орловская битва продолжалась до 23 августа, участников значительно больше /замечание автора, подтвержденное военкомом/.

Наш Советский Кавказ защищали В.В. Кабалинов, А.Г. Приведенцева, П.А. Колеватов и другие. 26 наших земляков брали Берлин, в том числе В.В. Бызов, О.Ф. Родионова, П.И. Конев, П.А. Возовиков.

В эти майские дни все чаще вспоминаются фронтовые годы, все чаще память воскрешает лица боевых товарищей, все сильнее скорбь по поводу тех, кто не вернулся с полей сражения.

Когда мы уходили на фронт, Качканара еще не существовало. Его строительство, как мы знаем, началось в 50 годы. Ударная комсомольская стройка звала молодых. Но среди строителей Качканара более 1500 участников Великой Отечественной войны. Первопроходцами являются В.А Попов, В.Г. Отрепьев, С.С. Мальцев, А.В. Мурашов, В.И. Путяшев, С.М. Урванцев, Н.П. Тукмачев и другие. Ветераны внесли достойный вклад в строительство города юности, многие из них имеют высокие награды за самоотверженный труд.

В настоящее время в нашем городе проживают 882 ветерана войны. Третья часть из них продолжает работать на производстве. Остальные на заслуженном отдыхе. Все они радуются, видя светлый сегодняшний день и трудовые успехи качканарцев. Они мечтают о том, чтобы они так же любили Родину и по первому зову были готовы встать на ее защиту. Поэтому наши ветераны активно участвуют в военно-патриотическом воспитании молодежи. К.Н. Новиков, В.Е. Хоруженко, Н.И. Балышев,

В.Н. Пушкарёв, В.В. Смирнов, В.Г. Кошман часто выступают перед учащимися школ и педучилищ. 90 ветеранов поддерживают постоянные дружеские связи с качканарской молодежью. Работа военно-спортивного лагеря, проведение игр "Зарница" и "Орленок", смотров строя и песни, уроков мужества в школах, митинги и демонстрации, торжественные собрания – везде мы видим ветеранов.

28 человек активно работают с допризывной и призывной молодежью. Этой работой руководят горвоенкомат и его совет содействия. В этом году впервые было проведено такое важное массовое мероприятие, как торжественные проводы качканарцев в ряды Советской армии. Велико эмоциональное и воспитательное воздействие подобных мероприятий, и их надо практиковать в нашем городе. Ветераны войны – активные общественники. Восемь из них ведут большую работу в городском совете ветеранов, который возглавляет Н.И. Балышев. В советах ветеранов войны на предприятиях города – 22 человека: К.Г. Братчиков, В.Е. Овечкин, П.К. Шитоев, А.Н. Чудинов, С.В. Кадачиков и другие. 13 человек работают в совете содействия при Качканарском горвоенкомате, четверо в городском отделении фонда мира, которое возглавляет С.Г. Екимов.

Совет ветеранов войны Качканарского ГОКа провел большую и важную работу – поиск погибших на фронте жителей Валериановского и Именновского поселков. Не считаясь с личным временем, этим занимались П.Т. Засоба, К.Г. Братчиков, В.Г. Отрепьев, А.А. Прядильщиков, В.В. Смирнов, В.В. Мамонтов, Е.И. Галышев и другие.

В настоящее время наши ветераны, как и весь советский народ, готовятся достойно встретить 40 летия Великой Победы. Ветераны войны и труда целиком и полностью поддерживают внутреннюю и внешнюю политику КПСС, направленную на сохранение мира и укрепление обороноспособности нашей страны.

Н. Семенов

*Председатель комитета содействия
при Качканарском горвоенкомате*

Не стареют душой

Нынешний год в плане военно-патриотического воспитания должен стать особенным, так как проходить он будет под знаком 40-летия Победы. Знанием этой даты определится новый подъем в работе городского совета ветеранов войны.

Что же конкретно намечается и будет делаться ветеранами? Об этом разговор нашего корреспондента с председателем совета ветеранов города Н.И. БАЛЫШЕВЫМ.

В нашем городе проживает большой отряд ветеранов Великой Отечественной: более 700 бывших воинов, среди которых 50 женщин. Понятно, что в своей работе Совету есть на кого опереться. Сегодня у нас имеется актив, вполне достаточный для постановки серьезной работы с молодежью. К этому мы стремились всегда.

Особенно активно участвуют в военно-патриотическом воспитании члены совета ветеранов войны горно-обогатительного комбината. К числу таких можно отнести прежде всего Василия Григорьевича Отрепьева, Василия Емельяновича Хоруженко, Николая Михайловича Семенова. Ими, кстати, проделана большая работа по уточнению числа жителей поселка Валериановского, не вернувшихся с фронта. Оказалось таких 105 человек. А буквально на днях была представлена справка еще на одного погибшего земляка. Имена всех их будут высечены на памятнике, который будет открыт в поселке 9 мая.

Очевидно в этот год будет гораздо больше встреч участников войны с учащимися школ, училищ, трудящимися?

Именно на это мы ориентировали ветеранов на недавно проведенном семинаре. Заострили внимание на том, что звание обязывает каждого из них быть подтянутым, собранным, являться на встречи с качканарцами при всех боевых и трудовых наградах. Звание ветерана ценится у нас высоко, и его надо оправдывать везде.

Как это ни грустно признать, но не все ветераны смогут приходить на встречи...

Да, среди фронтовиков немало тех, кто не сможет прийти в класс, цех. В основном это прикованные к постели люди. Но и они не обойдены нашим вниманием: каждого посетим дома, поинтересуемся, нужна ли помощь и какая, попросим рассказать о фронтовых эпизодах. Такие посещения играют не меньшую роль в воспитании молодежи, нежели приход ветерана на встречу.

Думаем также в этом году посетить родственников погибших.

Все это проводится по линии совета ветеранов. А какую работу в год сорокалетия будут проводить общественные организации, школы?

Во всех классах пройдут уроки мужества. Наша совместная задача – организовать их как – то по особенному, торжественно, интересно, запоминающееся. Мне кажется, выход здесь в том, чтобы привлечь к организации и проведению уроков как можно больше ребят. На двух уроках, организованных таким образом, мне приходилось бывать. Прямо скажу: очень понравилось.

По линии горвоенкомата ведется работа с призывниками. Ветераны выступают на постоянно действующем лектории, знакомят ребят с боевыми традициями, стремясь заечь гордость за причастность их к Вооруженным Силам.

Серьезная недоработка школ в военно – патриотическом воспитание вскрылась при моей встрече с учениками одного из классов школы № 4: не все ребята знают, кто из их родственников принимал участие в боевых действиях, где, когда воевал, какие имеет награды. Это большой минус – незнание заслуг близких людей. Хотелось бы, чтобы в нынешнем году – году 40 – летия Великой Победы не оставалось больше таких незнаек.

Мне кажется, что для устранения этого пробела прежде всего должна поработать семья. Ведь должны же быть в семейных архивах письма и фотографии тех лет. А школы...

Почему бы им не провести сочинения на данную тему именно в этот год? Согласен. Этот год более чем какой – либо другой предрасполагает к поднятию подобной темы...

Но вернемся к работе совета...

На следующем совещание мы вновь будем рассматривать вопросы, связанные с организацией работы в юбилейном году. Уверен, ветераны, как и в дни своей молодости, не подведут.

Душой не стареют...

Да, именно так.

Интервью вел Г. НИКОЛАЕВ.

ВETERANAM KACHKANAPCAM

К вам, участники минувших сражений, обращаюсь я. В год сорокалетия Победы не теряйте времени, не жалеете сил, идите к людям, несите им правду о войне.

Щедро делитесь своими воспоминаниями с молодыми.

Важнейшее значение Победы, завоеванной нами, - сорок мирных лет. Это прекрасно, что молодая смена и люди более зрелого возраста знают о войне лишь по книгам и кинофильмам. Но этого недостаточно. Большее значение для антивоенного сплочения, сильнейший воспитательный заряд несет в себе непосредственная встреча, разговор с участниками боев.

Идите к детям. По собственному опыту знаю, какие это внимательные и благодарные слушатели, как захватывают их горестные страницы истории Родины, пережитые нами.

Сегодня я лишен возможности встреч - парализован. Именно поэтому обращаюсь к испытанным бойцам старой гвардии:

Друзья - фронтовики! Идите к людям!

В. СВАЛОВ

ветеран Великой Отечественной войны.

“Об этом забывать нельзя”. Выдержки сокращенно

Приближается 70-летие Великого Октября. Вместе со всем советским народом достойно встречают юбилей и ветеранов Великой Отечественной войны. В нашем городе их более 700, примерно четвертая часть инвалиды. Главной своей задачей мы считаем военно-патриотическое воспитание учащихся и допризывной молодежи. Чтобы успешно решить эту задачу, советом ветеранов закреплены шефами школы №2 – И.Е. Мотузов, школы №3 – В.А. Попов, школы №4 – К.Н. Новиков, школы №5 – С.В. Кадочников, школы №6 – В.В. Мамонтов, школы №7 – Б.С. Шишкин, СГПТУ №87 – В.Г. Маклыгин, СГПТУ №92 – К.К. Дерябин, СГПТУ №21 – Н.Ф. Литвиненко. Назвал всех, для того чтобы ребята знали к кому обращаться.

Ветераны совместно с организаторами внеклассной работы и военруками школ и ПТУ должны ввести систематическую работу по военно-патриотическому воспитанию, привлекая к активному участию в ней ветеранов войны и труда. Но должна быть и обратная связь, ведь в каждом микрорайоне проживают инвалиды, многие из них нуждаются в помощи. И вот здесь слово за пионерами и комсомольцами организациями школ.

..... Многие наши ветераны занимают активную жизненную позицию: вышли на пенсию, но трудятся, ведут большую общественную работу. К.Г. Братчиков – председатель совета ветеранов войны Качканарского ГОКа, Н.И. Стяжкин возглавляет такой совет в тресте “Качканаррудстрой”, Н.И. Балышев – член президиума городского ветеранов войны и труда. М.П. Жуланов – в поселке Валериановском, Н.М. Болотова, П.Н. Алексеев, В.Н. Пушкарев, П.Т. Засоба, В.Е. Хоруженко, В.Г. Отрепьев, С.И. Питателев, Н.И. Филистеев, Б.И. Мохов – члены совета ветеранов войны. Хочется особо отметить большую работу, проводимую среди призывной молодежи комитетом содействия горвоенкомату. Бессменно возглавляет этот комитет Н.М. Семенов.

По поручению совета ветеранов войны К. Новиков

17 октября 1987 год. “Качканарский рабочий”

По состоянию на 2 февраля 1995 г.: участников войны в г. Качканаре было 459 человек.

В запас не ушли

Многие ветераны войны, уйдя на заслуженный отдых, продолжают активно участвовать в военно-патриотической работе с молодежью. Убеленные сединой люди, имеющие боевой и жизненный опыт, умело находят контакт с младшим поколением. В первую очередь ветераны выступают в защиту армии и флота, которые сегодня находятся в тяжелом положении. У многих мальчишек не без участия их родителей складывается представление, что от армии надо бежать, как от тюремных нар. Вот в такой обстановке ветеранам приходится вести военно-патриотическую работу в школах, училищах, детских клубах...

23 февраля фронтовики рассказали ребятам о вчерашнем и сегодняшнем дне нашей армии, ответили на волнующие подростков вопросы – о войне в Афганистане и Чечне.

В этом материале мне хотелось рассказать немного о людях, которые не утратили энергию, инициативу, энтузиазм, которые, как принято говорить, по-прежнему в строю и в запас уходить не собираются.

Живет, например, в Качканаре сержант в отставке А.В. Безденежных. Бывший минометчик, закончивший войну на Эльбе, много повидавший за три военных года. Он ведет военно-патриотическую работу в школе №4, где его знают и уважают. Он стал инициатором многих школьных мероприятий. Так, 23 февраля в старших классах прошла игра-викторина об армии, во всех классах прошли уроки мужества.

В школе №2 таким пропагандистом стал В.В. Смирнов, который в беседах с детьми использует обширную переписку со своими однополчанами, материалы своей будущей книги о войне. Школа №6 в День защитника Отечества провела праздник "Землянка", уроки мужества. Юбилею Победы посвящался и литературный смотр-конкурс. Примечательно то, что на вечер "Землянка" ребята открытками пригласили всех проживающих в восьмом-девятом микрорайоне ветеранов, солдатских вдов и детей войны.

Нашел свой метод военно-патриотического воспитания и П.И. Стяжкин. В СПТУ 92, где он частый гость, 23 февраля прошли беседы по группам и общий сбор-встреча учащихся с ветеранами войны. В Валериановской средней школе содействие в военно-патриотической работе оказывают С.И. Питателев и В.З. Головчиц. Следует отметить их непосредственную помощь в пополнении школьного музея новыми экспонатами.

Усилиями ветеранов, гороно, заместителей директоров по воспитательной работе возрождаются комнаты боевой славы в школах №4, 6, 7 и других. Подбираются документы, фотографии, оформляются альбомы, стенды.

Ветеран войны К.К. Дерябин, кроме того, что является председателем городского совета ветеранов войны и труда и отдает

этому делу всю душу и здоровье, он еще частый гость в школах и училищах. Неугомонен, не стареет душой, Константин Кузьмич активно включился в создание городского музея, особенно его военного раздела. Капитан в отставке Н.М. Семенов выполняет серьезное общественное поручение, является председателем комиссии содействия при военкомате. Хорошо начали пропагандистскую работу и такие участники войны, как В.И. Москвичев в школе №7, С.В. Кадачиков в школе №5, Н.Ф. Литвиненко в лицее №136, В.А. Попов в школе №3. Проявляют активность и ветераны войны А.Г. Расковалов, В.Г. Отрепьев, Г.А. Соколова, К.Х. Яппаров, Н.И. Филистеев, Н.М. Болотова, В.Е. Хоруженко, А.Н. Шурпатов и другие.

... Подготовка к 50 летию Победы создает благоприятную обстановку для усиления и улучшения военно-патриотической работы. Однако надо учитывать и то, что многие люди, в том числе и некоторые ветераны, сбиты с толку массовой дезинформацией о войне, армии, люди утратили политические и массовые ориентиры, духовно опустошены. Неверие стало своеобразной болезнью общества. Вот почему особенно важна умелая работа пропагандистов, особенно ведущих работу с молодежью.

На мой взгляд, в преддверии Дня Победы в школах, училищах полезно было бы провести смотры военно-патриотической работы в целом – смотры музеев и комнат боевой славы. Инициаторами здесь должны стать не только ветераны, но и гороно, городской комитет по делам молодежи, горвоенкомат.

С. Екимов

председатель секции ветеранов войны

22 марта 1995г.

Всероссийской общественной организации ветеранов войны и военной службы 45 лет

Всероссийская общественная организация ветеранов войн и военной службы является правопреемницей Советского комитета ветеранов войны.

В 1956 году был создан Советский комитет ветеранов войны по объединению граждан СССР, принимавших участие в защите Советского государства в рядах Вооруженных сил, партизанских формированиях.

С сентября – 91 этот комитет называется Российской – РКВВ, а с 1998 года – РКВВВС. Он ведет работу, направленную на нравственно патриотическое воспитание молодежи, укрепление мира и связей с международным (особенно стран СНГ) национальными организациями, борющимися против угрозы войны, за безопасность народов.

Председателями СКВВ были маршалы Василевский, Тимошенко, с 1994 года комитет возглавляет генерал армии Говоров В.Л. В 1975 году комитет был награжден орденом Отечественной войны 1-ой степени. 5 декабря 1985 года за успехи в международной деятельности Советскому комитету вручено Знамя Всемирного Совета Мира.

Сегодня Российская общественная организация ветеранов войны и военной службы – 1 млн. 700 тыс. ветеранов. Большую работу РКВВ в 1994 году в связи с подготовкой закона "О ветеранах". И хотя было рассмотрено несколько сот предложений, поступивших от фронтовиков, к сожалению, Государственная Дума учла далеко не все. Закон "О ветеранах" оказался урезанным. Поэтому неслучайно в 1998 году 3-я конференция РКВВ в своем обращении к руководству страны заявила "Всему есть предел. У нас нет времени ждать. Мы не можем быть в положении униженных и оскорбленных".

Особая проблема – военно-патриотическое воспитание молодежи. Ветераны с самого начала истории своей организации восприняли ее, как свою собственную, за которую они несут ответственность перед народом. Фронтовики были первыми военруками в школах, училищах, в работу включились тысячи фронтовиков. Это во многом способствовало успеху в оборудовании школьных музеев. Ныне вновь оживают десятилетия назад разоренные школьные музеи. Развитие получила сеть военно-патриотических объединений. В Качканаре – это "Сталкер", "Соболята", "Бригантина", "Вагант", "Скауты".

Чем и как живут скауты?

Говорят, трудная у нас молодежь. Да, нелегкая, если ею не занимаются. Выход из этого только один: суметь увлечь ее интересным полезным делом. Кто это осуществит? Прежде всего, учитель,

воспитатель. Он должен быть интересной, увлекающейся личностью. К такому тянутся дети, верят ему, пойдут за ним.

К этим людям относятся: учитель школы им. К.Н. Новикова. Михаил Иванович Титовец, завуч школы №6 Зинаида Павловна Басканова, завуч Кадетской школы – интернат Манусова Галина Ивановна и др.

Воспитатель клуба "Бригантина" Петухова Н.П.

«Без волнения нельзя читать любой рассказ начинающих авторов об участии их родных в ВОВ. Воспоминания о войне дедушек и бабушек, соседей просто знакомых, прошедшие сквозь сердца молодых – это огромное наглядное пособие для любого учителя».

«Хорошо знать прошлое, чтобы с этих позиций решать настоящее», – вот девиз Михаила Ивановича Титовца. Ветераны войн продолжают дружить со школьниками. Никакой учебник не может дать подростку то, что дает ему живое общение с умудренными жизненным опытом людьми. Поэтому каждому школьнику становятся более близкими и понятными те идеалы, на которых воспитывались, защищая свободу и независимость нашей Родины в годы Великой Отечественной войны, люди старшего поколения.

История ветеранского движения (в те дни, когда Качканар был рабочим поселком) создавалась на базе первичных ветеранских организаций треста "Качканаррудстрой" – предс. Мальцев С.С. и строящегося комбината – предс. Урванцев С.М. Эти организации входили в состав Нижнетуринского городского комитета ветеранов войны. В декабре 1959 года Нижнетуринский комитет утвердил зам. предс. по Качканару Семенова Н.М., освободив его от должности на поселке Ис. Ему было предложено создать первичные организации во всех предприятиях, организациях поселка.

Как известно, главную и определяющую роль играли парторганизации КПСС, посредством которых прошли выборные собрания ветеранов ВОВ.

КРС – Мальцев С.С.

ГОК – Урванцев С.М.

Автобаза – Шитоев П.К.

Уралспецстрой – Чудинов А.Н.

В марте 1960 в состав Нижнетуринского комитета были избраны Семенов Н.М., Мальцев С.С., Урванцев С.М., Шитоев П.К., Чудинов А.Н.

К 20-летию Победы в 1965 году были созданы ветеранские организации на всех предприятиях, организациях, учреждениях.

В 1968 году после переименования поселка в город с областным подчинением предстояло объединить все первичные ветеранские организации в качканарскую городскую ветеранскую организацию.

С ноября 1968 году по февраль 1969 года были проведены отчетно-выборные собрания ветеранских организаций, избраны советы (комитеты) от 7 до 17 человек, в течение 3-х месяцев работал оргкомитет в составе:

1. Хомутов В.И. – от КПСС
2. Балышев Н.И. – от ГОКа
3. Шитоев П.К. – от автобазы
4. Наймушин А.Н. – от ГОКа
5. Соцков Н.М. – от Горсовета
6. Семенов Н.М. – от ГВК
7. Мальцев С.С. – от КРС
8. Чудинов А.Н. – от Уралспецстрой
9. Кадачиков С.В. – от сантехмонтажа

В апреле 1969 состоялась городская учредительная конференция, избравшая комитет ветеранов войны, куда вошли все члены оргкомитета, а также:

10. Будилов А.В. – майор ГОК
11. Золотых Г.Д. – ЖБК
12. Звягин В.В. – л-т ГОК
13. Корюков В.И. – п/п шк. № 1
14. Литвиненко Н.Ф. – ст. м/с КРС
15. Новиков К.Н. – капитан шк. № 4
16. Подчиненов Г.Н. – майор ГПТУ – 87
17. Юмин К.С. – капитан Горсовет.

В работе комитета и ветеранских организациях принимали участие:

Братчиков К.Г.	Зильберов З.С.	Алексеев П.Н.
Засоба П.Т.	Дерябин К.К.	Тикунов А.Г.
Отрепьев В.Г.	Екимов С.Г.	Якушев И.И.
Овечкин В.Е.	Стяжкин П.И.	Филистеев Н.И.
Томашев А.С.	Безденежных А.В.	Мотузов И.Е.
Смирнов В.В.	Питателев С. И.	Головцев Ф.Д.
Хоруженко В.Е.	Пьянков А.Е.	Овечкин В.
Шадрин А.А.	Москвичев В.С.	Пименова М.И.
Прядильщиков А.А.	Попов В.А.	Мелехин Н.И.
Смирнов Д.А.	Ведерников Ф.В.	Литвиненко Н.Ф.
Попов И.Н.	Мамонтов А.В.	Соколова Г.А.

За три десятка лет работы комитета многие ветераны честно и добросовестно исполняли общественное поручение.

– все не опишешь! Всем им сердечная благодарность. Многие ушли из жизни.

– пусть земля им будет пухом и память наших сердец. Друзья-фронтовики не умирают, они только перестают быть рядом (почтить вставанием).

В этом году наша городская ветеранская организация отмечает 32-летие. Можно с удовлетворением сказать, что ею накоплен большой опыт разносторонней деятельности, она по праву пользуется уважением и авторитетом в городе. Ветераны верны главным боевым традициям,

любви и преданности служению Отечеству, крепости духа, стойкости, мужеству и умению преодолеть невзгоды. Являясь носителем идеалов патриотизма и верности долгу, наш комитет ведет большую пропагандистскую работу по увековечению подвига валериановцев, уральцев, ветеранов ВОВ.

Ветераны войны – это солдаты и командиры, которые 1418 дней и ночей под знойным небом и в жгучий мороз отважно, не щадя своего здоровья и жизни бились с ненавистным врагом и в жестоких боях отстаивали честь и независимость нашей Родины, освободили многие народы от фашистского ига.

К великому сожалению наши шеренги с каждым годом редуют. Дают знать о себе раны и контузии, полученные на фронте, непростая жизнь в послевоенное время, фронтовиков морально угнетает нынешнее время и неразбериха в стране.

На 01.05.1970 г. в городе участников Отечественной войны было 1317 человек, на сегодня – 224 человека. Это они, седая гвардия, порой опираясь на трости, по первому зову, а нередко по своей инициативе идут в школы, лицеи, подростковые клубы, чтобы поделиться своими фронтовыми воспоминаниями, рассказать о боевом пути своего полка, о подвигах однополчан, призвать молодежь свято хранить и приумножать боевые и трудовые традиции старшего поколения, готовиться к защите Родины.

Да и в школах – лицеях в Дни воинской славы не обходятся без деятельного участия фронтовиков. Уроки мужества, диалоги с учащимися в школьных музеях, участие в военно-спортивных играх, состязаниях и др. мероприятия.

В начале 90-х годов, после известных изменений государственной и политической власти в стране претерпели изменения и ветеранское движение.

Состоявшаяся городская отчетно-выборная конференция ветеранов войны, труда, ВС и правоохранительных органов в апреле 1992 года избрала комиссию по военно-патриотическому воспитанию. Таким образом, комитет был реорганизован в комиссию, через полгода президиум городского совета избрал секцию ветеранов войны в составе 19 человек. В ноябре – 98 года городская конференция называет нашу секцию – военной комиссией городского совета ветеранов.

В апреле 2001 года состоялся объединенный пленум обл. комитета ветеранов войны и военной службы по объединению с другой областной общественной организацией "Союзом офицеров" что и было рекомендовано районам и городам.

В июне этого года (во исполнение этого объединения) состоялось объединение ветеранов войны 227 человек и ветеранов военной службы (пенсионеров) 30 человек в городской комитет ветеранов войны и военной службы.

– Укрепляют единство ветеранского движения, повышают эффективность и результативность работы, осуществляют защиту прав и льгот ветеранов, заботясь чтобы ветераны получали льготы, предусмотренные законом “О ветеранах”, В меру своих сил и возможностей, опираясь на поддержку администрации города, руководителей предприятий, АО, активно, привлекая также различных спонсоров, оказывают адресную помощь нуждающимся.

– Окружают своим вниманием больных и одиноких. Примером может служить ветеранская организация ГОКа, где инициативно и плодотворно работает Совет ветеранов – предс. Кадачиков С.В. и председатель ветеранской организации Яппаров К.Х.

– Ушла в историю Великая Отечественная война, но навсегда в сердцах фронтовиков осталось рожденное ею чувство единства.

Именно оно ежегодно 09.05. и в другие дни наших торжеств созывает ветеранов к солдатскому мемориалу и Памятному знаку в городской парк.

Мы склоняем головы у памятников павшим, оставляем цветы, бережно храним альбомы, навещаем родные могилы, и зажигаем свечи в храме, – чтобы жила душа, торжествовали в ней мир и добродетель. И останутся уроки истории. Для школьников, политиков – для всех. А значит, не уйдет в прошлое глубокое и верное ощущение чувства долга, самоотверженности, бескорыстия, любви к Родине.

Наше фронтовое поколение передает эстафету патриотизма веку грядущему, которому даем наказ: помните!

Дорогие участники Великой Отечественной войны!

Уважаемые вдовы погибших и умерших после войны!

Уважаемые дети войны!

Сегодняшние школьники, молодежь!

Примите, пожалуйста, от нас ветеранов поздравлением с Юбилеем Российской Общественной организации и пожелания счастья, успехов и долголетия.

Из доклада С.Г. Екимова

председателя Качканарского городского комитета ветеранов и военной службы.

ВОСПОМИНАНИЯ БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА ОБЕРЮХТИНА

Каждый раз, когда мы встречаемся в профилактории "Зеленый мыс", мне удается растормозить Бориса, что-то новое узнать из его военных воспоминаний. Так было в 1984 году, когда появился первый рассказ в "Качканарке" "ЛОЖНАЯ ПОЗИЦИЯ", а вот в 1995 году, второй – "ПОД ГУСЕНИЦАМИ ТАНКА". А сколько стоило сил его растормозить. У него, как и у меня, глаукома, не дает работать с бумагами. Но мы с ним старые друзья, с горем пополам через большие промежутки времени появляются эти воспоминания.

"ЭТО БЫЛО ПОД МИНСКОМ" – последнее воспоминание 2000 года.

Последние события его третьего рассказа мне близки. Наша часть воевала в тех местах. Все это: "Бобруйский котел", "Минский котел" – досталось в тяжелых боях. В результате операции "Багратион" в Белоруссии, под Минском, была окружена и разгромлена крупная группировка немцев в количестве 105 тысяч. Под Бобруйском попало в окружение шесть дивизий 9-й вражеской армии. Несколько вражеских войск численностью 5000 человек вырвались под Бобруйском, но были разгромлены и рассеяны. Отголоски тех боев звучат в рассказе. Разрозненные части, группы, разбитые на поле боя, бродили в тех местах в поисках выхода, "как голодные волки", – пишет Борис. Есть-то надо ежедневно. Приходилось все добывать самим. Ведь это был партизанский край, и его отстаивали, а здесь ненавистный враг, принесший лишения и невзгоды. Из рассказа Оберюхтина ясно, что прошло больше двух месяцев, но разрозненные группы немцев еще бродили по лесам и болотам Белоруссии, создавали нервную обстановку. Окружение и ликвидация вражеских войск в районе г. Минска сыграла большую роль в Великой Отечественной войне. В этих боях принимала участие и наша КМГ (конно-механизированная группа) генерала Плиева на внешнем обводе окруженной группировки. А в Москве по просторным улицам советские конвоиры провели 57 600 пленных фашистских солдат и офицеров. Они шли, понутив головы...

Рассказ "ЭТО БЫЛО ПОД МИНСКОМ" – это еще одна страница истории Великой Отечественной войны.

Это было под Минском

Выписали меня из госпиталя после контузии под г. Молодежным. Там наша минометная батарея попала под бомбежку немецких самолетов. В госпитале пролежал полтора месяца, а оттуда направили на пересыльный пункт в разбитый г. Минск. На пересылку ребята поступали из госпиталей, и большинство партизан, которые после освобождения Белоруссии оказались не у дел. Набрали группу около роты и направили на формирование нового полка, который находился в километрах 25 от г. Минска около деревни Волнушки. Кругом сосновый лес. Сначала соорудили шалаши из лапника, где и жили первые дни. Стали строить землянки с нарами. Хорошо, что было тепло на дворе, а было это в начале сентября 1944 года. И каждый день прибывали к нам бойцы, и они тоже делали для себя землянки. Землянки строились по порядку и по линейке, и через месяц работ выстроился целый полк в сосновом лесу. Бревна таскали на своем горбу, на расстоянии полкилометра. Инструмент весь был немецкий. В этом месте была разгромлена большая немецкая группировка, которая попала в котел - большое окружение. Здесь можно было найти все, что захочешь; винтовки, гранаты, патроны, кухни, повозки, разбитые машины и все необходимое, ну и конечно немецкие трупы, особенно их, было много по тракту МИНСК - БОБРУЙСК. Их почему-то никто не хоронил. Они все почернели.

...Как-то мы очередной раз пошли за бревнами, и с нами пошел старший сержант-фронтовик (тоже прибыл в часть с госпиталя). Он командовал отделением бойцов. Дошли до места и сели покурить, а я направился справить нужду, сел за кусты в метрах тридцати. Уселся, а сам наблюдаю за ними. Смотрю, один боец склонился и подымает немецкую гранату. Сержант сразу взял ее у солдата. Было очень много случаев, когда даже опытные военнослужащие подрывались на минах, разбирая их гранаты. Видя, что граната в руках сержанта, он стал объяснять бойцам, как пользоваться ей. У меня екнуло сердце. А вдруг он бросит гранату в мою сторону. Но они сидели спиной ко мне, так что не должен бросать в мою сторону, но на всякий случай я решил подстраховаться. Смотрю, где поглубже ямка около меня. Сержант подымается с бревна, на котором сидел и, объясняя солдатам, отворачивает деревянную ручку гранаты, выдергивает чеку... и поворачивается в мою сторону, бросает... Я, не вставая на ноги, распластался в ямке, граната пролетела через меня и взорвалась. Осколки чудом не заделали меня. «Ну,- думаю я, как только очухался, - попугаю вас, лег на спину и громко застонал. Они услышали стон и ко мне. Давай меня тормошить: «Куда ранило?» Я продолжаю стонать, они давай меня раздевать, а я тут не выдержал, сорвался и громко захохотал. Сержант весь бледный, сел на пенек, зажал голову руками и говорит: "Если бы ты погиб, я бы тут же застрелился". И попросил всех нас, ни

слова в частной беседе не рассказывать об этом случае. После этого он со мной очень подружился. В полку нам объяснили, что будем изучать новый миномет. Привезли плакаты с его изображением. Он стоит на двух колесах и заряжается не сверху в трубу, а с казенника, как у пушки. По плакату мы изучили материальную часть, а минометы все не прибывают. И вот вместо минометов к нам стали прибывать новенькие 76 мм пушки. Нам объяснили, что мы будем называться отдельным противотанковым полком. Минометы не прошли испытания, их забраковали. В нашей роте остался один взвод, остальные распределили по батареям. В запасном, в Чебаркуле, я изучал пушку в 3-м артполку и просился в батарею, но мне отказали. Дескать, ты очень заикаешься после контузии, а тут надо четко и быстро повторять команду при стрельбе. И сделали наш взвод управлением полка: радистами, связистами и коммутаторщиками. Меня назначили связистом, исправлять порывы телефонного кабеля. (Забегая вперед, скажу, что судьба меня на фронте изменила. На Сандомирском плацдарме я был уже в батарее вторым номером и мог заменять все номера на орудии, пока снова не получил в другой раз контузию). Начались новые занятия по связи. Как-то наш командир младший лейтенант повел нас учить ходить по азимуту. Взял карту местности и компас. Зашли мы в поле, и он стал нам объяснять, как пользоваться компасом и ходить по азимуту. Положил карту, на нее поставил компас и говорит:

- Вот такая-то деревня должна быть в этой стороне. Показывает, где она должна быть, а я посмотрел туда и думаю:

"Как так, ведь деревня несколько градусов левее, за леском, и дорога идет к ней".

Мне бы, дураку, промолчать, а я высунулся:

- Товарищ младший лейтенант, деревня левее, вот за этим леском, мы вчера со старшиной ездили в эту деревню за соломой (на постилку на нары вместо матрасов - лучше не надо; на одну полу шинели ляжешь, а другой укроешься, а в изголовье вещевого мешок и вот вся постель). Ребята, как обычно, засмеялись. Младший лейтенант еще был молодой, только прибыл с училища, на фронте еще не бывал. Да и, чуваш по национальности, он плохо говорил по-русски. Часто коверкал русские слова. Лейтенант весь покраснел и не знает, что сказать. Весь красный, потом выпалил:

- За пререкания с командиром двое суток губы!

- Слушаюсь.

А помещения под "губу" еще не было, был просто шалаш из веток, вот и вся губа. На ночь губа, а днем занятия. Вечером после проверки повели меня на "губу", а часовой из нашего взвода. После "отбоя" пошел сильный дождь и вскоре мой шалаш стал протекать все сильнее и сильнее. Но я ладно - арестованный, а часовой стоит под сосной, за что

мокнет? Его никто не меняет, а время уж за полночь. А дождь все моросит. Я говорю часовому:

– Сходи в землянку, разбуди старшего сержанта, (друга моего по несчастью) объясни ему все, а то мы с тобой до утра не дотянем, очокуримся. Я. никуда не убегу, да и некуда бежать. Часовой помялся, помялся. Говорит:

– Устав нарушаем, может нагореть!

Но не вытерпел, пошел к землянке. Минут через 30 приходит:

– Пошли, старший сержант зовет.

Пришли. Старший сержант говорит:

– Ложитесь на нары, а утром дневальный разбудит и на место, откуда пришли.

Мы так и сделали. Утром после подъема к шалашу подошел сержант:

– Идите строиться на завтрак и на занятия.

Я подумал, что еще одну ночь надо отсиживать, но никто после отбоя не заикнулся. "Пронесло", – думаю.

Пакет

Как-то в середине ноября 1944 г. после отбоя, я только заснул на нарах, кто-то тянет меня за ногу. Я соскакиваю. Передо мной младший лейтенант:

– Оберюхтин, одевайся, нужно доставить пакет в штаб бригады.

А на дворе темень, ветер, дождь со снегом. Вот, думаю, попал я. Не знал даже, что мы относимся к какой-то бригаде. Все говорили отдельный противотанковый полк "п./п. 43-б"

– Где этот штаб бригады? - спрашиваю лейтенанта.

А он:

– Найдешь, ты же по азимуту хорошо ходишь, прояви солдатскую находчивость.

Я тут подумал, что он держит на меня злобу за азимут. Младший лейтенант приказывает:

– Бери свой карабин, подсумки с патронами.

Старшина принес мне две гранаты Ф-1 и два запала на всякий случай. Немцы недобитые все еще бродили по лесам и нападали на деревни в поисках пищи. Вышли мы с лейтенантом из землянки. Темень, хоть глаз выколи, ветер, дождь со снегом.

– Ну, куда мне сейчас пойти на ночь: на север, юг, запад или восток?

– Куда хочешь!

Тут я не выдержал и с матюка:

– Да ты мне хоть деревню скажи, где этот штаб находится.

И тот видно меня пожалел. Он вышел из землянки раздетым, дрожит от холода:

– Деревня называется Опята или Опенки.

– Ну, спасибо тебе на этом, - говорю я.

Он ушел в землянку, а я побрел в лес, где ветер не так пронизывает. Встал под большой сосной и думаю, куда пойти, где эта деревня Опенки чертовье. У самого слезы катятся, а в лесу от ветра все шумит, скрипит, дождь со снегом, шинель стала намокать. Зарядил карабин, в одну гранату вставил запал и положил ее в правый карман. Покурил в рукав, чтобы огонька не было видно, и думаю, чего я раскис. Ведь я еще был пацаном лет двенадцати, когда отец таскал меня в лес по ночам на глухариную и косачиную охоту, но, правда, в не такую погоду. Сразу как-то успокоился. Теперь надо "котелком думать" ладом. От нашего расположения, я отошел километра два по тракту Минск-Бобруйск. Шел к деревушке Волнушка, но ее немцы сожгли, и только одни трубы остались, а жители жили в ямах и подпольях, где хранились овощи, за рекой. На извилине реки остались целыми несколько домиков. Уже за полночь я направился в эту деревню, подошел к ней. Темнота, ветер, дождь со снегом. Ничего не видно. И никого нельзя спросить про эту проклятую деревню "Опята". Постоял, покурил в рукав, что делать? Как будить жителей в ямах, выхода никакого нет. И вдруг, сверкнул огонек за рекой и погас. Значит, кто-то есть, еще не спит. Заметил это место, где был огонек. Нашел переход через реку из 3-х жердей. Они уже обледенелые, скользко, хорошо еще перила были. Перешел. Направился туда, где я заметил, огонек моргнул. Попалась тропинка в эту сторону между огородами. Дошел до домиков. А около самой речки стояла баня. А в щелку маленького окошечка чуть-чуть проглядывал свет. Я подкрался к окошку, слышу тихие женские голоса. Думаю, моются. Вдруг открывается дверь, выходит женщина с ведром за водой к речке. Дверь не закрыла, а оттуда лучик света, вот, думаю, этот лучик я заметил на той стороне реки метрах в 500. Заглянул в двери бани. Две женщины одетые, а третья у реки с ведром. Я тихонько, чтобы не напугать:

– Здравствуйте!

Мамаши как завизжали, заохали. Я их успокаиваю:

– Да я свой - русский. Солдат. Заблудился, ищу деревню Опята или Опенки.

– Знаем, знаем, такую деревню, - стали успокаиваться помаленьку.

А третья женщина, что с ведром у реки была, услышала визг и убежала. Подруги пошли, еле ее нашли потом. Женщины в бане гнали самогон и стали меня уговаривать, чтоб я их не выдал.

– Да, что вы, мамаши! Ни в каком случае.

А они свое:

– Мы на немецком поле накопили буряков, из них гоним самогон.

Еле их успокоил.

– Раздевайся, сынок, обсушись и покушай печенок картофельных. (По-белорусски бульба). Я разделся. Усадили на какой-то ящик из-под немецких снарядов. Достали печенок из-под золы, положили сухарик и дали кружку самогона первача.

– Угощайся, сынок, больше у нас ничего нет.

Я говорю:

– Спасибо, мамыши за угощение, а самогон уберите. Я еще не привык к спиртному.

– Да пригуби, сынок, хоть немного.

И я решил, что надо уважить женщин, да и согреться изнутри - пока шел, весь продрог. Чуть глотнул, он теплым, противным показался. Но тут у меня глаза на лоб полезли. Дыхание сперло. Они видят, что со мной плохо, испугались, по спине колотят, чтобы я продохнул. Еле отошел.

– Ну и напугал ты нас, выпивоха!

Печенок с сухариком поел с удовольствием. Только соли у нас нет, сынок. Да они и без соли хорошо идут...

Рассказали мне дорогу до д. Опенки.

– Перейдешь речку по переходам, подымешься на бугор, и там встретится конная дорога. Машины по ней не ходят. Дорога все лесом, полей не будет попадать, а развилок много. Иди по самой главной, никуда не сворачивай, а то опять заблудишься. Самое главное: не нарвись на немцев. Они здесь по лесам блудят в поисках пищи, как голодные волки.

– Ну ладно, мамыши, надо собираться. Покушал, обсушился и в путь. А сколько километров до Опенок?

– А кто их мерял? У нас называется прямушка до д. Опенок. Если утром пойдем, то к обеду там бываем. Одна женщина, что постарше говорит:

– Сынок, неужели сейчас пойдешь, посмотри на дворе что делается?! Темень, слякоть, ветер. Да ты в темноте сейчас с переходов упадешь. Они обледенели, скользко и дорога тебе незнакомая. Пропадешь. Ночуй у нас, а утречком, как светать будет, мы тебя разбудим, и со спокойной душой при свете пойдешь. Подумал: “А верно она говорит - времени мне никто не указывал, чего я тороплюсь?”

– Остаюсь.

– Вот и правильно, сынок, а то мы за тебя переживать будем. Принесли мне соломы, постелили в углу на полу. Получилась постель. Сходил на двор, разрядил гранату. Шинель подсохла. Одну полу шинели постелил, а другой укрылся. Гранаты под солому и пакет, чтоб бока не давили. Карабин под себя, лямкой руку обмотал, чтобы не вытянули оружие, и заснул спокойно. А бабки своим делом стали заниматься. Самогон они меняли на хлеб в г. Минске, чтобы прокормить своих детей. Утром меня разбудили, еще было темновато, вышел к речке, умылся. Сразу ободрило. Погода установилась; ни ветра, ни дождя, ни снега, подморозило и на душе стало легко. Покормили бабки печенками и на

дорогу дали. Проводили меня до перехода через речку. А переход весь обледенел. Женщины были одеты во все немецкое; немецкие кителя, немецкие сапоги. Я на них смотрю с удивлением.

– Не удивляйся, сынок, что мы так одеты. Супостаты немецкие все у нас забрали, а остальное сожгли вместе с хатами. Вот и ходим во всем немецком. Дети так же одеты и обуты во всем немецком. Ходим по полям боя и собираем, что пригодится в хозяйстве. У нас еще нет власти; ни председателя, ни старосты, да и мужиков-то у нас нет. Одни бабы остались, да дети малолетние. Вот так и живем, кто как может. Никакой помощи ниоткуда нет. Я их уговариваю, что все направится, вот разобьем фашистов, и все будет хорошо, а у самого такая злоба на фашистов. Буду драться с фашистами на фронте, не жалея живота своего.

– Ну, мамыши, до свиданья. Побывал у вас в гостях, как у родной матери.

– С богом, сынок! Одна даже перекрестила меня. Миновал переход, потихоньку забрался на бугор. И точно; дорожка идет, как говорили. Помахал женщинам рукой, они мне тоже помахали, и направился в путь. Направился по дорожке, как будто на охоту. Зарядил гранаты, карабин на плечо, как охотник, стволом вниз, затвор карабина во взведенном состоянии на всякий случай, могу пальнуть, не снимая с плеча ремень, снизу вверх, на ближнем расстоянии не промахнусь, если немец выскочит из-за куста, а там подскажут обстоятельства. (Не зря Бориса учил отец охотничьему ремеслу, и никогда не давал больше 3-4 патронов на охоту, но чтобы всегда приходил с добычей.) Иду по бровке дороги по траве, ни шума, ни следов не остается после меня. А глаза зыряют по сторонам, как на охоте. На душе хорошо. Солнышко стало всходить. Лес, все более сосновый. Просматривается хорошо, далеко. Стали попадать развилки, то вправо, то влево, но я исполняю наказ женщин, иду по главной дороге. Что характерно, в лесу тишина, ни писка птиц, ни стука дятла – все вымерло. Война дала о себе знать в этих местах. Прошло уже три часа, как я иду, а никто не попадает на дороге; ни пеший, ни конный. Как будто в мире ничего живого не осталось. Солнце высоко поднялось, наверное, уже обед. В желудке засосало. Вспомнил о печенках картофельных в кармане, но решил; пока до места не дойду, притрагиваться к еде не буду. И вскоре стал просматриваться большой просвет, и в конце его появляется деревня. Только вышел из леса, окрик:

– Стой! Подходят два патрульных:

– Куда идешь?

– В штаб бригады.

– Курить есть?

– Есть, - дал закурить им, карабин на предохранитель ставлю.

– Что, раньше немцев боялся? - спрашивает один.

– На всякий случай.

– Правильно делаешь, хотя им с тебя взять нечего. Им харчи нужны, а ты сам, наверное, голодный, – улыбается.

– Отведи его в штаб, – говорит один другому. Штаб находился в школе, в центре деревни. На крыльце часовой. Пропустил он нас. Патруль с сопровождающим показал мне куда заходить. Я стал прихорашиваться, думал, что там сидит генерал. Рапорт ему отдать и пакет. Открываю дверь и удивился: сидит девчонка за коммутатором, еще несколько телефонов в передней.

– Я сюда попал? – спрашиваю ее.

– Сюда, сюда. Ты с пакетом?

– Да.

– Мы тебя давно ждем.

– Да плутал всю ночь, – отвечаю ей. – Еле нашел вас. Передал ей пакет в сохранности.

– Можешь быть свободным.

– И все?

– Все, – ответила она с улыбкой. Вышел я в коридор, на дорожку закуриваю, а за дверью слышно зуммерит телефон.

– Да слушаю, – доносится до меня.

– Да был, вот сию минуту. Передал. Отправила обратно. А, думаю, беспокоятся обо мне в части. Вышел на улицу и направился по знакомой дорожке в лес в обратный путь. Патрули помахали мне вслед.

– Ни пуха, ни пера!

– Спасибо, – отвечаю им. Прошел километр, сел на пенек, достал печенки. Подзаправился. И дальше пошел без всяких приключений. Уже в темноте поравнялся с той спасительной банькой на той стороне реки. Но там никакого огонька уже не было. Темнота, тишина. Как будто все вымерло. За всю прошедшую дорогу не встретил ни одного живого существа, даже какой-нибудь пташки. Вот как прокатилась война! К расположению нашей землянки я подошел, когда шла вечерняя проверка. Шла перекличка. Я встал за угол землянки, в темноте меня никто не заметил. Стою, не знаю, встать в строй или докладывать командиру. Выкликают мою фамилию:

– Оберюхтин!

Я выхожу из-за угла землянки, и весь строй оглянулся в мою сторону с удивлением. Прошел какой-то ропот в строю.

– Встать в строй, а потом доложить, – говорит дежурный. Ну, я так и сделал. Стал в строй на свое место. Прошла проверка.

– Оберюхтин, выйти из строя и доложить, как положено.

Я сделал три шага из строя и доложил:

– Задание выполнено.

– Объявляю благодарность за выполнение задания.

– Служу Советскому Союзу! Послышалась команда:

– Разойтись! – и вся братва окружила меня, тилискают, похлопывают меня.

– Рассказывай, как ты добрался до штаба бригады?

– Ну, как, как? Долго блудил, а потом охотничье чутье подсказало, я ведь уральский охотник.

– А мы за тебя переживали. С тех пор, пока я был в этой части, т.е. до второй контузии, меня уже по фамилии не называли, дали кличку “уральский охотник”. Подошел к нам младший лейтенант и говорит:

– Ребята, дайте ему покушать, ведь он голодный, а потом расспрашивайте. Зашел в землянку, дневальный говорит:

– Зайди к старшине в каптерку, там, в котелках твои завтрак, обед и ужин. Зашел к старшине, сначала сдал ему гранаты с запалами, а карабин поставил в пирамиду.

– Ну, как, не понадобилось оружие?

– Нет.

– Ну, слава богу. Давай рубай, это все твое. Перед отбоем подошел ко мне младший лейтенант говорит:

– Ну что, охотник, пойдём, покурим на лавочку около землянки. Закурили.

– Ты на меня не обижайся, меня вызвал командир полка и приказал доставить пакет в штаб бригады немедленно. Я долго думал, кого послать. Выбор пал на тебя, ты же на фронте бывал, ну и, тем более, ты уралец и надежды больше на тебя. Я ведь из-за тебя почти ночь не спал, переживал.

– Я на тебя не обижаюсь, младший лейтенант. Но обидно было, что ты приказным тоном выгнал меня из землянки, как собаку, не посоветовав, как добраться до штаба бригады. Спасибо, что назвал деревню, где находится штаб. А то бы я все бродил по лесу. Ни одной души не попало мне во всем пути. Даже спросить не у кого, видно бог помог.

– Не обижайся, я, и сам не знаю, где этот штаб. Когда после обеда позвонили с коммутатора, что ты дошел до места и передал пакет, у меня отлегло от сердца. Слава богу, обратно доберешься до части, если на немцев не напорешься. Ну ладно, закурили, все обошлось путем, пойдём спать.

– Ничего, лейтенант, это цветочки, а ягодки будут, когда попадем на фронт, – “толи еще будет”. После всего этого он стал ко мне относиться как к хорошему другу. Но перед отправкой на фронт его перевели в батарейные подразделения полка, а нам дали старшего лейтенанта.

На фронт

18 ноября 1944 года в день Артиллерии наши пушкеры съездили на студебеккерах с пушками в г. Минск и дали там салют в честь праздника. А через два дня нас отправили на 1-й Украинский фронт на Сандомирский плацдарм. С младшим лейтенантом мы случайно встретились там еще до наступления. Я бежал с катушкой и аппаратом по линии связи на обрыв, не глядя по сторонам. Слышу: - Охотник! Борис Оберюхтин! Подбегает ко мне младший лейтенант, и мы с ним обнялись, довольные, улыбаемся друг другу, как старые друзья. А что говорили, я уже не помню, но я торопился на обрыв связи, но последними нашими словами были: - Останемся живы, встретимся. Я так и не знаю его судьбу. Домашних адресов мы раньше не брали. Но меня удивило, что раньше он всегда ходил чистым, подтянутым, воротничок всегда белый, сапоги надраены до блеска, а тут кирзачи в глине, шинель в грязи, лицо осунулось, голос хрипит. Не узнал я младшего лейтенанта...

Продолжение следует.....

Три дня в пехоте

Его призвали в армию в январе 1943 года. Было ему в ту пору 17 лет. После трехмесячной учебы зачислили в Свердловский автотракторный полк. Там он повстречался с отцом, который получил назначение в танковый корпус. Встреча эта была последней. Отец погиб в боях за Берлин в конце войны.

С Урала Оберюхтин был направлен на Белорусский фронт. В составе артиллерийского расчета в боях за Белоруссию освобождал г. Минск, где его контузило. Непродолжительное лечение в госпитале в г. Гомеле. Из госпиталя попал в партизанский край Белоруссии, где формировались воинские части из бывших партизан. Обучались три месяца. Потом их перебросили на Сандомирский плацдарм, где отбивали многочисленные контратаки немецких войск, пытавшихся выбить советские войска с плацдарма. В одной из контратак фашистов Борис снова получил контузию. Лечился в трех госпиталях Польши и Белоруссии. Оттуда весной 1945 года попал в пехоту, о боях которой пойдет рассказ в воспоминаниях Оберюхтина

Попал он в 61-ю армию генерала П. А. Белова, которая прошла с боями от г. Мозыря по реке Припять через города Минск и Брест. Сражались за Варшаву вместе с 47-й армией, которая наступала с севера, а 61-я – с юга. И прошла с боями по германской территории. Форсировала р. Одер в районе г. Штеттина и наступала на г. Гамбург, где и соединилась с войсками союзников.

Борис Оберюхтин попал в пехоту тогда, когда она отражала наступление немцев со стороны Померании. Эти самые трудные бои в пехоте запомнились Борису на всю жизнь. Всего три дня он провел там, но они наложили тяжелый отпечаток на всю оставшуюся жизнь. Описанные воспоминания были опубликованы мною в городских газетах. Встретил День Победы Оберюхтин в госпитале, а в июле его комиссовали. Приехал в родной Валериановск. Работал в геологоразведочной партии на Гусевогорском месторождении, потом на Главном карьере Качканарского горно-обогатительного комбината.

Ложная позиция

Заканчивая альбом ветеранов войны Главного карьера, я решил дополнить его воспоминаниями фронтовиков. Обратился к товарищам с просьбой восстановить некоторые события.

...Я страстный рыболлов и охотник. Вот когда иду мыть малинку для рыбалки, то почти всегда вспоминаю о боях в Германии. Дело в том, что в боях весной 1945 года нам пришлось наступать по сточной, вонючей канаве. Только подхожу к месту добычи малинки, и этот боевой эпизод приходит сразу в голову.

Вот что рассказал мне Борис Александрович Оберюхтин, бывший машинист экскаватора, передовик производства, ныне пенсионер:

«Это было в конце войны. Из госпиталя, где я лечился после контузии, полученной на Сандомирском плацдарме, прибыл на Белорусский фронт в 369 стрелковый полк 61 армии.

Часть, в которую я попал, после тяжелых боев в Польше вступила на землю Германии. Гитлеровцы, отступая, старались яростными контратаками задержать наше продвижение. Непрерывные бомбежки, артиллерийские и минометные налеты – все заставляло нас напрягать наши усилия. Особенно жестокие бои шли ночами. И эти бои очень изматывали нас.

Командование части решило создать ложную оборону. Нам было приказано днем, на виду у противника продвинуться на небольшую возвышенность, где находилось старинное немецкое кладбище с несколькими домиками, и окопаться.

До кладбища надо преодолеть расстояние около километра. Местность открытая, простреливаемая. Но приказ есть приказ. На наше счастье со стороны кладбища проходила небольшая канава до метра глубиной, наполовину заполненная канализационными отходами. В полный рост по ней не пройти – надо ползти. Вот мы по одному поползли вперед. Первым пополз мой друг, командир отделения Саша (фамилию позабыл). За ним я и вся рота. Мы нагрузились боеприпасами, взяли

столько, сколько могли нести, так как нам предстоял очень тяжелый бой на сближение с противником. Оружие обернули тряпками и брезентом, чтобы в него не попала грязь, и оно не подвело нас в бою.

Неприятная это была процедура – двигаться по канаве. Грязь лезла везде: в рукава, брюки, за шиворот. Некоторые не выдерживали, приподнимали головы над канавой и даже выскакивали из нее. Наблюдатели заметили нас и открыли ураганный огонь из минометов и пулеметов. Пришлось невыдержавшим снова лезть в канаву. Пули в канаве нас не доставали, только свистели поверху, но мины находили нас и в этом укрытии. Появились убитые, плохо приходилось тяжелораненым.

Наши батареи открыли ответный огонь. Перестрелка между артиллеристами уменьшила наши потери.

Более часа мы преодолевали расстояние до кладбища. Этот час показался нам вечностью. До цели, где стояли три полуразрушенных дома, оставалось метров семьдесят. Мы с Сашей переговорили и, поддерживая огнем друг друга, зигзагами рванули к домам. Саша первым выскочил из канавы, я за ним. Под сильным огнем противника как зайцы заметались в разные стороны, то упадем, то снова сделаем бросок. И вот наше спасение – вспрыгнули на подоконник. Я сразу же забежал за печь, а Саша что-то замешкался, видимо, хотел оценить обстановку. И в это время под окном разорвалась мина. Осколки полетели в проем окна и тяжело ранили командира отделения. Крупный осколок угодил ему в спину...

Я бросился помогать другу. Порвал на нем гимнастерку для перевязки, но пакеты оказались грязными. Сорвал с себя нательную рубашу, но и она была грязной. Выбрал пакет почище и наложил на рану повязку, затянул рубашой.

Саша был в сознании, но сильно стонал. Когда приползла рота, он уже скончался. Ротный погиб. Его заменил командир первого взвода. Минут двадцать мы приводили себя в порядок, готовили оружие к бою.

Под прикрытием домов, по оставленным траншеям добирались мы до цели. Противник ослабил огонь. Взводный поставил нам задачу: занять оборону. Мы стали окапываться. Только углубились в землю, показался гроб. На войне мы насмотрелись на мертвых, но тут опешили. Стали копать рядом – такая же история: гнилые доски, черепа, кости.

В это время гитлеровцы открыли по нам ураганный огонь. Они заметили нашу возню. Нас как ветром сдуло в окоп: давай выбрасывать гнилые доски, кости, черепа, чтобы самим укрыться от огня противника.

Противник прекратил обстрел. Мы стали быстрее рыть окопы. Установили пулемет, замаскировали его, вырыли что-то вроде штольни, чтобы можно было прятаться от прямого попадания мины. Приполз взводный, проверил, как мы окопались, проверил пулемет. Но тут фашисты открыли сильный огонь. От мраморных памятников только куски полетели, кругом вздыбились земляные столбы. Грохот неумолкаемый.

Пулемет я быстро сдернул в окоп, а сам по норам: я под дуб, взводный на меня, а помощник под гроб, который выставлялся из стенки окопа.

Вдруг что-то тяжелое упало на наш окоп. Ну, думаем, снаряд. Ждем взрыва, а сердца в пятках... Но взрыва нет. Постепенно утихает огонь, мы вылезаем из нашей норы-штольни: оказывается, наш окоп перекрыл срезанный снарядом дуб.

Хорошо, что пулемет я положил в окоп, иначе его раздавило бы. Ищем второго номера. Гроб, под которым лежал мой товарищ, обвалился. Одни ноги торчат из-под гроба и скребут землю. Мы с лейтенантом быстро откапываем еле живого товарища. Еще немного и он мог бы задохнуться. Потрясли бойца, дали попить из фляги. Парень ожил и заплакал...

Быстро поправили пулеметное гнездо, думали, что гитлеровцы пойдут в атаку. Обошлось. Так мы и сидели до темноты.

Ночью получили приказ отойти на старые позиции. От роты осталось меньше половины. Среди ночи противник открыл огонь по кладбищу, по оставленным нами позициям.

Около часа гитлеровцы вели обстрел по пустому месту, затем пошли в атаку.

Наше командование сделало перегруппировку, и атакующие фашисты оказались в мешке. Вот тут мы отвели свою злость за пережитые минуты, за потерянных своих товарищей, за ротного. Почти ни один фашист не вышел из устроенного им ада.

Так прошли одни сутки – 16 марта 1945 года. А утром 17 марта после пополнения людьми, после сильной артподготовки мы пошли в наступление. До победы оставалось немного времени.

Ночью в секрете

Днем немцы вели по нашим позициям ураганный огонь. Нервы у нас были натянуты так, что тронь — и порвутся, и нет тебя. Порой мы уже не понимали, где находимся: то ли уже на том свете, то ли еще на подходах к нему. После такого "веселого" дня всем хотелось одного: спать и спать. Но мне с моим вторым номером не повезло: вместо отдыха нас послали в секрет на нейтральную полосу, совсем рядом с немецкими позициями.

Вырыли мы окоп для пулеметного гнезда. Ночь, тьма кромешная... Обстрел прекратился. Спать хочется – спасу нет! Вот и решили мы с напарником соснуть по переменке часика по четыре. Знаю: по уставу в секрете спать не положено. Но устав уставом, а в жизни бывает всякое.

Напарник мой – старичок лет шестидесяти, родом с Западной Белоруссии. Когда их наши войска освободили, его и забрали в армию.

Зрение у него слабое, глуховат, к тому же необученный, но не молодой, серьезный, думаю: не подведет. Сказал я ему, чтоб через четыре часа меня разбудил, и прикорнул в окопе. И снится мне сон. Будто иду я по проселочной дорожке, и вдруг на меня набрасывается кошка. Глаза выпучила, шипит... Я ее пинаю, а она снова и снова бросается. Ухватила за правую руку возле локтя, и никак я ее оторвать от себя не могу. Вот отбиваюсь я от этой проклятой кошки и вдруг я получаю сильный удар по голове.

Спросонья ничего понять не могу. А это, оказывается, приполз проверить наш секрет ординарец командира роты. Старичок же мой, что должен был на посту стоять, тоже заснул. Вот ординарец пистолетом по голове и разбудил меня... Ну и досталось же нам! Пригрозил он утром сдать нас в трибунал, потом приказал: "Пока сидите тут. Через полчаса еще раз проверю". И уполз обратно.

Тут уж я на своего напарника набросился. "Ты же меня и себя подвел!" – говорю. А он крестится и отвечает: "Прости, Боря, сам не заметил, как заснул".

"Ну, – думаю, – хоть ругайся, хоть нет, все равно проштрафились. После драки кулаками не машут. Надо готовиться к самому худшему: если не расстрел, то штрафная рота нам обеспечена".

Рассказал свой сон напарнику. А он в ответ – свой. Будто видел он своего отца умершего, и тот звал его к себе.

"И я, – говорит, – согласился к нему пойти. Раньше такие же сны видел и не соглашался. А теперь вот... Значит, сегодня меня убьют".

Расстроил его этот сон здорово. Я пытался успокоить, но без толку.

Часа в 4 утра севернее нас началась артиллерийская канонада. А у нас тишина. Вдруг сзади слышу шорох. Кричу: "Стой, кто идет?". В ответ молчание, но я сразу догадался, что это снова проверяющий, развернул пулемет и дал очередь поверх кустов. Он сразу заорал: "Свои, свои!" – и спрыгнул к нам в окоп. Спрыгнул и говорит: "Ну, ребята, счастлив ваш бог. В трибунал вас не отдадут. В 6 часов идем в наступление. Разведка доложила, что с нашего участка немец отошел. Будем его догонять".

Я-то знал, что такое это "догонять". Немец просто отошел на запасные позиции, и когда мы подойдем поближе, начнет нас расстреливать в упор. Техника, как частенько бывало, отстанет, и нам, пехоте, жарко придется.

В наступлении

В 6.00 пошел наш батальон в наступление. Правда, батальон одно название, хорошо, если с роту наберется, людей маловато. Я впереди с пулеметом, напарник мой следом с дисками. Добежали до немецких окопов – там никого нет. Двинулись дальше. Впереди сосновый лес, весь искореженный взрывами снарядов и мин. Вдруг из-за деревьев выскочил немец, видать снайпер, замешкался, когда свои отходили. Побежал он от нас, пришлось дать очередь из "дегтяря". Здоровенный фриц был...

По лесу пошли шагом. Прошли уже километра три, как начался минометный обстрел. Потом к стрельбе подключилась пушка. До сих пор не пойму, с какой стороны били. Может быть, наши же артиллеристы и минометчики, не зная о том, что немцы отошли, били по нам... Мины рвались в кронах деревьев, не долетая до земли, и на голову нам вместе с осколками летели сучья, верхушки сосен, а то и по полдереву враз. Давай мы быстро окапываться.

А надо сказать, в нашем подразделении большинство солдат были молдаване – в основном, бойцы пожилые, необученные и необстрелянные. Среди них-то и поднялась паника. Рванули они из-под обстрела кучей, как бараны. Ротный кричит: "Назад!", а они как очумели, удирают во все лопатки вспять. Он давай стрелять поверх голов – все равно никакого толку. Он тогда мне кричит: "Бей по ногам из пулемета!" Но как по своим-то бить? Я развернул "дегтярь" и дал длинную строчку поверх голов, прижал беглецов к земле. Тогда ротный выскочил из ячейки – и к ним. Вернул, угощая пистолетом по спине да по голове. К этому времени и минометный обстрел кончился. Жертв у нас, к счастью, не было. Отделались ушибами от сучьев да вершин деревьев.

Пошли дальше. Прошли лесом еще с километр, и перед нами появилась железнодорожная насыпь, протянувшаяся поперек нашего движения. Забрались на нее и залегли. Впереди раскинулся луг, за ним – автострада, идущая параллельно железной дороге, а за ней километрах в полутора-двух видны большие каменные дома с островерхими черепичными крышами – город Альдам. До самого города чистое ровное место, только по обе стороны автотрассы посадки деревьев.

С севера и востока города идет бой. Слышна канонада, сквозь которую доносятся пулеметные и автоматные очереди и солдатское "Ура-а-а", "играет" наша "Катюша". У нас же тишина. И, как я и думал, с нами нет никакой техники – то ли лес помешал подтянуть ее сюда, то ли высокая железнодорожная насыпь.

Начался дождь, мелкий, но такой нудный и густой, что пробирает аж до костей. Все мы промокли до нитки, лежим уже около часа. Ждем команды. Подходит политрук – капитан:

- Ну, что, братцы, будем здесь на насыпи, замерзать или город брать? Смотрите, и без нас возьмут. – И уже строже: – Наша задача

ворваться в город с южной стороны. На северной и восточной окраинах идет бой, только мы отстали. Давайте, не подкачайте. Вперед!

Спускаемся с насыпи и бежим вперед. Быстро согрелись, — поле оказалось топким, сырым, еле ноги вытаскиваем из грязи — март-месяц, ничего не поделаешь. Пробежали уже половину поля. Из домов, что впереди, никто не стреляет. Но предчувствие подсказывает, что это неспроста, скоро нам устроят горячую встречу. Думаем, хоть бы до автотрассы дойти — там место посуше и за дорогу можно спрятаться.

Вот уже до дороги осталось меньше 100 метров. Поперек нашего пути протянулась канава с водой, грунт из нее выброшен на нашу сторону. Слева, метрах в 50 от нас, скирда соломы. Вот мы уже подбежали к канаве — и тут началось! Снаряды, мины, пули вжали нас в землю. Благо, насыпь у канавы еще спасает от пуль. А снаряд ударит в раскисшую землю, зароется в мягкий грунт и взрывается с каким-то глухим утробным звуком, закидывая всех жидкой грязью. Через минуту мы уже стали похожи на чертей — грязные, мокрые...

Вдруг огонь по нам прекратился. Немцы перенесли его на НП нашего батальона — видно, заметили там скопление начальства. А мы лежим в воде, сверху мелкий дождь льет. Не подняться, не окопаться — срежут. Завидуем тем, кто в направлении скирды наступал. (Потом, оказалось, зря завидовали: снаряд прямо в эту скирду угодил, и она разом вспыхнула; не знаю, остался ли там хоть кто-то в живых). А мы замерзаем, вода, кажется, до костей уже проникла. И ни связи, ни одного офицера нет, только сержантик. Мы на него: давай, мол, решай, что нам делать; ты у нас самый старший начальник. Он чуть не плачет: "Ну, какой, — говорит, — я вам начальник". В конце концов, решаем сами наступать короткими перебежками к автодороге. Все-таки она поднята на полметра над водой.

Первым слева в цепи лежал бывший военнопленный. Перед тем, как снова встать в строй, он прошел проверку в особом отделе. Частенько говаривал, что прошел все мытарства и невзгоды, в плену не погиб, так неужели, мол, на фронте погибну? Ему первому делать перебежку. Открыли мы огонь по окнам домов, он вскочил на ноги, перепрыгнул канаву, пробежал обстреливаемый отрезок и распластался под дорогой. Теперь моя очередь. Товарищи торопят: давай, дескать, быстрее. Я говорю: "Ребята, дайте сухарь пожевать". Сам думаю: "Надо хоть немного нервы успокоить". Стал снимать вещмешок, чуть приподнял голову над насыпью — и тотчас же пуля по шапке кирк! Пересекла завязки и шапку на голове развернула, так что одно ухо оказалось над глазами. Тут у меня всякая охота жевать сухарь пропала.

Сон в руку

В это время сзади подползли к нам младший лейтенант и молоденький связист. Появилась связь. Лейтенант рассказал нам, что на НП погибло много наших, убит наш ротный, батальонный. В это время звонок – приказ младшему лейтенанту: “Подымай бойцов! Вперед!”. Он в ответ: “Как начинать бой без артподготовки? Это же верная гибель”. Ему: “Сейчас откроем огонь по домам. К нам прибыло две 76-мм пушки”. И действительно, пушки немного постреляли по окнам домов. Но это была капля в море, только немцев озлили, те давай снова лупить по нам. По телефону опять приказывают: “Лейтенант, поднимайте людей, артподготовка окончена!”. И мы все в голос: “Веди, младший лейтенант, промерзли все до костей!”. А он, видать, боится. “Если, – говорит, – я выскочу, то вы останетесь”. Тогда мы сами решили и дальше продолжать перебежки по одному. Благо, первый уже на месте. И на сухом месте.

Очередь моя. Говорю: “Ребята, бейте по окнам из всего оружия, у кого какое есть! Давай, братва!”

Ребята открыли огонь. Я перескочил через канаву и бросился вперед. А ноги от холода одеревенели, не слушаются. Бегу, как могу, кривляю, словно заяц, чтоб немец не мог меня на прицел взять. А немцы очухались и по мне огонь открыли, да какой! Пули по полам шинели щелкают, вот-вот – и кажут мне. Хотел уже на землю броситься, а передо мной снова лужа. И до сухого-то места осталось всего ничего – метров десять. Дай, думаю, дотяну. В это время сильный удар в правую руку возле локтя. Упал я на левый бок и закрутился по земле волчком. Боль адская! Думал, снарядом руку оторвало. Перевернулся на спину, смотрю: нет, рука на месте, только вся в крови и развернуло ее наоборот. Вот уж верно: сон в руку...

Гибель напарника

Немец ожесточенно лупит по ребятам и по мне. Я весь в грязи. Лежу опять в луже, а до сухого места рукой подать. Кое-как снова перевернулся на левый бок, левой рукой и зубами цепляюсь за прошлогоднюю траву, за землю, стараюсь переползти на это сухое место под автодорогу.

Вдруг передо мной оказывается мой старичок-напарник. Кричит мне: “Что с тобой, Боря?!” Я на него: “Ложись! Убьют!”. Он прилег рядом, вытащил из кармана перевязочный пакет и хотел, было мою руку из рукава вытащить. Ну, тут уж я взвыл — по руке словно раскаленным железом полоснуло.

– Что ты делаешь? – ору, – Вытаскивай нож – он у меня на поясе – и режь рукав!

Не помню, как он меня перевязал. Кость оказалась перебитой, и как только он за нее заденет, я сразу сознание теряю. Наконец, закончилась эта пытка.

– Боря, – говорит мне напарник, – давай я тебя волоком под автостраду подтащу.

А мне рука даже приподняться не дает – такая боль, спасу нет. Я говорю: – Забирай пулемет, ползи к автодороге и копай пулеметное гнездо. А я уж как-нибудь сам до тебя доберусь потихоньку.

Не послушал он меня, вскочил на ноги – и метрах в трех от меня повалился. Успел только прохрипеть: "Боря, я готов". Заскоблил землю ногами и скончался... Недаром, видно, и ему сон приснился...

Я кое-как подполз под дорогу. Перевернулся на спину, лежу и чувствую, как силы постепенно уходят. Вскоре рядом появились наши солдаты, залегли цепью. "Заиграла" наша "Катюша". После ее залпа раздалась команда: "Вперед!" – солдаты выскочили на дорогу, но проскочить ее не удалось никому – место тут немец так пристрелял, что зайцу не пробежать.

Подползло еще пополнение. Рядом со мной оказались политрук и старший лейтенант. Снова команда: "Вперед!" – никто из бойцов не поднимается. Политрук – старшему лейтенанту: "Веди бойцов!". Тот в ответ: "Сам веди!". Политрук вытаскивает пистолет и на лейтенанта, тот тоже за пистолет схватился...

Под гусеницами танка

В это время с немецкой стороны показались три танка. А у нас никакой защиты от них нет, и дрогнула наша цепь, покатила назад... Я же, как лежал на спине, так и лежу, не то, что отползти – перевернуться и то не могу.

Танки выскочили на дорогу. Наши противотанковые орудия открыли по ним огонь. Левый танк сразу загорелся, а два других остановились, и давай бить по пушкам. Вскоре средний танк –видать, трусили фрицы – развернулся и рванул назад, а правый выдвинулся еще вперед, и гусеницы его нависли прямо надо мной (я ведь лежал под дорогой). Продвинулся он еще чуть-чуть – и поминай меня, как звали...

Надо мной нависла танковая пушка с набалдашником. Вот из нее вырвался снап огня, грохот оглушил меня. Еще один выстрел, еще... Я и маму мою вспомнил, и бога, хоть молиться не умел. Тоска смертная, до того не хочется помирать в чужой немецкой земле! Хорошо бы вывезли хоть в Белоруссию, там похоронили – все к родному Уралу ближе и земля там уже наша.

Но, видно, родился я в рубашке. Танк вдруг развернулся и, обдав меня своими вонючими выхлопными газами, укатил в свой немецкий тыл. А я остался лежать в каком-то полубессознательном забытьи.

Очнулся в сумерках от сильного грохота – это наши вновь готовили наступление. Часа полтора дальнобойная артиллерия и “катюши” долбили немцев на нашем участке. Потом канонада затихла и вперед пошла родная пехота. Я левой рукой нащупал карабин убитого рядом солдата, кое-как упер его прикладом в землю и покачиваю стволом, чтобы меня ненароком не стоптали. А справа и слева грохочут наши танки, на ходу бьют по городу. И пехота уже ворвалась на окраины Альдама...

В медсанбат

Появились санитары. Ко мне подошли: “Во что ранен?” “В руку”, – отвечаю. “Давно лежишь?” “Давно. В тыл бы надо идти, да я подняться не могу”. “Сейчас поднимем”. Санитар попался опытный. Осмотрел мою руку: “Понятно... Ну, солдат, держись крепче”. Резким движением выправил руку и согнул ее в локте, аж кости перебитые захрупали. От адской боли я потерял сознание.

Повели меня двое санитаров на бывший НП. А там ничего не осталось – немцы все раздолбали. Один только какой-то домик уцелел в стороне. Собрали нас там раненых человек пять, уложили на пол, на солому. А весь наш батальон остался навечно лежать в поле...

Старшина побежал искать ездового у вокзала. Не нашел. Солдаты сказали, что, как только начался обстрел, он удрал на лошади в тыл.

– Вот гад! – вспылил мой земляк. – Поймаю – самолично расстреляю! В санбат ребят из-за него не на чем везти. Ну, ладно, вы ребята, подождите чуток, сейчас я в тыл поеду, найду транспорт и всех вас в санбат отвезу.

Развернул он свою кухню и мне предложил устроиться на задке. Подсадил меня, обвязал телефонным кабелем, чтоб я не свалился, поехали тихонечко. А уже темно ночь.

Только въехали в сосновый бор, навстречу повозка, – тот самый ездовой, что удрал при обстреле, возвращается. Мой старшина к нему: – Ты где был, гад?

Тот, заикаясь, лопочет, что, как-де начался обстрел, лошадь с привязи сорвалась и убежала, а он ее догонять бросился.

– Я бы тебя сейчас расстрелял, – говорит старшина, – да раненых надо вывезти. А ну, быстро за ранеными! – и по щекам его для убедительности отхлестал. – После разберемся!

Довез меня старшина до медсанбата. Попрощались мы с ним. "Повезло тебе, земляк, – сказал он, – хоть и калека. А мне, вот, не знаю, какая судьба достанется. Эх, дожить бы до победы!..."

Так кончилась для меня война. Кончилась 17 марта 1945 года. Потом долго лежал я в госпиталях в Германии, Польше, России. Только 15 июля 1945 года выписали и комиссовали меня подчистую как инвалида 2 группы. А отец мой Оберюхтин Александр Ефимович пошел добровольцем в Уральский танковый корпус, с боями прошел от Курской дуги до Берлина и в Берлине погиб...

Герасимов Петр Власович

Вскоре после форсирования Днепра, наш полк двигался в направлении Кривого Рога. Где-то в районе поселка Недай Вода, полк понес большие потери материальных и людских сил. Из полка сформировали отдельный 93-й дивизион Главного Командования. После расформирования полка я попал в запасной 242 полк, а оттуда был направлен связистом-телефонистом в артбригаду 40 резерва ГК /главнокомандования/ 2-го Украинского фронта в 254 полк 122 гаубичных пушек. С этой бригадой и полком пройден не легкий путь до конца войны. Полк принимал участие в боевых действиях под Знаменском, Кировградом. В этих тяжелых боях полк понес большие людские потери. Его остановили для пополнения в селе Врэдиевке Одесской области. Формирование шло два месяца. Сформированный полк был погружен на ж.д. платформы и доставлен в район Ясс. Вскоре началось наступление. Прорвав фронт в этом районе, советские войска хлынули внутрь Румынии. Румыния вскоре запросила перемирие и стала нашим союзником. Мы с румынами рядом воевали до самого конца войны. Полк участвовал в боях за освобождение Турдой-Трансильвании, города Клуж, Мишкольц. За Мишкольц шли жестокие бои. Около него располагались военные и металлургические заводы, которые снабжали противника вооружением. Особенно мне запомнился один бой за высоту. НП командира дивизиона майора Иванова располагался на склоне горы. Кругом находились виноградники и склады /погреба/ вина. Время было вечернее. Бои утихли. Командира вызвали в штаб полка. На НП остались радисты, связисты, разведчики. Старшим остался помкомвзвода Куликов. Кто-то сходил на винный погреб и принес около 5 литров вина. В это самое время на лошадке Вавилов привез ужин. Стрельба утихла. Мы расстелили плащ-палатку, нарезали хлеба, поставили термос, налили супа и сели кружком в метрах 20-30 от НП. Я достал ложку из-за обмоток и что-то она мне, не понравилась, показалась грязной. Раньше в таких случаях оботрешь ее об рукав и хлебаешь, но тут я даже не могу объяснить, какая-то сила меня подняла. Пошел искать травы, чтобы обтереть ложку. Отошел от круга, где сидели ребята метров на десять. Вдруг услышал свист мины. Не успел пригнуться, как мина разорвалась в самом кругу ужинавших. Какое-то мгновение после взрыва стала тишина. Потом раздался крик и стоны раненых. Из нас девятерых, троих убило наповал, четырех ранило, одного контузило. Остались мы вдвоем с Вавиловым. Вавилов находился около лошади метрах в 50. Мы с ним стали перевязывать раненых, бинтов не хватило. Стали рвать свои нижние рубахи на бинты и оказывать помощь пострадавшим. Как ни странно, раненые перестали стонать и кричать. Видимо, прошло шоковое состояние, они только просили вина. Но мы им не давали, знали, что это для них будет для них смертельно. Вот матов и ругани от них досталось!

Серегина И. ранило в ногу и левую руку, кисть висела на сухожилиях. Он сам оторвал кисть и бросил в сторону со словами: "Все отвоевался!" Комарова контузило, после этого он стал говорить нараспев. Штаны изорвало как решето, а самого не царапнуло. После в разговоре я узнал от него, что у него была молитва данная матерью. Она, видать, и сохранила ему жизнь! Да и я сам пошел на войну, тоже имея молитвы от матери. Она была у меня набожная. И я думаю, что меня хранило материно благословение и молитва. Здесь надо сказать о моем отце. Его мать сказала, когда уходил на гражданскую войну: "Первая пуля тебе в лоб!" Но он остался живой и даже воевал в гражданскую. Раненых и убитых Вавилов увез в тыл. Убитых там похоронили, а раненых отправили в госпиталь, Комаров даже не поехал в санчасть. Этот случай я долго видел во сне.

Шутки Курека

На фронте были дни, когда забывалось обо всем, и мы даже успевали пошутить. Один раз у нас были горячие деньки. Шло такое быстрое движение вслед за наступающими войсками, что полевая кухня отстала. Мы три дня не ели горячего. Питались сухим пайком и подножной кормежке. На третий день нас догнала кухня. Хватились, а у нас нет котелков. Благо, что рядом была деревня. Кто-то принес эмалированный тазик, откуда одному богу известно. Вот этот тазик Филипп – наш повар, Налил борща. Борщ свежий с бараниной.

Курек Альберт, наш весельчак и балагур, Житель Харькова самый старший из батарейцев учудил, когда нарезали хлеб, вышел он на улицу, вымыл руки, вернулся в хату. Мы уже успели по несколько раз хлебнуть. Как он сморкнул и что в борщ сбутькало. Никто не знал, что он зажал между пальцами катушек хлеба и бросил. Ну и кто после этого будет есть! Мы побросали ложки и на его голову посыпался злобный мат. Он приглашал на трапезу, а сам помаленьку ловил мясо. Поел основательно, пока мы искали другую посуду. Рассказали об этом повару, он чуть со смеху не свалился с полевой кухни... Все же мы поели хорошо. Узнав про его поделки, долго хохотали. Этот случай не покидал наших веселых разговоров в минуту отдыха.

Вот еще одна из его проделок. Было в Румынии. Мы перебазиrowались на новое место. Дело было ночью. Ночь стояла лунная. Объявили привал. Курек отошел от дороги, увидел там пасеку. У румын ульи состояли не из ящика, как у нас, а были сделаны из глины, как корчаги. Он взял одну, завернул в палатку и сунул в машину в солдатское барахло. Ночь была теплая. Ехали в гимнастерках без шинелей. Большинство дремало. Вдруг, то одного укусит пчела, то другого.

Солдаты стали стучать по кабине. Шофер Карнажук притормозил и остановился. А за нами и другие машины. При торможении пчелы почему-то набросились на кабину, где сидел командир взвода Рыбалко Ю.М. родом из Знаменки. Он только успел спросить: "Что там?" Как бросился наутек, отбиваясь от пчел. Хорошо еще дорога шла по ровному месту. С машины, как ветром сдуло всех. Только вокруг машины кружились пчелы. Курек понял, что его шутка будет дорого стоить. Он, не раздумывая, вскочил в машину и вместе с палаткой вытащил улей на обочину дороги. У старшего лейтенанта Рыбалко от укусов вспухло лицо. Почти неделю он еле-еле открывал глаза. Сколько бы не пытал нас командир дивизиона, никто не мог ответить, кто это сделал? А виновник больше всего возмущался и кричал: "Кто это сделал?" Вскоре поступила команда: "По машинам! И мы поехали. Но нас еще долго кусали пчелы, их много поналезло в тряпье. Прошло большое время, прежде чем Курек нам признался в этом. Хотя попытки найти виновника были.

Бои на юге Европы

К концу сентября 1944 года на фронте сложилась интересная обстановка. Советские войска уже были на реке Дунай и вели бои в Югославии, наступали на столицу Белград. Мы, казаки, находились в районе г. Арада, глубоко вдаваясь фронтом в сторону Будапешта. Немцы предприняли наступление в Трансильвании в сторону Бухареста. Сколько-то продвинулись, но были остановлены и отошли на прежние позиции. Они угрожали нашим тылам, далеко ушедшим вглубь Румынии.

Такова обстановка на конец сентября 1944 года.

Предпринятое советское наступление в Венгрии в начале октября из района Арада /где была наша КМГ/ позволило прорвать фронт и выйти в район реки Тиса. Был захвачен плацдарм около г. Сольнока, который находился в 80 километрах от Будапешта. А после нас перенацелили наступать не на запад, а на восток. В Трансильвании и в Карпатах находились крупные войсковые соединения немцев, нависшие над нашими тылами. Нами был захвачен г. Карцаг на реке Тиса, 12 октября штурмом овладели городом Ораде, 20 октября г. Дебреценом — крупнейшим городом Венгрии, 22 октября городом Ньиредьхазой.

В то же время 4 Украинский фронт предпринял наступление навстречу нам с севера. Были освобождены, города: 26 октября Мукачево, 27 октября Ужгород, вышли в район ЧОПА 28 октября. В Трансильвании назревал крупнейший котел. Оставалось только немного километров, чтобы нам соединиться с Четвертым Украинским. Кольцо могло сомкнуться. Видя угрожающее положение командующий немецкими войсками, отдал приказ об отходе с Карпат и Трансильвании. Все это мне

вспомнилось, когда я читал записки Петра Власовича, что они три дня питались сухим пайком. Часть, в которой воевал Герасимов, находилась от нас почти в 300 километрах. Враг предпринимал попытки срезать наш удар, и это ему удалось. Теперь мы оказались в "слоеном пироге". Фронта как такового не было. Мы вели бои уже в окружении. Об этом я подробно написал в моей книге "ИПТАПОВЦЫ". А Герасимов пишет: "Мы идем на выручку пливцам, они где-то шастают по тылам врага".

Развитие наступления Четвертого Украинского фронта шло тяжело: Дуклинский перевал давался туго. Бои в горных условиях вообще трудны, тем более наступление. Четвертый Украинский подошел к Карпатам весной 1944 года, вел позиционные бои. Первый Украинский фронт вел бои в Польше, бои шли на Сандомирском плацдарме. Восстали словаки в октябре, произошло словацкое восстание. Была освобождена большая территория, но Четвертый Украинский так и не смог к ним выйти. А наш Второй Украинский только начал наступление в Венгрии. После выхода из окружения наш район боев был передан войскам, в котором находился Герасимов, а нас перебросили под Будапешт. Там мы начали новое крупное наступление. В результате Будапешт был окружен. В котле оказалось около 200 тысяч солдат и офицеров. В январе в Польше началось наступление на Берлин. Снова Четвертый Украинский оказался позади.

3 декабря пал город Мишкольц, о котором пишет Герасимов. С боями наша 40 бригада вступила на земли Чехословакии. На пути наступления были в основном горы. Дороги расстилались по долинам. В небольшом городишке Риманское Суббота наш полк поддерживал 94 пехотный полк 3 стрелковой дивизии. Пехота наступала на высоту 412. Гребень тянулся широкой долиной. Предгорье и горы покрыты лесными массивами, в основном дубовыми. Снега еще не было, но заморозки достигали минус 3-4 градуса. Накануне в пехотный полк прибыла рота автоматчиков. Они заняли оборону, а утром намечалось наступление. Месторасположение полка было на склоне горы, примерно в 600-700 метрах от переднего края обороны немцев. Вот сюда прибыли автоматчики. Недалеко от окопа командира пехотного полка расположились и мы. Командиром дивизиона был майор Иванов, а разведкой командовал капитан Дубовец. Перед наступлением мы должны были выдвинуться на НП и вести корректировку огня. Время было вечернее. Большинство копало ровики для ночлега. Спали в ровиках. Было тепло и безопасно. В это время нам привезли ужин. В боях за Риманскую Субботу наш взвод потерял несколько человек. Раненый москвич Король имел ранение в легкое. Все время находился в штабе дивизиона с телефонистами Леной и Татьяной. Остальных раненых отправили вместе с кухней госпиталь. 94 полк был фланговым в дивизии. Соседями были румынские войска. Они стояли в полукилometре от нас. Местность была лесистая. От румын нас отделял овраг, поросший мелким кустарником. Вот по оврагу просочилась

большая часть немцев, которая оказалась в нашем тылу. По склону горы мимо нас бежал, пригнувшись, пехотинец. Как он нам объяснил, что он подносчик патронов и бежит за патронами, которые находятся на краю леса. Прошло немного времени, и начали рваться мины. Были слышны выстрелы миномета, и моментально раздавались взрывы. Мины рвались в кронах деревьев. Было ясно, что стрельба ведется совсем рядом, но по взрывам и выстрелам было сложно определить, откуда именно. На НП был ранен командир пехотного полка. Перед этим ему сообщили, что немцы находятся между нами и румынами. Рядом с НП находилась батарея полковых минометов. Группа фашистов состояла около ста человек. Перед отправкой в тыл командир полка позабыл сообщить о немцах. Поэтому фашисты беспрепятственно зашли так далеко. Немцы пытались выйти из леса на равнину к небольшому хутору. Там находился НП командира 3 стрелковой дивизии. Около НП находилась батарея 122 мм короткоствольных мортир. Как только показались немцы, батарея открыла огонь по врагу. Немцы оказались недалеко от нас. Мы ничего не подозревали об опасности, готовились к ночлегу. Чувствовали себя раскованно, сели ужинать около дуба. Рядом с нами была переносная рация. А перед этим мы копали для себя ровики. Осталось только завершить их. Но приехала кухня. Не одевая бушлат и шапку, я подошел к ребятам на ужин. Полевая сумка с документами и медалями осталась на бруствере ровика. Старшина привез нам по сто грамм наркомовских и разливал солдатам. Не успел я поднести кружку ко рту, как услышал выстрелы. Одна пуля попала в стоящую рядом рацию. Я отбросил наркомовские и обернулся: В 70 метрах от нас бежали фашисты, стреляли и орали во все глотки. Местность наполнилась шумом. В доли секунды я был у автомата: схватив его, бросился догонять солдат убегающих в сторону наших пехотинцев. С нашего участка, как Фомой, сдуло всех. Была настоящая паника. Я бежал, догоняя своих товарищей. Когда схватил автомат, за ним потянулись варежки, которые были на тесемке. Они мешали бежать и стрелять. Шквал пуль сопровождали нас. Щепки летели от деревьев. Я молил бога, чтобы меня не ранило. Добежав до минометчиков, увидев, что на позициях нет никого. Я перепрыгнул через ручей и случайно нажал на спусковой рычаг. Автомат выстрелил. Пуля попала в каблук ботинка, не все обошлось хорошо. Вскоре я догнал бегущих солдат, и мы выскочили на небольшую поляну. Немцы заметили скопление солдат и открыли огонь. Это усилило панику. Мы резко развернулись, побежали под гору на равнину, к хутору. Уже никто не стрелял, но паника есть паника. Мы выскочили на поляну, как стадо баранов. Командир дивизии хотел остановить, но паника не прекратилась, пока он не пристрелил, бежавшего с нами офицера. Этот выстрел отрезвил всех. Мы остановились. Командир дивизии собрал офицерский состав и сержантов, дал команду восстановить положение. А наш командир нашего дивизиона дал нам команду дойти до места и

забрать имущество взвода. Он указал на скирду, где проходила связь со штабом. Быстро вечерело, когда мы цепью вошли в лес. Цепь растянулась до километра. Двигались осторожно, стараясь держать линию. Но темнота была не лучшим нашим помощником. Можно по шороху стрельнуть по своим. Прошло часа полтора, пока мы достигли того места, откуда драпанули. Я уже порядком продрог в одной гимнастерке. Была глубокая осень. После этого события я уже никогда не снимал одежду, когда шел обедать. Наука! Вернувшись к своему ровику, я был рад, что все остальное на месте. Ничего не взяли, кроме двух телефонных аппаратов и хороших шанцевых инструментов. Собрав все имущество, мы вернулись к указанному месту, где нас ждал майор Иванов. Но оказалось, что не было капитана взвода разведки Дубовца, Короля и Лены-телефонистки. Майор подумал, что они в панике убежали в штаб. Но пришел связист с телефонным аппаратом. Позвонили в штаб, там их не оказалось. Все думали, что они находятся, где-то рядом. Но никак не могли предположить, что они в плену. Но немцы так активно действовали на нашем участке. Автоматчики разбежались, а 2 из них попало в плен, наши Дубовец, Король и Лена. Все они даже не могли оказать сопротивление, так как немцы достали врасплох в окопах. Но дальше этого места немцы не пошли. Немцы с пленными добивались до своей высоты около четырех часов. Их ударный состав на половину состоял из русских власовцев. На высоте пленных разместили в трех ровиках. В это время к ним приехала кухня. Начался ужин с водкой. Надзор над пленными ослаб. Пленных предупредили, что они поужинают и отправят их в штаб. Миколчаны. Дубовец, который нес кирку от своих позиций, положил ее на бруствер окопа, после убрал на дно окопа. Один немец охранял их окоп, а другой — два других. Дубовец оценил обстановку, решил убежать. Местность позволяла. Вечерело. Он предложил убежать Королю, но он был тяжело ранен в легкое, поэтому не мог бежать. Только попросил его, написать семье о его гибели. Немцы не знали, что Дубовец офицер, так как был одет в фуфайку без погон. Посчитали его солдатом.

Командир дивизиона решил отомстить немцам за дерзость. Он скоординировал нанести удар по высоте 412 из трех батарей, т.е. из 12 орудий по три снаряда беглым. Как говорится дать им "прикурить". Как позднее узнали, удар был ошеломляющий, выявились большие потери фашистов, которые не ожидали этого артиллерийского огня. Когда пушки стали стрелять, Дубовец сразу по вспышкам орудий определил, что стрельба ведется по высоте. Как только засвистели снаряды, он ударил немца по виску киркой. Выпрыгнул из ровика и побежал под гору. В это время начали рваться снаряды. Кругом гремели взрывы, а он бежал. "Чему быть, того не миновать". Все обошлось для него удачно. Когда стихали взрывы, он был от высоты на расстоянии 100-150 метров. Он быстро сориентировался и взял направление параллельно тому, по

которому их привели. Пересек дорогу, долину, по которой ходили немецкие машины и повозки. Как говорил после, где перешел передовую, не знаю. Шел в десятки раз тише, чем кошка. К утру вернулся. Весь исцарапанный, фуфайка, брюки изорваны. Весь изможденный. Появившись перед командиром дивизиона, Дубовец получил нагоняй с бранью и матом. Комдив даже не поинтересовался судьбой батарейцев, но когда он обозвал его дезертиром, капитан не сдержался и не остался в долгу. Началась перебранка. После такого "обмена мнениями" майор сказал: "Хватит!" Докладывай, где Король и Лена? После небольшой паузы капитан Дубовец все рассказал подробно. Как убежал из плена, как нарвался на своих пулеметчиков, которые его обстреляли. Только названный пароль спас его. Да и стало светать, они его узнали. Утром началось наступление. Высота 412 была взята. Дубовец сразу пришел к ровику и достал оттуда карту, которая у него хранилась под гимнастеркой. Да немцы их особенно не обыскивали. Вот тогда майор поверил Дубовцу. Вместе с капитаном убежало 6 автоматчиков, которые спрятались и дожидались наступления. На окраине села, мы нашли убитыми 5 автоматчиков и наших Лену и Короля.

Бои продолжались. Были новые бои и события, кончившиеся только после общего наступления на столицу Праги. Что удивительно, собирая воспоминания ветеранов, я установил, что с некоторыми из них воевал рядом, даже шли одними дорогами. Так, например, с Герасимовым. Наступая на город Дебрецен, часть в которой воевал Николай Максимович Решетников шла рядом с нашей. И только после Дебрецена их часть перебросили под Будапешт на Третий Украинский фронт. С Карпат наступали в нашу сторону Щуплецов А.И. и Соколов А.Я., с последним мы уходили в армию в одной группе. В упомянутом о Словацком восстании был Константин Медяник. А рядом с Герасимовым воевали Целищев, Урванцев, Лобок, Зайцев и другие. Фронтные пути дороги пересекались и у качканарцев. Это я узнал только после анкетирования мной ветеранов. А если копнуть глубже, появятся новые факты. Появляется новое направление в моей работе. Но это новые работы и записи воспоминаний фронтовиков.

У ВОЙНЫ – НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

ЖЕНЩИНЫ КАЧКАНАРА НА ФРОНТАХ ВОВ

“У войны не женское лицо”

Женщина – мать, женщина хранительница домашнего очага, женщина труженица. Всем политическим зигзагам, влекущим новые тяготы и без того нелегкой жизни, они достойно противопоставляют несгибаемый характер, волю, терпение, спокойствие, надежду. Без истинно женских черт: нежной улыбки, ласковых глаз, заботливых рук, любящего сердца – история города Качканара была бы не полной. Это не просто женские портреты, женские истории – это люди, чей жизненный путь вошел в летопись города, и будет примером многим поколениям. Я хочу рассказать поколению, рожденному на рубеже двух веков о женщинах, прошедших закалку в суровые годы войны. У каждой был свой жизненный выбор и призвание. Но жаркое горение сердца, искренний и деятельный патриотизм – это было у всех. Многих уже нет с нами. А память – жива. Родина, Мать, Отчизна... Не случайно связаны эти великие понятия, близкие и понятные каждому. Суровым трудовым и боевым испытанием стала война для многих женщин нашего города. Безмерная тяжесть легла на женские плечи. В суровое время проходила юность наших землячек. Многие из них прямо из детства шагнули в военное лихолетье, были медиками, зенитчицами, пулеметчицами, связистками, охраняли небо нашей страны от вражеских самолетов и т.п. и т.д.

Женщина – фронтовичка. Это мягкая, скромная, чуткая, отзывчивая и застенчивая женщина. Женская судьба, женские истории. Их много. И всех объединяет стремление сделать жизнь богаче и краше. Их добрые дела, благородные поступки, добросовестный труд снискали почет и уважение. Их слава перейдет потомкам. Недавно я побывал на юбилейной встрече в честь 60 летия нашего корпуса. Там мне подарила книжку стихов Ирина Романовна Шишкина из Симферополя. Хочу привести отрывок одного стиха, посвященного женщинам.

...У войны не женское лицо,
Там судьба крута, неумолима,
Повезет, когда свинец тот мимо.
Самым печальным было на войне –
Женщину видеть в шинели,
Видеть, как с сумкой ползет по земле
Среди свинцовой метели.
А смерть и беда затаились, ждут,
Подстерегают и злобно хрипят
И тенью крадутся, и следом ползут,
И девочке этой не вернуться назад.
А ей бы слушать раннюю весною

Трели соловьиные в саду,
Но свела судьба ее с войною,
Закружила в огненном аду.
Вместо платья белого шинель одела,
Кирзовый сапог ей предрекла,
Женское под гимнастеркой скрыла,
Именем солдата нарекла.
Все жизни радости, слова любви
Остались в прошлом, за туманом,
Взамен бинты, бинты в крови,
И эхом за туманом.
На той войне сквозь холод и стальную выюгу,
И день, и ночь их боя в бой,
Женщины прошли весь ад по кругу,
И домой вернулись с израненной душой,
Жизнь по-разному у них сложилась:
Кто обрел и счастье, и покой,
На других судьба ополчилась —
До сих пор ведут свой бой.

* * *

Женщины войны!
Вы зная милосердия сквозь пули пронесли,
Сквозь дым, огонь военного пожара.
И долго, трудно вы к ПОБЕДЕ шли.
Сквозь ураган безумного угара.
Когда в беде была страна, отдали долг вы ей сполна.
За ваше мужество и подвиг
Россия поклониться вам должна.

Фронтовички Качканара

Вот я подошел к главе "Фронтовички Качканара". В г. Качканаре проживают чуть больше сорока женщин, которые в рядах Вооруженных сил с боями ковали победу над немецко-фашистскими ордами. Время бессильно ослабить память человечества о мужестве и негибаемой стойкости людей, поднявшихся на защиту своей Родины. Война, которую вел советский народ, была освободительной, справедливой, священной войной. Встав в одни ряды с мужчинами и братьями, советские женщины внесли неоценимый вклад в победу над фашизмом. Они совершали бессмертные подвиги во имя Родины в тылу страны. Преодолевая величайшие трудности военных лет, не щадя сил, они делали все, чтобы обеспечить фронт всем необходимым для победы над врагом. Советские женщины как равноправные члены государства были в годы Великой Отечественной войны достойными его защитниками. Женщины и девушки служили в рядах Красной армии, гнали оккупантов с советской земли; они воевали и в партизанских отрядах. Образ женщины стал в то время символом матери – Родины, звавшим на разгром вторгшихся в нашу страну фашистских орд. Что можно сказать о советских женщинах, которые являли миру образы беспримерного мужества в борьбе за Родину, в самоотверженном труде на фабриках, заводах, на колхозных и совхозных полях, на фронте, в партизанских отрядах и в подполье!!!

Победа над фашизмом ковалась не только в ожесточенных сражениях на фронтах Отечественной войны, но и в глубоком тылу страны. Единство фронта и тыла, армии и народа явилось решающим условием победы.

Хочу привести стихи Михаила Исаковского:

*Ваше звено и мое стихотворение,
Ваша картошка и мой пулемет,
Ваш урожай и мое наступление –
Все это гитлеровцам жить не дает.*

*Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым,
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.*

История еще не знала такого массового участия женщин в вооруженной борьбе за освобождение Родины, какое показали патриотки в годы Великой Отечественной войны. Не было ни одной специальности (военной), с которой бы не справились женщины. Они были во всех родах войск. Наравне с мужчинами патриотки преодолевали тяготы долгой и суровой войны, вместе с ними дошли до Берлина. Пример тому качканарские женщины-фронтовички. Как и где воевали они, какие обязанности выполняли в годы войны?

75

Воспоминание Галины Андреевны Соколовой. "В 1938г. после окончания Томского техникума я была направлена на работу в Кузбасс в г. Новокузнецк. Работала в хирургическом отделении больницы. Потом было лето 1941 года. Хороший солнечный день – воскресенье. 22 июня. Вместе с коллегами по работе выехали за город на водную станцию. Там было много танцплощадок, буфетов. Было оживленно всюду: люди пели, смеялись, танцевали,... было очень весело. Вдруг в рупоре радио раздался голос Молотова, объявивший о начале ВОЙНЫ! Все сразу замолкло. Тишина. Люди стали печальными, все стали двигаться в город – домой. Кто транспортом, кто пешком. Утром я была в СИБ ВО, военкомате, а вечером уже ехала с эшелонам на фронт, попала на 1-й Белорусский, и была зачислена в 312 стрелковую дивизию в медсанбат 244 старшей операционной сестрой. С этим санбатом я дошла по дорогам войны до самого Берлина. И так, началась война. Шло военной лихолетье: наши эшелоны бросали на различные участки. К 1942-1943гг. мы оказались под городом Сталинградом. Город был красивым, большим. Там развернулись тяжелые ожесточенные бои, которые не затухали и ночью. В результате боев город был полностью разрушен. Но и разрушенный, он не сдался врагу. Там меня ранило, потом контузило. Было дано заключение медкомиссии направить в глубокий тыл. Но об этом нечего было мечтать, я продолжала работать медиком. Войну закончила в Берлине. Когда был снят купол рейхстага, мы, девчата, ходили туда, пока он не был затоплен, за сапогами хромовыми на меху. Берлин запомнился серым, с узенькими улицами, по которым с врачами мы ездили на скорой, собирали раненых. А на завтра человек около 8, вместе с ведущим хирургом Мельманом мы пошли в ресторан и заказали мороженое, а через 30 минут нас всех поместили в больницу с сильным отравлением ядом. После войны меня оставили работать в Центральной комендатуре фельдшером. Там я встретила Соколова Бориса Петровича. Он служил в комендатуре. Поженились, позднее родилась дочь Алла Борисовна. Сейчас она работает в тресте с инженером-строителем. У нее три дочери. Живет в Качканаре. Когда жили в Берлине, моя дочь первым произнесла слово «мути» - мама, так как у нее нянькой была немка. Потом мы с дочкой уехали к моей маме в сибирский город Сталинск, а потом муж нас забрал на Кавказ в г. Кутаиси, где он был военным. Потом некоторое время жили в Татарии в г. Мамадыше, позднее оказались на Урале в г. Серове, а сейчас он ушел из жизни, а был начальником кадров ОРСа.

Я в Качканаре работала в СЭС, живу с младшей дочерью Любой. Принимала активное участие в военно-патриотической работе, а сейчас по состоянию здоровья сижу дома. Инвалид войны 2 группы".

Чтобы как-то разговорить участниц войны, мне приходится прибегать к разным способам. А они много могут вспомнить событий, смешных и горестных, которые произошли за годы войны. Вот я прочитал Галине

Вше"

Андреевне один эпизод: "...В командирской палате – контуженый капитан Гришин. Он потерял речь. Когда ни зайдешь – рисует: он художник. Я рассказываю новости, а он рисует чей-то портрет. Когда с ним разговариваешь, слышит, оживает, кивает головой, что-то силится сказать, и, видя, что его не понимают, беспомощно разводит руками. Успокаивают: еще будете говорить, врачи делают все возможное. Гришину никто не пишет. О жене он знает только, что она не успела эвакуироваться, осталась на оккупированной территории. Почту, связной сначала привозит ко мне в штаб. Я разбираю ее, сортирую письма и вдруг читаю: "Гришину". Ну, конечно, это нашему капитану. Но что в письме: радость или горе?..."

В палате раздала все письма.

– А это вот вам, товарищ капитан, – осторожно кладу письмо на тумбочку.

Гришин минуту – мне кажется вечностью – с недоумением, недоверием смотрит на меня, свою фамилию, написанную четким, круглым почерком – Ж-е-е-н-н-на!

В наступившей тишине голос его звучит непривычно громко.

– Же-на! – кричит он, сам, еще не веря своему счастью. Читает, заикаясь. Смеется, плачет, не стыдась, слез.

Оказывается, его жена ушла в партизаны, выполняла боевые задания, была ранена и ее переправили на Большую землю. Написала в часть, где служил муж, и оттуда ей сообщили адрес госпиталя. Гришин смеялся тихим смехом счастливого человека. Только тогда до меня дошло: он же заговорил!..."

На это Галина Андреевна рассказала подобный случай, который был у них... "Один раненый не говорил уже почти три месяца. Как-то нам привезли подарки. Был у нас мальчик, который попросил, чтобы ему разрешили раздавать раненым подарки. Было это в столовой. Мальчик только что вручил гостинец неговорящему – контуженому. Тот растрогался. Стал, есть и как заговорит: "Суп-то несоленый!" Заговорил....

Или еще. У нас была девочка-подросток-боец. Но никто не знал, что она женщина. Спала вместе с мужчинами и несла воинские обязанности... Вот раз отличилась, и ее наградили. Приехал командир дивизии. "Чудакова!" – вызывает он. Выходит молодой щупленький боец. Он ее приподнял, расцеловал за отвагу. Только тогда все узнали, что она женщина. Подобно Дуровой – кавалеристке, героине другой Отечественной войны, 1812 г."

Раз я начал писать о медиках, то стоит сказать, что у нас в Качканаре проживают несколько фронтовичек.

Литвиненко Нина Федоровна

О ней много написано. В книге Медведева "опаленные огнем" ее дневники, военные записки, начатые стихотворением:

✓ Да, в гимнастёрке – не в капронах,
И не на танцах, а в бою,
В снегах, войною опаленных,
Ты юность встретила свою.

Нина Федоровна была призвана 10 марта 1943 года начала службу в городе Свердловске, где формировались полевые госпитали. Их, исовчанок, было шестеро: Надя Бабкина, Саша Панчехина (Зарецкая), Зина Косаткина, Тася Прокошева (Бардина), Ираида Храпунова, Нина Плашкина (Литвиненко). С госпиталем прошли от Орловско-Курской дуги, через г. Колобов, Гомельскую область, Белоруссию, Латвию, Литву, Германию до Берлина. Я много раз просил, чтобы она мне написала, но она скромно ответила: "Обо мне и так много написали". А ведь мы с ней учились в одной школе на Ису. А с ее братом мы были товарищи-друзья, вместе играли на Песчанке. И мне хочется привести отрывок из книги Ольги Кожуховой.

"... Наш медсанбат простоял довольно долго. Может быть, неделю, а может и больше. Дни сливались с ночами в одно неразличимое целое: без еды, без отдыха, без сна, в чаду махорочных сигарок, легкораненых, в стогах и криках тяжелораненых, в запахах йода, крови, кала, мочи..."

Единственное запомнившееся ощущение – хочется спать, так хочется спать, что кажется, как чеховская девчонка, всех бы задушила, кто мешают, и упала бы на голый пол – и уснула. Но ведь никого не удушишь, а продолжаешь работать: этому укол морфия, тому забинтовать рану на груди, кровоточит; этому катетером откачать мочу, тому дать кислородную подушку, надо следить за пульсом, вести кофеин, пантокон. Один просит пить, другой просит утку... Ни присесть, ни прилечь, места для меня в избе ровно столько, чтобы стать на цыпочках возле стены, распластав по бревенчатой стене усталую спину и руки и глубоко вздохнуть этот спертый, нагретый, вонючий воздух, не приносящий ни покоя, ни бодрости. А там новые приготовления к эвакуации самых тяжелых... вместе с санитарями закутывали их в меховые конверты, одеяла, выносим в пургу, в мороз, грузим в кузова открытых машин-полупуторок". И еще... "До войны я не знала, что такое бессонница. Лежать до рассвета с раскрытыми глазами и глядеть в потолок – занятие может быть малопривлекательное, по доброй воле ему не будешь учиться. Может быть, после войны, после тяжелой физической нагрузки мне стало этой нагрузки не хватать, поэтому бессонница? Не знаю. Но ведь началась она не после салюта Победы. Началась она там, еще в сорок первом, еще под Москвой, в те самые дни и часы. Сперва на марше по глубоким снегам, километров двадцать пять, тридцать. Потом по

прибытии на место (а это чаще всего глухой подмосковный лес, занесенный снегом), где тебя никто не ждет, никому ты не нужен, никто не приготовил тебе жилья, ни еды, - сразу же, без отдыха, с ходу мы беремся за лопаты и начинаем этот снег под деревьями расчищать. На расчищенные места выгружаем имущество, тяжелые тюки брезента для ДПМ-ских палаток. Доски, колья, стекло, оборудование, печки-бочки, автоклавы, носилки, пачки меховых одеял, продукты, медикаменты... Потом вбиваем колья в промерзшую землю, натягиваем брезент, устанавливаем печки-бочки. И пока работаем, пока двигаемся, нам тепло, даже в 20-25-градусный мороз. Но как только усталость взяла свое, захотелось присесть, так тут же начинаешь мерзнуть. Потом мы еще не успели затопить печки, погреться, поесть, как приходит приказ: ехать дальше. Дивизия за это время продвинулась на десять - пятнадцать километров вперед, и мы не должны от нее отставать. Значит, нужно гасить печи, укладывать, свертывать имущество, грузить его на повозки, на машины, а самим снова в путь, по снегам. А там, на новом месте, начинать сначала. Да еще в самый трудный момент развертывания привезут колонну машин, груженую ранеными. И тогда разрывайся, спеши, торопись, успевай, поворачивайся. Иногда без подменки работаешь столько времени, что уже не различаешь ни ночи, ни дня, лица людей расплываются перед тобой, как в тумане, берешь в руки шприц, а пальцы не держат, он вываливается из рук на брезентовую подстилку. Помню, я однажды сменилась - таки, наконец, легла в отгороженном ото всех закутке на ветках елового лапника, а уснуть не могу. Кровь звенит в голове, в теле неестественная невесомость, словно я уже живу в каком-то другом измерении. Приняла одну таблетку снотворного, не берет. Другую. А сна - ни в одном глазу. Третью. Только начала засыпать, приходит комиссар батальона Румилов и говорит, что привезли раненых, что Лизунова, которая меня сменила, дежурство мне "вернет" и повезет колонну уже обработанных раненых, а мы будем принимать "новеньких", кормить их, перевязывать. Спать теперь нельзя уже никогда. Я, конечно, встала. Приняла снова дежурство от Иры. Пошла по палатке, хотя от чувства невесомости, никогда не ощущавшегося прежде, пошатывало меня. С трудом добралась до печки-бочки: возле нее стояли складные брезентовые табуреты. Я села на один из них - чувствую: падаю, а удержаться не могу. Больше ничего не помню. После санитары рассказали: упала я лицом в дрова, в лапник. И лежу. Они меня подняли, положили возле печки, в тепле, укрыли шинелью. И я проспала почти сутки, беспробудно, а они сами, одни управлялись, все делали без меня, мои мужички, воронежские колхозники, не спавшие столько же, сколько и я, и делавшие всю тяжелую работу, как и мы, плюс еще тяжелейшую, которая нам, девчонкам, совсем не по силам. Долбить землю для могил в промерзшем грунте, таскать раненых в операционную и обратно, - подавать судна "лежащим", выносить мертвых..." 1

Эти отрывки-воспоминания – яркая иллюстрация тех переживаний, которые испытывали женщины, медик и санинструкторы. А еще они очень поучительны для молодежи. Такова судьба всех медиков полевых и постоянных госпиталей.

Девушки из “Красного Креста”

“Дни сливались с ночами в одно неразличимое целое: без еды, без отдыха, без сна, в чаду махорочных сигарок легкораненых, в столах и криках тяжелораненых, в запахах йода, крови, кала, мочи...”

Единственное запомнившееся ощущение - хочется спать, так хочется спать, что, кажется, как чеховская девчонка, всех бы задушила, кто мешает, и упала бы на голый пол - и уснула. Но ведь никого не душишь, а продолжаешь работать: этому укол морфия, тому подбинтовать рану на груди - кровоточит, этому катетором откачать мочу, тому дать кислородную подушку. Один просит пить, другой просит утку... Не присесть, не прилечь, места для меня в избе ровно столько, чтобы стать на цыпочках возле стены, распластав по бревенчатой стене усталую спину и руки, и глубоко вдохнуть этот спертый, нагретый, вонючий воздух, не приносящий ни покоя, ни бодрости...

А там новые приготовления к эвакуации самых тяжелых...”

С. Кожухова

Это отрывок из воспоминаний фронтовой медицинской сестры. И такова была военная судьба всех медиков полевых и постоянных госпиталей.

Время неумолимо. Уходят из жизни ветераны войны. Более 56 лет минуло со дня нашей Великой Победы, но я по-прежнему вижу молодыми и красивыми моих дорогих фронтовых подруг. Какие это были замечательные девчата - девушки хирургического подвижного полевого госпиталя № 5141!

Наш госпиталь формировался в марте 1943 года в Свердловске, в школе имени А.С. Пушкина на улице Вайнера. Среди его персонала оказались и мы - шестеро девчат, призванных Исовским военкоматом: Надя Бабкина, Зина Касаткина, Тася Прокошева, Саша Панченко, Ира Храпунова и я. Все мы попали в первое отделение. Было нам тогда по 19-20 лет. И, видно, кто-то из нас (а может и все) родился в рубашке - все шестеро вернулись с войны живыми.

27 марта с Урала на фронт выехали шесть полевых госпиталей - в это время был сформирован Уральский добровольческий танковый корпус. Наш госпиталь попал в состав 61-й армии 1-го Белорусского фронта.

Боевое крещение приняли около станции Узловая. Здесь наш эшелон попал под бомбежку. Ох, как страшно было! От дыма свету белого не видно,

непрекращающиеся вспышки, грохот разрывов... Но выжили! Но впереди было еще 2 года войны...

29 апреля прибыли в село Монасики Тульской области. Под госпиталь отвели свинарник. Ну и пришлось же нам поработать, чтобы привести его в божеский вид! Скребли, чистили, мыли, чтоб не осталось никакой грязи, никакого запаха. А операционную и перевязочную еще обили сшитыми простынями, чтобы ничего со стен не сыпалось. В общем, подготовили место к приему раненых, как надо. Местные жители хвалили нас: "Да, умеют уралочки порядок наводить!"

И так было всякий раз, когда госпиталь разворачивался на новом месте. А таких "разов" у нас было 28 – чаще, чем по разу в месяц.

Во время войны я лежал не в одном полевом госпитале. И это были те же свинарники или другие животноводческие помещения. Обычно вдоль стен по одной стороне тянулись сплошные нары, на которых располагались тяжелораненые, а возле другой была навалена солома – на ней вповалку лежали те, кому посчастливилось получить рану полегче. И я прекрасно понимаю, сколько труда надо было приложить работникам такого госпиталя, чтобы приспособить свинарник или коровник не просто под жилье – под больничный стационар. Низко кланяюсь им за это!

5 июля 43-го года наша армия перешла в наступление ожила – Орловско-Курская дуга. В предрассветных сумерках вдруг загремело по всему фронту – это наши начали артподготовку. Мы выскочили на улицу: там, у врага, все сверкало от взрывов, не умолкал тяжелый гул. В небе повешено столько ракет, что светло, как в солнечный день. Сердца наши переполнились радостью: советские войска погнали фашистов с нашей земли!

В это время мы располагались в селе Ново-Никольское. Вскоре в госпиталь начали поступать раненые. Их было очень много – больше тысячи, а штат госпиталя рассчитан на 70 коек. Но кто тут будет думать о штате – принимали всех, кто поступал. Размещали их, где только была возможность – и в школах, и в сараях, и даже в церквях. Из легкораненых выбирали помощников-санитаров, и крутились все, как белка в колесе. Было не до сна, не до отдыха...

Нелепкое это дело ухаживать за ранеными. У иного порой, кажется, места живого не осталось – и ноги-руки покалечены, и живот разворочен, и в голове осколок... Но страшнее всего было принимать обгорелых танкистов. Все они были без сознания и сплошные головешки. И сколько их ушли в мир иной безымянными!

Когда бои шли летом, раненые чаще всего поступали к нам без гимнастерок и без документов. Санинструктор на поле боя окажет первую помощь, а дальше его задача быстрее отправить покалеченного в полевой госпиталь. Когда ей рыться по карманам снятой, окровавленной гимнастерки – другие раненые зовут, просят помочь... Ну, а у нас, если человек без сознания, как узнаешь, кто он. Вот мы и писали в истории болезни: номер такой-то. И

75
этот же номер, если была возможность, записывали на руке. Умрет такой человек – и неизвестно, кто это был. Вот вам и без вести пропавший.

Из воспоминаний Нины Федоровны:

... Где-то под Брестом, в городе Кобрине, наш госпиталь оказался впереди санбата. В это время шло наступление наших войск в Белоруссии – разворачивалась операция "Багратион". В наступление включился и соседний с нами 1-ый Украинский фронт. Немцы ожесточенно сопротивлялись. Раненые с передовой прибывали к нам большими группами без обработки, а стоял июль, лето было жаркое, и надо было быстро обработать раны, чтобы не загноились. Работали днем и ночью, валялись с ног от усталости. Направление нашего госпиталя было – черепные ранения. Но тут было не до направления – следовало срочно оказать помощь каждому раненому...

Это был июль-август 1944-го. Наши войска только что вышли на советско-польскую границу. Наш корпус тоже участвовал в этих боях. Немцы крепко зажали нас, пришлось выбираться из окружения. Мы вышли из него немного севернее Бреста и приняли участие в его освобождении. Значит, наши с Ниной Федоровной фронтовые дороги чуть не пересеклись. За эти бои корпус получил благодарность Главнокомандующего товарища Сталина. А за бои в Белоруссии корпус был награжден орденом Суворова.

Пора рассказать о тех, кто руководил нашим госпиталем. Начальник госпиталя Николай Ильич Джохадзе строго следил за всем. Очень заботливо относился к нам замполит Владимир Ильич Захаров. Наш ведущий хирург Сигизмунд Иванович Вержбицкий любил во всем порядок, тишину во время операции. А операции он делал очень часто. Всего же хирургов в нашем отделении было трое. Два другие – женщины: Валентина Петровна Дятлова (она сейчас живет в Нижнем Тагиле) и Валентина Григорьевна Кунич (живет в Харькове). Душой нашего 1-го хирургического отделения была старшая операционная сестра Лидия Алексеевна Телицына – она помогала нам, подсказывала, что нужно делать. Старшина наш Иван Васильевич Зарецкий любил повторять: "Лучше сотня лошадей да сотня конников, чем вас сорок". Он раньше служил в кавалерии, а на службу в госпиталь был направлен после ранения.

Без вести пропавшие

Война есть война. 300 000 наших земляков погибло на фронтах Великой Отечественной. Если эту цифру разделить на 1418 дней войны, то получится, что каждый день погибали более 200 уральцев. И при этом из 53 райвоенкоматов Свердловской области в 29 пропавших без вести больше чем убитых. К примеру, в Верхотурском районе погибших в ходе боевых действий - 1179 человек, а пропавших без вести - 1522.

Боец мог пропасть без вести, отправившись на разведку в тыл противника. Могло быть так, что на фронте в бою погибали все до единого, и некому было сообщить об этом. Но вот что и в госпиталях были без вести пропавшие - это стало для меня новостью.

А сколько за войну бывало такого, что где-то прерывалась цепочка - и против фамилии какого-нибудь бойца появлялась запись: "Пропал без вести"...

Вот как случилось, например, с валериановцем Сережей Сергеевым. Родные не знали о его судьбе до тех пор, пока не пришел с войны его однополчанин Ширинкин. Он-то и рассказал о гибели Сережи.

В 43-м они вместе форсировали Днепр. Немецкий снаряд попал прямо в Сергея - и его могилой стала могучая река. А домой пришло извещение: "Пропал без вести". И самое обидное, что на памятнике павшим в Валериановске так до сих пор и нет его имени. Он так и остался пропавшим без вести. А как же наш лозунг "Никто не забыт и ничто не забыто"? Ветераны не раз писали о том, чтобы на памятнике появилось его имя, но воз и ныне там...

Часто становились без вести пропавшими те, кто уходил в разведку в тыл врага. Когда вся команда погибла, некому об этом было известить командование. Нередко с ними же погиб и командир, у которого были адреса своих солдат. В воспоминаниях Н.Ф. Литвиненко для меня стало новостью то, что и в госпиталях были без вести пропавшие?! Каким образом? Нина Федоровна Литвиненко вспоминает:

"Самая трудная служба это обслуживание раненых, которые были покалечены, изуродованы в нескольких местах. Но самое страшное было принимать обгорелых танкистов! Все они были без сознания и напоминали "обгорелое бревно". Какие были нужны нервы, чтобы выжить и пережить такое состояние человека! А сколько ушло в мир иной без гимнастеров, а значит без документов. Если раненый был без сознания, мы писали в истории болезни: номер такой-то. Если была возможность, то писали на руке его номер (фамилии то нет!?). Вот вам и без вести пропавшие!? Хотя слово "пропавший" я не люблю, они просто ушли. Раненому санинструктор на поле боя оказывал первую помощь, и ее задачей было скорее отправить покалеченных в полевой госпиталь, под опеку медперсонала. Когда тут рыться и искать по карманам, если раненые зовут, кричат, просят помощи".

75

Награды тоже остаются неизвестными и не находят своих героев. Привожу пример. В нашей артчасти, вроде, был идеальный порядок. Многие об этом случае помнят, и даже напоминали. Но я не получил ордена Отечественной войны I степени. Или вот пример. Как погиб валериановец Сергеев Сережа. Живыми свидетелями этого рассказа являются Н.М. Решетников, В. Голикова, Б.А. Оберюхтин. Последний написал заявление в Совет ветеранов Качканара и Совет ГОКа о восстановлении справедливости по отношению Сергеева. Вот как сказала учительница Голикова: "Сережа писал домой: "Если переплыву реку Днепр, то напишу" Письма не было: видимо, могучий Днепр стал его могилой"...

Пришел его земляк Ширинкин и рассказал, как погиб Сергеев. Они были в одной части. Вместе форсировали Днепр. Снаряд попал прямо в Сережу, и его разорвало, он ушел в воды реки. Кроме Сережки, у Сергеевых погиб отец и другие, но на Памятнике в Валериановске нет Сергея Сергеева. Он без вести пропал. Сейчас уже нет в живых его семьи, матери. А он так и остался неизвестным. Прошло уже 60 лет после гибели, но не восстановлено имя Сергея на Памятнике, и лозунг "Ничто не забыто, никто не забыт!" не действует. Пишут ветераны, чтобы восстановили погибшего на Памятнике, но пока "воз и ныне там".

У павших без вести нет могил, безмолвно лишь болеют их кости, как укор нам, живущим более полвека без войны и до сих пор не воздавшим им должное.

Встреча

Как-то к нам в госпиталь привезли большую группу раненых с фронта. Многие наши сотрудники были заняты регистрацией. Заполняли истории болезни. Нам приносили носилки с ранеными, мы вели запись, и их относили в палаты, если можно так их назвать. Госпиталь-то полевой. Люди прибыли из санбата. Вот я подняла голову, от усталости, пытаюсь хоть немного расслабиться. Вот передо мной появился тяжело раненый в грудь и живот. Весь перебинтованный... Взглянув на меня, он воскликнул: "Дочка! И ты воюешь? Федоровна!" Я подняла голову от бумаг, смотрю на него. "Не узнаешь? Ведь ты дочь моего друга по Песчанке Федора. Да. Плашкина". Тут словно молния в голове пронзила: "Колосков". Комок в горле застрял. Все на нас смотрят, а мы объясняем. "Узнаю: ведь у тебя шестеро ребят?" Солдаты улыбаются: "Вот наклепал!" Ну и пошли разговоры. Я посмотрела его историю болезни, поняла, что он уже не воин после такого ранения. Я ему сказала: "Тебя после госпиталя комиссуют. И ты уедешь домой".

И, правда, вскоре после лечения его демобилизовали. И я попросила: "Передавай привет моим родителям! И расскажи все, что видел".

Вот он в родной Песчанке. Своей жене рассказал о нашей встрече. А она как-то пошла по воду к колодцу (такой родник на краю реки Ис). В это же время приходит мама к колодцу. Жена Колоскова позвала ее к себе, чтобы вернувшийся с фронта мог рассказать о встрече с их дочкой. И мать так разволновалась, что даже забыла, зачем пришла к колодцу, оставила даже ведра. Пришла домой, отец смотрит на нее, она вся взволнованная:

- Что с тобой? Где твоя вода? Утопила, что ли ведра?

- Нет, дорогой. Тебе привет от Ниночки с фронта! Это передала жена Колоскова, он вернулся с фронта израненный. Время-то военное, весточки, в основном, приходили невеселые, похоронки! А тут радостная весть. А мои подружки исовчане передавали тоже своим родителям. Это была большая радость родным. Шестеро девчонок с Иса. А бои шли тяжелые, фронт стоял перед Белоруссией. Еще долго было до дня Победы. Где-то под Брестом в городе Кобрине наш госпиталь оказался впереди санбата. Раненые с фронта прибывали к нам без обработки. Было жарко, месяц июль. Работаем день и ночь. Шло наступление в Белоруссии под названием Багратион, включился и соседний с нами Украинский фронт. Основное направление: на Варшаву. Немцы ожесточенно сопротивлялись. Раненых привозили большими группами. Вот где нам досталось поработать. Мы валились с ног, но надо всем

оказать помощь. Подбирали раненых чуть не с передовых позиций. Город Кобрин только освобожден. Пришлось выполнять двойную работу: и медсанбата, и полевого госпиталя. Большая скученность мешала обработке раненых. Пришлось решать и многие другие вопросы. Наш госпиталь в основном специализировался на черепных ранениях. А тут прибывали всякие. Что ж, надо оказывать помощь всем. Но большая скученность прибывших солдат сказывалась на проценте выживаемости. Требовалось ускорить оказание им помощи”.

Это был июль-август 1944 года. Наши войска только что вышли на советско-польскую границу. Здесь я вспомнил о тех боях, когда наш корпус первый вышел на границу. Немцы крепко нас зажали, и пришлось нам выбираться из окружения не к своим, а дальше на Запад. Только мы были немного севернее г. Бреста. И есть благодарность от Главнокомандующего товарища Сталина. За овладением города Брест от 28 июля 1944 года. Значит, наши с Ниной Федоровной пути дороги совпадали. Их полевой госпиталь был чуть южнее нас. За эти бои в Белоруссии наш корпус получил орден Суворова.

Пора написать, а кто же нами руководил. Начальник госпиталя Джохадзе Николай Ильич строго следил за всем. Замполит Макаров Владимир Ильич очень заботливо относился к нам. Наш ведущий хирург Вержбицкий Сигизмунд Иванович любил порядок, тишину во время операции. Очень чисто делал операции. Хирургами II отделения были: Дятлова Валентина Петровна (живет в Н. Тагиле), Кунич Валентина Григорьевна (живет в г. Харькове). Душой нашего отделения была старшая операционного сестра Телицына Лидия Алексеевна, всегда помогала, подсказывала, что и как нужно делать. Всегда говорила спокойным тоном. Старшина наш Зарецкий Иван Васильевич говаривал так: “Лучше 100 лошадей и 100 конников, чем вас 40”. Он служил в кавалерии, а после ранения попал в госпиталь.

Все же мы порой делали не по уставу. Расскажу один эпизод. Ехали мы по Польше. Остановился эшелон посреди полей и садов. Паровоз ушел. Я дежурила по вагону. Девчата вышли погулять. Вдруг одна приходит и говорит: “Нина, дай ведро”.

Мы что-то нашли. А в саду они нашли домик, где жили пчелы. Набрали меда, при этом двух девчат пчелы “угостили”. Принесли. Мы набросились на мед даже за ужином не пошли, и за завтраком тоже.

- Ведро занято. Дядя Федя, повар, сказал старшине, что первое отделение объявило голодовку. А это в армии ЧП (чрезвычайное происшествие). Пришел старшина и начал нас ругать, кто у вас выдумал эту голодовку?

- Старшина, не шуми, лучше котелок принеси, меду дадим.

- Где взяли?

- В одном месте “оформили”. Угостили врачей, чтобы освободить ведро и идти за обедом.

У нас был еще замечательный и заботливый человек. Это банщик Тарас (к сожалению, фамилию не помню). Он попал в госпиталь после тяжелой контузии. Оглох. Родом из Орловской области. Когда узнал, что его родные погибли, он остался в госпитале. Где бы мы ни были, он всегда в любых условиях, нагреет воды и скажет: "Идите, девчата, мойтесь". В комнате, где делали санобработку раненых, в уголке, поставит бочку с водой, прибьет плащ-палатку, так выделит уголок для нас. Среди нас была настоящая медсестра Панчехина Саша. Она до армии работала на Ису в больнице. Трудное дело всегда выполняла наша Саша. Вот уже 13 лет ее нет с нами. Похоронена в городе Алапаевске. Это ее родина.

ПУТЬ ГОСПИТАЛЯ ОТ ОРЛА ДО БЕРЛИНА!!! 28 раз госпиталь разворачивался для приема раненых, т.е. в месяц больше чем по разу. А каков этот труд, я уже описала раньше. В ночь с 8 на 9 мая дежурила Надя Бабкина. Звонок. Ее вызывает генерал, лежал у нас после ранения и не хотел быть эвакуирован в тыл и говорит: "Сестра слышите? Говорит Москва. Война кончилась".

Ночь. А Надя услышала такую приятную новость, побежала к нам и кричит: "Вставайте! Война кончилась! Ура!"

Мы все выбежали из палат, и давай бегать по комнатам, где находились солдаты и кричали: "Вставайте, война кончилась!" Еще было темно, но мы подняли весь госпиталь. И он стал, как потревоженный улей. Люди радовались, обнимались, целовались. Тут мы встретили своего врача и обрадовали своим возгласом: "Война кончилась". А он: "Почему вы нарушаете военную форму?!" А мы как спали, так и соскочили и бегали по комнатам. Так и извещали об этой великой ПОБЕДЕ. Этот день незабываемый. Все ликовали. Все описать трудно. Тяжелая эта память о войне, но Советский народ победил. Все жили одной мечтой, чтобы победить. В этой ПОБЕДЕ есть частица нашего труда, труда уральских девушек.

Носова Ольга Ивановна

Родилась в 1923 году 14 июня в г. Минусинске. После родители переехали в город Черногорск Хакасской автономной области Красноярского края. Призвана 3.11. 42 г. Черногорским РВК. В 1942 году была призвана в ряды Советской армии и была направлена в 85 гвардейскую дивизию в 188 артиллерийский полк. Служила в полку санинструктором, оказывала первую помощь раненым артиллеристам и отправляла их в медсанбат...

Был такой случай. Шел бой. Ко мне подходит командир и приказывает пойти в блиндаж, где находится более тридцати раненых. А надо сказать, немецкие блиндажи отличались от наших добротностью и сделаны были по всем правилам военного искусства. Ходы зигзагами. Если снаряд попадет в траншею, то он уничтожает военную силу, только на прямом участке, а те, что за поворотом остаются невредимыми. Вот вошли мы в блиндаж. Там человек тридцать. Я начала им оказывать первую медицинскую помощь: обрабатывать и перевязывать раны, и стала готовить их к отправке в медсанбат. С начала войны раненых вывозили на лошадах, на рынванах (так мы называли длинные повозки). Вот на такую повозку и стали погружать раненых. Отвезли в медсанбат. А там им оказывали лучшую медицинскую помощь. У нас блиндажи от взрывов осыпались и протекали. Мою подружку даже два раза заваливало в блиндаже, и еле ее спасли, а ведь были там и раненые. Как-то я транспортировала солдата, тяжелораненого в лопатку. Везла вроде тихо, вдруг смотрю, из раны стало вылезать легкое, которое еще работало. Но раненый в дороге умер. Пришлось его вести обратно, чтобы похоронить вместе с другими боевыми товарищами. С боями я прошагала Белоруссию, была в Орше, Смоленской и Калининской области и войну закончила в Прибалтике. Да прошагала. Ведь сперва наша часть была на конной тяге, вещи и пушки везли лошадки, а мы шагали рядом. Только под конец войны у нас появились машины "студебеккеры", тогда стало полегче. В боях я получила легкое ранение в левую ногу, случилось это при бомбежке. Лечилась тут же, осколок достали из ноги. А еще болела на фронте желтухой. Наша дивизия брала город Ригу, где были очень жестокие бои: прежде чем сдать Ригу нам, немцы дрались крепко. А позади уже была Восточная Пруссия – Родина немцев. Вот 85 дивизия после тех боев и была названа Рижской. А я получила боевую медаль "За отвагу" № 600 382. Там же в Прибалтике закончилась моя служба 6 июля 1945 года. Там же познакомилась с офицером старшим лейтенантом Носовым Александром Ивановичем, который был меня старше на три года и мы поженились. И стала я не Винтовкина, а Носова. Сперва он служил в Эстонии, там и родилась у нас дочь. А с 1960 года мы живем в Качканаре. У меня трое детей, четверо внуков и три правнука. К

сожалению, ветеран войны, мой муж, Александр Иванович давно ушел из жизни.

Корьякина Марья Ивановна

Воспоминание о службе в армии. Родилась 20 июля 1920 года в деревне Ожгиха, Камышловского района Свердловской области. Я жила в г. Свердловске, когда началась война. Работала учительницей. Была комсомолкой. Меня вызвали в райком комсомола и направили учиться на сандружинницу. Сколько продолжалась наша учеба, я не помню. После учебы военкоматом Ленинского района меня направили в 863 инфекционный госпиталь. После формирования госпиталя, нас направили на фронт. Когда госпиталь стоял в г. Торжок, нас сильно бомбили. Помню случай, когда мы передислоцировались на другое место, и попали в пробку. Была зима. Там нас очень крепко бомбили. А дело было так: по дороге на Кушвино есть низина, и в той низине застревали машины, и с их обеих сторон получилось большое скопление движущихся войск. Сначала пролетела "рама". Покружила и улетела. После чего прилетел бомбардировщик и стал бомбить машины. Помню, что мы долго сидели по пояс в снегу в лесу. Такие бомбежки повторялись, хотя над госпиталем висел флаг с красным крестом. Немцы, как видят скопление солдат, пусть это будет и госпиталь, все равно бомбят. В августе 1942 года несколько сотрудников инфекционного госпиталя перевели в 648 полевой госпиталь, в их числе была и я. Сначала я была зачислена как сан дружинница, но позднее меня зачислили медсестрой. Формулировка была такая: в приказе № 0357 по 648 ППГ от 18 декабря 1942 года значится: "С сего числа на вакантную должность младшей сестры хирургического отделения назначаю сан дружинницу Корьякину Марию Ивановну".

Когда я служила в 684 госпитале, тоже не один раз нас бомбили. Очень хорошо помню, когда прямым попаданием в глазное отделение были убиты почти все находившиеся там. Медсестре Ушаковой оторвало ногу. Я в это время случайно находилась в санпропускнике. Принимала раненых, поступивших с поля боя. Я и врач должны были каждого раненого осмотреть, оформить историю болезни, и после этого санитары уносили его в банное отделение, где бойца мыли, одевали чистое белье. После этих процедур раненого отправляли в отделение. Повторяю, во время бомбежки я была в сортировке, по счастью, в ней и раненых не было. Бомба упала рядом. От взрывной волны вылетела стена, и по обе стороны вылетели рамы из окон. До сих пор я не знаю, и понять не могу, как я оказалась под топчаном. Либо взрывной волной меня туда забросило, либо с испуга забралась. Таким образом, я осталась жива. Демобилизовалась 10 июля 1943 года по болезни. Все время боев

находилась на Калининском фронте. Основание: Ф 3123, оп. 442187 д. 4л. 37 684 ППУ входил в состав действующей армии.

Служба ВНОС имела важное значение в противовоздушной обороне, так как являлась первоисточником сведений о противнике. Особенно много женщин и девушек было в частях и подразделениях службы воздушного наблюдения, оповещения и связи /ВНОС/. Служба ВНОС требовала боевой выучки, находчивости, высокой бдительностью и множества других качеств. В этих частях были и качканарки: Седайкина А.Н., Никиша М.Н., Широкова А.В. и другие. Посты ВНОС передвигались вслед наступающим частям фронта и располагались по всему фронту.

Седайкина Анна Ильинишна

Родилась 7 апреля 1922 года в Мордовии. Начала службу в армии с ноября 1942 года. Служила в 62 отдельном батальоне ВНОС Первого Украинского фронта. Начальником поста - с радиостанцией, т.е. оповещение воздушных объектов и сообщения командованию. Прошли города Тернополь - ОПТОВА - Польша. Я задал ей вопросы о памятных эпизодах военной жизни. Вот ее рассказ. "Мы стояли в небольшой деревушке в Польше. Наша задача была оповещать обо всех самолетах, пролетающих в нашем районе. Наблюдатели опознавали тип самолетов, и их направление, и количество и передавали командованию. Дежурная с поста, прибегает и говорит: "Нас окружили!" От неожиданности у меня даже язык отнялся. Я два дня не говорила. Но оказалось, что она заснула, и ей приснилось окружение. Был у нас и другой случай. Мы стояли в Польше. С нами были лошади. Один раз решили заготовить топливо. Стали пилить деревья, а лошадей поставили недалеко от дерева. Поляка, который сопровождал нас, спрашиваем, как поставить лошадь, ведь мы дома никогда не занимались заготовкой дров. А он ответил: " Пшицко едно " Пилим дерево, а оно, падая, закрутилось и придавило наших лошадей. Погоревали, погоревали, пошли к себе в блиндаж. Не знаем, как рассказать об этом командованию..." После войны я работала в колхозе в Мордовской АССР. А в 1950 году переехала на лесоповал в г. Новая Ляля. Благо опыт заготовки у меня был. Смеется. С 1960 года в г. Качканаре в Уралспецстрое, потом на Западном карьере машинистом насоса. Ушла на пенсию в 1977 году.

Никиша Мария Николаевна

Уроженка Кировской области д. Покровское. Родилась 2 марта 1920 года. Призвана в армию Чусовским ГВК. На фронте находилась во 2 отдельном батальоне ВНОС радиотелеграфистом с октября 1943 года - по октябрь 1945 года. Она рассказала мне памятный эпизод. Полк ВНОС стоял на обороне г. Киева. Она - сержант - радиотелеграфист. Сильный, эшелонированный налет на город. У нас снабжение радиостанции было от двигателя, который мы вращали вручную. Для передачи стояли на станции Ирпень и передавали своим в полк. В нашей части было 17 подразделений. Обо всех замеченных полетах передавали в часть. Нас бомбили. Рядом стоял бронепоезд. Вот прорвался стервятник пробомбил этот поезд. Что интересно: там были нары с отдыхающими и главное в шахматном порядке /строго/ были убитые и раненные через одного. Нашли вредителя, который оповестил о составе немцев.

Шубик Зинаида Иосифовна

Родилась 24 октября 1922 года. До призыва в армию работала в Осовиахиме, занималась летно-парашютным спортом. И даже обучала новобранцев. В мае 1943 года была призвана в армию из города Н.Тагила. Сперва попала в Троицкое авиационное училище по классу стрелковского вооружения. А после его окончания попала на Карельский фронт, 195 истребительный авиаполк стрелком по вооружению самолетов типа Яковлев, Дугласов. Данный полк квартировался в разных местах Карелии, это города Сегейда, Архангельск, Мурманск, Кировск, Беломорск. Карельский фронт воевал против Финляндии, а летом 1944 года был заключен мирный договор с ней и она вышла из гитлеровской коалиции. После наш полк был переброшен в Польшу, но я уже не воевала. По демобилизации уехала домой в Нижний Тагил. Где продолжала вести обучение новобранцев по летному делу. Даже имеет спортивный разряд. Начинала обучение в Осовиахиме в Н.Тагиле Шубик Зинаида Иосифовна, а на фронте она уже летала на самолетах летчиком - стрелком. А в конце войны осваивала самолеты Дугласы в Польше. В авиации воевали и качканарки Береснева Клавдия Васильевна, Неволина Ида Тихоновна была радист БАО, но пришлось выполнять и обязанности радиста - телефониста и стартера. Конечно, прежде чем освоить любую военную специальность женщинам пришлось пройти запасные части и там изучить военное дело.

Неволина Ида Тихоновна

Родилась 15 мая 1925 года в г. Ивделе. В армии с 3 марта 1943 года по 29 августа 1945 года. Призвана Краснокамским РВК. Воевала 14 воздушной армии радистом в составе 100 батальона аэродромного обслуживания. Боевой путь: с населенного пункта Будадога Ленинградского фронта – Старая Русса, Калинин – Городец – Псков – Эстония – Кордыпало – Литва – Цевис. В последнем месте и встретила Победу. Летали до Кенигсберга. 100 ДБАО воевало 28 сентября до 26 ноября 1944 года. В Латвии получила ранение в ногу при бомбежке. Там же пришлось исполнять обязанности радиста – телефониста и стартера. Обслуживали истребители, бомбардировщики и штурмовики. После ранения и госпиталя меня демобилизовали из 13 воздушной армии и 13 отдельного полка связи, который находился под Ленинградом. Работала после войны продавцом, товароведом в городе Краснокамске, Полуночном. В 1972 году работала в Качканаре в торговых организациях завторготделом, директором ГОРПУ. На пенсии вышла из ОРСа в 1980 году. Мне понравился особенно один рассказ Кожуховой Ольги. Вот он. Она хорошо обрисовала этот военный период Службы. "На войне рядом с горько-соленым было много и сладкого, если конечно, за сладкое принять просто житейское, смешное. А смеялись, иной раз до слез. В ноябре 1941 года 329 стрелковая дивизия формировалась на Мордовской земле. Полки стояли в лесах, а наш медсанбат расположился неподалеку от станции, в рабочем поселке. Жили в маленьких домиках, а все занятия проходили в здании местного клуба. От домика медсестер в двух шагах. Вот набродимся мы по морозу в часы строевой подготовки или занятий по тактике, – а зима в том году начиналась лютая, – намерзнемся так, что в домик войдешь, хлебнешь ложку щей или кашку на ужин – и место положенной по расписанию самоподготовки – на нары и... спать. Благо, никто за ними в то в то время особо не присматривал и не проверял. И вот, кажется, только – только смежила глаза, а уже крик: Па-а-дъем! Это значит, надо идти строится на вечернюю проверку. А в домике у нас жарко, бывало, что и раздевались еще до отбоя. Всканиваем в одном нижнем белье, а одеться нет времени. На босые ноги, без портянок натягиваем сапоги, на нижнюю рубашку и кальсоны – шинель. И бегом по лестнице вниз, в зал клуба. Почему-то зал был расположен значительно ниже других помещений. Выстроимся перед комбатом – и не дышим, глядим: заметил он, во что мы одеты или не заметил. Сколько раз нам это сходило с рук, теперь и не вспомню. Много раз. Однажды попались. После проверки командир батальона Иосиф Григорьевич Поляков закричал: "Р-р-разойдись!" И вот мы, вместо того чтобы выждать, пока, он уйдет, побежали по лестнице первыми, перед ним. Тут он увидел, что у каждой между шинелью и сапогами сверкают кальсоны...

А ну-ка, а ну-ка, – окликнул он Нюсю Платонову, попавшую ему на глаза.

- Товарищ сержант, воротитесь!

Но Нюся нашлась. Веселая, по-мальчишечки озорная, она серьезным видом прижала ладонь к животу и скорчила жалобную гримасу:

- Товарищ военврач третьего ранга, не могу... А то тут же в штанишки наделаю.... В другой раз! Хорошо!

Комбат просто остолбенел. Пол ночи мы не спали, смеялись, хохот волнами ходил по казарме. А утром проснулись – ждем, не дождемся грозы. Уж скорей бы казнил, не томил наци души. Следим за комбатом глазами. Куда он повернется, туда и вся медрота глядит: вот сейчас он нас выстроит – и разнесет, распушит так, что клочья от Нюси Платоновой полетят. Да и от нас тоже. Но командир батальона и ходит спокойно и глядит не сурово. Даже виду не подает, что накануне произошло нарушение дисциплины. Зато с того вечера в часы самоподготовки обязательно кто-нибудь из командиров взводов или отделений приходил к нам в казарму и проверял: чем мы занимаемся до отбоя, какими делами, какие уставы и учебники изучаем, какие книги конспектируем”. Под Ленинградом в частях ВНОС служили Буторина Анна Николаевна в 42 отд. батальоне, Кузнецова Мария Ивановна была в Архангельской области в частях ВНОС по охране объектов, а после ее направили в Латвию, в Зенитную часть, специалистом по приборам наведения... Там же воевал ее будущий муж.

Плюснина Татьяна Михайловна

Родилась 25 февраля 1919 года в д. Ямны, Кировской области. Закончила фармацевтический институт в 1941 г и была направлена на Дальний восток. 13 марта была взята в армию, направили аэродромного обслуживания - БАО. Была сначала в Монголии в БАО 607 и 820 в районе г. Чайболсан. Началась война с Японией, и они наступали в Манжурии. Она работала в аптеке и заготавливала лекарства для больных и раненых. Ст. лейтенант. Ее муж Машканцев Василий Александрович - фельдшер – капитан медицинской службы. Был в армии с 1936 по 1960 годы. В 1939 году стояли они в Халхин-голе. По Манжурии прошли вместе. Как-то привезли больного, а носилок рядом не оказалось. Пришлось на руках нести до санитарных палаток. Вот так медицина? Они вспоминали, как их самолет полетел на поиски нового места для медсанбата. Сели. Кругом оказались японцы. Они не растерялись, в результате сдался целый батальон. Мы много смеялись. Вот так получилось: летели искать место для полевого госпиталя, а взяли в плен целый батальон японцев. Василий Александрович награжден орденом

Красной звезды, Отечественной войны 2 ст. И медалью "За боевые заслуги". А Татьяна Михайловна еще медалью "За освоение целины". На пенсию ушла в 1974 году из центральной аптеки №227.

Оборона Москвы

О мужчинах, которые воевали под Москвой, у меня есть большая глава: "Горняки Главного карьера в войне". А сейчас пойдет речь об участниках войны, живущих в г. Качканаре. Многие из них участвовали в противовоздушной обороне Москвы. С приближением фронта к границам Москвы активность фашистской авиации значительно возросла: она совершала по несколько налетов в сутки, в которых участвовало по 300 самолетов. С 22 июля по 20 декабря 1941 года вражеская авиация совершила на Москву 8278 вылетов, но прорвались к Москве лишь одиночные самолеты. В своем приказе о действиях московской противовоздушной обороны Сталин писал: "Благодаря бдительности службы воздушного наблюдения, вражеские самолеты были обнаружены, несмотря на темноту ночи, задолго до появления их над Москвой. На подступах к Москве самолеты противника были встречены нашими ночными истребителями и организованным огнем зенитной артиллерии. Хорошо работали прожектористы. В результате этого более 200 самолетов противника, шедших эшелонами на Москву, были расстреляны, лишь одиночки прорвались к столице".

Большой вклад в защиту столицы внесли женщины и девушки, служившие бойцами войск противовоздушной обороны Москвы. Только в 1942 году в ПВО Москвы пришло более 20 тысяч девушек. Надо отметить, что девушки, — бойцы ПВО, зарекомендовали себя дисциплинированными, храбрыми и хорошо знавшими свое дело воинами. Наблюдатель 12 полка ВНОС В.Г. Вековщинина отлично владела искусством опознания авиации в воздухе. Однажды в воздухе было шесть наших самолетов — один ПЕ-2 и 5 истребителей марки "харрикейн". Когда они возвращались с боевого задания, в хвост пристроился вражеский самолет ХЕ-III. Вековщинина опознала самолет по шуму моторов и разгадала его намерения: он шел бомбить охраняемый объект. Только бдительность наблюдателей помешала врагу осуществить коварный замысел. Не раз отличались и наши качканарские девушки. Они прекрасно знали все типы самолетов, тончайшие особенности их конструкций, возможности и повадки гитлеровских летчиков. В совершенстве изучив работу их моторов, знали все оттенки их звучания. Сами участницы рассказывали мне об этом. На защиту воздушного пространства столицы встали патриотки многих сел и городов страны Советов. В том числе девушки из Свердловской области приехали

целым эшелоном. Об этом они будут рассказывать сами. Нужно отметить, что женщины вполне достойно работали прожектористами, наблюдателями, телефонистками внососских постов, аэростатчицами.

Одна из представительниц аэростатчиц Качканара – **Раскачаева Лидия Александровна**. Начала она службу с 14 апреля 1942 года, когда я писал, эти строки она ушла из жизни (август 2001 г.). Девушки аэростатчицы умели работать при любых метеорологических условиях, освоили все специальности аэростатчика. До прихода девушек в аэростатные части профессия моториста считалась исключительно “мужской”. Теперь девушки в совершенстве овладели лебедкой и успешно работали на ней. В аэростатных войсках была еще наша качканарка, только воевала она под Ленинградом. Это Сагалова Анна Ильинична. Родилась в 1921 году. Представителем аэростатчиц является Малявина Антонида Степановна. Родилась 3.01.1922 г. Служила во 2 дивизии ПВО г. Москвы. она участвовала в обороне г. Москвы.

Воспоминания ветерана войны бывшего старшего сержанта Мамонтовой Алевтины Сергеевны

Родилась 30.06.1920 г. призвана Исовским РВК. В апреле 1942 года была призвана в армию Исовским военкоматом. Нас призвано много. Родителям и родственникам не верилось, что мы будем военнослужащими. По пути в Свердловск к нам присоединились девушки из других населенных пунктов. В Перми к нашему эшелону подцепили несколько вагонов и так было до Москвы. В Москве (после недельного карантина) распределили в части. Кого в пулеметно-зенитные полки, кого в аэростатчики, а я попала в 1789 зенитный артиллерийский полк 62 ЗА дивизии. Обучали телефонистов, разведчиков по опознанию вражеских самолетов. Нам было все в новинку. Мы и самолеты-то видели редко (в основном в кино). Вначале служили в Москве, в Химках, на обороне завода. В 1943 году перевели в д. Кубинку на оборону аэродрома. Аэродром большой. Налеты вражеской авиации были часты. Нам, разведчикам, приходилось быть на вышках и передавать все данные на командный пункт. В этом же году нас перевели в п. Подберезье Калининской обл. на оборону авиационного завода, большого Московского водохранилища и дамбы. Налеты также были часты, но ни дамбу, ни плотину разрушить не смогли. В этом же году наш командный пункт перевели в п. Большая Волга недалеко от первого шлюза канала Москва-Волга. В этом же году я заболела воспалением легких, и после болезни меня перевели из разведчиков в штаб полка старшим писарем секретной части, звание уже было старший сержант. В 1945 году прибыло

новое пополнение. День Победы я встретила в Москве. Нам с подругой дали увольнение (у нее родители жили в Москве). Вышли из вагона и не могли понять, что происходит с людьми: одни плачут, другие радуются; песни, музыка, но потом и мы присоединились к этому оживлению и тоже радовались, что пришел конец войне. В полку все были дружны и при налете в панику не бросались, работали. Умели воевать, горевать и веселиться. Очень хороший был командир полка – майор Макась. Он был нам как отец родной. В июле 1945 года меня демобилизовали. Как и вначале войны ехали эшелонами в теплушках, возвращались в свой родной Исовский район.

Вот рассказ другой однополчанки **Алевтины Семеновны Новоселовой (Нагаевой)**. Родилась в 12.07.1922г., призванная Исовским РВК в апреле 1942г. До войны я жила в поселке Ис и работала в горкоме комсомола. Когда началась война, мне было 18 лет, а в 1942 году, весной в самый трудный, самый напряженный момент войны, вместе с другими уральскими девушками я пошла на фронт. Добирались мы от Свердловска до Москвы в течение 10 суток. По прибытии в Москву нас направили в Чернышевские казармы, где распределили по зенитным батареям. Я попала на Московский фронт ПВО в 62 дивизию 751 полк 15 батарею. Командиром дивизии был Набатов Анатолий, начальником штаба дивизии Трегубов, командир полка Макась, командиром Смирнов Александр Васильевич. Это были очень порядочные, знающие свое дело люди. Все небо над Москвой было заграждено аэростатами для того, чтобы ни один фашистский стервятник не смог прорваться в небо Москвы. Мы, в свою очередь, следили, не был пропущен к Москве ни один вражеский самолет. Я служила телефонистом-разведчиком во взводе управления. У нас были ежедневные занятия по строевой подготовке, по боевому уставу зенитной артиллерии, так называемая БУЗА, учения по стрельбе, занятия по изучению немецких самолетов. Добрым словом до сих пор вспоминаю всех однополчан. Все девушки были очень хорошие, как на подбор: Аня Алипова, Катя Старостина, Катя Завалина (тоже исовчанка). Мы жили дружно, как одна семья, все делили пополам. Война для девушек – трудная работа. Дежурили в любую погоду: в снег и ветер, в дождь и солнце, стояли на посту, ходили ловить вражеский десант. Как-то нас подняли по тревоге и дали задание найти вражеского десантника. Дело было ночью. Надо спешить, и мы бежали шеренгой. Пробежав какое-то время, нарвались на колючую проволоку. Я порвала шинель и гимнастерку. Десантника мы таки не нашли. В конце тревоги нас выстроили. Когда мы выстроились, комбат стал проверять нашу форму. У меня шинель так и осталась на колючей проволоке, а гимнастерка порвана. Комбат посмотрел на меня и отнесся милостиво. После осмотра пришлось мне приводить себя в порядок. За время моей службы наша батарея охраняла аэродром в районе Старой Рузы, возле деревни

Кубинка. Как-то там к нам приехал зам. командира дивизии Ахметрагов – с проверкой. Я стояла на посту. Он подошел ко мне и стал спрашивать. Вот, если в бинокле самолет уложился 0.03, а известен размах крыла 18 метров, то какое расстояние до самолета? Я ответила 6 километров. Молодец. И он уехал. На другой день звонок: “Нагаеву отправить на службу в дивизии”. Командир батареи попытался, было отстоять меня в батарее: “Возьмите любую девушку”. Но меня отправили продолжать службу в дивизии. Как-то там же, в Старой Рузе, произошел такой случай. Меня командир отправил к больному солдату, который находился в больнице. Дело было вечером. Идти надо было через аэродром. Солдат, охранявший его, меня пропустил, но сказал, что обратно нельзя идти по аэродрому, не пропустит... Я решила идти обратно вокруг аэродрома. А местность там была болотистая, и я заблудилась под деревней Чапаева. Ходила, ходила. Темень, ничего не видно. Ночь уже, а кругом вода. Куда ни пойду – болото непроходимое. На мою беду, вдруг где-то бросили осветительную бомбу. И я увидела невдалеке деревню, и по перешейку добралась до нее. Увидела первый огонек в домике на окраине деревни. Но меня не пустили. Пошла в следующий дом. Там хозяйка отнеслась хорошо ко мне, оставила отдыхать. Я попросила, чтобы с спозаранку разбудили меня. Но хозяйка пожалела, не разбудила. Я оказалась в другой стороне от части. Пока дошла до нее, было уже светло. Люди смеялись и шутили надо мной. Во время рассказала о моем блуждании, хохот стоял во всю. А людям во время войны часто нужна разрядка. И шутки были незлобивы. Но мое путешествие здорово мне запомнилось, хотя прошло столько времени. Была еще одна боевая тревога. Высадился вражеский десант. Нам дали задание найти десантника. Ходили покосами, тыкали в стога, но так и не нашли. Крепкий был лазутчик. За время службы в ПВО нашу батарею перебрасывали в разные места. Были в районе деревни ИКША под Москвой, которая стоит около канала Москва-Волга. В Калининской области в районе поселка Подберезье охраняли дамбу Московского моря. Закончила войну в 1945 году в мае месяце в районе деревни Икша. В июле месяце 1945г. демобилизовались. За службу Родине в годы войны имею орден Отечественной войны и медали.

Прочитал я воспоминания Мамонтовой, о защите дамбы Московского моря и авиационного завода Подберезья и подумал о том, как тесен мир и как все в жизни взаимосвязано, ведь Подберезье – это родные места, моей жены, где жила она перед войной. Ее родители работали на строительстве канала, строили дома поселка. Сам авиазавод тоже был построен в 1938 году. Семья моей жены не эвакуировалась, так как тяжело болел отец. Только ребятишек у них было семеро: мал мала меньше. Школу закрыли, ребята не учились. Продукты не отоваривались. Всем руководила их мать. Было трудно, но они выжили. Сперва пошла работать Таня, в 1942 году на авиазавод. Работала плазовщиком. Эта

работа заключалась в том, чтобы с чертежей выносить детали в истинную величину самолетов. Завод был крупный и значимый. Не зря рядом стояли зенитные части, не допуская к дамбе и авиазаводу самолеты врага. Потом работать пошла ее сестра Маша, за ней малолетний братишка Миша пошел подпаском. Летом собирали ягоды, грибы. Они их так наелись за войну, что Маша и сейчас не хочет их видеть. Косить траву приходилось на лугах, оставленных колхозами во время войны. Немецкие самолеты часто летали над поселками и бомбили. Один раз, Таня с девчушками 14-16 лет попали под обстрел. Налетел фашистский стервятник и начал по ним строчить из пулемета. Они побежали. Солдаты им кричат: "Ложись, ложись!" Но где там, у страха глаза велики. Но все обошлось удачно, пули свистели и разрывались рядом. Они, зная, родились в "рубашке", их пули не тронули. Старшие подруги жены были мобилизованы на строительство укреплений. А когда немец подошел к их местам, то своим ходом добирались домой. Я уже писал, что немцы были на том берегу Московского водохранилища. Охрана дамбы была стратегической задачей. А прорыв дамбы подверг бы серьезным разрушениям и места по самой Волги. Поэтому до конца войны, до самой Победы, здесь были зенитные войска. Поселок не раз менял свое название: Подберезье – Ивановково – Дубна. Граница Московской и Калининской области проходила по реке Волга. Но когда начали строить "консервный завод", т.е. Дубну с ее атомным центром на той стороне, Подберезье-Ивановково было передано Московской области. И стал одним городом. Так что фронтовики вспоминают поселок Подберезье Калининской области. Поселок Большая Волга находится на той стороне Волги, где начинается канал Москва-Волга. А из Московского моря идут шлюзы в Волгу. Тут же находится Канаковская электростанция. А место под дамбой освоили московские рыбаки, которые ездят сюда на электричках. Да и местные рыбаки ловят там же. В этот же район приезжают и охотники, он был любимым местом охоты сына Сталина Василия. Охотился он на лосей, кабанов и речную живность. Как-то Таня ходила в лес за грибами. А лес здесь в основном березовый. Она так увлеклась сбором, что не заметила, как столкнулись нос к носу с лосем. А тот зная тоже увлекся едой, подпустил так близко. Оба опешили, столкнувшись друг с другом. Постепенно лось важно и нехотя ушел с этого места. Когда мы поженились и приехали в Подберезье, то через поселок шли по болоту, а теперь это место застроено многоэтажными домами. Болото засыпано. Образовался большой культурный город. В городе люди в основном ездят на велосипедах и на работу и по магазинам. Есть специальные остановки. Как-то я со своими малышами решил сходить на рыбалку, только не под дамбу, а на глиняный карьер. Там водилось много ершей, и хотя я не рыбак, но развлечь ребятшек надо. Взяли удочки и пошли рыбачить. Сперва плохо клевало. Тут мы решили подкрепиться, но и у рыбы-то начался клев. Еле успевали

закидывать удочки и вытаскивать ершей. Тут еще дождик начал накрапывать, перешел в сильный, но мы пришли домой с большим уловом. Бабушка сварила ушицу, только рыбу варили в марле, так как рыба была мелкая. Хороша уха из ершей. Навариста. Мы с удовольствием поели. Вот такова местность, где воевали наши качканарки под Москвой. Построенная дамба Московского моря протянулась более чем на 5 километров от начала канала до деревни Залесье. Вот на ней и стояли зенитные батареи. С падением Москвы Гитлер связывал победоносное завершение "молниеносной войны". Немецкое командование сосредоточило на московском направлении значительные лучшие силы Германии, пехотные и танковые войска и около 1 тысячи самолетов, из них половина бомбардировщиков. Создалась угроза столице. Жители Москвы и Подмосковья возводили оборонительные сооружения на ближних и дальних подступах к столице. Были сооружены железобетонные надолбы, баррикады, проволочные сооружения, арт. и пулеметные точки. Неоценимый вклад в защиту столицы внесли жители Москвы и области. Из 600 тыс. человек, работавших на строительстве укреплений 80% составляли женщины. Ни дождь, ни снег, ни пронизывающий ветер не смогли остановить работы патриотов. Не сломали их волю к победе и непрерывные налеты фашистских самолетов, бомбежки артиллерийские и пулеметные обстрелы. Такова была обстановка в районе столицы. Жена еще девчушкой пошла работать на авиазавод. Вначале авиазавод был эвакуирован, но, как только немцев отогнали от Москвы, на его место приехал другой авиазавод.

Г Самоотверженно трудились женщины-воины и на военно-автомобильных дорогах. В тяжелых условиях, не щадя сил, а порой и жизни, они строили, восстанавливали дороги, мосты, сооружали переправы, регулировали движение транспорта. Военно-автомобильные дороги имели в годы войны особое значение. Они были важным средством связи фронта с тылом, обеспечивая подвоз к передовой вооружения, боеприпасов и горючего, продовольствия и питания. Регулировщикам движения и контролерами на КПП работали бойцы-девушки, выполняющие ответственное задание. Качканарские фронтовички являются представителями разных родов войск: так на восстановление железной дороги была Литингмей Нина Александровна, шоферами Шулупова Анастасия Евдокимовна, Плеханова Евдокия Николаевна и др. Мотузова Устинья Семеновна... Шофером в авиации служила Стольниковна Анна Илларионовна.

✓ Воспоминание шофера Шулеповой Анастасии Евдокимовны.

За месяц до начала войны нас, девчат, начали готовить в сандружинницы. Учили как ребят допризывников, но только еще учили делать уколы и перевязки. На второй месяц началась война. И нашу команду сразу организовали для оборудования госпиталей в школах. А после мы готовили госпиталь, чтобы ехать ближе к фронту. Набрали все необходимое у населения (госучреждений), погрузились вагоны и отправили в сторону Москвы, а из Москвы в Калугу. Там нам дали бывший институт, во дворе одного из зданий размещались ветврачи. Немцы только перед этим отступили. У немцев там была комендатура, где в подвалах расстреливали наших мирных людей. Вот здесь мы почувствовали, что такое война. В феврале 1942 г. подала рапорт на курсы шоферов и училась в г. Подольске. После окончания курсов и меня направили в 13 АД на 212 комендантский участок дороги Москва – Брест – Варшава. Потом Варшава – Кенигсберг; с последнего доехала до самой границы Германии. Занимались ремонтом дорог. Был у нас питательный пункт для проезжающих войск. Первые годы работала на бензовозе ЗИС-5, в конце войны дали бортовую полуприцеп, тогда подвозила продукты питания. За нами была охрана мостов, оказание медицинской помощи и ремонт машин. В Польше ездила на проческу леса – ловили наших врагов, которых немцы забрасывали в наш тыл для взрыва мостов, это мешало нашим войскам передвигаться к фронту и прерывало снабжение армии. Когда кончилась война, мы возвращали оборудование заводов и фабрик, которое было увезено в Германию фашистами, перевозили и наших людей обратно. Гнали скот, а нам приходилось охранять дороги от нападения фашистских прихвостней. Да еще в 1944 г. пришлось охранять автодорогу, когда Сталин ехал на фронт. Прошло 10 машин, все одинаково черные, а в них сидели все генералы. Все как один похожи – попробуй узнать, который был Сталин.

Домой ехала до Бреста, там сдала машину и пересела на поезд. Приехала в июле месяце 1945.

Зная, что Иванову Николаю Ивановичу является родственницей шофер военных лет Плеханова Евдокия Николаевна, я обратился к нему, чтобы он помог сделать записи ее воспоминаний о тех годах. Вот они. Призвана в феврале 1944г. Ашинским военкоматом (г. Аша Челябинской области). Три месяца находилась на курсах шоферов, затем в учебной части, которая стояла в г. Городец Горьковской области. В феврале 1945г. часть перебросили в г. Калинин. С этого времени находилась в запасном полку. Подвозили на аэродром боеприпасы, возили раненых, которые прибывали на вокзал на санитарных поездах, в госпиталь. Демобилизовалась в середине июля 1945г. в двадцатых числах июля вернулась домой. такова ее краткая военная биография. В

разговоре с Николаем Ивановичем меня заинтересовал эпизод из его горкомовской деятельности. Провожу запись его воспоминаний.

“Многое уже забылось из жизни и работы, но остался в памяти такой факт. В шестидесятые годы (примерно в 1966г.) мне пришлось беседовать с женщиной, жительницей Качканара, к сожалению, не помню ни имени, ни фамилии. Она была у И.В. Сталина на приеме. Дело было так: сосед по лестничной площадке жаловался на нее, что она держит в квартире собаку овчарку, которая не дает покоя соседям. Я встретился с этой женщиной, разбирая факты, указанные в жалобе. В конце нашей беседы она поведала мне, что была на приеме у Сталина 15 минут. Меня это заинтриговало. Я попросил ее рассказать мне об этом. Вот ее рассказ.

“Я была замужем, муж мой был военным, командиром полка. Когда началась война, мы оказались на передовой. Первые месяцы войны я была постоянно с ним, моталась по всему фронту. Вскоре он погиб, я очень переживала, постоянно плакала. Солдат-водитель, который возил его, был уважаемым человеком в нашей маленькой семье. Он сказал мне: “Не плачьте, я вас не брошу”. И так я осталась с ним. А в первые годы мы отходили от границы и были в окружении. Позднее мы оказались в Качканаре. Он работал в автобазе № 5, а я домохозяйкой. Мне подсказали, что я имею право получать пенсию на погибшего мужа. Я начала обращаться в соответствующие органы, но везде получала отказ. Поехала в Москву в министерство социального обеспечения, где также получила отказ. Пришла на вокзал и стою реву. Подходит милиционер, спрашивает: “Что плачете, гражданка?” “У меня даже денег нет купить билет и уехать домой». Он предложил мне: “Попытайтесь попасть к Сталину на прием. Он принимает, расскажите свою историю» А где, на что я должна жить?! Он назвал мне улицу, где находится Китайское посольство, посоветовал попроситься к ним и рассказать все, что рассказала ему, а уж они помогут. Была – не была, пошла искать указанное посольство. Нашла. У ворот меня встретил мужчина. Я ему рассказала, в какую беду попала. Он позвонил по телефону, вышел человек, провел меня в помещение. Вновь рассказала, что привело меня к ним. Затем меня накормили, определили с жильем. На второй день повезли в приемную, где производится запись на очередь. Там я еще раз рассказала о своих мытарствах с пенсией, выслушали, записали и поставили на очередь. Все получилось, как в сказке и не верилось, что все это наяву. В китайском посольстве почти две недели очень заботливо относились к моей личности. Пришел день приема, пропуск в Кремль был оформлен, и представитель посольства, привел меня в приемную. В ней находился мужчина, очень вежливо обратился ко мне, мы вас ждем. Повел меня в кабинет к Сталину. У меня поджилки затряслись, думала язык отнимется, как я буду говорить. Зашла, поздоровалась. От ответил: “Здравствуйте” и пригласили сесть. Задаёт вопрос, что меня привело к

75

нему. Как-то все было по-простому, и мой язык развязался. И я все рассказала с самого начала, как с мужем была на фронте, как он погиб и как сложилась моя дальнейшая судьба. Он внимательно выслушал меня, ни разу не перебил, в конце сказал: "Поезжайте домой, все будет в порядке".

Мужчина, с которым мы зашли к Сталину, вышел вместе со мной, сказал: "Посидите здесь". Через несколько минут мне принесли билет в обратную сторону и дали конверт с деньгами. Приехала домой, как герой, встретили меня, как космонавта, вручили пенсионное удостоверение. Всего 15 минут была у Сталина на приеме. В конце поняла, что все это помогли мне сделать представители китайского посольства. За что я им была благодарна". Этот рассказ Иванова я привожу для того, чтобы показать, что как ни занят был Сталин, но он вел прием трудящихся. Не в пример нынешнему руководству. Я же не мог попасть на прием к генеральному директору ГОКа.

К осени 1941 года в районе Ленинграда сложилась такая обстановка. Немцы находились в конце августа на подступах к городу. Развернули ожесточенные бои. Но фашистам удалось форсировать реку Мгу и захватить г. Шлиссельбург, таким образом отрезать с востока г. Ленинград и блокировать его с суши. Связь с Ленинградом с 8 сентября поддерживалась только по Ладожскому озеру и по воздуху. Немцы пытались форсировать реку Неву и соединиться с финскими войсками на Карельском перешейке, но получили отпор. К концу сентября фронт на южных подступах стабилизировался. Все сухопутные коммуникации Ленинграда были перерезаны. Боевые действия принимали явно затяжной характер. В этих боях активное участвовали многие жители Качканара. Так под Синявинскими болотами развернулись ожесточенные бои. Советские войска пытались прорвать блокаду Ленинграда, но все усилия в первые дни оказались безрезультатны. А уничтожение Бадаевских складов, обрекло жителей на голодное существование. В этих боях принимали качканарцы: в лыжном батальоне Н.П. Тукмачев, Урванцев С.М., Хоруженко В.Е., Целищев Е.И.; и др. В Качканаре живут блокадники, это Ю.В. Бут, Н.Н. Балагурова, Громов В.С., и др.

В настоящее время в Качканаре живет морячка Балтийского моря Лапина Валентина Сергеевна. Привожу ее судьбу в годы войны, описанную Краснопевцовой в газете "Качканарский рабочий".

"В.С. Лапина – первостроитель Качканара. Она хорошо помнит 1957 годы, дощатую, с земляным полом столовую, ставшую ее первым рабочим местом на ударной стройке. Помнит и все последующие годы, отданные беспокойной работе в ЖКО. Но, пожалуй, крепче всего ее память хранит то время, когда она была девчонкой Валей Дегтяревой, и те пути-дороги, которые привели ее в Ленинград. Девушке было

семнадцать лет. Ленинград, куда она приехала учиться, встретил приветливо. Его прямые, широкие проспекты и улицы, зеленые бульвары и парки, величественные здания, веселые, стремительные люди и спокойное течение Невы – все это сначала ошеломило провинциалку, потом стало знакомым и привычным, вошло в сердце как ощущение чистоты, простора и света. Здесь Валя окончила годичную школу при книготорговом техникуме и в числе немногих была оставлена работать в городе на Неве. Ленинградский Дом книги – огромный мир, где причудливо переплелись человеческие судьбы и великие открытия, где далекие века соседствовали с днем сегодняшним. В магазине постоянно люди: рабочие, ученые, студенты. И мальчишки, которые спрашивали “книг про войну”.

А война пришла сама, без спросу и неожиданно. И вскоре в быт ленинградцев вошло новое, страшное слово зима. Нева была скована льдом и покрыта снегом. Словно скованный морозом, остановился транспорт. Погас свет, люди мерзли, голодали. Все будто замерло. Но жизнь не прекращалась, как не прекращалось течение Невы подо льдом. Люди жили и боролись. По комсомольской путевке поступила Валя на курсы шоферов, она окончила их в короткий срок и стала водить полуторку ГАЗ-2а, а возить приходилось разные грузы, даже самый страшный – человеческие трупы... Нет, это был не сон. Люди умирали от голода и болезней, умирали ежедневно, погибали у рабочих мест, падали на улицах. Однажды упала и она. Валя хорошо помнит этот день 22 января 1942 года. Как всегда, рано утром, пошла на работу. Жила у Московского вокзала, а гараж, в котором работала, был на Васильевском острове. Путь не близкий, километров пять или шесть будет. Шла медленно, как ходили теперь все ленинградцы. Вот впереди пожилой мужчина. Он, кажется, уже не идет, а стоит. Вот сделал шаг, согнулся, присел, потом резко упал и так замер, согнувшись на снегу. “Куда он шел? Где работа? Кем был до войны?” – подумала Валя и вдруг почувствовала, что и она медленно опускается на снег. Посидела, пытаюсь подняться, но ноги словно отнялись, не подчиняются. Обессиленную, но еще живую, нашли и подобрали ее ребята из гаража. Работать больше не пришлось. Она лежала. Если раньше по сигналу “Воздух!” вместе с другими спешили в бомбоубежище, то теперь, не в силах подняться, она лежала, накрыв голову подушкой. Да если бы и могла – разве набегаешься, когда воздушная тревога бывает до сорока раз в сутки. Знать, не суждено ей было умереть. Как многих других ленинградцев, спасла ее “дорога жизни” через Ладожское озеро. Весной 1942 года вернулась девушка домой, в Кировскую область. Родные с трудом узнали в этом изможденном, слабом существе свою Валю. То ли родная деревня, то ли молодость, или само суровое время вернули Валентине прежние силы, и девушка уходит на фронт. Сентябрь того же 1942 года, и вновь Ленинград, снова Ладога – так распорядилась ее военная судьба. Четыре военных года служила

75

Валентина на Балтийском флоте. Суровый режим военного времени, постоянные опасности, гибель близких людей – но ведь Валя из Ленинграда, она знает блокаду. А для того, кто это пережил, нет уже ничего страшного...”

Старшина 2 статьи, место службы Ладожская флотилия Балтийского флота, продовольственная часть, которая обеспечивала Ленинград продовольствием по “дороге жизни”. Не раз она выходила на катерах по Ладожскому озеру. Строгий учет. Она писарь части. Все это при ожесточенной бомбежке немецких самолетов, при любой погоде, шла непрерывная работа по снабжению города Ленинграда по “дороге жизни”.

Вот уж когда была снята блокада города и немцы были отогнаны от Ленинграда, их часть по реке Неве через Ленинград была переведена на Балтийское море в 1944г. перевели в Эстонию на остров Эзель (основная база находилась в Виндано). Только сентябрь 1946г. Лапина была демобилизована.

Литингмей Нина Александровна

Призвали ее в июле 1943 Бежавским РВК Оренбургской области. Попала она в 61 отдельную железнодорожную роту на Волховском фронте. Обучали обслуживать железные дороги, которые шли к самой передовой. В январе 1944г. была прорвана блокада Ленинграда в районе Синявинских болот, где проходили сильные кровопролитные бои. В районе Невской Дубровки со стороны Ленинграда был прифронтовым городом. Началось строительство узкоколейной дороги вдоль Ладожского озера. Рассказывает Нина Александровна: “Нас обучали железнодорожному делу, правильному обслуживанию. Учили на стрелочников и дежурных по станциям. От станции ДНО была положена узкоколейка в сторону Ленинграда. Вот мы и ее и обслуживали. Поезда ходили только ночью. Немецкая авиация все время летала над нами и не раз бомбила. Никаких сигналов не было. Мы поезда встречали около семафоров и сопровождали их на станцию. Почти все станции в то время почему-то назывались “Сосна”, “Береза”, “Ольха”, и пр.

В сторону Ленинграда везли продовольствие, солдат, а обратно раненых. На месте боев убитых собирали, укладывали штабелями, а потом хоронили. В болотах города Ленинграда росла брусника, клюква, черника, голубика – там называли гонобобль – пьяника. Собирали ее и ели, от этого голова кружилась. А рядом с ней росла какая-то трава, которая действовала на голову. Когда поезд подходил к семафору, он останавливался. Мы подходим к нему, вставали на подножку и провожали до станции. Паровозы работали на торфе. Вот как-то один раз

возвращался фашистский самолет, а поезд только отправился. А нам нельзя бросать состав. Он его обстрелял, но не бомбил, знать от бомб раньше освободился. Что-то все же сбросил, – а у нас сердце в пятки ушло. А бежать до леса далеко, так что сжались в комок и ехали дальше. На железнодорожной станции пути были с нормальной колеей и здесь проходила перегрузка материалов и груза. Весной 1944г. нас перевезли в город Торжок. Там формировался шестой железнодорожный полк, мы вошли в его состав. И с середины лета 1944г. мы двигались за передовыми частями. Прошли Белоруссию, Польшу. Путь Малая Вишера – Старая Русса – Дно – Гродно. Войска освобождали территорию, а наши путейцы восстанавливали железную дорогу. Особенно была разбита станция Гродно, все железнодорожное хозяйство, вот где пришлось поработать. У нас были свои путейцы и своя тяговая сила и эксплуатационники. Я уже в то время работала дежурным по станции. А бомбили нас часто. Вот натерпелись мы страху!

Из Польши нас направили в Венгрию. Дошли до станции Тиссенфурет, все восстанавливали железные дороги и обслуживали их. Там был такой случай. Я встречала поезд. А машинист поезда меня узнал и окрикнул. Оказался муж моей сестры. О многом хотелось поговорить, но надо продолжать работу. Война. Вот начался 1945г. нас повезли на восток. Конец войны мы встретили в дороге. Довезли до станции Акмолинск. И там мы стали обслуживать ж.д. Акмолинск – Караганда, где я уже работала оператором. Вот и все. В атаку я не ходила, подвигов не совершала. Но обстрелы, бомбежки, кровь и смерть все это видела. Они были рядом. Конечно, деревенским девчонкам все это было страшно. Некоторые говорят, не страшно, а мне страшно. Потому что железнодорожные станции постоянно обстреливали и бомбили. На моих глазах погибали мои товарищи. И только в ноябре 1945г. я вернулась домой.

Стольниковая Анна Илларионовна

Родилась 18.10.1924. в апреле 1942 г. с подругой написала заявление в военкомат, который находился в 25 км от места нашего жительства – села Мари-Мурек Марийской АССР. Нам ответили “Пока справлялся без вас, будет нужно позовем”. Отправились обратно. В апреле 1943г. получили повестки явиться для отправки в действующие части. На пересыльном пункте, после комиссии, признали годными. Через несколько дней направили с сопровождающими до места назначения: село Бессоновка Тульской области, где находилась школа подготовки шоферов. Через 6 месяцев получили права, а из воинской части приехали покупатели. Мы с подругой оказались разделены. Нас 4 человека взял

75

капитан Жиленко. После формирования эшелона, отправились. Подъезжали к Старой Руссе, только, что подвергшейся бомбежке эшелон. Бомбили станцию. Все кругом летело, взрывались бомбы. Гремели взрывы, было что-то невообразимое. Свету белого не было видно. В это время я получила ранение я до сих пор не пойму: или доской, или камень и, или чем-то еще. Но медик мне оказал помощь, сделал перевязку. Когда все утихло, мы поехали. Не помню первый город, военная часть 40434 Первая воздушная армия Второй Прибалтийский и Третий Белорусский фронта, где проходила моя служба. Несколько раз я отвозила состав на аэродром на боевые вылеты. Техника была плохая, со стартера не заводилась, нужно было крутить рукояткой, а сил маловато. Вели дежурство на аэродроме, их охрана, была в БАО, наблюдение за воздухом при приближении вражеских самолетов. А когда мы меняли аэродромы, то благоустроивали летные поля. Вскоре приказом по батальону перевели в штаб. Моей обязанностью было собрать строевые записки о численности состава, принять аттестаты от летного состава, выписать продукты для их питания (а столовых было четыре), присутствовать при составлении меню. Их составляли врач, повар, а мое дело не допустить перерасход или недовес в денежном выражении. После их обслуживания вновь выписывала аттестаты о снятии с довольства. Мы с Восточной Пруссии. Помню города, в которых мы располагались, это Инстенбург, Дольштет, Хохенштейн и многие другие, разве все упомнишь. В то время отделы штаба были расположены отдельно: строевой, продовольственный. С наших аэродромов летали на задания ежедневно в Кенигсберг, на Косу Фриш, Пиллау. Позже, когда Кенигсберг был захвачен, немцы отошли на косу. Это узкая полоска земли протянутая от Земляндского полуострова до Клайпеды. Они находились там до конца войны. Нашей авиации там целей хватало. Весь летный состав был всегда в боевой готовности. Часто к нам прилетали асы: командир эскадрильи Кожедуб – неунывающий народ. Нам особенно запомнился его медвежонок Машка. В отсутствии хозяина она ходила по расположению части, лазала по деревьям, а когда ее звали, то откликалась и бежала к звавшим. Был очень умный медвежонок. Летчикам приходилось летать повсюду, где они требовались, но и на нас налетали вражеские самолеты, тогда приходилось искать разные укрытия. О Победе мы услышали в час ночи, но выбежали с ружьями, так как кругом была стрельба, и люди плакали от счастья. Кругом раздавались возгласы: "Победа! Победа! Живем!"

Домой я вернулась в апреле 1946г. так как была задержана, как сотрудник штаба (с моего согласия) до перебазирования в Россию. Но штаб был закреплен на прежнем месте. Кенигсберг стал Калининградом. 60 батальон прошел по Эстонии, Латвии, Литвы, Восточной Пруссии и Польше.

Чем чаще я беседую с участниками войны по их воспоминаниям, тем больше я узнаю о пересечении их боевых путей.

Принесла мне свои воспоминания Нина Александровна Литингмей. Прочитав ее записи, я стал задавать наводящие вопросы. И оказалось, что ее история связана с Ленинградом, с обслуживанием узкоколейки, построенной после снятия блокады. А рядом была другая участница обслуживания "Дороги жизни" - морячка Лапина Валентина Сергеевна, ее база была на побережье Ладожского моря. И уже летом она воевала, доставляя продовольствие через Ладожское море, ну а зимой шофера сменились другими.

А кто строил эту дорогу на Ленинград, кто защищал сам Ленинград?

А кто пробивал эту блокаду? – Целищев, Урванцев, Хоруженко...

А блокадники, живущие в Качканаре? – Бут, Фадеева-Стаханова...

А моряки Балтийского флота?

Пересекаются пути и других фронтовиков. Вот рассказала Нина Александровна про город Дно и Старую Руссу, а там воевала наша Медовщикова Зинаида Григорьевна, чем дальше их рассказ о боевом пути, тем больше новых фамилий участников. И я невольно вспоминаю тех фронтовых побратимов, которые встречались на фронтовых дорогах и в боях. Мамонтова и Новоселова, оказалось, защищали небо Подберезья, где жила семья моей жены, и она сама и трудилась там на авиазаводе. Ее дядя Гриша без вести пропал в Ленинграде, но пришел его земляк, и сообщил, что он умер от голода, защищая Ленинград. Написала воспоминания Веретина А.В. про бои в Заполярье и там новые фамилии участников: в Мурманске – наш Рыжков П.А., Киркенес-Галышев Е.И., чуть южнее Финляндии воевали Питателев С.И., Смышляев И.В., Соколов В.И., Симонов И.Х. и др. Глава "Преодоление" рассказывает лишь об участниках войны 1941-1945г, работавших на Главном карьере и является как бы историей Великой Отечественной в миниатюре. А так хотелось бы раскрыть эту тему полнее. Но, как говорил Козьма Прутков: "Нельзя объять необъятное". Но стремиться к этому надо. Пусть потомки об этом помнят. словно невидимые нити связывали людей, переплетались их фронтовые пути-дороги.

Максимова Александра Владимировна

Родилась 03.04.1924. жила в Калининской области. Была призвана в армию Луковхинским райвоенкоматом. Война быстро подошла к их району. Уже с 17 июня она на строительстве оборонительных сооружений, которое заняло почти все лето. В трудных условиях, непогоды, жары и холода, дождя и снега вели они земляные работы, не прекращая их даже под бомбежками вражеских самолетов. А вскоре район был оккупирован. Когда же нас освободили советские войска, она была призвана в армию полевым военкоматом. Их в количестве 11 человек направили в часть и 6 месяцев обучали военному искусству. Александра Владимировна не закончила 10 классов, но у других и того не было. Попала в часть, которая занималась нанесением результатов аэро съемок на карты.

“Я помню, что у всех командиров подразделений были карты районов, где мы вели бои”, – вспоминает Александра Владимировна. Оказывается, у нее была редкая военная специальность. Она работала чертежником картографической части. Все, что было разведано, наносилось на секретные карты. Но кроме работы с картами, приходилось вести дежурство ночью, по охране расположения, выполнять различные срочные дела. Со 2 мая 1942 года Максимова в части и до конца войны. После войны работала в райкоме партии, потом землемером. Зарплата была маленькая. С 1961 года она на строительстве Качканара. Хотела устроиться геодезистом, на работу родственную землеустройству, но мест не оказалось, пришлось идти работать в ОРС, в столовую.

Фомкина Ольга Степановна

Родилась 3 октября 1923г. Ольга сдавала последние экзамены в медицинский техникум, когда началась война. Прежние радужные мечты уступили место с серьезным и строгим суждениям, продиктованным военным временем. В мае 1942г. получила направление в эвакогоспиталь, разместившийся неподалеку от г. Котельничи. Раненых с передовой по реке на плотках, лодках, катерах везли в госпиталь. С берега до госпиталя их носили девушки. Потом госпиталь расформировали, и Ольга получила направление на службу в госпиталь, расположенный в Кайском районе. Там проработала до конца войны. Были бессонные ночи, чтобы выходить раненых и поставить их на ноги. На место выздоровевших, прибывали новые партии тяжелораненых.

Бурмистрова Елена Спиридоновна

Родилась 13.06.1923г. в Омской области г. Ишим. Была мобилизована 9 февраля 1943г. в военно-эксплуатационное отделение № 10 на Северный флот. Проезжали по городам в разных местах Советского Союза. Ведомые ими, машинистами, составы посылались в разные места, побывали мы в городах Бологое, Тихвин, Ленинград, Балтика, а также в Сталинграде и Калининграде. Куда только не возили различные грузы.

“Сначала была я назначена помощником машиниста. На фронт возили боеприпасы, обмундирование и различную технику”, – вспоминает Елена Спиридоновна. “А с фронта вывозили раненых. И часто над нашими головами летали немецкие самолеты и бомбили наши составы. Запомнился один случай. Была тихая погода, и был солнечный день. Ни облачка. Мы везли с фронта состав с ранеными. Вдруг налетели фашистские стервятники и начали бомбежку. Разбомбили паровоз, его весь исковеркало. Машиниста сразу убило, а меня отбросило в сторону и контузило. После этого я лежала два месяца в санчасти. А после лечения какие я только службы не проходила: была зенитчицей, строителем землянок. В части нас было 10 девушек. Меня оставили старшей. Вот и выполняли разную работу. Жили в землянках, спали на нарах. Жилье себе строили сами. Спали на шинелях, укрывались ими же. Вот снова налетели вражеские самолеты, разбомбили нас крепко. Все было порушено. А бомбежка была страшная. Сперва было тихо. И вот начали рваться бомбы; земля трясется, света белого не видно, все потускнело. Что только мы перетерпели в этом аду. Бомбили раненых, и это было особенно ужасно. Все мы подбирали раненых и убитых. Тут валяется голова, там ноги, руки, а где-то еще слышим стон и крики о помощи. Останки мы хоронили, а живых уносили в палатки, где их перевязывали, сами ставили уколы. Здесь мы уж были медсестрами и санитарками. После блокады Ленинграда меня отправили на Западный фронт, проезжали много городов: Киев, Нежин, Сарны, Родославка, Ковель. Все города, где мы побывали, были превращены в руины после ожесточенных боев. Немцы при отступлении многие объекты повзрывали. Часто нам предстояло охранять объекты всеми средствами. Были у нас автоматы, обслуживали зенитки наша часть называлась ВЭО-Ш сперва ВЭО-10 после я попала в ВЭО-6 – военно-эксплуатационное отделение. С участка на участок (города, поселки) мы передвигались в теплушках, оборудованных нарами. Сперва нас было 10 девушек, а под конец нас оставалось двое. Особенно гибли от бомбежек. Одну девушку убил власовец. Она была на посту. Его поймали и судили полевым судом. Присудили к смертной казни. Движение нашей ВЭО проходило по станциям, разрушенным войною. Кругом руины и камни. Так доехали до Польши. Над нами часто летали стервятники фашистские и бросали

75

листочки, чтобы мы переходили на их сторону. В Польше в г. Люблине меня 15 февраля 1945г. демобилизовали по беременности, а муж уже приехал после окончания войны”.

Веретина Александра Васильевна

Родилась 21 апреля 1920г. Пермской области Кунгурского района с. Мазунино. Была призвана в армию 22 июня 1941 года, демобилизована 19 июня 1946г. Находилась на фронте в составе 96 полевого корпусного госпиталя, в качестве медицинской сестры, старшего сержанта медицинской службы. Воевала на Карельском фронте Мурманского направления, начиная с г. Кандалакша Мурманской области и закончила войну под Киркенесом, который находится в Норвегии. Фронтом командовал в то время генерал-майор Мерецков.

“Для меня война, – говорит Александра Васильевна, – это было испытание нашего народа на прочность, она показала, кто есть кто. Наш народ мудрый, выносливый, добрый, сплочен был вокруг своего правительства. Верил только в свои собственные силы. Отдавал не только силу, но и жизнь за окровавленную землю. Наша армия – могучая, выносливая, знала, за что борется. Полководцы мудрые грамотные знающие свое дело к подчиненным относились сдержанно, вежливо, требовательно. На Карельском фронте, на Мурманском направлении немцы так и не прошли ногами по нашей российской земле до конца войны. А нас всю войну только и могли, что бомбить ежедневно с воздуха. Летали бомбить ежедневно г. Мурманск, а если их не допускали до Мурманска, то обратно возвращались к себе Финляндию, бомбили войска, стоящие на передовой. В первые дни войны они по технике превосходили Россию. По дороге к фронту они на бреющем полете нас обстреливали ежедневно. Но 14 армия, обороняющая рубежи Крайнего севера Советского Союза, как стояла на границе, так и осталась до конца войны почти на тех же рубежах, за исключением незначительных рубежей. Наш госпиталь оказывал помощь раненым на передовой и лечил больных. Один раз я даже ходила с разведчиками в тыл позиции финнов. Вот как это было. Однажды меня вызывает начальник госпиталя... и дает приказание о назначении меня в группу захвата языка на финской территории. Разведчики были рядом с нами. Группу разведчиков возглавлял москвич, старший лейтенант, фамилию не помню, но звали его Дмитрий, отправлялась группа разведчиков из 21 человек, в т.ч. и я как медицинский работник. Командир разведки нас проинформировал, чтобы мы шли гуськом друг за другом, так как надо было пройти минное поле, а в нем сделан проход для нас. Так мы и шли. Дело было летом, быстро темнело. Шли долго. Вот подошли к одной горе, а там землянка.

Возможно, разведчики, не раз ходившие за линию фронта, там остановились. К ночи уже потемнело, похолодало. Командир сказал: "Остановливаемся на ночлег". Солдаты расположились рядком, а я, девчушка, стеснялась куда лечь, но легла с краю. Под утро нас командир поднял, и мы продолжали движение. Уже двигались порядочное время. Вдруг мы заметили неподалеку от нас группу людей, лежащих на земле. Остановились. Командир приказал мне подойти к ним. Приказ есть приказ. Пошла. Поджилки тряслись, нервы были напряжены в струнку. Подхожу к людям. Вижу, один здоровый мужчина ранен, на ноги наложена шина. Знать, оказали ему помощь. Я осмотрела его, но он не обращал на меня никакого внимания. Оказала мед. помощь. Подошла ко второму. Он отнесся ко мне недоброжелательно, настороженно, даже агрессивно, я отошла от него к третьему. Это был по сравнению с остальными малыш. Он отнесся ко мне хорошо и даже поцеловал руку. Но он не был ранен. Остальным медицинская помощь не потребовалась. После я подошла к своим разведчикам и рассказала, что это группа финнов. Она была нами захвачена, и мы на палатках унесли их к своим. Они дали ценные разведанные. А меня командир госпиталя поблагодарил за выполненную работу. Присягу я принимала через месяц после начала войны. Имею 4 благодарности от Главнокомандующего Советского Союза т. Сталина:

За прорыв сильно укрепленной обороны северо-западнее Мурманска и овладением г. Петсамо. (Печенга) от 15.10.1944г.

Освобождение г. Никеля Петсамской области 23.10.1944г.

За овладением г. Киркенесом – важным портом на Баренцевом море – 25.10.1944г.

Полное освобождение Петсамской области от немцев. 1.11.1944г. награды:

Отличник сан службы.

Орден Красной Звезды 3986287 от 1.12.1944г.

Орден Трудового Красного Знамени № 690879.

Орден "Отечественной войны" 25.08.1972г. № 2983069

Медаль "За победу над Германией 1941-45г."

За доблестный труд 14.4.1970г. и юбилейные.

Имею ранения голени обеих ног – осколочные в 1942г. После войны жила в Белоруссии, Казахстане. Работала по специальности в Качканаре с1961г. Все это я записал по телефону Александры Васильевны в октябре 2001г.

Токарева Любовь Николаевна

23 февраля наша Советская Армия и весь советский народ отмечают большой праздник – 60 День Вооруженных сил. В эти дни все люди, пережившие войну, снова отчетливо вспоминали, еще раз мысленно переживают те страшные дни. Неизгладимый след оставила в моей жизни война. Я обвиняю. Когда в 1941 г. отец ушел на фронт, нас осталось семеро: мать, две сестры и четыре брата. Жили тогда в городе Торопец Калининской области. Но в конце августа к городу стали подходить немцы. Земля содрогалась от взрывов, город горел. И вот 29 августа 1941 года мы решили идти на восток. Немецкие войска шли буквально следом за ними, и мы попали пространство между нашими войсками и немецкими. Вздрагивала земля, кругом горело. На нас налетели немецкие самолеты. И в самом начале войны, девчонкой четырнадцатилетней я увидела самое страшное – как люди гибнут от проклятой войны. В один миг у меня не стало ни сестер, ни братьев, ни матери. На моих глазах во время взрыва бомбы они были разорваны на куски. Когда все утихло, я ходила около их изуродованных тел, искала, надеялась, что хоть кто-нибудь, может, остался в живых. Но все было напрасно. Слез не было, сердце словно окаменело. Казалось, земля стонала от горя. Меня подобрала наша солдатка и отправила в тыл. Шла война. Много бездомных ребят, подобно мне, бродили по дорогам в поисках куска хлеба. Бывало, идешь по полю, за тобою гонится немецкий самолет. Не считались фашисты ни с кем, даже с детьми. у них была одна цель: убивать. И такая ненависть появилась к фашистам, что не могла я больше мириться с мыслью о том, что немецкие варвары ходя по нашей земле, поганят ее, убивают женщин, стариков, детей. И я стала солдатом, надела шинель. Начались мои военные дороги. Правда, в армию меня брать не хотели. Говорили, нужно сначала учиться. Уже с фронта меня хотели отправить в тыл. Но я на отрез отказалась. Заявила, что в тыл не поеду. И в конце концов, меня зачислили в 31-ю отдельную железнодорожную роту Первого Прибалтийского фронта. Под обстрелом, во время бомбежки, мы доставили на передовую линию фронта боеприпасы, продовольствие. Мы сознавали важность стоящей перед нами задачи – вовремя доставить все необходимое нашим воинам. Ведь от этого зависела наша победа. Мои друзья, солдаты часто говорили: “Вот, Любаша, кончим войну, будет над нами мирное небо, вот тогда мы заживем. Будем строить вновь разрушенные наши города, искать родных, с которыми разлучила война”. Но пока война продолжалась. И много еще товарищей, которые мечтали о Дне ПОБЕДЫ, я потеряла в те годы. Кто видел войну, знает, как тяжело терять дорогих боевых товарищей. И тот, кто прошел через все это: смерть, кровь, голод, холод, тот, знает, что это такое война! И еще одного человека потеряла я – родного отца. Он не вернулся с фронта. Но дождался мы этот светлый день – День ПОБЕДЫ.

Закончилась война, и я сняла шинель. Началась мирная жизнь. И сегодня, когда я смотрю, как идут по улицам наши дети, такие красивые, мне радостно. Я думаю, как хорошо, что у них есть мамы и папы. И хочется сказать всем людям: не допустите войны, пусть на земле будет мир, чтоб не было сирот, оставшихся без ласки родителей. Пусть нашим детям всегда светит яркое солнце.

15 мая 2001г. у меня день рождения. Мне исполняется 75 лет. День Победы 9 мая 2001. Для меня два больших исторических праздника. Желая российскому народу счастья, здоровья и процветания, мирного неба.

Медовщикова Зинаида Григорьевна

Родилась 24 октября 1925г. в Невьянске. Призвана в армию в мае 1943г. демобилизовалась в сентябре 1945г. прошла по дорогам войны в 305 стрелковом батальоне в отдельной кабельной полевой роте, начиная с Ленинградского фронта Старая Русса – г. Рига – Восточная Пруссия. Награждена медалью “За боевые заслуги”. Вот ее воспоминание, записанное мной. Наступление “Багратион” При большом наступлении летом 1944г. от Старой Руссы все двигались одной колонной. Я была поваром. Походная кухня на конной тяге. На колонну налетели вражеские самолеты и начали бомбить войска. При пикировании все бросились в сторону от дороги. Я же неслась по дороге. Мне кричали “В кювет, в кювет!”, началась бомбежка. При бомбежке были убиты повозочный, шофер штабной машины. Кухня была разбита. После этого меня перевели на дежурство у военных аппаратов связи. Там я была до конца войны, до Победы. Как-то остановились в г. Риге, в расположении летних немецких госпиталей. Недалеко находились винные заводы. Немцы так спешили отступить, что производство завода работало и, когда мы в него вошли, то оборудование было еще теплым. Наши части заходили в этот завод и снабжались его продукцией. Хотя после были поставлены часовые, но солдаты умудрялись наполнять свои сосуды.

... Находилась я в госпитале. Вдруг к нему подошел немецкий бронетранспортер и начал вести обстрел здания госпиталя. Сразу же были убиты два солдата. Один снаряд попал в стоявшее рядом с окном дерево. Взрыв! Осколки осыпали палаты, где находились солдаты. Одному солдату осколок попал в позвоночник, капитану попало в живот. Лежали на полу, а я спала на столе, и осколки не достали меня, зато вся шинель была изрешечена. Это было в городе Риге. Войну окончила в Восточной Пруссии. Осенью 1945 года демобилизовалась, а 10 сентября 1945г. была дома в Невьянске.

Чеснокова Нина Ивановна

Родилась 15 августа 1925 года. После окончания Медицинской школы сразу направили на фронт, куда прибыла в июле 1942 года в военную часть 75627. Работала я в госпитале медицинской сестрой операционно-перевязочной. Работы хватало. Особенно трудно было под Шауляем в операции "Багратион". Там развернулись тяжелые ожесточенные бои. Наши войска отрезали вражеские войска за Ригой от основных сил. Это направление было близко к самой Германии, к Восточной Пруссии. Немцы бросили туда значительные силы, в том числе и танковые. Нашим войскам пришлось отражать контрудары немцев. Под Ригой даже потеснили наши части. Немцы стали выводить окруженные части к востоку от Риги. Нашим медикам добавилось много раненых. Приходилось часто организовывать полевые госпиталю. Оказывали помощь раненым и отправляли в тыл, формировать группы для отправки вглубь России. Обработав раненых, вывозили их на специальных санитарных поездах (в эвакогоспиталюх). Кончилась война, меня вызывали в политотдел и пригласили ехать на Дальний Восток в Китай. А в то время я была секретарем комсомольской организации. Набрали нас группу медиков человек 7-8, и мы поехали поездом. Приехали в Порт-Артур. Работали в госпитале. Пока всех раненых не вылечили, нас не отпускали. Домой я приехала только в 1948 году. Приехала на родину, работала в г. Кологрив, Вокшевском сельсовете д. Тодино секретарем сельсовета. Родился сын, вырос, отслужил в армии и поехал с товарищем искать работу в Качканар. Потом привез меня в Качканар. Работала машинистом питателя на в/опрокиде, машинистом конвейера участок шихтоподготовки. С 30 декабря ушла на пенсию.

Барсохина Валентина Васильевна

Родилась 1 января 1924 года. Призвана в армию в июне 1942г. с Костромской области. Воевала на Ленинградском фронте, первом Украинском и Первом Белорусском фронте и работала радисткой при штабе фронта и поддерживала связь с подразделениями фронта. Служила до декабря 1945 года.

Брылунова Полина Ефимовна

Родилась 22 июня 1921 года в селе Поповка Приморского края. Хорольского района. С 1938 года по 1941 года работала поваром в военном городке Хорольского района. Она рассказывает: "Когда началась война, мы были в кино. Кино приостановили и нам объявили о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Я решила добровольно уйти на фронт, но сразу туда не попала. В июле 1941 года нас направили на трехмесячные курсы в военный госпиталь Камень-Рыболов. Это около озера Ханко, рядом с Маньчжурской границей. В октябре 1941 года пришел приказ о роспуске нас до особого распоряжения. И я продолжала работать поваром в военной части военного городка. В марте 1942 года меня призвали в г. Ворошилов (Уссурийск). И оттуда нашу роту направили в Хабаровск на курсы связистов, которую я закончила сержантом. После окончания учебы нас направили на сортировочный пункт в г. Биробиджан. Там нас девушек распределили кого куда. Нас 5 девушек определили в 15 армию 34 стрелковую дивизию в батальон связи полевая почта № 29 255, которая находилась в селе Новенькое Ленинского района. Дивизия наша стояла на самой реке Амур. Начало войны с Японией началось с наступления от Ленинска по реке Цзямуси. Прошла с боями до самого Харбина. И значит, также принимали участие в разгроме милитаристской Японии. А после окончания боев нашу дивизию определили на старое место дислоцирования". Здесь надо напомнить, что Полина Ефимовна была в частях так нужных нам, солдатам и офицерам, — в частях полевой почты. Какая эта радость, когда получишь фронтовую весточку. Прочитал я воспоминания Полины Ефимовны, а места знакомые. Нас после войны на Западе тоже направили на Дальний Восток. Я также служил в Ленинском районе, продолжал службу в Бабстово, а после в Биробиджане. Значит мои письма перебирали девушки этой армии. Вот так мир тесен. Наши военные дорожки за время службы переплетались с дорогами многих земляков.

Береснева Клавдия Васильевна

Со многими фронтовиками мы общаемся по телефону. Но добиваться от них воспоминаний приходится с трудом. Задают вопросы: "Кому это надо" или просят: "Приходите ко мне домой и запишите". Конечно, при личной встрече их проще разговорить, задавая вопросы. В Совете ветеранов мне дали список 46 человек. По состоянию здоровья на посещения нет времени, есть и другие работы. Собираю я материал по личной инициативе, а другим до этого нет дела. Некоторые еще критикуют полученные результаты. Попробуйте-ка, критики, сами

пособирать материалы, тогда поймете, "почем фунт лиха". Несколько раз (может и десяток) я обращался к Клавдии Васильевне с просьбой написать воспоминания. Она все обещала, но результата нет. Передаю разговор с ней по телефону.

Родилась 5 ноября 1922 года. Призвали в армию 22 июля 1942 года Банпибаненским РВК. Попала на Дальний Восток в автороту. Сперва работала на машине, а потом обучалась на авиамотористов. Когда послали на Дальний Восток в район города Хабаровска, попала в 917 авиа истребительный полк. Пришлось обслуживать самолеты. Когда началась война с Японией, наши самолеты летали над Манчжурией и они были свидетелями в схватке наших ястребков с японскими. Мы все крепко переживали за неудачи и успехи летчиков. Как-то на задание полетел майор Башков. Я проверяла исправность авиамотора. Он улетел, и очень долго не возвращался. Вот уж я здорово переживала из-за этого. Ждем. А его нет, не прилетает. Чего только не передумала... А вдруг какая-нибудь неисправность по моей вине. Но вот он прилетел, и была большая радость, что все обошлось хорошо. Японцы также обстреливали наш аэродром. Меня даже контузило, но вскоре я поправилась. Правда война с Японией длилась недолго. Начали 9 августа, а 3 сентября уже был подписан акт о капитуляции Японии.

Мальгина Анна Яковлевна

Родилась в 1930 году. Семья была большая, дружная, детей было пятеро, старший брат Петр, а остальные девчонки. Бедно, конечно, жили голодно, каждой хлебной крошечкой дорожили. Где-то в 39-40-м стали получше жить: брат выучился на комбайнера, сестра Евгения поступила в медицинский институт. Мы тогда гордились ею. Я тоже мечтала выучиться на врача или учительницу. И выучилась бы. Потому что отличницей была. Жили мы тогда в Молдавии, в городе Григориополе.

1941 год начался для нашей семьи страшной бедой: в январе умерла мама. Отец вскорости снова женился, но для мачехи мы, три девчонки были обузой. Брат тогда уже был в танковом училище, старшая сестра завершила учебу. Пошли и мы в люди, проходить свои "университеты". Лиде было 16 лет, Зое - 13, мне - 10. Но, как оказалось, не только нашей семье принес беду этот злосчастный 41 год, а всей стране: 22 июня началась кровавая война, а 1 июля наш городок уже заняли немцы и румыны. Три года оккупации. Не приведи господи кому-нибудь пережить эти ужасы, когда не щадили ни старого, ни малого, били, издевались, расстреливали...

В то время я жила в няньках у одних добрых пожилых людей. По соседству, помню, жили Соколовы: мальчишки - близнецы и сестренка

Наташа. Были они старше нас, ближе к 17-и годам. Потом только узнали, что были они в партизанском отряде. А нас с подружкой, как бы между прочим, попросят то в одно место сходить, то в другое: кому привет передать, кого в гости пригласить. Мы и не подозревали ничего. Но кто-то, видать, спасал свою шкуру или выслуживался перед новой властью, не знаю до сих пор. В один из холодных осенних вечеров 1942 года к дому подкатила бричка, вышел из нее холеный такой румынский жандарм, а с ним полицейай из местных. Увезли меня в то здание, где располагался раньше горком, да исполком, а во время оккупации – немецкая комендатура.

Расспрашивать начали ласково:

- А где же, деточка, брат, сестры?

- Не знаю, – говорю.

- А чего же не знать-то?

- На фронте.

А тот, холеный, и разошелся:

- Нет, ты знаешь, – кричит, – и партизаны где, ты знаешь. Ударил меня, и еще, и еще раз. У меня в глазах темно, реву, а что говорить, если и вправду не знаю, где партизаны. Тут немец вроде вступился за меня, но это только показалось. На самом деле увел в другой кабинет, и там меня снова начали бить... Очнулась уже в бывших конюшнях, которые приспособили, чтобы людей держать. Встать не могу, ноги окровавленные: били дубинками по подошвам.

Вдруг дверь тихонько открылась и кто-то на плохом русском языке говорит: "Девочка, выходи, не бойся меня, я не такой, как они"... А встать не могу. Поднял он меня, вывел, а сам плачет, говорит, что-то, говорит, уже по-румынски. Я догадалась с ним на молдавском заговорить, нам его в школе до войны преподавали. Он обрадовался, объяснил, что дома у него дочка такая же осталась, и сын есть. Вывел меня румын через колючую проволоку, поцеловал в лоб и сказал: "Жить хочешь, спрячься, уйди из города, а когда вырастешь, не забудь меня, дядю Петрико". Фамилию не сказал, ушел, и я осталась одна на один с ночной темнотой. Глаз заплыл, ноги не слушаются. Куда податься? Вспомнила я тут, что в километрах четырех от города на бывшей колхозной ферме жила Домна Степановна, с которой училась одна из моих сестер. Порвала юбку, завязала ноги и ползком подалась туда – задами да по кустарникам. Когда Дуся (так мы звали Домну) открыла двери, она меня не узнала. Потом заплакала, взяла на руки, и вместе с братишкой Никиткой, моим ровесником занесла меня в дом. Выходили, залечили мои ноги и увели к своим дальним родственникам за полтора десятка километров, в село Глинное. Я никогда не забуду 14 апреля 1944 года – радостный день, когда нас освободили. Конец оккупации. Никогда я не забываю и "жандарма" дядю Петрико, которому обязана и жизнью. Как потом выяснилось, он многих спас, помогал партизанам. Тогда же, в апреле все

три сестры и Дуся пошли работать в госпиталь, только их зачислили сразу, а меня из-за возраста "притормозили". Но я так рада была стараться за тарелку супа и кусок хлеба. В августе уже, после Яско-Кишеневской операции, наши войска пошли вперед, а с ними и наш госпиталь, меня приказом оформили санитаркой. Поставили на законное довольствие, выдали форму к великой моей гордости. А в январе 45-го после ранения и контузии отправили к старшей сестре, лейтенанту медицинской службы, в госпиталь 39-го зенитно-пулеметного полка, который находился тогда в Баку. До сих пор ночами сняться то ужасы оккупации, то операционные палатки переднего края и раненые, погибшие, умершие от ран – их много, тащишь иной раз носилки и согнешься чуть не до земли. И кровь для наших солдат сдавала вместе со всем персоналом. Как-то привезли раненого старшего лейтенанта Евгения Кравченко. Лет 23. донорский день кончился, а нужно прямое переливание крови. Я предложила взять мою кровь. Начальник госпиталя Савченко сказал мне: "Цыпленок, это у кого брать кровь?" Но раненому срочно нужна была кровь, и он согласился. Меня направили в переливочный пункт, но не предупредили, что кровь надо брать в уменьшенной дозе. Взяли 400 грамм, а не 200-250 гр. после этого я еле дошла до двери. Прошло. Но вот при обстреле госпиталя я была контужена. Наш госпиталь был рядом с фронтом, а раньше располагался в километрах 50-60. Вместе с майскими победными днями окончилась моя военная жизнь, только бы радоваться, да не тут-то было: уже с 15 лет я начала терять зрение. Сказались, видно, и побои, и ранения с контузией. Боролась я долго, но после шести глазных операций все равно ослепла. С 1968 года, вот четверть века, я состою в обществе слепых. Все это время я живу на Урале. Опять-таки старшая сестра за собой потянула, она за уральского парня замуж вышла. И я свое семейное счастье здесь нашла: дочка, трое внучат. Но и киснуть не хочется, да и другим не даю: больше десяти лет была группоргом, а с 1992 года, с момента организации, возглавляю нашу территориальную первичную организацию ВОС.

Много наших фронтовичек воевали в зенитных частях. Но служба ВНОС также косвенно связана с этой службой. Другой раз трудно как-то выделить все эти подразделения. Были непосредственно зенитчицы, обслуживали эти части связисты, телеграфистки, аэростатчики, разведчики, радисты.

Пименова Мария Николаевна

Была призвана в армию Фрунзенским военкоматом г. Иваново в январе 1943г. вначале была направлена в запасной полк, который находился на станции Окуловка Псковской области. Как она вспоминает, все началось с обучения военным специальностям, а также с изучения стрелкового оружия: автомата, винтовки, карабина, пулемета и другой техники. Определили во взвод разведчиков, где они учили все типы как немецких, так и наших самолетов. В апреле нас распределили по частям, и Мария Николаевна попала в 1470 армейский артиллерийский зенитный полк, который направили на Волховский фронт. Пришлось повоевать в разных местах: около города Ленинграда, в том числе под городом Выборг. Задача была охранять аэродромы, мосты и разные военные объекты.

“После заключения мирного договора с Финляндией, – вспоминает Мария Николаевна – нас перебросили в Польшу, на Первый Украинский фронт, находились в разных городах: например, в г. Кракове и Глейвиц, где также охраняли разные объекты. Нас девушек в батарее было шестеро: три разведчицы, две дальномерщицы и одна телефонистка. Обязанности разведчиц были такие: 3-е стояли на посту с задачей слушать и определять по шуму мотора тип самолетов и объявлять “Воздух!” А затем уже по шуму самолетов и силуэту определять вид самолетов, которые летят. Если они близко пролетали над нами, то открывался огонь из всех орудий. Зенитная установка была калибром 37 мм, автоматическая. Наша батарея сбивала три самолета. После начала январского наступления в Польше мы двигались в сторону Германии. Подошли к реке Одер и стояли около города Франкфурт на Одере. Зимой было очень тяжело: стоишь три часа на посту с карабином в руках и биноклем на шее. Замерзнешь, а когда сменишься, то и в землянке холодно, негде согреться и поспать, а через 6 часов снова идти на пост. И так днем и ночью без выходных и праздников. При любом шуме моторов самолетов, зенитчики поднимаются по тревоге. Ты только заснула, а по тревоге бежишь на огневую. И так на день не раз”. Конечно, автор не понаслышке знает, что такое зенитчики. В горном институте нас учили на зенитчиков сотни. Мы были в лагерях под Москвой, а там шли боевые учения. Тревога. Мы к орудию. Немного пройдет времени: “Отбой!”. Только ляжешь и начнешь засыпать, снова “тревога” и снова “отбой”. И так за ночь раз около десятка. И можно понять почему Мария Николаевна, говорит, что они не высыпались, и всегда хотелось спать. Надо понять, что они через 6 часов выходили на боевое дежурство, а при очередных тревогах, тоже должны быть около орудий. Зенитчики, как и солдаты других родов войск, тоже не досыпали. Пехота спала стоя, и в движении на марше. Все это выматывало здорово. Можно представить. Например, Пименова рассказывает, так она после очередного поста и сильного

мороза, крепко замерзнув, решила поспать в землянке у мужчин (у них было теплее). Зашла и там нашла свободное место, прикорнула, завернувшись в шинель. Утром люди просыпаются и, видят ее, конечно, шутят: "Смотри, кто с нами спал!" и, конечно, идут солдатские восклицания. Хотя мы с солдатами жили дружно, так как были у нас в основном пожилые, под 40-50 лет. Мы им подшивали подворотнички, зато они нам помогали копать блиндажи. А в Германии на Одере мы стирали им обмундирование. Особенно мне запомнилось, когда огневые позиции были около Балтийского моря. Вот, где мы, девчонки, натерпелись страху. Нет, не от финнов, а от морских крыс, которые вылезали из моря и ходили по огневой. Мы, конечно, в визг, а солдаты шутят и забавляются нашими страхом. Был у нас командир, офицер, очень требовательный и даже чересчур жестковатый: гонял нас строем по лужам и грязи. Нам двадцатилетним девчушкам, казалось, что это граничило с издевательством. Был он лейтенантом, а к концу войны заслужился до майора. В Германии, во время марша, на нашу батарею однажды налетели фашистские самолеты. Нас бомбили. Были раненые и убитые, в том числе получила ранение, а когда падала с машины, упала на голову, получила контузию. Попала в госпиталь, где находилась дней 20, а потом опять в свой полк. За эти два года и 4 месяца было трудно. Но мы твердо знали, что делаем все нужное для Победы. Война для меня закончилась в мае на реке Одер (или Эльбе). Город уж не помню, так как мы находились не в самом населенном пункте, а в поле. Вот была радость! Палили из своих зениток, ракетниц.

Попова Лидия Павловна

Родилась 28 ноября 1921г. в прииске Талисман. Призвана Исовским РВК.

Все дальше уходят в историю грозные годы Великой Отечественной, но время не властно выветрить из памяти ее участника, эти самые трудные, жестокие годы. В армию мы уезжали с Иса. В то время была узкоколейка до станции Малая Выя. Наш состав стоял около клуба Артема, рядом с парком, там, где находилась трибуна. Собиралось много провожающих. А новобранцы при отправлении поезда кричали: "Мы вернемся, мы вернемся!"

Это было в первые дни войны. Но почти они все прошли в горнило войны, и мало кто вернулся домой. С декабря 1942 года я находилась в составе 182 Отдельного зенитного артиллерийского дивизиона, 9-го Сталинградского корпуса ПВО и до самого конца войны служила связистом в звании ефрейтора.

Вспоминая свой боевой путь, я с глубоким уважением отношусь к своим друзьям – однополчанам, своим командирам, в том числе к майору Чурсину А.А. – замечательному, душевному человеку, строгому командиру, умело нас водившему в разведку на Украине.

Наша часть проходила города Валуйки, Жмеринку, Днепропетровск. Запомнились люди, которые нас встречали с цветами, просто плакали от радости. Пожилые женщины ласково обнимали нас и удивлялись: какие молодые девушки и уже в солдатских погонах.

Да, молодые, еще не крепко вставшие на ноги добровольно шли на войну, порой не понимая до конца – что это?

Жестокость войны мы испытали сразу же по прибытии на станцию Валуйки. Осколочное ранение я получила в июле 1943 года на ст. Луганская при бомбежке.

Была сильная бомбежка. Гул пикирующих самолетов, свист бомб с каким-то особым звериным звуком. Казалось, что сам сатана правит бал. От страха мы, девчата, спрятались под стол. Пришел командир, ищет нас. Сразу не нашел. Думает, куда задевались его связисты? Стал выходить из комнаты, увидел нас перепуганных под столом. Начал нас ругать. А что поделаешь, это была наша первая бомбежка. Знать, у страха глаза велики. Только после нескольких таких бомбежек, мы уже не так реагировали на пронзительный свист бомб, их ужасающие взрывы.

Впервые мы видели раненых, которые стонали, просили помощи, увидели убитых солдат, мирных жителей. Было страшно, но через некоторое время внутренняя сила заставляла действовать: выносили раненых, помогали мирному населению. У нас крепла ненависть к врагу, которая усиливалась от нашей беспомощности.

На войне бывает всякое. Остаются безымянными могилы с неизвестными солдатами. Но мужество, стойкость, любовь к Родине, кровь, за нее пролитая, не должны остаться безвестными.

Да, много чего можно вспомнить интересного за те годы. Война длилась довольно долго. Наш путь пролегал через разные города: с января 1943г. – Валуйки – Миллерово – Лозовая, а дальше Днепропетровск – Жмеринка – Винница – Будапешт.

Очень нелегко было связистам. А телеграфно-телефонные батальоны и радиороты в основном были укомплектованы женщинами, мужчин в них было мало. Но выполняли мы не только основную работу. Приходилось рыть окопы, траншеи и котлованы для маскировки машин и техники, строить землянки, нести охрану. Навсегда запомнились длинные переходы, в полном снаряжении, винтовка, противогаз, две под сумки с патронами, а подчас было еще кое-что. Шли в мороз, снег, ливень и грязь. Выбываясь из сил, мы даже на минутку нигде не могли присесть. Вместе с мужчинами мы толкали застрявшие в грязи машины, тащили на себе аппаратуру. Ведь все мы – солдаты, и никакой скидки слабому полу не

было. Но девушки никогда не жаловались на трудности, не ныли. Понимали, что так нужно, ведь Родина в опасности.

Вспоминаю случай, когда с врагом встретились бок о бок. Мы тянули связь с КП до штаба. Была темная летняя украинская ночь. Вдруг голоса на украинском языке и неразборчивые немецкие слова. Остановили нас. Да, это были враги, среди них бандеровцы.

В этот момент зазвонил телефон. Враг остановился, прислушался. Неимоверным усилием воли пришлось залечь, почти шепотом сообщить об отряде и вызвать помощь. Сколько времени прошло не помню, но каждая минута длилась вечность. Но вот мы услышали, как бегут, кричат, стреляют наши.

Вражеский отряд медленно и тихо отходил, не вызывая огня на себя. Вот где натерпелись. Нас было несколько девчат, но мы продолжали тянуть связь.

Часто, чтобы дезорганизовать фашистских стервятников, зажигали костры в стороне. Из-за бомбежек и артобстрелов часто повреждались провода, слышимости не было, переговоры приходилось дублировать.

В действующей армии кормили нас не плохо. Как-то раз к нам в часть приехал генерал. Правда, фамилию я его уж не помню. Повар готовил обед ему, а он куда-то отошел. В это время пришли наши солдаты с караула и обед съели. Повар наш заволновался, очень переживал. А развязка этой истории очень простая получилась. Генерал наш много беседовал с солдатами и рассказывал о том, как один из Украинских фронтов вел наступление.

После беседы пригласили его в столовую, и генерал вместе с солдатами обедал, да еще хвалили угощение.

Как-то в Жмеринке началась сильная бомбежка. В это время я дежурила за коммутатором. Взрывной волной вышибло окно, с двери сорвало плащ-палатку, посыпались кирпичи и балка. На какое-то мгновение мелькнула мысль: "Бежать в укрытие". Меня отбросило от коммутатора, рядом никого не было. Мне стало страшно. Вдруг услышала голос командира: "Лида, спокойно, давай связь". Сразу исчезла растерянность, хотя вокруг продолжали грохотать взрывы. Мы уже были обстрелянные солдаты.

"Береза, береза, я Ромашка" – продолжала работать на связи. Это были только отдельные памятные случаи, а сколько их было за мою военную пору. Все не опишешь. Много можно рассказывать сейчас о моем военном лихолетье. В 70-80-е годы проходили встречи ветеранов 183 ОЗАД на Украине в г. Виннице, Жмеринке. Приятно вспоминать, как приветливо встречал нас народ, дети. О нашей части рассказывали молодые ребята из школы г. Жмеринка, где работает поисковый клуб "Слава". Нас навечно зачислили в освободители. Ведь жители этих мест много лет ходили на вокзалы встречать своих родных, близких, каждый

день. До самой смерти, они ждали, не приедет ли отец, сын, дочь с войны. Не зря ведь говорят, что люди живут столько, сколько о них помнят.

Широкова (Ремезова) Анастасия Васильевна

Я проживала в Горьковской области, в Воскресенском районе, с. Асташиха. Родилась 14 октября 1925 года. Окончила среднюю школу – 7 классов. Мы учились в сельской школе и ходили работать в колхозе “40 лет Октября”. Сперва учеба, а после – работа на полях колхоза. А война началась неожиданно. Мы услышали, что немец-фашист напал на нас и начал бомбить города. Началась мобилизация, вручали повестки на фронт. Кругом люди плакали, провожая своих родных, а немец рвался к Москве. А уже в 1942 году он начал бомбить автозавод в Горьком. И вот тогда нас начали призывать рыть окопы. Целых три месяца я находилась в Гороховских лагерях, работая на окопах. Дали нам смену, и мы поехали домой. Всего дома были один день, чтобы помыться в бане, а потом вручили повестку на торфяное болото Горький Бор. Здесь я привожу рассказ Г. Краснопевцевой “Гвардии рядовой”. Какое оно большое это торфяное болото! И сколько энергии сокрыто в нем! Так и обдает тебя жаром, когда изо всех девчоночьих сил вонзаешься в эту почву лопатой. И так за день навкалываешься, что уже не понимаешь, от чего тебе больше жарко: от этого, дышащего жаром болота, или от тяжелой лопаты... Летом хоть остановиться можно, дух перевести. А сейчас зима, февраль завывает, остановишься – продрогнешь. Торф тоже продрог и промерз. И согревают тебя лишь лопата да тяжелый железный лом. Выпрямишь спину, посмотришь на заснеженную равнину – и кажется, что нет ей ни конца, ни краю...

Девчата, перекур! Перекур!.. Кто это кричит так настойчиво и зычно, будто командует? Оказалось, и впрямь человек военный, майор по званию. Но когда девчата окружили его, не командовал, не приказывал, а убеждал, уговаривал, просил.

Поймите: идет война, и вы нужны фронту... Да и меня пожалейте: что будет, если я не выполню задание? С меня ведь тоже требуют... Завтра к девяти утра вы должны быть в Борском райвоенкомате... Надо, девочки, надо!

Да что их уговаривать-то? Они очень хорошо понимают это неизбежное слово. Надо было – хрупкие школьницы работали в колхозе наравне со взрослыми. Фашист подошел к Москве и угрожал прорваться дальше – девочки вместе с земляками из Горьковской области долгое время работали на рытье окопов. А сейчас они нужны фронту. Это тоже понятно. Смущает лишь одно: – Мы ведь деревенские, а в деревне (вы, наверное, знаете) даже паспортов нет. Как же на фронт без документов?

– Будут у вас документы! – уверял майор. – Значит, завтра утром – военкомат! Завтра утром?.. А как же дом? – с тревогой думала Настя Ремезова. Нет, в родной Асташихе, за 120 км от этого торфяного болота, ей уже не побывать, не попрощаться с отчим домом. Она с болью подумала о родителях, которым еще до войны пришлось похоронить четверых детей. И война уже успела унести старшего сына Александра, сложившего голову в Курско-орловском сражении. Воюет и второй сын, Сергей. А теперь вот и она, 19-летняя Настя уходит на фронт, а ни родители, ни младшие брат и сестра даже не знают об этом.

- Ничего, домой напишите с дороги, – говорил майор тоном, не допускающим возражения. А далее события замелькали, как в калейдоскопе. Военкомат, медицинская комиссия: Москва, баня, обмундирование не по размеру, короткая, очень короткая учеба. И вот уже 58-я отдельная рота связи 19 гвардейского авиаполка и самый торжественный день – 13 марта 1944 года – военная присяга. Война уже катилась на запад, но путь к победе, который предстояло пройти гвардии рядовому Ремезовой, был нелегко и не прост. Анастасия быстро научилась работать в боевой обстановке, прятать страх, думать не о себе, а о тех ребятах, которые на самолетах ЯК, У-2, ИЛ-4 летали бомбить врага. С ними нужно поддерживать радиосвязь и передавать их сообщения в штаб полка. Помнит и Анастасия Васильевна и свои позывные “Синица”, “Ласточка”, а у штурманов в самолетах были в основном – “Орел”, “Сокол”, “Ястреб” и другие. Быстро привыкла Анастасия и к переносной радиостанции, которая стала ее неразлучной подружкой. Свыклась Настя с жизнью в землянках, с тревожными бессонными ночами. Но так и не смогла привыкнуть она к горящим и падающим самолетам, к взрывам и воронкам, этим глубоким ранам земли. А разве привыкнешь к убитым, которым приходилось подбирать и хоронить? Сколько же их, этих ребят, погибших во имя победы, но не увидевших ее!

А Анастасия встретила победу в Польше. До сих пор хранит она маленький фотоснимок, сделанный в польском городке Замостье 30 мая 1945 года. Скромный домик, невысокий забор и буйная зелень деревьев. Весна: мирная весна. А на траве – переносная радиостанция и три человека.

- Вот этот радист, – рассказывает Анастасия Васильевна, – “крути шарманку” (так мы говорили), ловит волны, второй держит связь с самолетом, а я передаю в штаб полка сообщение летчика. С этим снимком, красноармейской книжкой да со святой памятью о фронтовых дорогах вернулась Анастасия домой в июле сорок пятого. Без ранений, только с контузией да орденами и медалями возвратились в родной колхоз. Родной дом. Колхоз. И земля, которой нужны рабочие руки, а их после войны так и не хватало! Везде не хватало. А потому девочкам, весной и летом, работавшим в поле, сказали: “Вы нужны леспромхозу!”

И девчонки (уже опаленные войной и еще не нюхавшие пороху) с октября до апреля, с начала военных полевых работ, "отбывали трудгужповинность", как выражались ныне шутники. Каждую осень и зиму работали на лесоповале, в поте лица выполняя план по заготовке древесины, спускаемый сверху каждому колхозу. Пилили высоченные деревья, обрубали сучья, а потом мужики на лошадях (гужевым транспортом) вывозили заготовленный лес к реке, готовили к сплаву. Ох и тяжело приходилось Настеньке, но все тяготы послевоенного лихолетья она переносила стойко, по-гвардейски.

15 февраля 1949 года поженились с ветераном фронтового тыла Федором Широковым. Вырастили троих детей. Позднее, переехав в Качканар, Анастасия работала на ТЭЦ, а потом до пенсии на обогатительной фабрике. Анастасия Васильевна ведет активную работу в городском ветеранской организации, помогая пенсионерам решать жилищно-бытовые проблемы, а нередко и гасить конфликты между "отцами и детьми".

Вы очень нам нужны: – обычно звонят ей из совета ветеранов.

Как себя чувствуете? Сможете прийти?

И Анастасия Васильевна с готовностью идет туда, где нужна и делает все, что может. Как и положено гвардии солдату.

Панова Рима Петровна

Родилась 5.12.1926 года в поселке Красногвардейский Свердловской области в семье рабочего: «Воспитала и вырастила меня бабушка – партизанка гражданской войны, так как мать умерла, когда мне исполнился год. Закончила среднюю школу. В 8-м классе вступила в комсомол. Учась в школе, мы летом до наступления холодов ездили далеко от дома на сельскохозяйственные работы в колхозы. Примером патриотического воспитания служили нам наши сверстники, которые погибли, защищая свою Родину, это: Саша и Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина, Александр Матросов и др. Девчонки нашего класса решили, что закончим школу, и тоже пойдем защищать свою Родину. Написали коллективное письмо и отправили в Ирбитский горвоенкомат. Нас всех призвали и отправили в 53 запасной полк овладевать разными специальностями. Меня определили учиться на телеграфиста аппаратов СТ-35. Итак, я курсант с июля 1944 года по январь 1945 при запасном полку связи. Наряды, дежурства, практика на Свердловском городском телеграфе, телеграфных аппаратов СТ-35 и звание младшего сержанта. Через неделю отправили на фронт. Не доехали мы до станции Бендеры, как нас вернули в Одессу, затем погрузили на пароход и по Черному морю отправили в Бухарест. Ох, и качало на пароходе нас, на этом большом

пароходе, который я видела – то впервые. Был сильный шторм. И так, с января 1945 года мы были бойцами 144 батальона связи 37 гвардейского стрелкового полка. Я работала при корпусе. У нас была своя комсомольская организация. Ежемесячно проводили комсомольские собрания и исправно платили взносы. Я работала в отделе СМЕРШ. Получали секретные материалы и отправляли дальше в подразделения по назначению. Наш батальон ежедневно продвигался вперед через болото по потайному пути. Над нами низко пролетел сбитый фашистский самолет. Было страшно: шум, стрельба, страшный грохот. Нас никто не охранял. И мы все делали сами, кроме карабинов и патронов у нас ничего не было. Конечно, на чужой земле страшно было охранять свой пост. Одна ночью с карабином в руках, а кругом мерещатся враги. В дождь и в снег, в любую непогоду. Но мы уже стали привыкать к такой жизни. Не пугали даже валявшиеся кругом трупы, еще не убранные с поля боя. Да мы же были гвардейцы. Быт, конечно, трудный был. Часто мылись у речки или в заброшенном доме. Там часто обнаруживали трупы солдат немецких, но не наших. Своих бойцов не приходилось видеть. Запомнилось мне, как-то я несла депешу в штаб, торопилась, нужно было срочно передать. Вдруг я запнулась, думала бревнышко, а оказалось, что это был удав. Зоопарк был разрушен, и животные расплозились по территории. Конечно, за годы военного лихолетья были разные случаи. Разве все расскажешь.

9 мая были мы в Чехословакии. После дежурства услышали шум стрельбу, обычно мы останавливались в фермерских хозяйствах, окруженных полями. Выскочили на улицу. Солдаты, которые находились недалеко, кричали: "Война закончилась!" Стреляли из всех боевых средств, у кого какие были. Во это была радость. Через некоторое время стали отправлять домой, в Россию. В первую очередь, воинов старшего возраста. Эшелон за эшелон. А нам тоже очень хотелось домой, но служба продолжалась до февраля 1946г. Парад ПОБЕДЫ так и не удалось увидеть. Имею военные награды: Медаль "За победу над Германией" и др., Орден "Отечественной войны 2 степени", "За взятие Вены". После войны закончила Свердловское педучилище. 18 лет проработала учителем начальных классов, не имея ни одного второгодника. В 1949 году вышла замуж. Муж был военным. Имею двух сыновей, трех внучек и одного правнука. Муж умер в 1986 году. В Качканар мужа перевели из Свердловска – 45 в июле 1961 года. И вот в Качканаре проработала всю оставшуюся жизнь. При образовании города в 1968 году была утверждена заведующей отделом культуры. Работая на этой должности, открыла художественную школу, три библиотеки и расширила музыкальную школу на 5 классов, а когда пришла работать, были только классы фортепиано и баяна. В 1982 году стала пенсионеркой. Нужно было дать дорогу молодежи, но снова пригласили

на должность председателя комитета по охране природы. Сейчас занимаюсь с внуком его воспитанием и обучением.

Мотузова Устинья Семеновна

Когда началась война, я жила на станции Чарской близ г. Семипалатинска. В том памятном 1941 году пошла учиться в 9 класс. 25 декабря нам объявили, чтобы все старшекласники до 1-го января уплатили за обучение по 75 рублей. Это был тяжелый удар для меня. Мама и бабушка пенсию не получали, а папа, работал истопником в детском саду. Получал мизер. Плату за обучение я не могла внести, поэтому не пошла в школу. Учительница от подруги узнала причину и на другой день пришла к нам домой. Долго и тактично вела беседу, разговор сводился к тому, чтобы я учебу не бросала. Уходя, мне сказала: "Вчера на нашем классном собрании, все решили, что Вы должны учиться. Сегодня мы всем классом за вас уплатили. Вот квитанция, продолжайте учиться". Всех учеников она называла на Вы. И я опять пошла учиться в школу. Быстро прошла зима. В конце апреля мы готовились к сдаче экзаменов. Вошла школьный бухгалтер и напомнила, чтобы до 1 мая мы уплатили за II полугодие 75 рублей. Кто не уплатит, после праздника в школу не приходите. А у меня с деньгами проблема. Я знала, что класс не оставит меня в беде. Но быть иждивенцем у класса, совесть не позволяла. Я искала выход. Пошла к соседке (она в райкоме партии работала). Своей горе ей рассказала. Попросила чтобы после сдачи экзаменов утроила меня на любую работу. Я сейчас займу денег, заработаю и отдам свой долг. Она пообещала помощь, в райкоме дали согласие, но кроме моего заявления, требовалось разрешение директора школы и его рекомендация. А директор ни под каким предлогом не хотел меня из школы отпустить, но и не подсказал, где я могу денег достать. Можно занять, но долги положено отдавать. И я пошла в паровозное депо – единственное производство. В отделе кадров вновь повторила свою историю. Но там сказали, что после сдачи школьных экзаменов, не гарантируют мне работы, а вот сейчас уже набирали группу паровозников-слесарей. Возьмем и тебя на курсы. Если согласна, то занятия с завтрашнего дня. Подумала я, другого выхода не нашла и написала заявление. Обидно, конечно, что взрослые моей боли не поняли, что год учебный не реализованный пропадает. Меня тут же оформили и сказали, что я деповская рабочая с завтрашнего дня. Приходить без опоздания. Утром теория, после обеда – практика. Детали тяжелые, не по моей силе. Мне тогда было всего 16 лет. В группе я одна девочка и всех моложе. Из школы приходили, пытались в школу меня вернуть. Но было военное время, и никто не имел права увольнять. Вскоре меня отправили в Алма-

Ату на другие курсы, где готовили специально для фронта. Окончив курсы, домой вернулась больная. Меня интенсивно лечили. Выйдя с больничного на работу, на другой же день в два часа дня, получила повестку. А в 2 часа ночи я уже ехала под Москву – на Западный фронт, служила в железнодорожных войсках: полевая почта 064330 – в военно-восстановительном поезде, который шел вслед наступающим частям Красной Армии. Восстанавливали разрушенное врагом железнодорожное хозяйство: снабжение, станции, водокачки, паровозы, частенько были рядом с передовой, попадали под обстрелы и бомбежки. Наша задача была дать паровозом воду, восстанавливали разбитые водокачки. Мы с бригадой из 5-7 человек временно устраивали помпы, насосы, чтобы паровозы могли набрать воду и дальше вслед за армейскими частями двигались в 3-5-и километрах от фронта. Порою и “Ура!” слышали, когда наши наступали. Дни и ночи, порою не спали. Ужасно уставали, все видали...

А вот подвига я никакого не совершила. Наш восстановительный поезд прошел по городам: Можайск, Гжатск, Вязьма, Калуга, Тихонова Пустынь, Брянск, Смоленск и другие. В июне 1944 года я заболела, и меня комиссовали.

Привожу стихи Мотузовой:
*В те военные далекие годы,
 Мне всего 17 было,
 Когда в дорогу позвала война.
 В тот далекий год 42-ой,*

*Едва-едва минуло 17
 Нас привезли туда, где под Москвой,
 Панфиловцам пришлось сражаться
 Что видела я в первый миг – не скрою,*

*Мне как-то страшно стало –
 Из труб одних деревня состоит,
 А жителей как - будто не бывало.
 Но, ко всему привыкла, как и все:*

*К обстрелам и бомбежкам каждодневым
 Не вправе была думать о себе,
 Когда страну окутал день военный
 Лишь к одному привыкнуть я так и не смогла,*

*Когда друзей убитых хоронили,
 Каждый раз катилась слеза,
 Падая на холмик их могилы.
 Подвиг я не совершила.*

Я просто отдала гражданский долг,
Но повидать и пережить пришлось не мало,
На пепелище фронтовых дорог.

На войне, как войне,
Там всякое бывало: бомбили, и стреляли, убивали,
По месяцу и более не мылись в бане,
Приходилось и голодали,
Хотя питанием неплохо нас снабжали.

И спать приходилось где придется и как попало.
В землянке, одетыми, вповалку,
На земляном, сыром полу,
А то и просто под березкой

И на пронзительном ветру.
Не раз вопрос мне задавали:
"А страшно ль было на войне?"
Признаюсь, страшно, очень страшно,

Особенно вначале, но страх я глубоко в душе скрывала,
Когда бомбили нас или стреляли,
Я тихонько что-то напевала,
А мужики крупное слово в адрес фрица посылали.

Потом, как-то само собою привыкли
Быть может потому, что очень уставали
Хотелось очень спать, а спать война не позволяла

В войну всем трудно было, но ничто нас не сломило.
Наша армия, вкупе с тыловиками,
Сильнейшего врага свалили
И над Рейхстагом знамя ПОБЕДЫ водрузили.

Ларионова Анна Денисовна

Я родилась 2.12.1922 года. Призывались в армию 20 мая 1942 года Упоровским РВК Омской, ныне Тюменской области. Выросла в большой крестьянской семье в Кировской области. Отец, Денис Трофимович и мать Пелагея Герасимовна Куимовы. Бабушка – мать отца – Дарья Мохеевна. Нас детей было девять. Трое умерли (Ваня, Лида, Гена) еще в детстве, а шестеро выросли. Я была самой старшей из оставшихся (Михаил, Надежда, Анисья, Серафим и Дарья). После окончания семилетки я поступила учиться в Ялуторовское педагогическое училище Тюменской области. С детства мечтала посвятить свою жизнь воспитанию детей, став учительницей. Мечта начала осуществляться. Но 20.06.1941г я вернулась в родительский дом после окончания двух студенческих лет, которые промелькнули незаметно. А 22 июня радио принесло страшную весть: фашистская Германия вероломно, без объявления войны напала на Россию. Почти все мужское население пошло на фронт. Ввели плату за обучение в педучилище. Отца тоже мобилизовали. Мамочка одна осталась с нами, своими детьми, младшей Даше было 4 года. Я оставила педагогическое училище и поступила на курсы связистов. Проучилась около двух лет в г. Новосибирске. Заучивание схем, зубрежка Азбуки Морзе – все это позади. Я окончила курсы связистов на отлично, изучив телефонно-телеграфные аппараты и некоторое время преподавала вновь прибывшим связистам-курсантам устройство работы аппаратов. Впереди фронт, передовая. Всех девушек зачислили в резервный полк и перебросили ближе к линии фронта. Здесь у нас была практика перед фронтом. На фронте я попала в 17-ю воздушную армию 10-й штурмовой авиакорпус механиком-телеграфистом. Работа была не из легких. Надо было быстро ориентироваться в повреждении проводов, уметь отрегулировать аппараты Морзе и СТ-35, заменить, вышедшие из строя детали этих аппаратов. Да и немцы нас очень часто беспокоили своими бомбежками. Связь – это нервы, это сложная работа всех фронтов, всей линии фронта. Вот поэтому немцы и старались в первую очередь уничтожить связь. Бывали случаи, когда немцы высаживали десанты на участки фронтов. Как-то фашисты выбросили воздушный десант недалеко от нас. В это время я дежурила у аппарата. Всех свободных солдат собрали для уничтожения десанта. И враги были разгромлены. А таких десантов было не мало. Знать, они старались нарушать всю фронтовую связь, и уничтожение десанта было нашей задачей. Первое время мы сильно боялись бомбежек. Загудит в небе самолет, а мы не знаем, наш или немецкий. Думаем, вот-вот будет бомбить. Помню, эшелон прибыл в город Миллерово, и мы только начали разгружаться, как появились немецкие самолеты и стали нас бомбить. Горели вагоны, вихри огня поднимались то там, то тут. Я упала на землю и вспомнила свою мамочку. Протяжный вой падающей бомбы заставлял содрогаться

всем телом. Думаешь: вот эта обязательно упадет на тебя, и еще сильнее прижимаешься к земле. Я боялась подняться, это было мое первое боевое крещение. Очень скоро и бомбежки, и все тревоги фронтовой жизни стали делом, привычным. Вспоминается и такой случай. Находились мы в Венгрии в г. Секешфехерваре. Я дежурила в ночную смену. А утром после смены, с подругой Машей, мы пошли с расположением части на отдых. Беседовали о счастливой жизни после Победы. А она была не за горами. У меня ослабла резинка на чулке. Отстав на полшага от Маши, я наклонилась, чтобы поправить резинку и услышала характерное: "Ч-чок!" И так, не разгибаясь, с ужасом глянула, как раскинув руки, Маша медленно падала на обгавленную кровью мостовую. В песне поется: "... а до смерти четыре шага". У меня эта смерть находилась на полшага. Всю жизнь не могу забыть этот случай. Вспомнишь – сразу же кто-то кувалдой ударяет по голове, которая все болит, почти, не переставая. Мы все работали, не жалея своих сил, лишь бы скорее приблизить день Победы. Радовались своими успехами и наградами, которые заслуживали. В феврале 1944 года командир части вручал перед строем группе солдат боевые награды. Звучали фамилии бойцов, и они один за другим выходили вперед. Командир благодарил их за службу, жал руку вручал награды. Вдруг я услышала свою фамилию. За хорошую службу, за отличное обеспечение связи механик-телеграфист сержант Куимова награждается медалью "За боевые заслуги". Я как во сне вышла из строя и подошла к командиру части. «Чтобы дальше так же работала связь», - давал напутствие мне командир.

Хорошо помню последний день войны и День Победы. 8 мая я целые сутки дежурила у аппарата. Наконец, пришла смена, и нам разрешили отдохнуть. Только мы прикорнули, прибежал старшина: "Вставайте! Вставайте! Немцы десант выбросили в нашей зоне", – кричит громко, как будто серьезно, а сам смеется и тормозит нас. Мы высыпали на улицу. И не сообразили, что же твориться: все обнимаются, целуются, прыгают как дети. И кричат: "Победа! Победа! Конец войне!" А я стою и плачу, подкатил ком к горлу, и не в силах справиться с ним. От отца нет известий, брат погиб в Берлине. Плачу и стесняюсь слез. И горько мне, и радостно, хочется обнять разом всех этих людей, которые тоже смеются и плачут...

За период службы в действующей армии, то есть на фронте, мы все к порученному делу отнеслись добросовестно. Я хранила и храню эти традиции всю жизнь, как на основной, так и на общественной работе. При демобилизации после войны 15 октября 1945 года нам вручили письменные благодарности, подписанные Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным, а именно: "Сержант Куимова (это моя девичья фамилия) Анна Денисовна! Приказом Верховного Главнокомандующего т. Сталина вашему соединению и Вам, принимающим участие в боях, объявлена Благодарность:

1. За овладение столицей Югославии г. Белгород.
2. За прорыв обороны на Западном берегу Дуная.
3. За прорыв сильно укрепленной обороны противника юго-западнее Будапешта.
4. За разгром окруженной группировки Будапешта.
5. За отражение атак II танковых дивизий немцев ю.-з. Будапешта.
- 6-7. За освобождение в Венгрии и овладении десятки городов.
8. За освобождение столицы Австрии городом Вена.
9. За освобождение города Надьканижа – центра нефтяной промышленности.

Я находилась в г. Вена, когда закончилась война. Домой вернулась 6 ноября 1945 года. Надо было работать, работать и работать. И я работала и училась. Заочно закончила 3 и 4 курсы Тюменского педучилища, так как Ялуторовское педучилище было закрыто. А потом поступила и тоже заочно закончила Тюменский пединститут, физико-математический факультет. Около 40 лет проработала в школе, из них 30 – директором. Сейчас мне доходит восьмой десяток, здоровье пошаливает. Себя обслуживать не могу. Спасибо, что мои дети (сын со снохой) и внуки очень внимательны ко мне. Помогают во всем, ходят за продуктами. За период службы в армии с августа 43 года я к порученному делу относилась добросовестно. Это видно из характеристики, которую вручили при демобилизации, подписана она командующим части генералом Толстиком. Вот выписка из нее: "В составе войск 3-го Украинского фронта ты прошла славный боевой путь. От Дона до Сталинграда до Вены и Австрийских Альп. Ты участвовала в боях освобождение родной Украины и Молдавии. Ты помогла народам Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии сбросить позорное фашистское ярмо. Ты возвращаешься на Родину, в свою родную семью, чтобы включиться в мирное строительство. Свято храни боевые традиции своей части,крепи и приумножай их в мирном сознательном труде".

Кулакова Анастасия Борисовна

Родилась 25.02.1925 года в г. Белый Смоленской области. Проживала с родителями в большой семье. Нас было 6 человек. Старшая сестра жила в Москве, работала на военном заводе. В 1941 году ушла в армию. Попала на Ленинградский фронт, где была ранена. Когда началась война, мне было 16 лет. В первые месяцы войны отца убило. Я решила отомстить, ушла в партизанский отряд в 1943 году. Командиром отряда бы пожилой человек, очень грамотный и культурный, вежливый. Он посылал меня на операции различные. Я ходила с сумой, вроде попрошайки, и даже переносила в ней взрывчатку к месту взрыва объекта. Я не боялась ни леса, ни стрельбы и была какая-то бесшабашная. Вот однажды я нарвалась на фашиста, он долго смотрел на меня, оборванную в лохмотьях, в лаптях. Посмотрев подозрительно какое-то время, поддал кованым сапогом под зад так, что я лежала минут десять не шевелясь. Он еще долго стоял передо мной, потом ушел. Я деру дала. Думаю, как же отомстить немцу. Налила бутылку бензина. Взяла спички. Поползла через болото. Подошла к сараю. Этот был немецкий объект, там что-то хранилось. Бросила свое содержимое и дала деру. Залезла в первую попавшуюся воронку. Лежу и слушаю, что вокруг. Вдруг как бабахнет. Я вскочила и давай бежать от этого места. К моему счастью, ехал наш связной партизан на мотоцикле. Он подобрал меня и привез в гарнизон. Вот стою я перед командиром отряда, он так на меня укоризненно посмотрел, покорил за самовольство. Оказывается, я сорвала партизанскую операцию. Спугнула немцев без разрешения командира. В сарае были мотоциклы, машины и кое-какие снаряды. Стоя перед командиром, я поняла, что надо подчиняться приказам и не проявлять бездумной инициативы. Я хорошо стреляла и носила с собой оружие, а уж применять его приходилось частенько. Началось наступление наших войск. И мы гнали немцев своим ходом, а иногда ехали на машинах. Даже освободили город Прилуки в Черниговской области. А там нас передали регулярной армии через военкомат. Попала в стрелковую дивизию в 871 стрелковый полк. Вот здесь и началась моя настоящая служба. С боями дошли до реки Днестр. Начали ее форсировать. Немцы открыли такой шквальный огонь, что многие погибли. Горстка солдат закрепилась на том берегу, а мы, не умеющие плавать, остались и оказались в котле. Нас было 18 человек. Мы находились в воде около берега и держались за ветки ивы. Многие части оказались тогда в окружении. Ночью мы вылезли из воды, грызли иву, как козы. Питались, чем придется, сосали кровь у убитых лошадей, например. Об этом случае как-то в 60-63 годы мы разговорились с начальником Промвентиляции – Сивковым Константином Ивановичем, и он оказался участником той битвы. И рассказал, как они нас выручили. Он был летчиком. Бомбили немецкие части, а после пошли танкисты и

разгромили фашистов. А мы вышли из воды все опухшие, раненые и контуженные. Ведь надо было продержаться 18 суток в окружении. А я была глухая и слепая. Меня так развезло, что была 120 кг. весом, а до этого была щупленькая. Как увезли в госпиталь, я уже не помню, пробыла в нем два месяца. После него я попала 113 АЗЕП (это было 12 ноября 1944). Сперва я перевязывала раненых, снаряды подтаскивала и была связисткой. Нам приходилось исправлять нарушенную проводную связь, таскали катушку, выполняли все работы связиста. Но проведенные в окружении дни сказались на моем здоровье: у меня болели ноги, и еле передвигалась. Тогда меня начальство отправило на кухню, готовить обеды. Но и здесь тоже надо было ходить. Когда пригостишь и наваришь обед, его надо нести в подразделения на передовую. Так и таскала термосы на себе. Помощников не было. Как-то мне привели в помощь осла ЯШКУ, я обрадовалась: все же не на себе таскать термосы. Он и помогал. Но однажды мой Яшка уперся и ни в какую. Он боялся стрельбы. Я уж его и уговаривала, поглаживала, подталкивала, а он как столб. А мне надо было нести обед на передовую, скоро солдаты должны подняться и идти в атаку в наступление, а я тут не могу сдвинуться с места. А после уговоров, начала его бить – не помогает. Ну, смотри, упрямый осел, если не будешь служить и выполнять работу, то сам пойдешь в суп на ужин или обед. Уговаривала его я и по-хорошему и била, результата нет. А время поджидает. Пришла. Майор Валиухин, командир, сперва смотрел на меня с укоризной но, зная, пожалел меня, дал мне сопливого солдата, не нашего русского, а чичмека (азиата). А этот помощник оказался не лучше Яшки, лентяй, и его приходилось все заставлять, даже принуждать, приходилось и давать затрещину. Только тогда он понесет обед. Подошли мы к кухне, а Яшка, как стоял на месте, так и стоит. Что только не было. Если только все вспомнить, нужно писать многое. Меня за добросовестность и работоспособность, за смелость и за выполнение приказов начальства наградили медалью "За отвагу". Нет, мы не боялись ничего, война притупила наши чувства. В годы Великой Отечественной войны, прошедшие с обмороженными ногами в сапогах 42 размера, в солдатской шинели, по трем фронтам войны, закончившие ее в самой Германии, со всей ответственностью заявляем: был другой, главный страх – пожертвовать Родиной. И мы ее защищали, как могли. С гордостью говорю: "Есть и мой вклад в эту великую Победу". Мы с мужем Кулаковым Алексеем Ивановичем, лейтенантом запаса, приехали со своими четырьмя детьми в Качканар в 1959 году. Он работал на буровом станке в Западном карьере. А условия буровиков в эти первые дни были не лучше, чем в войну. Канатные БУ-БС в непогоду, снег и ветер, в дождь и ясную погоду бурили скважины для добычи качканарской руды. Заболел и умер в 1991 году. Отняли ногу, да сказались раны фронта. И я осталась вдовой. Проработала 30 лет "Промвентиляции", а живу в хрущевской

квартире, без ремонта и т.д. и т.п. Никому нет дела, как живут ветераны войны и труда. Обидно за страну.

Харина (Корнеева) Любовь Аверьяновна

Родилась 30 мая 1923 года в селе Надежда, Жлобинского района Гомельской области. 3 марта 1942 года немец забрал нас в плен концентрационный лагерь, а освободили из лагеря 21 марта 1944 года. Мы все время находились в лагере смерти "Азаричи". Когда родителей расстреляли и всю семью, то я переоделась в мальчика и пошла мстить немцам. Мы с Витей Гаевым и Ниной переправляли через Днепр наших раненых в партизаны. И так продолжалось, пока нас не засекли немцы. Немецкий самолет увидел, как мы из лодки вытаскивали раненых. Начал стрелять по нам и бросил бомбу. Тут меня и контузило и ранило. Немцы схватили меня, пытали, били, издевались и хотели расстрелять. Но потом отправили в лагерь смерти "Азаричи". И я среди людей затерялась. У нас, кто поздоровее, брали кровь. Многих сжигали в печах. За мое пребывание в лагере это продолжалось каждый день. Только в одном лагере было уничтожено 25 000 людей. А некоторых крепких отправляли в Германию. Каждую ночь в лагере умирали по 170-200 человек. А когда фашисты стали отступать, к нам привезли хлеб, отравленный тифом, чтобы мы заразили своих солдат. В эту же ночь немец заминировал весь лагерь смерти, а сам отступил. А мы 17 часов просидели в лагере, не могли выйти. Как только человек подойдет к ограждению, сразу взрывается мина и человек погибает. Только вечером нас освободила 65 армия и разминировала ворота. Стали нас развозить по госпиталям: кто мог, шел сам, а нас увезли на машине, несовершеннолетних где-то человек 200 осталось в лагере. Меня брат Леня нашел в госпитале, в 1944 году весной нашлась сестра Груня. Сестра и брат меня воспитывали целый год. У другой сестры я училась в школе и закончила 7 классов. После устроилась на работу в ПМС – путевая машинная станция. Там проработала 6 лет. В 1958 году приехала в Качканар и здесь осталась. Когда жила у брата, то заболела малярией и так сильно, что никакие лекарства не помогли. Забрал меня брат и с женой Полей стал выхаживать. Что только не делали, даже обливали водой, черпая, ее кружкой из ведра. Лежала на русской печке и вдруг услышала запах лука. И говорю: "Дайте лука". А луку тогда не было. А брат работал на бронепоезде. Когда уезжал, то говорил мне: "Не помирай, жди меня. Ты должна умереть только на моих руках. Он нашел луку и чеснока, я все съела. И две недели я спала. А потом стала поправляться и пошла в школу". Работала в ПМС и вышла замуж в 1953 году. Родилась дочь Таня в 1955г. и вот с тех пор мы живем здесь, в Качканаре. Было у меня много

операций, знать лагерь смерти сказался. С 1975 года я на группе была три года. Потом работала до 1986 г., а сейчас у меня первая группа инвалидности пожизненно. Внуки и дочь меня поддерживают. Все они у меня хорошие. Дочь и зять, внуки и правнук все работают в ГОКе.

Буторина Анна Николаевна

Родилась 9.2.1923. Призвана в армию 14 июня 1942 года Кировской области Кирчанским РВК. Попала на Волховский, Ленинградский фронт в подразделение ВНОС в 42 отдельный батальон, наблюдателем-связистом. Стояли на вышках и вели наблюдение за воздухом и сообщали обо всем в штаб своего подразделения. В любую погоду и зимой летом дежурили на постах. Прошли от Тихвина, Ленинграда через Прибалтику до Восточной Пруссии в районе города Данциг. Демобилизовалась в июле 1945 года.

Малявина Антонина Степановна

Родилась 3.01.1922г. Войну прослужила во 2-й дивизии ПВО города Москвы в качестве аэростатчика. Вся служба обороны столицы от воздушного нападения. В Качканаре проработала в управлении ГОКа.

Слюсарь Александра Степановна

Родилась 12.01.1927 г. прослужила в эвакогоспитале 2 Белорусского фронта.

На различных фронтах воевали женщины-качканарки:
Сагалаева Анна Ильинична – на обороне города Ленинграда,
Завальницкая Серафима Семеновна на Украинских фронтах,
Колбина Пелагея Петровна на Украинских фронтах,
Атаманчук Анна Ивановна на Белорусском фронте,
Борисова Валентина Павловна на обороне города Москвы,
Корякина Ольга Дмитриевна – Украинском фронте.

А каково же было женщинам находиться среди мужчин и соблюдать женские потребности, соблюдать туалет. В сентябре 2001 года я побывал на встрече однополчан в Кушевке и Краснодаре. В Кушевке, где корпус получил гвардейское звание, мы торжественно отмечали юбилейную дату: 60-летие образования корпуса. При переезде с места боев на место формирования корпуса случайно соприкоснулся с этой темой. Езды

автобусом более трех часов. Среди нас были фронтовики мужчины и фронтовички женщины. Собрались на встречу около 200 ветеранов. Остановливались автобусы среди дороги для справления малой нужды. А женщины с обидой высказали: "Вот так всегда! Можно же остановиться, где есть лесные посадки, а не открытое место". Конечно, мужчинам проще. Когда я был в запасном полку, шли колонной. Шли долго. Командир батальона рекомендует: "Остановиться. Открыть затворы, свернуть курки!" И реки полились. А каково женской половине? Особенно в полевых условиях безлесья. И был рассказан такой военный эпизод. Дело было на рейде казаков в Венгрии. Врач части пошла справить свою нужду ночью. Как и всегда, подальше от расположения солдат. Отошла. А казаки на рейде всегда держались рядышком, не отрываясь друг от друга. Кругом были немцы, оказавшиеся в нашем тылу из-за стремительного наступления советских войск. Врач, которая очень много спасала раненых и была очень уважительная, добрая, шла на помощь в любых обстоятельствах, нарвалась на отходящие вражеские части. И она погибла. Тут по тревоге подняли солдат-казаков. Фашистов поймали, а они кричат: "Сталин капут, Сталин капут!" Может, со страху перепутали с Гитлером. Возмущенные казаки истребили их, отправили к праотцам. Если б мы были не в рейде, может, услали в штаб в тыл, но тыла у казаков в рейде не было. "Вот так всегда!" – вырвалось у женщин. Мне тут же вспомнилась наша Тася Левицкая, которая после тяжелого ранения Гриши Кобца прибыла к нам из госпиталя. Я представляю, как тяжело было нести ношу санинструктора до дня Победы.

О положении женщины, в боях против немцев, у меня написано в книге "Иптаповцы". Большим испытанием явилась война для женщин нашей страны. Они перенесли горечь утраты родных, близких, потерпели не только величайшие тяготы, невзгоды фронтовой жизни. А женщины, работавшие в тылу страны, вынесли на своих плечах основную тяжесть труда на производстве и в сельском хозяйстве. Великая и благородная цель: отстоять соцзавоевания, защитить мирный труд, свободу и независимость страны – двигала всеми помыслами и свершениями советских женщин, помогла им преодолеть все трудности и невзгоды, навязанные войной. Вот уже закончил я главу "Фронтовички Качканара", узнал в Совете города, что есть в Качканаре еще одна фронтовичка, которая прошла с боями в зенитных войсках с Украины, и Польши, дошла до Германии. Под Берлином ее контузило, была комиссована. День Победы ее застал по пути домой в Челябинск. Но у нее сгорели документы, при пожаре дома, и ее не числили фронтовичкой. Здесь я вспомнил, как и мне два раза пришлось доказывать, что я фронтовик. А дело было так. Где-то в 1979-80 году шла перерегистрация ветеранов. Военкомат посылал документы в область, где решали вопрос об участии в боях. Первый раз я описал свой полк полностью, как он назывался 152 гвардейский истребительно-противотанковый артиллерийский дважды

Краснознаменный, ордена Кутузова, Суворова Раздельненский полк или сокращенно 152 Гв. ИПТАДК КС РП, на что мне пришел ответ: такие не воевали. Ибо они имели только название частей, которые воевали в Отечественную войну. Второй раз пришлось писать только сокращенно 4гв. Кубанский кавалерийский казачий корпус и сокращенно 4 КККК. Уже я опустил все награды корпуса: орден Ленина, Красного знамени, орденов Суворова и Кутузова. А здесь, как я понял, она забыла свою часть, документы-то сгорели. При разговоре вспоминала номер 2450 какой-то зенитный артиллерийский полк. А там отнеслись невнимательно, и она оказалась не участницей войны. Вот и такое бывает. Подольский архив тоже не нашел ее в списках. Получилось по поговорке: "Без бумажки, я букашка, а с бумажкой человек".

Вот ее фамилия – Савкина (Швайбович) Лидия Васильевна.

Родилась 24 декабря 1924 года. Призвана в армию 26 октября 1943 года Исовским военкоматом. Архивные документы в военкомате есть, и когда она прибыла домой после тяжелой контузии – тоже. Она даже получила медали: "За победу над Германией" и юбилейные медали. Вместе с мужчинами она находилась на пересыльный пункте в городе Свердловске. А там сформировали команду женщин в количестве 100 человек и отправили в город Кимры Калининской области. Где велось обучение воинским дисциплинам около полугода. Последние два месяца мы изучали 37мм зенитку и по специальности связиста телефониста по теме ВНОС. Это значит, что по звуку шума самолетов узнавали различные типы самолетов. Хотя и мы их не видим, а должны распознать, какой вражеский самолет летит. Наша группа попала под Харьков, стояли на Балашовском вокзале в группе по охране города и вокзала – оповещали зенитчиков о приближении вражеских самолетов. У нас были посты ВНОС. На нем дежурили попеременно с девчатами. Я уже всех по фамилиям не помню, но вот по именам запомнила. Это Клава из Мурманска, Таня с Чкалова (Оренбург), Калина с Украины, Дуся из Сибири. Под Харьковом простояли месяца четыре, а потом мы уехали на охрану города Киева. А летом 1944г. нас дислоцировали в Белоруссию. Находились в районе реки Неман. Началось наступление там под названием операция "Багратион". Двигались вслед наступающих частей. Прошли Польшу, наступали по территории Германии. Были на Берлинском направлении. На нашем пути встречались города, поселки. Вот мы у города Лень. Остановились. Нам дали задание найти хороший пост для наблюдения. Девчонки побежали по домам, узнать, как живут немцы. А наша начальница Таня Сосновских из г. Чкалова нашла хорошее место, где мы должны были дежурить днем и ночью. Днем еще ничего, а вот ночью мы вражеские самолеты не увидим. Но нам всегда говорили: "Вы же вносовцы, должны определять по звуку. И правда, мы к концу войны хорошо определяли тип самолета. Как-то мы стояли около

города, вроде он назывался Линоберг или Лигнице. Место пересеченное, гористое. Нам говорили, что мы находимся недалеко от Берлина, недалеко от реки Одер. Было уже по-весеннему тепло. Природа оживала от зимней спячки... Мы с девчонками находились около поста. Вдруг на нас налетел Фокке-Вульф и стал бросать фугаски. Одна бомба взорвалась недалеко от нас и воздушной волной разбросало нас по разным сторонам. Я получила сильную контузию. Был нарушен мой слух, я ничего не слышала. Попала в госпиталь под город Лигница, пролежала с месяц. В ушах все время стоял шум. Да и сейчас он почти не прошел, результат этой бомбардировки. Нас демобилизовали. И мы вместе с Таней из Чкалова поехали домой. Ехали долго и вот Челябинск. Здесь мы с Таней расстаемся. Было раннее утро. К нам в вагон пришли старшие и сказали, что мы должны отсюда сами самостоятельно добираться домой. Вдруг к нам прибежал мужчина и кричит: "Война закончилась, война закончилась!" Мы все присоединились к радостной и оживленной толпе, возбужденные таким долгожданным днем Победы. Я ехала домой. Проехала Свердловск, Н. Тагил. Приехала на Ис. Там нас встречали жители поселка. Мы даже были приглашены в ресторан на празднование Победы. Получили сталинский подарок. Он был скромный, где-то 1 кг масла, одна бутылка водки, кусок мыла и полкилограмма конфет. Но этот подарок был для нас памятным. И стала я работать в пожарке. Там, где работала до призыва в армию. А в 1957 году пошла я на строительство Качканара. Чтобы попасть туда, надо было ехать через Бушуевку, Покровское, Валериановск. Работала в Уралспецстрое у начальника Несмелова и мастера В.В. Масюры. Вели разрубку трассы автодороги Качканар – Савина горка, а оттуда перешли работать в больницу, где и трудилась до пенсии.

Колбина Пелагея Петровна

Родилась 20 апреля 1925 года.

Когда я собирал материал о Фронтовичках, в это время Колбина была тяжело больна. Тяжелый паралич разбил ее тело. А с ее дочерью Каминниковой Алевтиной Михайловной мы работали вместе в маркшейдерском отделе Главного карьера. Ее скоро не стало.

Привожу ее рассказ о матери. Вот, что мне написала Каминникова.

"Пелагея Петровна служила в Советской армии в морской пехоте. Начиная с Ладожского моря до самой Германии прошел ее боевой путь. В начале службы она попала в Приволжский военный округ. Училась на повара. В свидетельстве об окончании курсов поваров Упродснаба Московского военного округа, написано, что старшему сержанту Колбиной П.П. присвоена квалификация повара, по следующим предметам:

Политподготовка – Хорошо;
Строевая и стрелковая подготовка – Хорошо;
Уставы – Хорошо;
Химподготовка – Хорошо;
Организация питания и техника приготовления пищи в стационарных и полевых условиях – Отлично.

*Начальник курсов полковник интенданской службы Григорьев.
15 декабря 1943 года. № 36. г. Казань*

Началось форсирование Ладожского озера. Шел прорыв блокады Ленинграда. Переправлялись на понтонах. Очень много погибло людей, обозов, которые были навьючены медицинским оборудованием, лекарствами, питанием и всем необходимым для блокадного города. Шли четыре дня тяжелых ожесточенных боев. Нам практически без отдыха приходилось кормить все части. Наваришь, соберешь все в термоса и отправляешься на передовую. Завтрак, обед и ужин – все в дневное время. А мы нагруженные пищей попадали под обстрел, но надо было идти через “не могу”. Был случай, о котором рассказала мать. Шли боем, части двигались вперед. Отдыхать было некогда. Ночью готовишь завтрак, а после отправляешься к морячкам-солдатам, чтобы накормить их. Вот она пошла. Шла вместе с частями. Шла, шла, свалилась с ног и уснула. Ехало какое-то начальство, и ее подобрали. Остановили часть, и снова продолжала выполнять свою задачу.

После этого случая начальство стало внимательно относиться к медперсоналу и поварам.

А когда готовишь пищу, то дым от кухни, это цель для противника, демаскировка подразделений. А как горячую пищу доставлять на передовую?!!

Дочь вспомнила ее один рассказ матери. Шло наступление, передвигались по заснеженному полю. Очень устали. Смотрят – кругом заснеженные пеньки. Они присели на них, а когда снег подтаял, запахло тошнотворно. Они обнаружили, что сидят на затылках солдат. Было и такое. А боевой путь Колбиной шел от Ленинграда, Прибалтики до самой Германии.

Алласте Евдокия Николаевна

Родилась 1922 года. Призывалась Баевским райвоенкоматом Алтайского края в декабре 1942 года. До войны работала в райкоме комсомола инструктором. Ушла на фронт добровольно.

Воевала на Ленинградском фронте медицинской сестрой. Была награждена орденом "Отечественной войны I степени, За победу над Германией".

Ее боевой путь пролегал от Ленинграда – Старая Русса – г. Рига. Демобилизовалась осенью 1945 года.

Ушла из жизни в 1998г.

Беляева Екатерина Петровна

Веселый человек это Беляева. Сейчас, уже недалеко в молодом возрасте, она и пошутит, и посмеется, и частушку споет. Можно вообразить, какой была в годы войны.

- Не унывала, – говорит Екатерина Петровна, - молодая была. Помню, наша воинская часть форсировала Днепр. Стрельба была страшная. Наш понтон разбило снарядом. Выбралась я на берег, бойцы дали мне переодеться. Напялила я мужские галифе, гимнастерку, усы навела углем и объявила: "Я вам станцую танец Чарли Чаплина". Кривляюсь, подражая великому актеру. Все смеются. Слышу: командир спрашивает, что это, дескать, боец вытворяет? Ему отвечают:

- Да не боец это – девка.

Командир подошел по ближе и говорит сопровождающему его офицеру:

- Наградить девушку за мужество и отвагу.

Думала, пошутил он, но нет, серьезно говорил. Получила я медаль "За отвагу".

Когда фотографировали Е. Беляеву, видимо, не знали про ее мужа. А ведь **Петр Тимофеевич Рыженков** заслуживает самых добрых слов. Всю войну он был зенитчиком и тоже форсировал Днепр, освобождал от фашистских захватчиков Югославию, Румынию, Венгрию, Болгарию, Австрию. После войны, в 1951 году, работал в Качканарской геологоразведке. Потом судьба привела его на Соколовско-Сарбайский ГОК, где главным инженером был Е. Кандель. С большой теплотой

отзывается о нем Петр Тимофеевич. Много лет П. Рыженков трудился на Качканарской ТЭЦ машинистом бульдозера, а после выхода на пенсию сторожил торфосклад. Из агроцеха ГОКа ушла на заслуженный отдых Е. Беляева.

Живут вместе два участника Великой войны, всячески поддерживая друг друга. Хорошая, красивая пара.

Выступление учителя Валериановской школы Голиковой В. при открытии обелиска в поселке Валериановском (краткое изложение)

Товарищи! От имени общественности нашего поселка ПОЗДРАВЛЯЮ дорогих наших ветеранов Отечественной войны, ветеранов труда солдатских вдов с Днем ПОБЕДЫ!

Дорогие ветераны, огромное Вам спасибо за ваш ратный труд в войне, за ваши лишения и подвиги – ВЕЧНАЯ ВАМ СЛАВА!

Вечная память павшим дорогим нашим односельчанам, отдавшим свои молодые жизни, чтоб мы вот так спокойно и счастливо жили!

Товарищи, 40 лет назад наш Советский народ одержал победу над жестким врагом! Победа радости и горя. Люди встречали живых и оплакивали мертвых. Товарищи, погибло 20 миллионов советских людей, военных, стариков, детей, женщин. Много или мало? Судите сами. Если считать фамилии погибших и тратить одну секунду, то потребуется около восьми месяцев.

С нашего поселка, насчитывающего 150 семей не вернулось с фронта до 53 человек?

Много это?

Погиб Горбунов Г.А., осталась жена с четырьмя малолетними детьми. У Сергеевых ушли отец с сыном, и оба не вернулись. У Мужевых погиб муж и брат, жена осталась с тремя детьми. Погиб Дрямин Степан Г., жена осталась с тремя детьми. у Оберюхтиных погиб муж, сын вернулся раненый. Так и носит эту войну в своей руке. Товарищи, в своем выступлении я не смогу сказать о каждом, но от имени учителей нашей школы вспоминаю тех, кто учился у нас и мальчишками ушел защищать Родину.

Сибириков Миша служил в Минске. Было письмо от 17 июня 1941 года. А в газете прочитал, что Сибириков М. со связкой гранат подбил немецкий танк. Больше вестей не было. Погиб.

Сергеев Сережа с фронта писал: "Если переплыву Днепр – напишу". Письма не было. Видимо могучий Днепр стал его могилой.

От автора. После войны приехал Ширинкин, который вместе с Сергеем форсировал Днепр. Он рассказал, что немецкая мина попала в Сергеева, от него ничего не осталось.

Шайхисламов Зиляль был водителем воинского транспорта в/ч 83330. в первомайской открытке 1944 г. поздравлял своих родных с такой нежностью, перечислял всех с надеждой на встречу. Но погиб 16 ноября 1944 г. в Восточной Пруссии.

Лужбин Паша был связистом. Погиб в начале войны.

Погибли три брата Валиулиных: Мартын, Гатлехан, Малакай. Два брата Блиновых: Борис и Виктор, Дрямин Николай.

Товарищи, эти мальчики всегда останутся в нашей Памяти мальчиками. Они не успели познать ответной любви, лишь тайно и робко в сердце мечтали о ней.

Тем более жаль эти молодые жизни.

Добрым словом вспоминаю наших комсомольских вожаков Сашу Черных и Леню Исакова. Выросли у Саши девочки, не познав отцовской ласки.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ И СЛАВА ПОГИБШИМ!

Товарищи, большое спасибо организаторам создания обелиска павшим воинам! Теперь каждый, в любое время придет, простоят, вспомнит своих дорогих отцов, братьев, мужей, в душе поговорит с ними, поплачет.

Пусть никогда не забывается сюда дорожка!

Без памяти о прошлом, нет жизни в настоящем будущем!

В. Голикова.
пос. Валериановск,
9 мая 1985 года

Соколова
Галина Андреевна

Брылунова
Полина Ефимовна

Новоселова
Алевтина Семеновна

Колбина
Пелагея Петровна

Мамонтова
Алевтина Сергеевна

Носова
Ольга Ивановна

Токарева
Любовь Николаевна

Литингмей
Нина Александровна

Береснева
Клавдия Васильевна

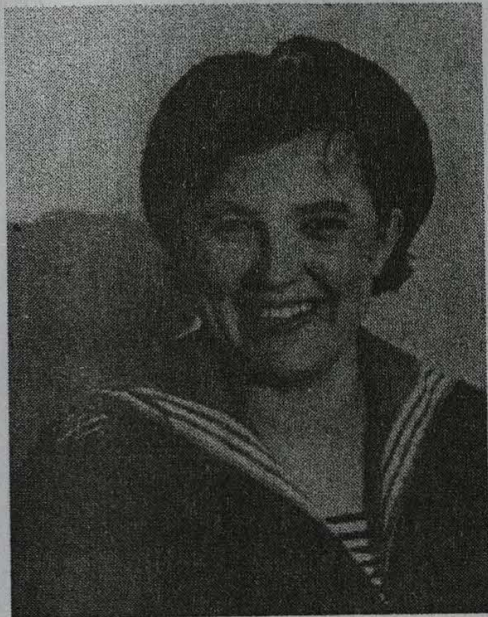
Шулепова
Анастасия Евдокимовна

Широкова
Анастасия Васильевна

Шубик
Зинаида Иосифовна

Лапина
Валентина Сергеевна

Панова
Римма Петровна

Справа Алласте

Шубик
Зинаида Иосифовна

Медовщикова
Зинаида Григорьевна

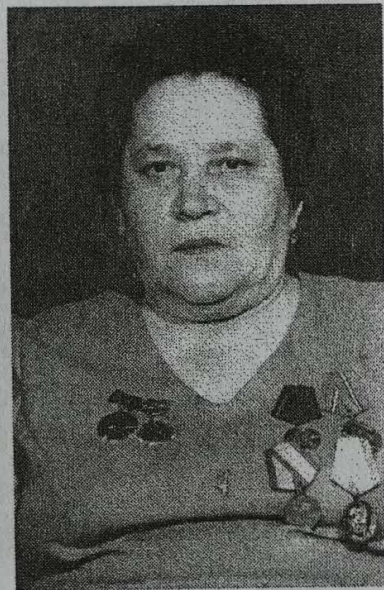
Кулакова Анастасия
Борисовна

Ларионова
Анна Денисовна

Корьякина
Мария Ивановна

Стольникова
Анна Илларионовна

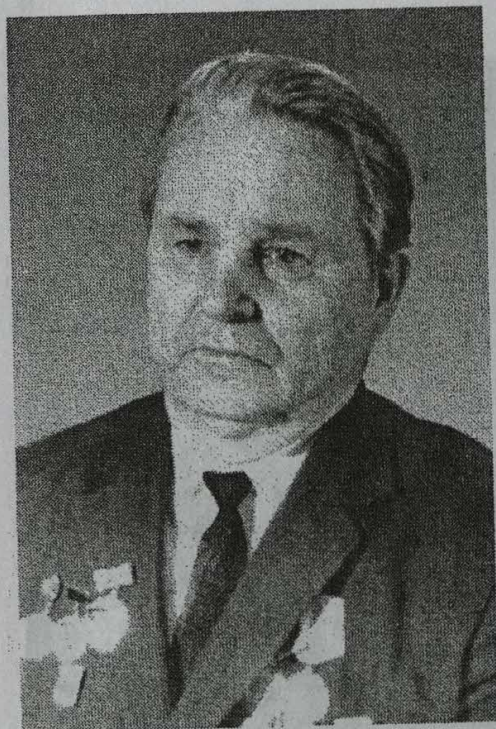
Слева направо: Бурмистрова Е.С., Гарчакова Анна,
Бабаева Валентина, 1944 г.

Смирнова Татьяна Федоровна

1-й ряд слева направо: Литвиненко-Плашкина, Касаткина З.
2-й ряд: Зарецкая-Ганчехина А., Храпунова И.,
Бардина-Крокашева Т., Бабкина Н.

Долгих
Евстафий Арсеньевич

Хоруженко
Василий Емельянович

Ветераны Хоруженко В.Е. и Ведерников Ф. В.

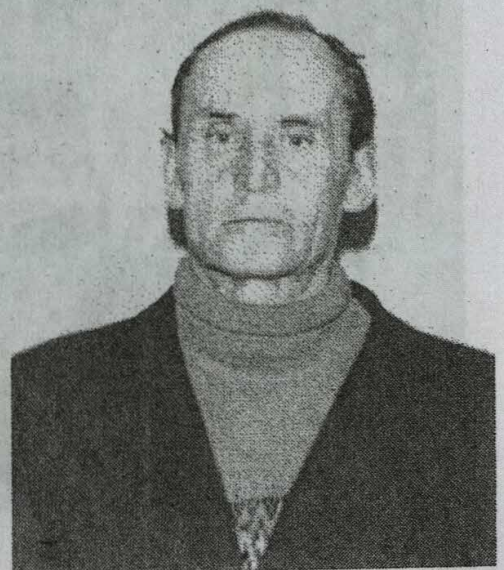
Семенов
Иван Ильич

Решетников
Николай Максимович

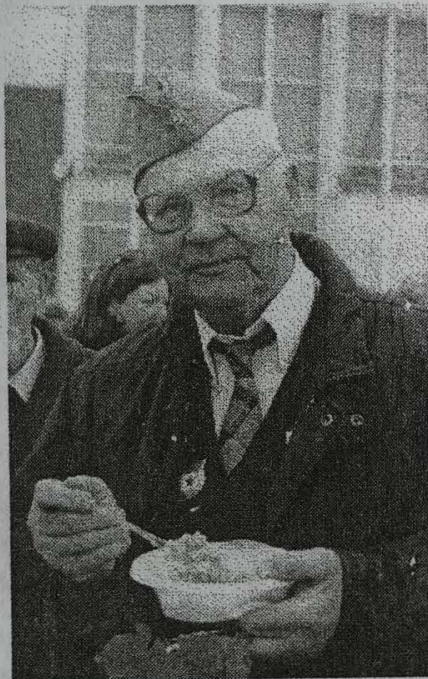
Астахов
Иван Федорович

Бармин
Дмитрий Николаевич

Герой Советского Союза
комполка Костылев
Евгений Арсеньевич

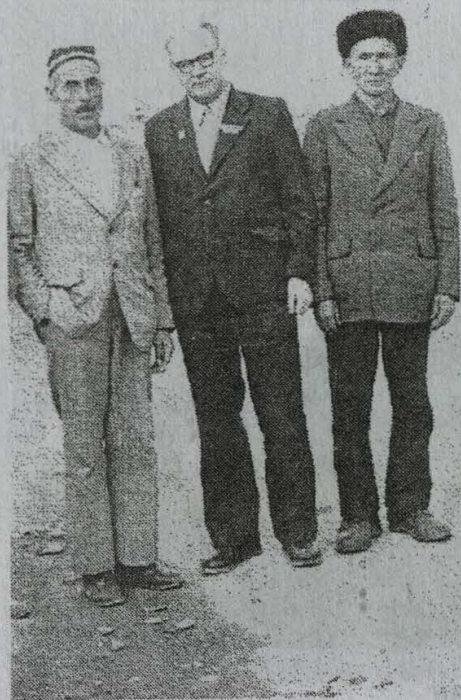
На праздновании Победы в
2002 г., г. Качканар, Смирнов
Виталий Васильевич

Шишкин
Борис Никифорович

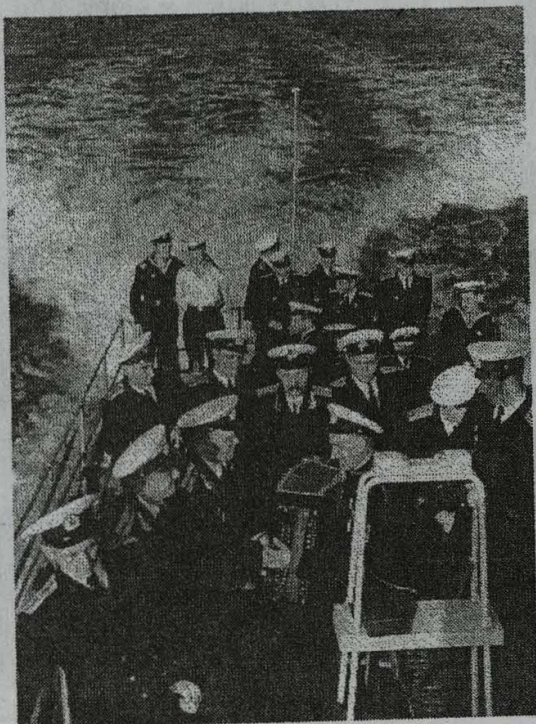
Муж и жена Мотузовы
Иван Ефимович и Устинья Семеновна

Встреча с однополчанином
Хасаном Худояровым в
Узбекистане, 1983 г., г. Акташ

Махинько Антон Иванович
с внучкой

Экскурсия в г. Калининград
В дали в белой матроске Пантюшов П. Е.

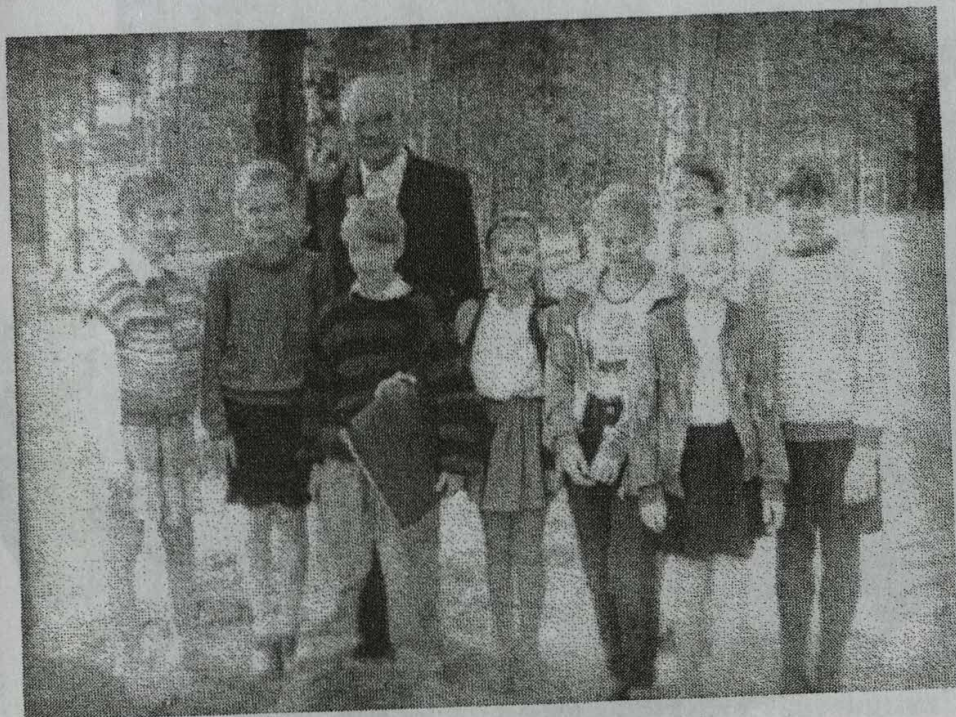
На огневой позиции

А.А. Федосеев беседует с учениками школы №3, 5 класс

Актив начальной средней школы, 1940 г.
3 ряд: Смирнов В. В. и Плашкина -Литвиненко Н. Ф.

В.В. Смирнов после беседы с учениками школы №6

На праздничном вечере
Слева направо: ..., Сашко А., Шубик З.Н., Будилова

Выступление маршала Г.К. Жукова после завершения круиза вокруг Европы с заходом в Югославию, г. Ленинград, 14 июля 1957 г.

152-й Гвардейский ИПТАП при расформировании, 1946 г., аул Кошехабль, республика Адыгея

9 мая 1980 г. на площади, г. Качканар.
1-й ряд справа на лево: Токарева, Барсохина, Пшеницына
2-й ряд: Борисова В.М. в белой шапке

На демонстрации. Впереди Семенов Н.М.,
1-й ряд женщины: Брылунова П.Е., Никиша М.Н., ...,
Пшеницына, Соколова Г.А., Токарева Л.Н.

На 54-й годовщине освобождения города Харькова
Вверху: капитан Каменецкий И.В.
Внизу: А.А. Федосеев, Кравченко и разведчик роты

На одном из дней победы около Качканарского "Белого дома"
Справа налево: В.К. Балуев, Н.И. Фелистеев, Трубин Б.

55-летие Победы.
Слева направо: Л.В. Землянов, В.И. Пырков, В.Г. Отрепьев,
В.В. Смирнов, А.Е. Пьянков

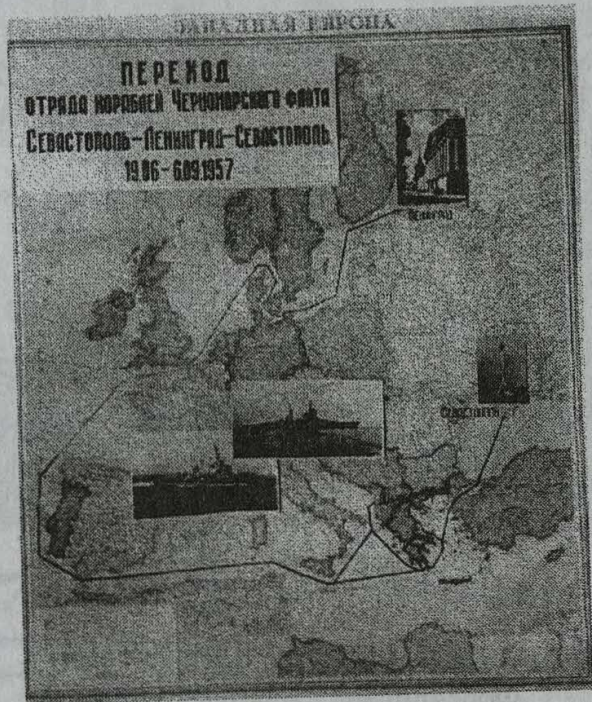
Ветераны войны

На праздновании Победы в Качканаре в 2002 г.
Смирнов В.В., Агуреев И.Т., Питателев С.И., Попов В.М.

На возложении венков в пос. Валериановский, май 2002 г.

Переход отряда кораблей Черноморского флота Севастополь - Ленинград - Севастополь, 19.06 - 06.09.1957 г.

БОЕВОЙ ПУТЬ

4-го ГВАРДЕЙСКОГО КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО КАВАЛЕРИЙСКОГО, ОРДЕНОВ: ЛЕНИНА, КРАСНОГО ЗНАМЕНИ, СУВОРОВА И КУТУЗОВА КОРПУСА

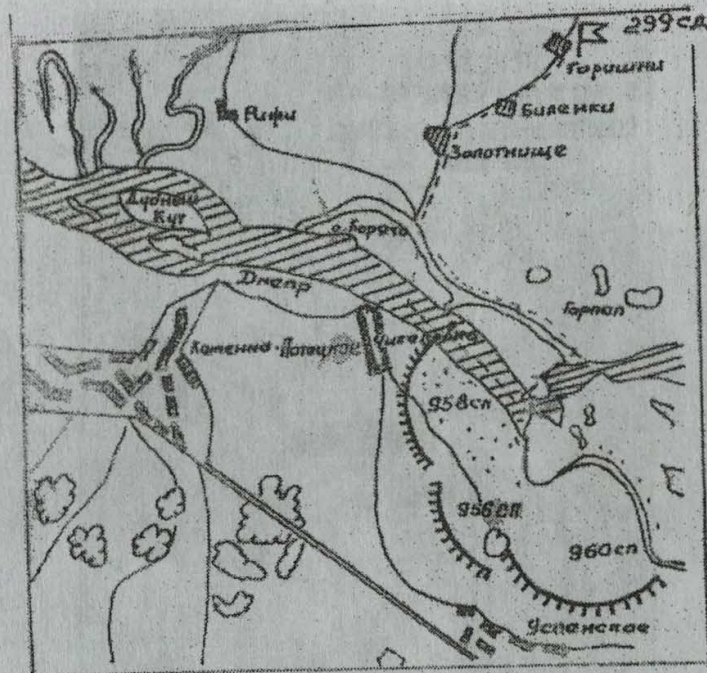
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- обозначение войска корпуса
- наступательные войска корпуса
- перемещение корпуса без боя
- сражения
- линия фронта

ПРИКАЗАМИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВКОМАНДУЮЩЕГО ЗА ОТЛИЧНЫЕ БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ОБЪЯВЛЕНЫ БЛАГОДАРНОСТИ КОРПУСУ И МОСКВА САЛЮТОВАЛА ЕМУ

1. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.
2. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.
3. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.
4. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.
5. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.
6. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.
7. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.
8. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.
9. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.
10. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.
11. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.
12. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.
13. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.
14. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.
15. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.
16. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.
17. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.
18. За выдающиеся боевые заслуги в боях за Крымский полуостров в 1941-1942 гг.

Боевой путь 4-го Гвардейского Кубанского Казачьего Кавалерийского, орденов: Ленина, Красного Знамени, Суворова и Кутузова корпуса

Форсирование Днепра 1943 г.
299-й Харьковской стрелковой дивизией

Встречи однополчан 4-го Гвардейского Кубанского
Казачьего Кавалерийского корпуса в ст. Кушевке в честь
60-летия со дня его образования, сентябрь 2001 г.

Ветераны около администрации

1-й ряд: Токарев, Смирнов В.П., Токарев И.Ф., Колесниченко Т.В., Харина Л.,
Токарева Л.Н., Мачехин Н.Е., ...,
2-й ряд: Пырков В.Н., ..., Пушкарев В.Н., Кушков И.С., Семенов Н.М., ...,
среди 3-го ряда: Попов В.А., Корницкий, Зворыгин Г.Е., Семенов И.И.,
Неустров, Крысов И.И.

Ветераны ВОВ управления кГОКа 8 мая 1980 г.

1-й ряд: Степанов А.А., Токарева Л.Н., ..., ..., Засоба П.Т.,
2-й ряд: Зильберов З.С., Глотов А.М., Власихин В.В., Маклыгин В.Г.,
Тукмачев Н.П.,
3-й ряд: Яшков Д.И., Братчиков К.Г., Романович К.С., Хоруженко В.Е.,
Мамонтов В.Е., Кузнецов А.В., Раскачаева Л.А.,
4-й ряд: Сафин Ф.Ш., Алексеев П.Н., Тюлькин, Отрепьев В.Г.

После награждения.

1-й ряд: Раат Р.Н., Раскачаева Л.А., Ульянова С.К., Токарева Л.Н.,
Пименова Л.Н., Малявина, Маврина Г.П.,
В 3-м ряду: Маклыгин В.Г., Огибенин В.И., ..., ..., Глозовы А.М. и Л.,
Токарев, Мамонтов В.В., Молдованов И.В.,
В 4-м ряду: Засоба П.Т., Подчиненнов Е.А., Тукмачев Н.П., ..., Алексеев П.Н.,
Фелистеев Н.И., Степанов, ..., Зильберов З.
В 5-м ряду: Еремин Н.Я., Буравов И.И., Салтаев А.В., Хоруженко В.Е.,
Захаров В.Ф., ..., Кораблев Ю.А., Шевцов Е.Н., Семенов Н.М.

Женщины – участницы войны на праздновании 8 марта.

✓ 1-й ряд: Пименова М.Н., Токарева Л.Н., Кулакова М.Б., Носова О.И.,
Седойкина А.И., Кислицын В.Д.

2-й ряд: Соколова Г.А., Пшеницына Г.С., Борисова В.Т., Береснева К.В.,
Малявина А.С., Колесниченко Т.В., Кузнецова М.И.

3-й ряд: Журавлева А.П., Мотузова У.С., Болотова Н.М., Хохрякова Л.С.,
Большев Н.И., Беляева Е.П., Неволлина И.Т., Атаманчук А.И., Медовщикова З.П.

Екимов С.Г. Кошман В.Г.

Очередной праздник Победы на площади Качканара

На трибуне слева направо: Дерябин К.К., Савлов Е.С., Миронов В.П., ..., ..., Еремин, Мотузов И.Е., Братчиков К.Г., Отрепьев В.Г., Новиков К.Н., Иванов Н.П., Семенов Н.Н., Попов В.Г., ..., Салтаев В.А.

Среди участников сидят: Токарева Л.Н., Соколова Г.А., Борисова В.П., Фелистеев Н.С.,

Стоят около трибуны: Савельев, Пшеницына, Тукмачев Н.П., Долгих Е.А., Пырков В.Н., Головцев Ф., Брылунов Ф.А., Шитоев П.К., Алексеев П.Н., ..., Ведерников Ф.В., Путяшев В.И., Никиша М.Н.

Слева направо: Пушкарев В.Н, Овчинников Б., Балышев Н.И., Питателев С.И., Мачехин Н.Е., Екимов С.Г., Попов В.А., Спирин , Огибенин В.И.

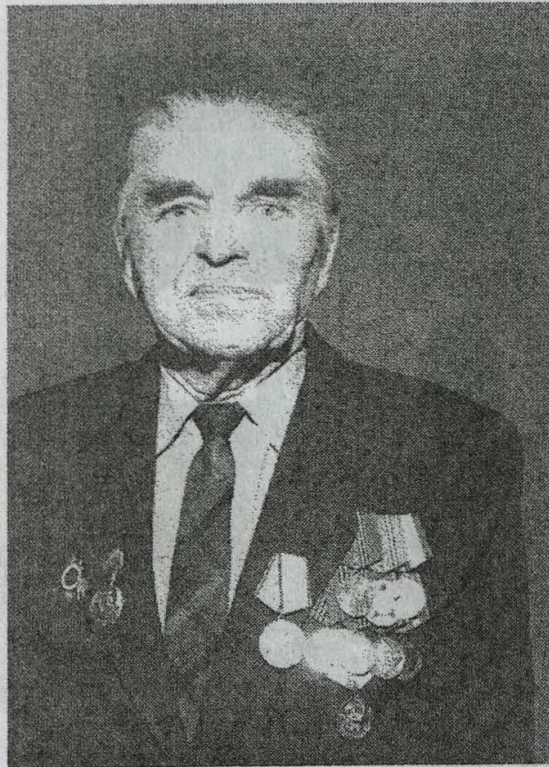
Празднование Дня морского флота Слева на право: Попов В.А., Колбин БН, Лапина В.С. Черепанов А.И. Кадачиков С.В. Молдованов И.В., Машкин И.П.

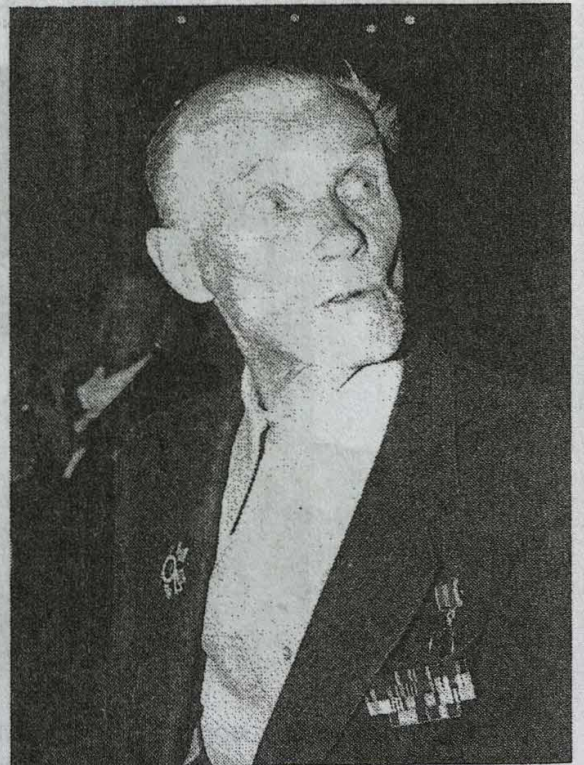
Леднев С.И.

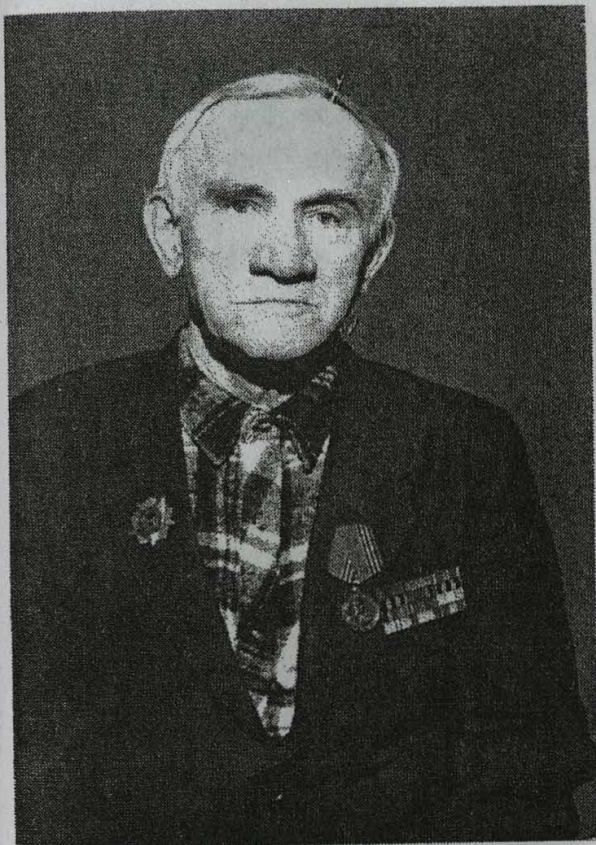
Плотников С.И.

Крысов И.И.

Нечасев П.С.

Клещенок В.В.

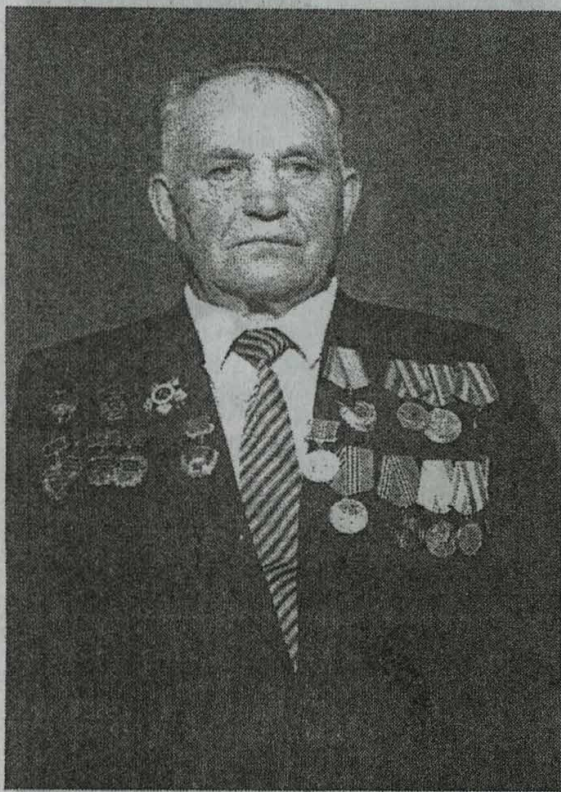
Лапина В.С.

Барышников А.П.

Пыркков В.И.

Сычев В.И.

Землянов Л.В.

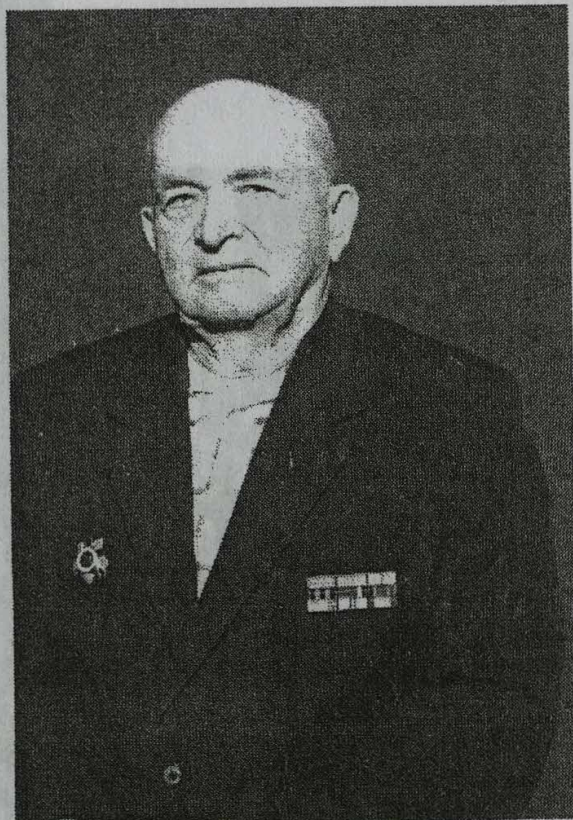
Неустроев А.И.

Русских

Медяник К.И.

Ерикалов В.Н.

Важесов Л.Ф.

Мамонтова А.С.

Вручение наград ветеранам войны.

Слева на право: 1й ряд – Смирнов В.Д., Бабяк Г.П., Хоруженко В.Е., Екимов С.Г. Мачехин Н.М. Яппаров К.Х., Молчанов В.Б. Пушкарев В.Н.,
2й ряд- Чудинов, Мотузов Н.Е. Соколова Г.А., Корницкий П.А., Глазов А.М.,
3й ряд Тукмачев Н.П., Филистеев Н.И., Степанов А.Х. Братчиков К.Г.,
Ноздрин
4й ряд Романович К.С., Щепанковский А.А., Овечкин, Машканцев В.А.,
Мальцев, Отрепьев В.Г. Хомутов,
5й ряд- Новиков К.Н., Семенов И.И., Мурашов, Матор И.И., Буравов И.И.,
Балышев Н.И.

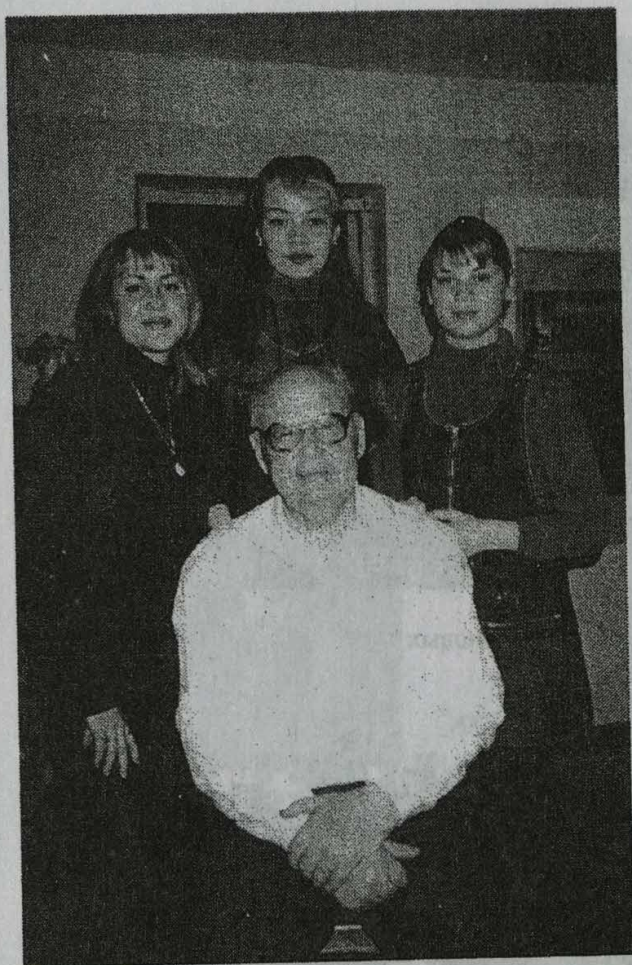
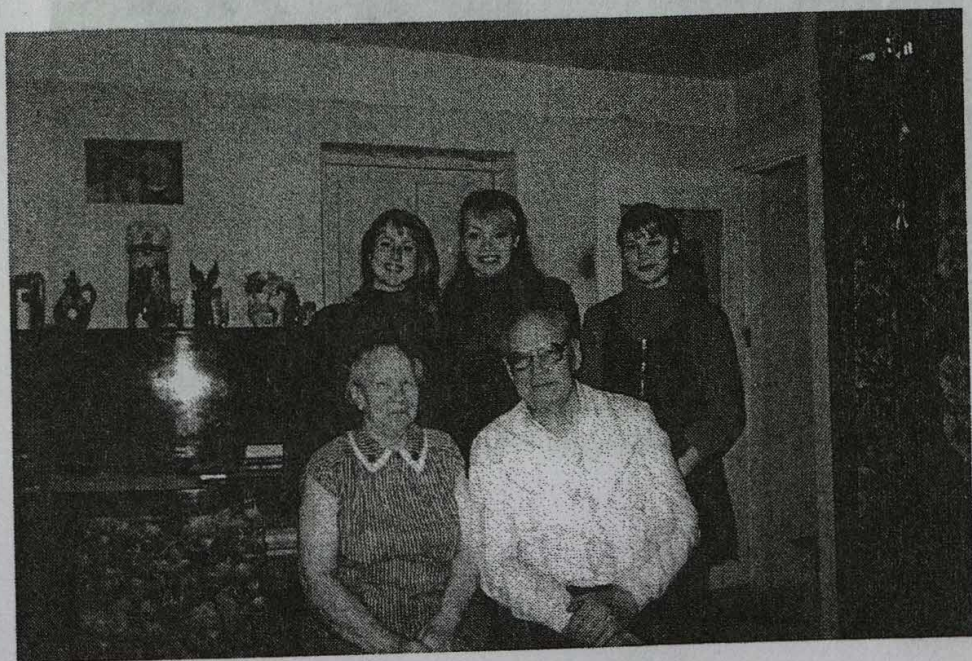

Фото с внучками: Оля, Лена, Таня

Семейное фото Смирновых

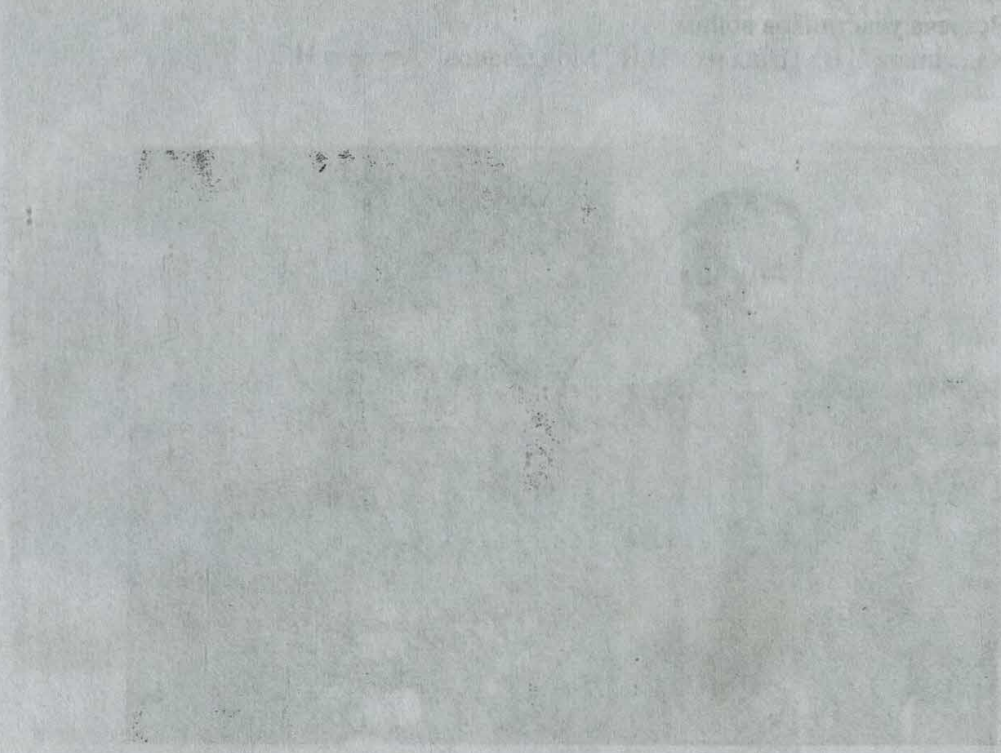
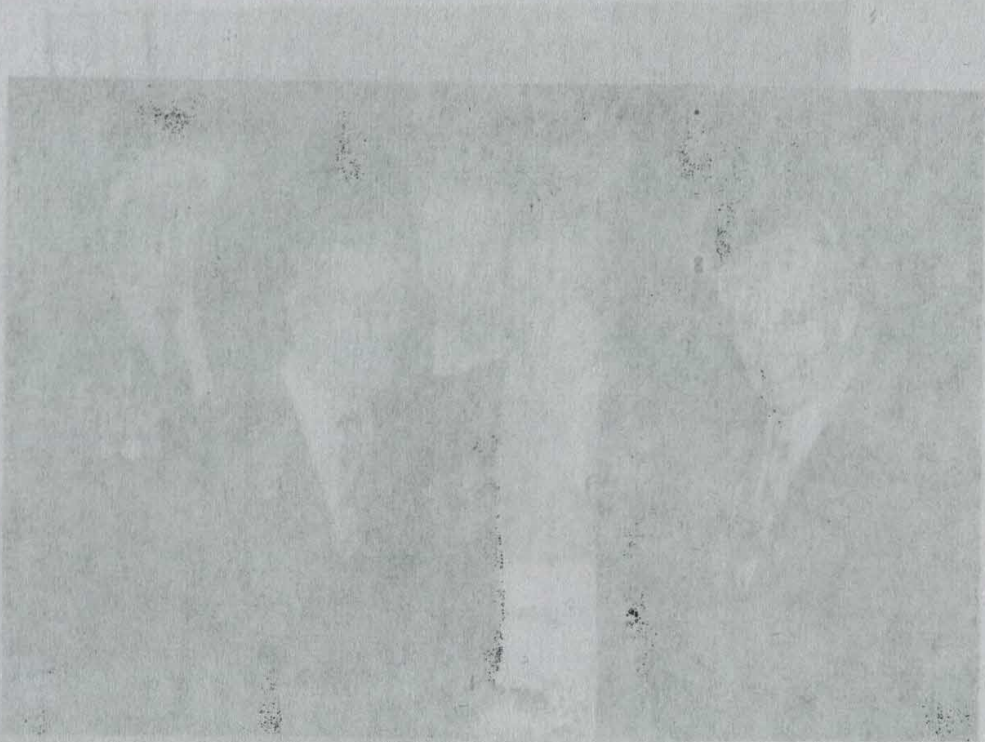
Участники войны на праздновании очередной даты победы 9.05.2002г.
Кадачиков С.В., Перминов В.И., Отрепьев В.Г., Цыплаков И.И.

Встреча участников войны.
Кадачиков С.В. Цыпляков И.И. Молдаванов Агуреев И.Т

Василий Емельянович Хоруженко Цыпляков Иван Иванович

ОНИ ВОЕВАЛИ В ТАНКОВЫХ ВОЙСКАХ

ОНИ ВОЕВАЛИ В ТАНКОВЫХ ВОЙСКАХ

О танкистах

Танки всегда находились на направлениях главных ударов, на острие наступающих войск, всегда были первыми вестниками свободы на отвоеванной у фашистов земле.

Своим бесстрашным бессмертным мужеством советские танкисты, как и воины других родов войск, снискали себе бессмертную славу.

Танковые войска играли весьма важную и часто решающую роль в осуществлении оперативных и стратегических задач.

На танкистов, как и на пехотинцев, приходились основные тяготы войны. Они были в первых рядах наступления и несли основные потери людей и техники.

Дороги утомительны, трудны и чрезвычайно опасны. Одни проходят их от начала до конца, другие только часть пути.

Сперва воевали в танковых частях, а потом в пехоте и других родах войск и наоборот. За время войны бойцы бывали в разных родах войск. Поэтому он и танкист, и артиллерист, и пехотинец и т.д. Здесь трудно определить какова его специальность.

Хочется отметить, что наш советский народ снабжал войска всем необходимым для ПОБЕДЫ. Вот пример; в 1942 году было произведено 24 000 танков, а в последующие годы по 30 000 танков. А всего за годы войны сделано 102 500 танков.

К концу Великой Отечественной войны было 6 танковых армий. Ими командовали; 1 ТА - М.Е. Катуков, 2 ТА – С.И. Богданов, 3 ТА – П.С. Рыбалко, 4 ТА – сначала был Б.Н. Баданов, а потом Б.Д. Лелюшенко, 5 ТА – П.А. Ротмистров, 6 ТА – А.Г. Кравченко.

В соединениях, в армиях были танковые корпуса, дивизии и полки. Потери в танках были большие. В военной литературе отмечается, что перед наступлением отдельной операции насчитывалось в танковой армии более 400 танков, а к концу операции их насчитывалось меньше сотни. А сколько было таких операций!

В танковых армиях были не только танкисты, но и артиллеристы, самоходчики, мотопехота, мотоциклетные части и другие.

В моем рассказе о танкистах говорится, о механиках водителей Н.М. Решетникове и П.А. Корницком, башнере – И.Г. Коннове, командирах танков – Е.А. Долгих и Б.Н. Шишкине, шоферах А.А. Федосееве и В.М. Попове, о мотопехотинце В.И. Пыркове и др.

Материалы для главы о танкистах я собирал из анкет в Совете ветеранов и в ходе бесед с ветеранами. Да пусть простят меня те, кто не оказался в моей главе "Танкисты". Особенно умершие. Анкет не сохранилось. Да и писал я в 2001 году. Это надо учесть. Но это дань уважения к роду войск ТАНКОВЫХ, о танкистах.

В Третьей гвардейской танковой армии

Воспоминания Федосеева Алексея Андреевича.

“Мы вели машины, объезжая мины, по путям – дорогам фронтовым”, – говорится в известной песне о шоферах военной поры. Но в песне, даже самой удачной, невозможно охватить всего, что выпало на долю скромных и безотказных тружеников войны. О них впору писать симфонии. Через минные поля, под артиллерийским обстрелом и под жуткий бой падающих авиабомб, по бездорожью, называемыми фронтовыми дорогами, “сквозь пургу, огонь и черный дым” наматывали они на колесах своих латанных – перелетанных, прошитых пулями, трижды воскресших из “мертвых” машин длинные и долгие солдатские километры. Победные километры!

Такими словами мне хочется начать рассказ о фронтовых километрах Алексея Андреевича Федосеева.

Родился 16.10.1925 года. Призван в армию 4 марта 1943 года Красноуфимском РВК. Попал в учебный полк в г. Рязани. Здесь их учили на шоферов. 9 июня отправили на пересыльный пункт. Пробыли там 7 дней. За это время подготовили машины ЗИС – 5 к отправке на фронт. Там же изучили немецкие марки машин и другую технику.

Вот приехали “покупатели” из формирующейся вновь части в 1893-й самоходного – артиллерийского полка третьей гвардейской танковой армии. В июне мы погрузились на железнодорожные платформы и отправились на фронт. Выгрузили на каком-то полустанке и двинулись к передовой. Это было 20 или 25 июня. Алексей Андреевич рассказывает:

“Я двигался за самоходками по проселочной дороге. Самоходки дорогу так размесили, что пришлось двигаться по косогору. Справа был травянистый лог. А на ней стояла табличка “мины”. Капитан приказал мне: “Гони по логу на большой скорости, если взорвется, то сзади”. У меня, семнадцатилетнего парнишки, конечно, никакого опыта вождения не было. Но, к счастью, я проехал по минному полю благополучно. Я так жал на стартер, что даже пот выступил по всему телу. И, правда, – мины взорвались позади.

Прибыли, как оказалось, в самое пекло. Стояли рядом со знаменитой Прохоровкой, находились в Каштановом лесу в резерве.

А попал я в 3 гвардейскую танковую армию в 51 танковую бригаду, 6 танкового корпуса. Забегая вперед, скажу, что ее путь пролегал через города: Тула – Орел – Курск – Фастов – Проскуров – Тернополь – Львов – Перемышль – Сандомир – Петраков – Оппельн – Бреслау – Берлин – Прага.

3-я ТА формировалась летом 1942 года, прошла большой, трудный и славный путь. Армия участвовала в 23 фронтовых наступательных и оборонительных операциях, действуя на важнейших направлениях. В 3-ю ТА входили не только танковые части, но и стрелковые. Так, при формировании были две стрелковые дивизии: 154-я и 204-я,

артиллерийские, зенитные и мотоциклетные, связи и мотоинженерные и другие части.

Таким образом, по своей организации структура 3 гв ТА была смешанной. ТА – это крупное танковое объединение, которое своими стрелковыми дивизиями прорывало оборону противника, а танковыми корпусами развивало технический успех на оперативном просторе.

... В июле, какого числа не помню, однажды утром началась артподготовка. Грохот, свист снарядов на разные голоса. Кругом сверкает пламя от выстрелов. Я не пойму, что это такое. Это ведь было мое первое боевое крещение. Вот бежит майор, начальник штаба, я его спрашиваю: "Что это такое?" Мне ни чего не понятно! А майор мне ответил: "Это наши наступают, это они ведут бой. А ты пока тут стой и жди команду. Командир тебе прикажет, что и куда".

Грохот стоял более часа. У меня от шума даже уши заложило. Да и после долго шум стоял в ушах.

Наконец, мы поднялись и погнались за отступающими немцами. Впереди самоходки, а мы за ними. Рано утром освободили село Черновцы, но в нем еще слышна перестрелка. Мы остановились около хаты. Мне дали даже немного поспать. Пообедав, мы двинулись по маршруту на поселок Первомайск. На моей машине ехали ст. лейтенант Богатенков, старшина Фетисов, писарь Плугин из Ленинграда и солдат Картавцев. Где – то в полдень поехали.

Не доехали до села 3-х километров, нас остановили занявшие позиции солдаты около деревни. Но ст. лейтенант ничего не спросил, только сказал мне: "Гони быстрее к ушедшим самоходкам. Поехали в селе давно наши". Только отъехали примерно 300–350 метров, нас обстреляли из стрелкового оружия. Мы проскочили дальше. Справа были камыши.

Подъезжаем к Первомайску, я заметил, что силуэты не наших солдат. Я говорю:

- Там немцы!

- Какие немцы? Наши. Вперед!

А ст. лейтенант был выпивши. Я говорю:

- Смотри же это немцы.

Он, убедившись, приказал обратный ход. Я осмотрелся, куда ехать. Слева была пашня. Я опять поехал по дороге. Только разогнался, переключил на четвертую. А машина не едет, переключил на третью с полным газом. У камышей нас снова стали обстреливать, благо разрывными. Они при соприкосновении с кабиной сразу взрывались, только осколками поранило мое лицо и левую руку.

Прострелили левое переднее колесо – и машину потянуло влево. Я не могу удержать руль. Ст. лейтенант на меня закричал: "Куда сворачиваешь?" Он ухватился за руль и стал держать. Приехали в

деревню, где раньше стояли. Увидев наше состояние, селяне – хохлушки как заревут: “Куда же вы попали?” Лицо мое было в крови и рука тоже, а у писаря Плугина вываливались кишки, у старшины разворотило ягодицу, а солдат Карташов остался невредим.

Как потом выяснилось, немцев взяли в окружение. И наши самоходки пошли совсем по другому маршруту. Вот этот случай я запомнил на всю жизнь.

Дальше мы двигались быстрыми темпами по направлению г. Переславля вместе с 38 армией. Где-то 20 сентября прибыли к Днепру. Остановились в кустарнике около небольшого озера. На противоположном берегу находилась деревня Григоровка.

Началась переправа через Днепр на плацдарм, занятый ротой лейтенанта Синашкина из батальона Пищулина. Сюда же пришли 120 партизан из соединения Чапаева.

При форсировании Днепра первыми были комсомольцы Иванов, Петухов, Сысолятин и Семенов. Все они за это получили звание Героя Советского Союза. Затем на берег высадились штурмовая группа Богатырева. Они уничтожили 300 солдат и офицеров и закрепились на плацдарме. Насколько я знаю, продвинулись на глубину до 15 км. Развернулись ожесточенные бои. Плацдарм назывался Букринским.

В этом же районе были сброшены десанты 3 воздушно-десантной бригады и чуть южнее 5 –я бригада Сидорчука. Об этом я подробнее описал в главе “Судьба моего призыва”. Но немцы здорово укрепились и подбросили большие силы, ожидая наступления на Киев. Все попытки советских войск прорвать фронт оказались безуспешными, и командование распорядилось по иному. Наш САП (самоходно.арт.полк) и 51-ю танковую бригаду скрытно перебросили на Лютежский плацдарм. Туда же ушла вся 3 гв. ТА. Я помню, как танки форсировали реку Днепр, а мне дважды на лодке пришлось переплывать реку, доставляя термосы с горячей пищей нашим САПовцам.

Я ехал с техперсоналом следом за самоходками. Наша задача была восстанавливать поломанные самоходки. Так мы восстановили три самоходки. Я, конечно, не участвовал в ремонте, а готовил обед на весь экипаж. Киев освободили 6 ноября. Утром 7-го мы поехали через город. Нам показывали: это Крещатик, это Главная площадь. Но они были разрушены.

При форсировании Днепра наши тылы немцы здорово бомбили. Это была моя первая бомбежка. Вот где я страху натерпелся! Мой организм перетерпел большой стресс, холодный озноб, и меня трясло, как при лихорадке. Траншейка, где мы находились, была неглубокой, в три штыка. На нас пикировали самолеты. Мы все видели, как летят завывающие бомбы, и кровь куда-то уходила вниз от сердца. И, казалось, вот-вот от нас и мокрого места не останется.

СПОРТСМЕН. 02

Машина ЗИС-5 была разбита прямым попаданием. Шофера, который находился в ней, мы не нашли. Много людей погибло. Горели машины, рвались снаряды. Был какой-то кошмар. Самолеты противника по несколько раз заходили по нашему расположению: кроме бомб, еще поливали пулеметным огнем, довершая полный разгром нашей колонны.

Только перед бомбежкой приехала полевая кухня. На их беду приехал шофер командира полка Саша – родом из Киева. Он говорил: «Скоро пойдем на мой город, там моя семья, и я их увижу». Вот снова налет. Он и капитан залезли в небольшой окопчик. Капитана ранило в плечо, а Саша не смог спрятать голову – погиб. Так рядом с домом и погиб.

И я тоже метался, как заяц. Побежал сам не знаю куда. Уже засвистели и завывали бомбы. Я бросился в небольшую ямку, заполненную водой. Так я спасся, а машину всю изрешетило. Конечно, ни одного целого стекла. Люди под брезентом были сухие, а я вел машину весь мокрешенек. Был ноябрь. Меня трясло от холода, я сильно замерз. На гражданке при таких обстоятельствах я бы окочурился, а тут обошлось.

После Киева наша танковая бригада наступила на г. Фастов. Развернулись ожесточенные бои в районе г. Фастова. Противник предпринял контрудар с целью развить наступление на Киев и восстановить утраченное положение. Двигаясь вперед, наши самоходки нанесли огненные налеты по орудиям и огневым точкам.

Вот как пишет Якубовский об этих боях. «Отважно сражался личный состав 1893-го самоходно-артиллерийского полка. Занимая оборону на развилке железной дороге, недалеко от городского вокзала, он упорно сдерживал атаки гитлеровцев, предпринимаемые со стороны Фастова-2. Самоходно-артиллерийские установки закопаны в железнодорожную насыпь и превращены в трудно уязвимые огневые точки. Живая сила и техника противника истреблялись так же из орудий, захваченной у него зенитной батареи. Врагу был нанесен жестокий урон».

Тяжелые потери понес и самоходный арtpолк. За время трехдневных оборонительных боев от его состава осталось лишь немногим более 100 человек и 4 САУ. Однако сопротивление артиллеристов сломить не удалось. За стойкость и упорство состав был награжден орденами и медалями, командиру полка Ф.Е. Басову, помпотеху командира батареи В.Т. Малиновскому, механику – водителю А.Ф. Сидоренко было присвоено звание Героя Советского Союза.

После Фастова нас вывели на отдых и укомплектование. В ноябре на ст. Дарница получили новые самоходки на шасси от Т-34 и СУ – 85. Я ездил с майором Бушуевым принимать технику. После небольшого отдыха снова пошли гнать противника с Правобережной Украины.

Освобождали Житомир, Бердичев, Проскуров, Тернополь, Львов, Перемышль. Немцы поспешно отступали, оставляя много складов. Около одной ж.д.станции захватили санитарный поезд. С захваченного склада

мы пополнились трофеями. Загрузили студебеккер и еще одну машину мукой, сахаром, консервами, сгущенкой и другими продуктами. Это было большим подспорьем. Каждый день нам давали по полкружке сгущенки. Декабрь 1943 года. На дороге сломался кардан. Ехавший в кабине капитан, пересел в другую машину, а мне сказал: "Жди, я пошлю за тобой". Я всю ночь не глушил двигатель, чтобы не замерзнуть. От усталости заснул. Проснулся – двигатель заглох, кончился бензин. Самого дрожь бьет, пальцы ног не чувствую. Заставил себя двигаться, стал бегать трусцой возле машины. Заломило пальцы, и я заплакал от обиды, что меня бросили.

Утром в бой пошли самоходки, а за ними транспортники, взяли меня на буксир. Пришлось потом две недели пролежать в медсанбате. Вскоре получил новую автомашину "Студебеккер".

После захвата Сандомирского плацдарма 3-ю гв.ТА вывели в резерв. И мы сосредоточились в лесу местечка Моста-Вельки. Оттуда нас троих послали в г. Киев за машинами. Получали их на ст.Бортничи на лесной поляне. Двигались своим ходом. Кроме нас были шофера из 6-го танкового корпуса. Образовалась колонна из 12-13 машин. Начальник колонны был капитан. Около Проскурова загрузились зерном, а у Львова разгрузились. Сразу же поехали загружаться снарядами. Я был сильно утомлен и устал. Думаю: "Пока машины загружаются, немного вздремну". А их загрузили за 15-20 минут. Проехал я километра три. Остановился, не могу: засыпаю. Со мною были из нашего САП. Они говорят, чтобы я заводил машину и ехал. Я говорю: "Не могу. Полчасика вздремну, и поедем". Они говорят: "Велели быстрее вести, так как наши пойдут в наступление". Пришлось ехать. И я заснул за рулем, переехал небольшую канаву, сшиб телефонный столб. Столб был с правой стороны. Немного помял машину. Мне стало плохо. "Я вам говорил, что не могу". Они тоже заснули. Исправить машину сам я не смог. Да и время поджимало. Вот с помятым боком приехал в часть. А мой транспортный командир взвода пожаловался помпотеху Бушуеву. Он снял меня с машины, отправил во взвод связи. Принял броневик. Наши самоходки стояли на огневой позиции. Дело было в Польше. Поехал я с майором на передовую. Остановился недалеко от самоходов в небольшой ложбине. Самоходки были замаскированы. Майор пошел проверить боевую готовность. При разговоре с одним механиком-водителем у него произошел конфликт. Колькой-цыганом, так его звали. Только после, на встрече с ветеранами я узнал подлинную его фамилию, Светлов. Так вот на него майор набросился с пистолетом, а Колька его вышиб. Майор рассвирепел, подбежал к броневикам, кричит: "Поехали!" Я на стартер нажал – и сразу произошло замыкание аккумулятора. Разъяренный майор ударил меня по лицу: "Машину на передовой не проверил", – матом на меня и побежал к самоходке.

Тут начался артобстрел. Сижу, смотрю. Танки ползут, за ними пехота. Самоходка, за майором люк закрыла, осколки стали брякать о броневик. У

меня душенька задрожала. Думаю, заметят мою коробочку, ударят прямой наводкой – и от броневика ничего не останется. Наши самоходки подпустили немцев на близкое расстояние, открыли огонь – и вражеские танки загорелись, а потом ударили осколочными по пехоте. Атака немцев была отбита.

Вскоре мне привезли аккумулятор с ЗИС-5. Меня пересадили на полуторку ГАЗ-АА. Как мне не хотелось ее принимать, но я солдат, что прикажут, то и выполняй.

Мы наступали. Это было в Германии. На наши самоходки была посажена рота десантников-автоматчиков. Вдруг налетели три вражеских самолета и обстреляли нас с пулеметов. Я сразу остановился и убежал в сторону. А десантники были захвачены врасплох. Многих ранило и убило, а некоторые машины загорелись. Меня с ординарцем Бушуева отправили везти раненых в медсанбат. Из санбата послали вести раненых в госпиталь. Я говорю: “У меня нет бензина”. Заправили.

Из госпиталя поехал догонять свою часть. Ориентировался по направлению по стрелке знака “гусь”. Это знак 52 танковой бригады.

Около города Оппельн меня перехватила другая часть, которая шла рядом с нами. Им нужна была машина, было много раненых. Вот и меня заставили везти их в санбат. Был с ними санинструктор-старшина.

А после я снова начал догонять свою часть. В надежде, что теперь найду свою часть. Недалеко от фронта стал догонять колонну автомашин. Вдруг колонна остановилась. Я посмотрел в небо, вижу, вражеские самолеты начали разворачивать и пикировать на нас. Я хотел гнать машину, но с левой стороны разорвалась бомба. Меня приподняло и перевернуло два раза. Сломало мне левую лопатку. И, видимо, получился сдвиг предплечья, и повредило ногу. Лицо покарябало, все в ссадинах. Привезли меня в санбат, а оттуда в госпитализировали в г. Лигниц. Это было в конце марта или начале апреля 1945 года.

Из госпиталя выписали 4 мая, и попал я в военную комендатуру г. Гольберг. На этом мои фронтовые дороги закончились. В августе команду расформировали и нас направили в Австрию. Ехали через Чехословакию. Приехали в Вену, и направили нас к Баварской границе г. Росбах, тоже в военную комендатуру.

Служба была опасная, особенно в 1948 году, так как бендеровские банды шли через чешский перевал к американцам. При встрече с нами они отчаянно сопротивлялись. В плен попадали только раненые. Прослужил там до мая 1949 года, а после демобилизовался.

Послевоенные встречи Федосеева Алексея Андреевича

В 70-е годы стали появляться статьи в газетах о розыске своих однополчан. Решил написать группе следопытов школы г. Фастова, который мы освобождали. Оттуда вскоре пришло письмо с адресами запрашиваемых мной товарищей: Героя Василия Малиновского и механика – водителя самоходки Александра Сидоренко. Так Сидоренко прислал много адресов однополчан, в том числе комвзвода Дамрина Ивана Павловича. Последний прислал письмо с адресами трех товарищей со взвода. Прислали анкету, которую я заполнил и послал в Совет ветеранов корпуса. Там же я нашел нашего старейшего шофера Бердюгина Григория Васильевича, который учил нас шоферскому искусству, подсказывал и помогал разбираться во всех сложностях машин. Он был наш учитель. Ведь мы были неопытные, только осваивали шоферскую работу. Свой большой опыт он передавал нам молодым. На встрече мы были у него дома вместе с женами. Она была поучительна, вспоминали нашу военную жизнь.

В июле 1976 года мы хотели взводом встретиться в Бурятии у Хабаркова, но приехало нас только трое.

Первая встреча моя была в Москве в мае 1970-го года. С нашей САП было двенадцать человек. Организовал встречу генерал Шустрицкий. Она прошла и оставила незабываемые впечатления от встреч с боевыми друзьями. Был там Малиновский – полковник. Организовали экскурсии по Москве. Были на Новодевичьем кладбище, посетили могилу маршала бронетанковых войск Рыбалко. Гидом наших экскурсий был наш однополчанин москвич Лев Нахимович, который много нам рассказывал интересного из истории Москвы. Состоялся банкет в столовой. Вот где было много воспоминаний, душевных бесед о нашем военном лихолетье. Количество адресов моих однополчан значительно возросло. Я писал двадцати однополчанам, пока не распался СОЮЗ. Переписка стала глохнуть. Дважды приходили приглашения на встречу, но...

В 1985 году встречались в городе Львове в честь сорокалетия освобождения города. Встреча прошла на высшем уровне. Там я встретился с нашим парторгом Головки Павлом Ивановичем. Все было бесплатно: столовая, буфет и т.п. Эта встреча особенно мне запомнилась задушевностью и благожелательностью населения, на заводах встречались с рабочими и вели беседы.

Потом была встреча в г. Гродно, там, где стоит наш САП. Генерал Шустрицкий В.Ф. уже был в отставке, но чувствовалось, что он хозяин. Организовали большой банкет в палатке за городом. Много говорили о боях, товарищах. Даже обратный проезд они оплатили.

Последняя встреча состоялась в г. Харькове в 1990 году. Жили в гостинице. Нас возили по местам боев. В г. Первомайске была встреча с руководителями города, закончившаяся банкетом в столовой. В Харькове

проживал мой командир Дамрин. Я много с ним встречался, общался и был у него дома. Около дома сад, и хозяин загрузил меня фруктами. "На Урале, – говорил он, – у вас нет их".

Но уже многих товарищей нет в живых. Нет Сидоренко, который еще в 1939 был на Халхин-Голе, не стало полковника Малиновского и других.

Ветераны таяли. Память о них осталась у нас в сердцах и на фотографиях.

Танкист Илья Коннов

Готовя рассказы о ветеранах войны, я обратился к анкетным данным, которые получил вел в период подготовки к 50-летию Победы. Тогда же обходил квартиры ветеранов 8 микрорайона и вел записи в профилактории "Зеленый мыс". У меня наметился план зарисовок. Сделал небольшую книжечку "Записки солдата", закончил "Воспоминания связиста", решил написать о танкистах.

О танкисте Евстафии Долгих была написана глава в книге "Под гусеницами танка". Беседовал с Ильей Григорьевичем Конновым и сделал записи о его боях в войну. Кстати, в этих же местах на г. Украине я воевал рядом с ним при форсировании Днепра и наступлении на г. Кировоград. После ранения Ильи Григорьевича прошло только 20 дней – и я угодил в госпиталь.

Рядом с нами воевал танкист Н.М.Решетников в 5 Донском кав корпусе. Хотел затронуть и представителя мотопехоты В.И.Пыркова.

Вот кратко биография Ильи Григорьевича.

Родился 2 августа 1913 года в Башкирии. В январе 43-го года началась военная служба Коннова в танковом училище в Уфалее. Сержантом был направлен в 31 танковую бригаду. С бригадой форсировал Днепр в районе г. Кременчуга, вели бои за расширение плацдарма в сторону Кировограда.

Наступление проходило в сложных погодных условиях, когда на Украине наступила осенняя распутица. На раскисших грунтовых дорогах вязли машины, повозки, люди. Кругом холод и сырость. Так автор помнит о тех днях, когда по колено в грязи, в сплошном месиве грязи наступали. Зима 43-44-го была неустойчивая, то валил снег, то дул ледяной, снегшибающий ветер, то наступали оттепели или лил дождь.

На захваченных плацдармах всегда шли тяжелые, ожесточенные бои, особенно на реке Днепр. В результате этих боев советских войск за плацдармы по всем швам затрещал Восточный вал.

Перед нами пехота захватила небольшой плацдарм. Через Днепр проложен жиденький деревянный мост. Из-за отсутствия тяжелых

понтонных задерживалась переправа тяжелой техники. На плотках далеко не уедешь. Пехота могла на подручных средствах переправиться. А танки! "Вот мы, танкисты, — рассказывает Коннов, — нагрузились рельсами, которые пошли на усиление крепости моста."

На танки сели и пехотинцы. Пока мы перебирались по этому мосту, немцы вели интенсивный арт. и минометный огонь. Вражеские самолеты сверху сыпали бомбами. Были потери. Переправились и тут же включились в сражение. Пока на плацдарме накапливались силы.

Началось наступление. Наша артиллерия с правого берега поддерживала нас огнем.

Мы ринулись в атаку. Немцы ожесточенно сопротивлялись.

Поддерживая пехоту огнем и гусеницами, медленно мы двигались вперед. Смело маневрируя, танки уничтожали ожившие огневые точки фашистов. Освобождали села и населенные пункты Правобережья. Но это давалось большим трудом и потерями.

После небольшой передышки снова пошли вперед. С 5 января начал наступать Второй Украинский. Разгорелись ожесточенные бои. К середине января наши войска отбросили немцев от Днепра на 40-50 км и овладели Кировоградом. В результате оказался под угрозой восточный фланг группировки врага, получивший название Корсунь-Шевченковский.

В одном из боев 5 января Коннов был тяжело ранен.

"Двигались на марше. Начался обстрел. Наш танк был подбит. Прямое попадание. Снаряд прошил танк, как в масло. Были убиты водитель и радист. Я, башнер, был ранен в ноги. Командир Дикарев, боясь взрыва танка, выскочил из танка и убежал. Он даже не помог мне выбраться из танка. Я еле выбрался и завалился в воронку. Снаряд не попал в горючее, поэтому танк не загорелся. Снаряды не сдетонировали. Это спасло меня. Через какое-то время я очухался, смотрю: едут повозки. Я кричу, чтобы они забрали меня. Но они забирали убитых.

Подходят два солдата, перевязали мне ногу и дали винтовку, чтобы я шел. Винтовка была как костыль. Но я только поднялся и тут же упал. Пехотинцы сказали мне: "Подожди следующей подводы, которая тебя захватит".

Привезли в деревню Чернушки. Там ночевали два дня. Из 12 раненых двое умерли. Нас обслуживала одна женщина. Оказала нам первую скорую помощь. Потом отправили на машине к аэродрому, а оттуда на "кукурузнике" в госпиталь в г. Никополь и дальше в г. Ташкент.

В сентябре 1944 года был комиссован. Сперва работал в с. Петровском кузнецом. Потом на драгах в Уралзолото, а с 1957 года в Уралспецстрое, а после в ГОКе. В 1970 году — ушел на пенсию.

Из пехоты в танкисты

Этот рассказ о **Борисе Никифоровиче Шишкине**.

В армии он с ноября 1941 года. Начал воевать на Западном фронте при Московском контрнаступлении наших войск. Воевал в районе г. Елец. Уже в феврале 42 года получил контузию и был отправлен в госпиталь.

Дальше его фронтовые дороги прошли с боями через Батайск – Ростов на Дону – Миус – фронт, река Молочная, Польша – река Нарев – в Донском танковом корпусе /ДТК/.

Снова ранение в голову и в левую лопатку в декабре 1943 года. Потеря зрения. Снова госпиталь.

В ноябре 44 года учеба в танковом училище в г. Балашов.

... Успешное наступление Южного фронта в осенне-зимний период 1942-1943гг. привело к освобождению от немцев калмыцких и сальских степей и прилегающих к ним районов. Был форсирован Дон, освобожден Ростов на Дону. Войска Западного фронта в январе 43 года вышли к восточному берегу реки Миус и остановились, перейдя к обороне. Противостояние продолжалось до середины августа 43 года. Наш 905 стрелковый полк занял оборону на линии Самбек – Покровское. Надо отметить, что немцы с самого перехода не делали попыток контратаковать позиции 248 стрелковой дивизии, куда входил наш полк.

Такая "мирная тактика" немцев сохранялась в течение всего периода противостояния.

Конечно, были и разведки боем и оборонительные бои (бомбежки, артиллерийские обстрелы, вылазки разведочных групп и т.д.). Но это не нарушало выполнение основной задачи: подготовки к будущему наступлению. Шло усовершенствование позиций, разведка противника и его огневых точек.

18 августа началось наступление войск Южного фронта.

В 4 часа утра раздался грохот артиллерийских орудий и гвардейских минометов, "Катюш", который возвестил о начале наступления советских войск на реке Миус. Задачей нашей было освобождение Донбасса и Южных районов Украины.

Полк с исходных позиций на реке Миус наступал с целью освобождения северного побережья Азовского моря в направлении: Федоровка – Приморск – Володарское – Елизаветовка – Молочанск.

На всем пути от реки Миус до реки Молочная немцы отходили на заранее укрепленные позиции. Нам пришлось освободить города и населенные пункты, сбивая огневые заслоны врага.

Шли ожесточенные бои. Особо наше наступление застопорилось на рубеже Кальмиус. На западном берегу немцы создали хорошую сеть оборонительных фортификаций.

Бой здесь продолжался в течение пяти суток. Схватки шли с переменным успехом. Только на шестые сутки наш батальон захватил

плацдарм. В этих боях мы понесли серьезные потери. Погиб командир батальона майор ЛИБАТОВ, командир нашей роты ст. лейтенант Щукин. Много было убито и ранено. Почти половина состава полка вышла из строя. Такое положение было и в других подразделениях полка.

Несмотря на потери, полк продолжал наступление и успешно выполнил задачу форсирования реки БЕРДАК середине октября 1943 года полк вышел к городу Молочанск.

В боях за взятие города я был ранен.

С конца октября 43 года до марта 44 года лечился в госпитале. После выписки из госпиталя меня направили на учебу в запасной танковый полк в г. Актюбинск. После учебы прибыл в Челябинск, где формировались танковые экипажи. Мне досталась должность командира орудия. Получили новые танки, погрузили в эшелон и поехали на запад. В конце второй декады июня 1944 года прибыли в г. Осиповичи. Все танки с экипажами были распределены по бригадам Донского танкового корпуса.

Я с экипажем попал в 17 танковую бригаду ДТК. Весь танковый корпус после боев был на переформировке и пополнении состава.

27 августа мы вступили в бой.

Перед нами стояла задача; прорвать позиции, немцев в районе г. Лосинно-Островск (западнее Вышкув).

Наступление началось успешно, хотя немцы и сопротивлялись отчаянно. Трудность наступления, заключалась в том, что почти на всем нашем пути был лесной массив. Для танкистов он был труднопроходимым. Однако, хорошо организованное взаимодействие всех родов войск позволило танкистам успешно, без серьезных потерь, преодолевать неблагоприятные условия местности. В установленный срок мы вышли к городу Пултукс.

Однако, ворвавшись к реке Нарев, полностью захватить плацдарм не удалось. Я с экипажем попал в 17 танковую бригаду ДТК. Весь танковый корпус после боев был на переформировке и пополнении состава.

Немцы отступали, активно обороняясь. На третий день наступления впервые показались немецкие танки. Нашими артиллеристами с помощью танков было подбито семь вражеских машин. Остальные немецкие танки повернули в сторону соседнего батальона 16 танковой бригады ДТК.

Немецкая пехота оказалась без прикрытия и стала отступать. Батальону было приказано уничтожить пехоту. Танки, не имея никаких препятствий, быстро догнали пехоту противника. Фашисты бежали, но не сдавались, так что пришлось их уничтожать.

Бой был скоротечным и жестоким. Большинство бегущих немцев погибло под гусеницами танков.

При первой остановке страшно было смотреть на гусеницы. Пришлось изрядно повозиться, чтобы вычистить результат этой мясорубки. Было очень неприятно, но война есть война.

За реку Нарев танки решено было переправить вброд.

Остальные бригады корпуса рассчитывали переправиться по мостам, преследуя отступающие вражеские войска. Но немцы взорвали мосты, не дожидаясь даже полной переправы своих войск.

Выйдя в район Лосинно – Островск – Пултуск к Нареве, 17 бригада подошла к реке в момент, когда мотострелковая бригада ДТК уже форсировала реку и захватила плацдарм. Надо было переправлять танки, но по прямой это сделать было невозможно из-за приличной глубины. Готовясь к переправе, мы конопатили все отверстия в нижней части машин. Корпусная разведка обнаружила несколько бродов. Один из них был как раз перед нами. Брод имел длину более 300 метров. Он тянулся наискось, извиваясь. Путь танков справа и слева обозначали солдаты, стоящие по пояс в воде метрах в десяти друг от друга. Погода стояла прохладная.

Первым по броду пошел танк командира роты капитана Григорьева. Мы с напряжением наблюдали; не захлебнется ли двигатель, не подведет ли грунт. Но танк безостановочно прошел на противоположный берег. Затем пошли другие машины.

Надо сказать, что первые танки переправились благополучно. Наш танк шел восьмым. У солдата-регулировщика начались судороги. Была холодная сентябрьская погода. Командир экипажа взял бедолагу на танк. Он даже не мог самостоятельно держаться на танке. Пришлось его привязать. Перевезли его на другой берег, отогревали, давали спирт. Два часа он не мог отойти от холода.

На броду стояло человек тридцать, а вся переправа длилась часа четыре. Представьте, каково им было!

Переправились два батальона. Заняли позиции, окопались. Земля была мягкая. Мы быстро выполнили земляные работы.

На Наревском плацдарме жестокие бои не прекращались. Немцы пытались нас сбросить с плацдарма. Бои шли днем и ночью. За это время переправилось еще два батальона танков. Позже в нижнем течении реки навели мост.

Советские войска продолжали расширять плацдарм. Расширение шло как по фронту, так и в глубину.

Задача немцев была разгромить нашу группу войск на плацдарме. Они понимали, чем это грозит в дальнейшем. В боях за плацдарм наши танки принимали активное участие. Об интенсивности боев говорит то, что в отдельные дни мы расходовали до трех боекомплектов. А это более 1 сотни снарядов.

Надо отдать должное службе снабжения: за все время моего пребывания на плацдарме я не помню случая, когда бы не было чем стрелять. Немцы понимали всю опасность наличия нашего плацдарма на реке Нарев.

Позднее стало известно, что они серьезно готовились к тому, чтобы сбросить нас с плацдарма.

В первых числах октября 44 года последовал огромной силы контрудар. Около часа продолжалась артиллерийская подготовка, перемалывая наши позиции. После артиллерийских снарядов последовала мощная бомбежка с воздуха, такой мощной артподготовки я еще не слышал и не встречал.

Перед фронтом нашего батальона немцы с ходу заняли первую полосу обороны, почти вплотную подошли ко второй. В течение первого дня контрнаступления немцам удалось прорвать нашу оборону и отбросить нас к реке. К ночи бой стих. Перед позициями мотострелковой бригады ДТК горело более сорока немецких танков и девять наших из батальона. В числе подбитых был мой танк. Прямое попадание в гусеницу. Но за ночь мы ее восстановили.

В последующие дни немцы пытались контратаковать, но, видимо, большие потери первого дня боя не позволили им нанести ощутимые удары по нашей обороне.

В боях на плацдарме в начале второй декады октября они перешли к обороне. В боях на плацдарме об ожесточенности этих схваток говорят цифры потерь, напечатанные в корпусной газете "Танкист", немцы потеряли свыше 400 танков и 20 тысяч убитыми. Большими потерями были и наши, но мы потеряли меньше. В нашей роте подбито было 8 танков, у трех повреждены только гусеницы, которые были вскоре восстановлены, так что потеряли только 5 танков, хотя для роты это многовато. Привожу численный состав во взводах, ротах, батальоне. Взвод три танка, в роте $9+1=10$. В батальоне две роты, количество танков равно $20+1$.

В течение почти всей декады октября на плацдарме было затишье. Немцы укрепляли свою оборону. Наши войска на плацдарме пополнялись, отдыхали. Нашему батальону были приданы две роты тяжелых танков с пушками 152мм и дальностью стрельбы прямого выстрела 2 километра. Такие танки я увидел впервые. По сравнению с Т-34 это что слон и моська.

В боях на Наревском плацдарме запомнилась одна встреча с разведчиком 65 армии. Мы обедали. Рядом оказался солдат в фуфайке. Мы его пригласили на трапезу, он не отказался. Снял фуфайку, и мы увидели на его груди два ордена Красного Знамени, орден Славы 3-й степени, медаль "За отвагу".

Его сам командующий генерал 65 армии Батов трижды направлял в разведку в тыл врага. В третьей его тяжело ранило. После он ушел из разведки. Сам он был челябинский.

А с Наревского плацдарма в дальнейшем советские войска начали наступление на Германию. С Наревского и с Магдушевского плацдарма началось наступление, в результате которого была освобождена Варшава, окружена Восточная Пруссия. С него, с Наревского плацдарма, войска дошли до реки Одер в районе г. Штеттин.

Путь лежал к самому логову врага.

18 октября 1944 года началось наступление наших войск, но я в нем не участвовал.

17 октября я был вызван в штаб батальона, оттуда отправили в штабе бригады, где нам сообщили, что поедем учиться. 27 октября в штабе фронта нас собралось 300 человек (будущие курсанты), но там был строгий отбор. Осталось только 200 человек. Остальные вернулись в свои части.

29 октября нам объявили, что едем в Орловское ордена Ленина Краснознаменное училище имени Фрунзе, которое в то время находилось в г. Балашове Саратовской области. В связи с войной срок обучения длился полгода (6 месяцев), т.е. моя учеба должна была закончиться в мае 1945 года. Война закончилась, училища должны были перейти на трехгодичное обучение. Но приказа пока не было, учеба продолжалась весь 45 год и до ноября 1946 года.

15 ноября поступил приказ о переходе на Нормальный (3 года) срок учебы. Оставляли только добровольцев.

Я не мыслил себя в мирной жизни офицером.

10 декабря 1946 года я демобилизовался.

Танкист Николай Решетников

Родился 16 марта 1925 года в поселке 62 (км) Исовского района. Работал на драге в поселке Валериановском. Сначала была броня. Приехала комиссия в поселок. Я пришел туда и попросил, чтобы с меня сняли бронь и взяли в армию, а то стыдно по поселку ходить. Мои одноклассники давно в армии. Призвали 6 июня 1943 года.

Прошел с боями по югу Украины в составе 4-го механизированного корпуса. После ранения попал в танковый резерв, а с августа 1944 года был направлен в 5 Донской казачий кавалерийский корпус (5 ДККК) в 63 кав. дивизию в 60 танковый полк механиком-водителем. С последним прошел боями с Яско-Кишиневской битвы, по Румынии, освобождал столицу Югославии Белград и Субботицу.

В октябре начались бои в Венгрии. Здесь Николай Максимович принимал участие в Дебреценской операции совместно с 4 гвардейским каз. кав. корпусом. Все эти бои описаны в книге "ИПТАПОВЦЫ". Из Дебрецена 5ДККК был передан 3 Украинскому фронту под Будапештом.

С окружением немецких войск в Будапеште в декабре 1944 года начались ожесточенные кровопролитные бои. Несколько раз германское

командование пыталось выволить свои войска в Будапеште. Эти бои продолжались весь январь, февраль и март.

Ради этого немцы даже ослабили фронта в центре Польши на Берлинском направлении. С запада (из-под г. Арденн), прекратив наступление, дивизия была переброшена в Венгрию. Почти половина всех танковых дивизий Германии (11 танковых дивизий из 24) были сосредоточены на юге под Будапештом, так как германское командование считало, что основная опасность Германии исходит из Венгрии.

Вся эта армада была перемолота на южном фронте в Венгрии, в этом и принимал участие 2 Украинский фронт. Да, и была же работа танкистам и противотанкистам! Пришлось артиллерийским ИПТАПОВСКИМ полкам, в т.ч. и нашему 152 гв. ИПТАПу потрудиться, горячие выдались деньки!

Чтобы ослабить удар на Будапешт, на северном берегу Дуная Вторым УКФ было предпринято наступление на Комарно. Здесь завязывались ожесточенные бои, шедшие более двух месяцев.

Со Второго Украинского фронта были переданы Третьему 27 армия, 6 гв.танковая армия, 23 танк.корпус, 5ДККК и другие части. Все силы были брошены на уничтожение противника под Будапештом и перемалывание ударных танковых сил Германии.

Бои на юге, в Венгрии, облегчили январское наступление в Польше на Берлинском направлении.

Вот в этих боях Николай Максимович был тяжело ранен и окончание войны встретил в госпитале.

Вот его краткие, воспоминания, записанные мною у него в квартире, в Качканаре.

С 4-м гв.механизированным корпусом я под Новым Бугом в марте.

44 года форсировал реку Южный Буг под Первомайском; прошли Березовку – Раздельную и подошли к реке Днестр.

...В Березовке при бомбежке убило нашего командующего – генерала Танасчихина. Немцы встретили в нас из снайперской винтовки. Я спрятался за забор, который был сделан из камня, и решил выследить снайпера. Стал выглядывать из-за столба и следить за дымкой от выстрела. И тут я заметил, где он находился.

Это было на том берегу ложка. Позиции немцев были выше наших. Вот под раскидистым дубом я и заметил снайпера. Я закричал командиру: "Увидел!" Тут снайпер выстрелил. Я только начал снимать танкошлем, и поэтому пуля попала в телефон на ушах, но меня не задела. Вот из танкового орудия его и сбили. На станции Раздельной были захвачены эшелоны с войсками и техникой. Братва пошла по ним и нашла канистру спирта. Ну, мы, конечно, ее жиманули. Ночью немцы предприняли атаку, но она была отбита, поддержали нас казачки.

... Под хутором Котовским, мы прорвали оборону немцев, пошли вперед. Около балки мы развернулись и пошли наступать.

СПОРТСМЕН. 02

Тут на нас налетели 60 самолетов немцев "Юнкерс-87". Они использовались, как и наши "Илы", которые прозвали "черная смерть" для борьбы с танками.

Началась бомбежка и орудийный обстрел из самолетов. Бомба упала рядом с танком, но поразил наш танк снаряд. Танк загорелся. Тут я услышал команду: "Выскакивать!" Открыл люк (а я был механиком-водителем) – кругом пламя, я вывалился. Упал. Загорелся, пока валялся, один земляк ирбитчанин шел с катушкой, спас меня. Он закидал меня грязью. Сбил пламя. Я получил, ожег лица. А земляк пошел тянуть связь дальше.

Привезли меня в деревню. Там девчонка-фельдшер оказала мне помощь, перебинтовала. Я пошел искать свою часть. Спросил коменданта, где наш корпус. Он ответил мне: "На формировке, в Берёзовке".

Я нашел своих, но меня поставили в танковый резерв. Был он в г. Одесса. В запасном пробыл до августа месяца 44 года. Там набрали сто экипажей, а потом направили под Кишинев в 5 Донской казачий кав; корпус в 60. танковый полк.

В нем прошел с боями по Румынии: Бухарест – Тимоашора – Югославия: Белград – Субботица, а потом Венгрия.

В Белграде на улице Александра Краля горел наш танк (прямое попадание болванки в башню танка). Был убит командир и заряжающий. Нас с радистом не задело, мы выскочили из танка.

В Венгрии мы участвовали в Дебреценской наступательной операции, а после, где-то в ноябре, нас передали в Третий Украинский фронт под Будапешт. Ночью перебрались через реку Дунай, и начались жестокие бои по отражению контрнаступления немцев под Будапештом. Наш корпус бросали на самые тяжелые участки. И он выдержал это с честью.

Мы стояли около озера Веленце. Немцы наступали со стороны Секешфехервара между озерами Балатон и Веленце, в селе Займище.

Стояли на обороне. В праздник Рождества мы ходили в разведку с боем на Чекберень. Нас бросили туда, и мы задержали наступление немцев. Фашисты здорово покروшили наш полк.

25 января поставили нас в засаду около озера Валенце у деревни Мань. Рядом проходила железная дорога и автодорога. Мы расположились в земляных карьерах, оттуда население брало землю. Наша позиция находилась в ста метрах от дороги. Мы загнали танк в выемку, замаскировали. А ночью пошел снег с дождем.

Ночью я дежурил около танка и разбудил сменщика. Он сказал: "Иди, спи." Просыпаюсь, уже стало светать. Смотрю на деревню, а там никого. А раньше все село было занято нашими войсками и повозками. А тут никого. Я спрашиваю Федю (фамилию забыл): "Когда ушли войска?" "Не знаю". Знать, он тоже уснул и ничего не видел и не слышал.

Вдруг видим, по дороге идет колонна немецких танков. Штук 28 "Тигров". Они прошли деревню. Оказывается, мы остались в тылу немецких войск. Командир танка офицер Лыгин скомандовал: "Заводи машину, поедем на Будапешт". Завел я танк, развернулись, идем по шоссе, по которому только что прошли танки. Нас заметили. По нам пошли трассы немецких болванок. Оказывается, за нами шла следующая группа немецких танков.

Пока ехали, мы и не заметили, что вражеская болванка отбила часть нашей гусеницы. Но гусеница работала, и мы проехали еще несколько километров. Зашли в одну деревню, въехали на площадь. Смотрим, никого нет. Командир говорит: "Где-то же должны быть наши?" Тут видим, едет "Виллис". На нем начальник политотдела 63 кавдивизии.

Спрашивает нас:

- Вы откуда?
- Из Мани.
- Как из Мани, мы его ночью оставили!?

Потом вылез из "Виллиса" и спрашивает:

- где мы гусеницу обломили?
- Мы только тогда увидели, что она сломана.

Он говорит:

- Пока занимайте оборону.
- Как одним танком оборонятся?
- Я сейчас пришлю вам пехоту на помощь.

Встали мы в деревне около лога за домом. Наблюдаем. Пришел один пехотинец с ручным пулеметом, подходит автоматчик и солдат с винтовкой. Пехотинец принес банку меда. "Давайте есть мед". Поставили банку на траки. Автоматчик играет на губной гармошке, пляшет. Смотрю, через лог по дороге идут немцы. Идут через мост. Оружие несут небрежно на плече, не ожидая никакого подвоха. Их успокоило и ослабило бдительность то, что, пройдя половину пути, они никого не встретили. Поэтому шли гурьбой.

Володя стрельнул из пушки по этой гуще немецких солдат. (Их было человек 18-20). Рассеял их.

Командир танка задал каждому сектор обстрела.

Прошло полчаса. Вот идут цепью немцы. Я взял автомат, прямо из люка стал стрелять. Все тоже стали стрелять из своего оружия. Стреляла также и пушка танка. Фашисты отошли обратно в деревню.

Тут мы слышим: "Ура-а-а!!!" – идут наши, тоже цепью. Командир одному дает задание проверить, не заминирован ли мост.

Мин не обнаружили. Мы поехали по мосту. Слева от нас оказались американские танки М4-А2. Большие, высокие, по надежности ничемные. Поставки наших союзников. Большая цель и горят, как спички, так как заправлялись бензином. Пехтура стреляет по танкам. Тут кричат: "Это наши – наши – черные – чумазые. – Вы что делаете?"

СПОРТСМЕН. 02

Пехота не стала стрелять, стала закрепляться, окапываться.

Приехал замкомандира по тех. части. Приказал нам ставить танк за кирпичной стеной, обещал прислать ремонтную бригаду. А мой командир сказал мне: "Иди в подвал и поспи".

Зашел я, а там гражданских людей полно, что в бочке селедки. Я приткнулся около двери и уснул.

Приехала бригада, не смогла снять штопор от трака и уехала. Когда я вышел помочиться, меня спрашивают: "Где ты был?"

- В подвале.

- Тебя там не нашли.

Оказывается, когда они открыли дверь подвала, то меня за нею не заметили. Ремонтники уехали.

В деревне стояла подбитая самоходка. А гусеницы – одни, что у танка, то и у самоходки. Ночью мы пошли, принесли с самоходки четыре трака и поставили на свою гусеницу. Приехал тягач для ремонта. А мы говорим, что уже сделали. Поехали в полк. Постояли там три ночи. Потом нас послали в штаб дивизии. Сообщили, что его окружили немцы. Поехали. Немцы расстреляли нас в упор. Танк подбили. Меня ранило в лопатку и в затылок. Осколок был небольшой. Перебил пуговицу и до головы не дошел, не хватило силы.

Я потерял сознание. Очнулся в танке. Уже светло. Хотел заводить танк, рука не поднимается. Думаю, рука перебита. У меня нет руки! Вернулся заряжающий. Я ему говорю: "У меня нет руки". Он поднял ее – есть рука.

Пошел в мед.санчасть. Прошел километр, едет машина генерала. Подвез. А пить хочется. Идет солдат и спрашивает: "Ты с 60-ки?". Ирбитчанин оказался.

- Иди, там старшина.

Старшина дал что-то выпить. Пришел командир и спрашивает: "Ты с танка Лыгина?" Вези в селение Будаерч, что в пригорке Будапешта. Привезли туда. Там я видел маршала Толбухина. Всех спрашивает:

- Раненый?

- Ранен.

- Не перевязаны?

- Нет.

- Какое состояние?

- Плохое.

- Отступаем.

Хорошенько расспросил, что и как. После сказал шоферу:

- Вези.

Привезли нас в тыл полка, наши ППЖ – девчонки перевязали, умыли. (Почему-то Николай так медсестер называл).

Двое суток мы проспали не вставая. А потом нас направили в госпиталь. Дали продаттестат, документацию, довезли до парома через

реку Дунай. Дали напарника черного – кавказца. Подошли к развилке дорог, а на столбе надпись: “К одному госпиталю направо, а к другому налево”. Мы пошли одной дорогой, а наш напарник другой.

Догоняет машина ЗИС-5. В кузове полно раненых, лежащих на соломе. Довезли до станции. Проехали, наверно, километров сорок.

Госпиталь – хата, на полу солома, лежат раненые. Мы ходячие. Пойдем в деревню, поедим. Идем по деревне. Тут кто-то спрашивает нас:

- Куда, братушки?

- Да вот покушать бы надо.

Он покормил нас. Дал булку хлеба и кусок сала.

Пришли в госпиталь. Стали делить еду. Едим. Тут одна женщина увидела нас за едой, стала ругать: “Заразу приносите”.

Стали нас сортировать: кого – куда. Вот приедет скоро санитарный поезд, первыми повезет тяжелораненых.

Мы с другом – ходячие, пошли к поезду сами. Попросились у сотрудницы поезда, девчонки. А она говорит: “Надо сначала тяжелораненых устроить, они скоро придут на станцию”. Мы ее спрашиваем: “А печку сама топить будешь?” И нас забрали, как помощников.

Загрузили раненых в теплушки. Через какое-то время наш поезд остановился в чистом поле. Нам приказывают: “Вон деревня, в замке – госпиталь. Называется он Кунпентмиклош. Идите”.

Мы пришли первыми. Нас обработали. Отвезли по отделениям. В отделении те же нары, солома. Заняли мы место около окна. Проснулись. Оказалось, что полно народу, как в бочке селедки.

После, через некоторое время, нас, раненых, стали перевозить по разным госпиталю. Я побывал не в одном.

В госпитале меня застал конец войны. Победа!

После войны служил в Австрии, в Венгрии (маленьком городишке) в 17 механизированной дивизии. Сначала механиком-водителем, а после механиком-регулировщиком, а в 1947-1951 гг. был заместителем командира роты по технике.

Демобилизовался из небольшого городка Хаймашкера, который находился в 30 километрах от Секешфехервара, что в Венгрии. Прослужил восемь лет без одного месяца.

После войны работал в Качканарской геолого-разведочной экспедиции, а с ноября 1959 года в ГОКе слесарем АТЦ, с 1960 мастером очистных, а с 1972-79 гг. начальником ЖКО, с марта 1980 года на пенсии.

Во Второй гвардейской армии

Этот рассказ о **Пыркове Василии Ивановиче**. Родился 22.2 1925г. в Оренбургской области в селе Ново-Николаевске.

Призван в армию 22 января 1943 года. Участие в Отечественной войне начал в запасных полках: 276 стр.зап.полк, 4 учебный стрелковый полк. Участвовал в боях на 2УКФ под Черкассами, в ноябре 43 года получил тяжелое ранение в грудную клетку. Госпиталь № 1712 с ноября 43 по февраль 44 года. Запасной полк с февраля по сентябрь 44 года. Из госпиталя был направлен в 33 мотострелковую бригаду, с ноября 44 по ноябрь 45 года. С боями прошел во 2 ТА, в танковом корпусе, 1 Белорусского фронта, с г. Люблина – Варшава – Лодзь – Штеттин (Щецин) – Подсдам, около Берлина.

Хочу кратко описать бои 2 Гвардейской Танковой Армии, в которой участвовал Василий Иванович.

12 января 1945 года ударная группировка 1 УКФ перешла в наступление, а 14 января перешел в наступление 1 Белорусский фронт под Варшавой. В первые же сутки была прорвана первая полоса немцев. Были введены в сражение танковые соединения, которые, стремительно преодолевая и обходя отдельные очаги сопротивления, двигались на Запад.

Успешно наступал 1 Белорусский фронт. Он пробился в глубину обороны врага на 25-40 км и нанес немцам тяжелый удар. В то время как 47 армия и 61 армия обходили Варшаву с севера и юга, танкисты 2 гв. ТА генерала Богданова ударили по Варшавской группировке с тыла. В ночь на 17 января ворвались в Варшаву.

Войска 1БФ 18 января завершили окружение врага, овладели городом Лодзь. Танковая армия неумоимо двигалась на Запад.

2 ТА участвовала в разгроме померанской группировки, ее удар был направлен в сторону г. Штеттина и к концу марта была завершена Восточно-Померанская операция. Ее путь проходил по городам Германии Пририц – Штаргард – Штеттин. Немецкие войска отошли за реку Одер. В Берлинской операции 2-й ТА ставилась цель овладеть северо-западной частью Берлина и окружила его совместно с 1УКФ.

На реке Эльбе советские войска встретились с союзниками.

... 27 апреля 55-я гв. танковая бригада полковника Драгунского Д.А. соединилась с частями 2-й танковой армии генерал-полковника С.И.Богданова. Берлин был окружен.

Привожу воспоминания Пыркова.

Наша часть должна была перебазироваться на другой участок фронта. Часть была выведена из боев под Ясс. Мы подготовились к погрузке на ж.д.платформы.

Это было в городе Бельцы в Молдавии. Вечерело, когда налетели немецкие самолеты и начали бомбить приготовившиеся к погрузке части.

Бомбили капитально и здорово. Почти вся наша техника была выведена из строя. Они несколько раз возвращались, бомбили снова и снова. Солдаты разбежались в стороны. Я оказался в окопе со снарядами, бегал из одного в другой, но они все были заполнены боеприпасами. Тут они стали взрываться, довершив полный наш разгром.

Это был сплошной ад взрывов, небо потемнело от дыма.

Я выскочил из окопа, пришел к своему составу.

- Ты где был? Мы посчитали тебя погибшим.

Нас собрали и отправили на другой вокзал, и оттуда мы с ходу уехали по назначению. Техника почти вся осталась в Бельцах разбомбленная. Мы оказались безлошадными.

Приехали в Польшу. К месту расположения добирались, кто на чем сможет: на велосипедах, пешком. Ведь мы мотопехота, а про нее говорят: "Сто километров прошел, еще охота".

В Пилицах получили новую технику: танки, "шевроле", шермоны. Вот Василий Иванович о "шермонах" отзывался так. От удара снаряда о танк, броня у них прогибалась, а на тридцать четверках броня трескала и обивалась осколками.

Машины получили почти все американские: студубеккеры, форды, шевроле.

Он вспомнил, как его двоюродный брат, с которым вместе воевали, тянул его в госпиталь после тяжелого ранения.

За время боевых действий ему пришлось замещать выбывших по ранению взводных и руководить взводами. Он был сержантом.

Я много раз пытался его разговорить. Это мне удалось. Он скромн, да и многое позабыл, а может, не разговорился. Я бывал у него дома. Он с трудом передвигается с палочкой по квартире, задыхается. Сказывается результат сквозного ранения грудной клетки. Пуля вошла в грудь и вышла под лопаткой. Да и вдобавок после недавнего небрежного лечения осложнились болезнь лица и головы.

Василий Иванович имеет три ордена и одну медаль "За отвагу", медали "За освобождение Варшавы", "Взятие Берлина", "За победу над Германией".

Орден "Славы третьей степени" получил за спасение адъютанта штаба бригады под Варшавой.

Первый орден "Красной звезды" получил под Штеттином, когда их отделение прижало немцев к реке Одер и заставило их сдаться. Более 40 фашистов было взято в плен, а тех, которые бросились на утек, расстреляли на воде.

Второй орден "Красной звезды" он получил за штурм Берлина, в котором участвовал как танковый десант. Он отличился в этих боях. От Главнокомандующего Сталина имеет 16 благодарностей за взятие городов.

После захвата Берлина их отвели за г. Нейтрелиц в лес. Построили землянки. "Когда мы их достраивали, комбат поднял и известил нас, что закончилась война. Выкатил бочку вина, и мы крепко погуляли", – вспоминает Василий Иванович.

Там у меня вскрылась старая рана, и меня комиссовали. Стал строевым. А в ноябре 1945 года меня по четырем ранениям демобилизовали. Это было 15.11.1945 года.

Танкист **Корницкий Павел Александрович** родился 25.6.1925 года.

Участвовал в боях, в Курской битве под г. Орлом. Он был участником освобождения г. Орла, был ранен. Демобилизовался, а в 1944 году снова взяли в армию. Попал на 2 Белорусский фронт и пробыл до конца войны. В 1946 году его демобилизовали.

Вот представитель танкистов **Попов Валентин Михайлович**. Родился 2 июня 1925 года. В армию его взяли в январе 1943 года. Сперва учеба в запасном, потом с апреля на фронте в составе 19 танкового корпуса, в 179 артминполку на Третьем Украинском фронте. Прошел от г. Запорожья – Мелитополь – Каховка.

В ноябре получил тяжелое осколочное ранение в ногу. Госпиталь. Осенью 1944 года попал в авиачасть по ее обслуживанию шофером. Авиачасть прошла через Польшу, Германию на первом Украинском фронте, через города Опельн – Бреслау – Ливницы. Закончила войну под Берлином в 30 километрах. В апреле 1945 года Валентин Михайлович был ранен осколками в легкое.

Награжден медалями: "За отвагу", "Взятие Берлина" и "Освобождение Праги".

После демобилизации работал в геологоразведке шофером, а с 1969 года в Качканарском ГОКе в автотракторном цехе до 1985 года.

Были и другие танкисты, но у меня на данный момент не оказалось сведений о них.

ТАНКИСТЫ

Работая маркшейдером в карьере, часто приходил через РМЦ. Там я встретился с Евстафием Арсеньевичем Долгих, который работал слесарем по ремонту горного оборудования. Был исполнительным, добросовестным человеком, никогда не отказывался ни от какой работы, хотя бы и не престижной. Изготавливал чарочные приспособления для груза. Другие отказывались от этой работы, а он: "раз надо – значит надо" и выполнял работу с любовью.

Я в карьере занимался ветеранами и участниками войны. Задумал сделать альбом о них. И дело спорилось, но не всегда. Дело в том, что участники войны почти всегда скромные люди, не любят бравяды, громких слов о себе. "Что о нас писать? Мы простые люди и на войне были солдатами", – говорят они. Война прошла, но четыре года остались с каждым, кому выпало сражаться, поэтому каждый бывший боец и сегодня, и всегда где-то в чем-то солдат.

Разговариваю с Евстафием запросто, но только затрону тему войны, он скромно отмалчивается. Часто задавал вопросы: "А кому это нужно?" Сколько я его не переубеждал – он был непреклонен. Один случай повернул дело.

Я был на встрече со школьниками. После беседы ко мне подошла девочка и спросила: "А вы знаете моего дедушку Долгих?" "Знаю". И попросил ее повлиять на него, чтобы он рассказал о своем боевом пути. Как-то мы с ним вместе попали на встречу с тем же классом. Вот здесь я много рассказывал о танкисте Долгих. Надо было посмотреть, как горели глаза внучки Жени!!! Наконец-то Евстафий согласился побеседовать со мной. Так родился этот рассказ.

В танковом училище

Евстафий Арсентьевич Долгих родился 22.6.1923 года.

Призван в армию в мае 1942 года Исовским военкоматом. Работал на Исовском прииске на гидравлике в бригаде Крохина забойщиком. До этого учился на бурового мастера в г. Артемовске. Закончил 8 классов.

В армию уходил с Николаем Ивановичем Скурихиным, Владимиром Поповым, Сергеем Александровичем Гребневым, Леонидом Лаптевым – все журавлинцы. Направили их в Свердловское танковое училище, что находился около Свердловска, на Уктусе. И началась учеба. Изучали все: материальную часть, уставы и полную взаимомоенность членов экипажа, т.е. способны делать все самостоятельно, вплоть до ремонта танка. Изучали средний танк Т-34. Прошли обкатку танков, сами водили машины на танкодром, который находился в лесу, за городом. Там же вели учебные

стрельбы по различным целям и маневрирование. Мы вышли младшими командирами.

Состав училища был дружным и сплоченным. Кормили нормально. Командиром полка был полковник Лосев, а помкомвзвода – Демин. Хороший человек и командир, отличный преподаватель, он относился к курсантам уважительно.

Был один трагический случай. Ставя танк на исходное положение, механик подавал команды курсанту-новичку: "Сюда, сюда..." Вдруг запнулся и упал. Стажер вместо того, чтобы остановиться, нажал на ход и проехал по механику.

Перед отправкой на фронт поехали на Уралмашзавод за танками. Стали их готовить к фронту: приводили в порядок, регулировали механизмы, заливали масло, керосин, чтобы танки не подвели в бою. Дело шло к концу учебы. С валериановцем Иваном Шпилевским, Евстафий Долгих попросились у военпреда завода отпустить их домой на побывку. Дали три дня. На Ису задержали до выяснения обстоятельств и отвезли в Н.Туру. Дали телеграмму в часть. Оттуда приехал замполит части стал давать нагоняй: "Люди едут на фронт, а вы их задерживаете".

Иван Шпилевский погиб на поле сражения.

На Орловско-Курской дуге

Составили целый эшелон вместе с танками для отправки на фронт. Приехали в г. Тулу в мае-июне 1943 года. Там формирование шло полмесяца, затем направили в г. Белев, а оттуда на Брянский фронт, что севернее г. Орла. Здесь переплетаются рассказы механика-водителя Василия Солодкова и командира орудия качканарца Евстафия Долгих.

Солодков: "в 1930 году меня призвали в армию, где я приобрел специальность шофера, а на фронт попал танкистом Т-34. В г. Горьком, в Сормово, на заводе получали танки Т-34. Это было весной 1943 года, когда формировались экипажи. А прибыл уже сформированные в бригаду, в г. Белев, что за Тулой. В июне двинулись двумя батальонами. 6-я Гвардейская Краснознаменная танковая бригада входила в 19 танковый корпус. В одном батальоне насчиталось 68 танков Т-34. На танках белой краской было написано: "За Родину", "За СТАЛИНА".

Мы были в первом батальоне. Пошли в наступление на г. Орел.

Привожу выдержки из книг ВОВ. "... Рано утром соединения 13 –й танковой армии, которой командовал генерал А.Р.Родин, и 19–й танковый корпус при поддержке авиации нанесли контрудар по главной группировке противника. Обе стороны сражались с необыкновенным упрямством. Лишь после двухчасовой схватки наши войска отбросили

его к северу на 1,5-2 километра. Но немецкое командование подтянуло свежие танковые и пехотные части, бросило в бой.

...29 июля соединения 61 армии Брянского фронта во взаимодействии с войсками Западного фронта освободили Волхов. Усилилась угроза обхода Орла, с северо-востока и юго-запада подходили к Орлу части 63-й армии. Полукольцо вокруг города сжималось. В ночь на 4 августа наши части ворвались на улицы... 5 августа Орел был полностью очищен...!"

Как развивались события у танкистов, рассказывают ветераны: "Началось наступление. Впереди встретилась речка. Мостов не было. Броском форсировали ее. Один берег был выше другого. Как нам после сказали, 7 танков утонуло, не смогли одолеть водный рубеж". (Смотри книгу "ВОВ", стр.238).

Вспоминает Долгих: "Пошел наш 19-й танковый корпус. Слышалась канонада. Небо покрылось черными тучами разрывов. Горели как немецкие, так и наши танки. Сошлись лоб в лоб. Кто кого? Я даже не могу обрисовать всего, что творилось..."

Командиром нашего танка был молодой офицер (фамилию его я запомнил), механиком-водителем – Солодков Василий Васильевич – москвич, радистом был Ловягин (с запада), я – командиром орудия.

В первом бою погиб командир полка, но командир машины вывез погибшего из боя, за что и был награжден. Много наших товарищей погибло в первом бою. Перед боями под Орлом наш экипаж с молодым командиром посадили на немецкий танк и дали задание: произвести разведку немецких войск. Прошли по тылам немецких позиций на глубину 30-40 км и выполнили задание.

Когда мы возвращались от немцев, то наши войска были предупреждены не открывать огонь, а немцы не били, считая танк своим.

... По изрытому снарядами полю, рыча и лязгая, несутся машины: "ТИГРЫ", "ПАНТЕРЫ" и наши танки. Казалось, вся земля от взрывов летит к небу. Сталь на сталь, воля на волю.

Первая учебная тревога позвучала под Свердловском. И вот начавшиеся бои мгновенно и глубоко поразили своей неотвратимой реальностью.

Под Орлом мне не повезло. В боях погиб командир машины при атаке. Снаряд попал о крышку люка, где он находился. Я был контужен, упал без сознания на укладку со снарядами. Сколько был без сознания, не помню, час-два. Только помню, что у меня из ушей, носа шла кровь, очень болело сердце. По приказу командования вернули нас на базу. Там похоронили офицера. Мы спросили командование, ремонтировать ли нам танк или нам дадут новый.

Бой шел во ржи, в поле, и мы чудом уцелели. Кругом гремели артиллерия и авиация. Взрывы бомб, артснарядов – все перемешалось,

все, казалось целилось в нас. От полка осталась рота... Вскоре наш корпус вывели из боев, и мы получили новый приказ.

Донбасс. Таврия

Погрузились мы в эшелоны и поехали на юг. В районе города Ворошиловграда (Луганск) разгрузились и своим ходом двинулись к фронту, который в то время проходил по реке МИУС и около Сталино (Донецк).

В течение двух лет рыли здесь траншеи и ходы сообщения, сооружали доты, дзоты и блиндажи, устанавливали многочисленные минные поля, возводили противотанковые и противопехотные сооружения. Три полосы укрепительных сооружений. Этот участок представлял крепкий орешек. Нужно было его прорвать. Начались ожесточенные бои.

На этом участке фронта стал действовать наш 19 танковый корпус. Двигались к передовой ночью. Впрочем, ночью мы тогда передвигались часто, поэтому для танкистов двигаться ночью также, привычно как днем. Заставить мощную тридцать четверку быть послушной и легкой танкисты умели. Умели и другое – понимать с полуслова, с полувзгляда командира танка старшего лейтенанта Зискелевича.

Танкисты в ожидании боя не раз спрашивали командира: "Когда в бой?"

Вот после артподготовки пехота и танки пошли вперед, прокладывая путь пехоте. С передовой доносился треск пулеметов. Ночью в воздухе повисали осветительные ракеты. Где-то глухо ухали пушки... С неприятным шелестом над головой пролетали тяжелые снаряды и падали там, где в серой пелене виднелся городок.

Евстафий из своего танка видел, как они утюжили окопы врага, подминая под себя все, что могло оказать сопротивление. И вдруг танк Зискелевича, словно ужаленный, завертелся на месте. Рядом с машиной продолжали рваться снаряды, а затем по броне почувствовали взрыв снаряда. Командир орудия Долгих услышал голос командира: "Видишь около домика танк? Это он саданул. Заряжай бронбойным! Огонь!"

... Прорыв обороны на Миусе ухудшил положение противника в Донбассе. Он вынужден был начать с 1 сентября отвод части на запад. Советские дивизии и корпуса занимали один за другим донецкие города. 8 сентября они освободили центр Донбасса – Сталино (Донецк).

Сколько было таких схваток, Евстафий уже не помнит. Каждый бой – событие на грани смерти, жестокий поединок с противником. Но то, что сменил ни одну свою подбитую машину, он помнит. Да и его друг механик-водитель в письме описывал это. Взамен обжитых машин, которые были повреждены противником, получали новые. И опять дни

наполнялись упорным трудом, когда осваивали характер машин, учились метко стрелять из пушки, пулеметов.

Вот несколько случаев. "Около г. Мелитополя, – пишет Солодков, – если помнишь, угодили в гусеницу, попали в траки сзади, мы их сменили. Траки у нас были в запасе".

Рассказывает Долгих: "Мы двигались в сторону Мелитополя от Донецка до ГУЛЯЙ Поле. Шли на совхоз. Впереди посадки. В них фашисты. Перед нами овраг. Мы спустились в него, и при выходе из оврага немцы открыли артиллерийский огонь. Снаряд попал по месту, где мы находились с командиром машины. Я был в крови. В танке затрещало, танкисты вылезли через нижний люк. Я очнулся. Людей нет. Один убит, все трещит от огня, сгущается запах гари, меня оглушило. Я попытался вылезти через нижний люк, но из-за своих крупных габаритов не пролез. Решил вылезать через верхний люк. Предварительно открыл его, взял большой гаечный ключ, надел на него шлем. Тут же снайпер стал обстреливать, появились дырки на шлеме. Я опустил ниже. Гарь стала мешать, мне дышать. Снова поднимаю шлем над люком. Снова дырки от пуль. Жара подступает к телу. Полудикий, полуумный, напрягаюсь, сжимаюсь, словно пружина, выскакиваю из люка и сразу за танк. Танкисты не знают, что делать. Надо убираться. Я кричу: "В укрытие!" Уползли за бугорок, чтобы пули нас не достали. Тут взрывается танк, летят броня и листы железа, словно фанера. Не шутка: боекомплект для танка составляет 110 разных снарядов (термических, осколочных, шрапнельных).

Отправились на базу. До нее километра полтора. Тут налетел еще один самолет противника и на бреющем полете стал обстреливать нас. А мы, как зайцы, виляем, делаем рывки, лезем по грязи (время-то осеннее, только что прошли дожди). Все, как черти, грязные добрались до своих. Тогда носили обмотки, а когда находились в танке, то мы их снимали, чтобы легче было работать, да и для безопасности тоже.

Как я помню, мы, артиллеристы, называли танк "железный гроб", уж больно часто они горели.

Перед наступающими войсками предстала река Молочная. Здесь танкисты встретились с кубанскими казаками. В казачьем корпусе мне, автору этих строк, пришлось принимать участие. В письме Солодкова я прочитал строки об упомянутом селе Приазовское. Поэтому кратко привожу отрывок из книги Савина "Казачьи гвардейцы".

"... рубеж обороны по реке Молочной немцы называли "Линией Вотана" – скандинавского бога ветра и бурь, бога войны. Они крикливо трубили, что оборона эта прочно запирает ворота в Крым. Следуя через Степановку, Богдановку, Владимировку, Приазовское. 26 октября вошли в село, забитое до отказа войсками. Танкисты, артиллеристы, пехотинцы заполнили хаты, сараи, сады и огороды, – негде яблоку упасть.

СПОРТСМЕН. 02

- Не треба постояльцев? – спрашивают казаки у вымазанных танкистов.

- Давай, давай, казаки, заворачивайте к нам, – зовут танкисты.

- Веселее будет. Только танки не топчите!

- Шо, станичники, мабуть, поможем хлопцам танку сдвинуть, а то бачу, щось вона забарахлила перед боем, – вызывается старый казак Никита Совгир, отвечая на шутки танкистов, и останавливает своего коня возле танка. Казаки закатываются от смеха.

Смеются и танкисты. Они заводят машину. Танк фырчит и обдаёт рядом проходящих конников облаками едкого дыма”.

Все готовилось к прорыву линии Вотана по реке Молочной.

“... Над степными просторами, Таврии лениво поднимается неяркое осеннее солнце. Вместе с ним, наполняя гулом небосвод, с востока выплывают армады самолетов. Они идут волна за волной. И вот уже штурмовики завели свою карусель над передним краем “неприступной” обороны, раскатисто ударили орудия, минометы, запели “Катюши”. Вздогнула и заколыхалась земля. На вражеские позиции ринулись танки, за ними поднялась пехота. Казаки, прислушиваясь к раскатам боя, ждали своего часа”.

Вот еще один бой описывает механик-водитель В.В. Солодков в своем письме: “Только мы переправились по понтонному мосту через реку Молочная. На нашем танке был посажен десант автоматчиков. Под городом Мелитополем нас обстреляли три пулеметных гнезда. Они строчили из-под памятника, что был в сквере имени Кагановича. Памятник пришлось таранить и сбить, а на этом месте сделать “восьмерку”. Всех кто там был, подавили на выходе”.

Под городом Мелитополем колонна наших танков подверглась бомбардировке. Фашистские самолеты появились, когда танки были уже на подступах к городу. Первыми их заметили автоматчики. “С машины, ложись в кювет!” – послышалась команда. Через минуту пулеметная очередь свинцовым градом ударила в броню. Впереди танка разорвалась бомба, образовав огромную воронку. Самолеты пикировали один за другим. Машины ловко маневрировали на трассе. Водитель Солодков показывал чудеса мастерства. “С таким жонглером не пропадешь!” – думал Евстафий одобрительно. Солодков умело водил танк, знал, где надо нажать, где дать задний ход, где кругом сделать “восьмерку”, чтоб не попасть под обстрел. Когда, наконец, самолеты исчезли в синеве неба, мы вышли ошалелые. Бомбардировка не для всех экипажей закончилась благополучно. Несколько исковерканных машин осталось стоять на дороге. Были раненые и убитые. Погибших похоронили неподалеку от дороги. Шли бои, бои. С Мелитополя мы держали путь на Перекоп.

Нам не давали отдыхать, постоянно двигались вперед. Все это время на броне сидели десантники. Бои, бомбежки, наступления. Иной раз почти не спали, шли вперед и вперед, не давая немцам закрепиться. Вот при

таких обстоятельствах после 3-4 дней без сна мы засыпали, даже тогда, когда шла бомбежка.

Выходных дней на фронте не бывает, но отдых не исключался. Отдых от чрезмерного напряжения физических и моральных сил, отдых после бессонных ночей, грязи, окопов и постоянной опасности. Хочется забыть на день, другой от бесконечного кошмара, имя которому – бой, отбирающий у человека все силы, нередко и самое дорогое – жизнь.

Нам часто приходилось отдыхать между боями под танком. Под Орлом и на Украине, под дождем или снегом, на передышке – там спали. Дождь застаёт нас и здесь. Не помогает броня танка от дождя, вода проникает везде, нет ни какой защиты, укрытия. Спим на мокрой траве, в мокрых шинелях. Вдруг ночью во сне слышим крик раненых, шум боя или отчаянный крик тяжело раненого, но, и просыпаясь, волосы встают дыбом: мы находимся не тылу, а на передовой, недалеко от немецких позиций.

Что такое бой? Пушки стреляют, самолеты бомбят, трескотня боя – все гремит, шумит, взрывается, летит вверх. Как-то наш танк самолеты загнали в низину, в болото, и пришлось танк вытаскивать. А какой это труд под обстрелом!!! Авиация гоняется за каждым танком. Бомбит. Ад ужасный!!! Ничего, солдат все терпит, куда деваться.

... Как-то двигались по заданию вечером, вдруг слышим шум. Остановились, заглушили мотор, слышим немецкую речь. Развернулись и ушли от них восьмеркой, ибо немцы открыли огонь.

В одном месте в бою, недалеко от позиций немцев, был поврежден наш танк. Мы пробовали устранить поломку, но это нам не удалось, да и фашисты не давали нам работать. Нужна была деталь. Мы остались с радистом для охраны танка, остальные танкисты ушли. Я вытаскил пулемет из танка, и мы обосновались рядом с машиной. Немцы не раз принимались нас обстреливать. А тут еще появился самолет противника и стал поливать из пулемета. Тогда мы решили перебежать в окоп, что находился недалеко от нас. Только мы рванули, появился самолет. Бегу я первым, а радист за мной с пулеметом. Подбежал я к окопу и окаменел: в окопе, привалившись к стене, гитлеровец с пистолетом! На какое-то мгновение я был шокирован, меня обхватил озноб. Что делать!? Бросится обратно, но немец опередит меня. Я бросаюсь на фашиста. Хватаю его, и тут холод пронизывает мое тело.... Гитлеровец был мертв и уже окоченел. Смотрю: радиста нет, он был убит. Тут еще несколько немцев решило захватить танк. Я бросаюсь к радисту за пулеметом, закрываясь телом друга, веду обстрел по фашистам. Отогнал их.

Прошло порядочно времени, пока не прибыла помощь. Танк отремонтировали, и он снова стал боеспособным.

Вражеская оборона была прорвана. Бог Вotan не устоял. Ворота в Крым распахнулись. Над группировкой противника, действующего севернее Мелитополя, нависла угроза окружения.

Перекоп

Передовые части подходили к Перекопу, к воротам Крыма. Примерно в октябре – ноябре 1943 года мы штурмовали его, и вышли в сторону Армянска за Турецким валом. Мы заняли оборону и оказались в полукольце.

“Нас так по бокам Перекопа стерегли, уничтожали снайперы, что нельзя было выйти из танка. Танк Т – 34 был зарыт в землю по стволу 76 мм пушки, чтобы иметь круговой обстрел. Ты, вероятно, помнишь, как находились в обороне с ноября 43 года по апрель 1944 года, шесть месяцев. С Перекопа пошли в бой уже весной, в апреле 1944 года. Форсировали СИВАШ на понтонах”, – так писал Солодков Василий.

В следующем письме друг Евстафия продолжал вспоминать: “... Помнишь, как плыли на понтонах через Сиваш, и от сильной бомбежки у нашего танка сорвало штуцер. Сорвало трубку для подачи горючего к насосу высокого давления, и ты зажал место, где был сорван штуцер, пока мы не выбрались на берег. Я связался по радиации, и нам помпотех первого батальона Василий Полевой привез его. Мы отремонтировали машину, и пошли дальше в бой...”

Многое написал Солодков своему другу о боях в Крыму, вспомнив, как ранили Евстафия Долгих и как они закончили войну. Кратко бои в Крыму я описал в рассказе “Горняки Главного карьера в годы войны”.

31 мая 1984 года ... “Ваше письмо получил, очень благодарю, что Вы отозвались. Я писал в “Московскую правду” “Отзовитесь, однополчане”, но никто не отозвался. Но я о себе опишу все подробно. Когда наш танк был подбит под Джанкоем в населенном пункте Владимировка, тебя отправили на машине в санбат. (Долгих получил тяжелую рану и больше не воевал). А я сдал Т-34 и на ст. Джанкой, куда везли нас тракторами, получил документы. Догнал свою бригаду. Дали Т-34, и вновь в бой с командиром Зискалевичем П.В. с боями прошли г. Симферополь, Балаклаву, Сапун гору и Севастополь.

В г. Балаклава был подбит Т-34, дали другой. Штурм Сапун горы начинали 7 мая 44 года с сильной артподготовкой и бомбежкой с воздуха. Наша 6-я бригада шла на Сапун гору, под гусеницами машины трещали и крошились кости моряков, которые в 1942 году высадились десантом с Черного моря и полегли все. И до 1944 года лежали их истлевшие останки.

На Сапун горе танк наш был подбит, но мы уцелели все. После Севастополя были на отдыхе в г. Симферополе (конный санаторий). Это местечко в пригоде, оттуда нас перебазировали под Москву, в г. Нарофоминск.

Меня и еще 10 механиков направили в командировку под г. Горький на ст. Кожевенная. Там получили 10 штук Т-34, и нас направили неизвестные для нас направления... Проехали Арзамас, Орел, где мы с

тобой прошли боями, и доехали до Харькова. Стоим, на запасных путях никуда нас не отправляют. Продукты кончились. Мы ни туда, ни сюда.

Вдруг подходит состав с танками, и из него выскочили все наши знакомые танкисты. Как мы обрадовались всем, кто остался живым!!!

Тут я вижу: идет начальство. Я, как старший группы, бегу к комбригу Житкову и докладываю, что 10 коробочек с механиками следуют.... Запутался, позабыл маршрут. Он мне ответил: "Вольно!"

И спросил, как с харчами. Здесь мы пошли на кухню и получили поесть.

... А помпотех по батальону мне тихо говорит: "Васька, отвоевались, едем в г. Никополь. Из нашей бригады по приказу Главного командования сделали Сивашское Гвардейское Краснознаменное училище".

До октября 1945 года был в училище механиком-инструктором. А после демобилизовался и уехал в Москву.

.....

В другом письме Василий Васильевич пишет, что связан с председателем совета ветеранов нашей бригады. В следующем пишет, что болезни стали доносить, особенно болят глаза. Тут же об отношении некоторых господ к ветеранам ВОВ. Что тем, которые не нюхали пороха и не видели того, что нам пришлось пережить. Они только по книгам прочтут и узнают об Орловско-Курской дуге, про штурм Перекопа, форсирование Сиваша, Сапун горы и город Севастополь.

.....

Долгих после демобилизации работал в разведке Качканара, а после — на Главном карьере и оттуда ушел на пенсию.

.....

Вот как говорится в литературе о тех боях:

"В ту осень закладывалась та основа, которая нынешней весной предопределила успех... Как же смогут они забыть танкистов и кубанских казаков, прорвавших в прошлом году центр турецкого вала и захвативших на Перекопском перешейке плацдарм. Правда, это был совсем маленький плацдарм, но теперь, когда начинались решающие бои, его значение было оценено по достоинству.

От тех осенних боев, когда наши войска блокировали с суши Крым, и до сегодняшних дней прошло пять месяцев. Они наполнены напряженным трудом. Каждый понимал, что это за рубеж, связан как с давней историей..."

Освобождение Крыма

В апреле 1944 года после сильной артиллерийской и авиационной подготовки началось наступление на Крымский полуостров. Глубоко эшелонированная оборона противника была прорвана. На третий день, 11 апреля в прорыв были выведены наши танковые соединения, которые с боями стремительно продвигались на юг и 13 апреля освободили Симферополь.

Среди наших представителей горняков был Долгих Евстафий Арсентьевич. Призван в начале 1942 года. Учился в полковой школе города Свердловска. Летом 1943 года прибыл на фронт. Совместно с частями Уральского добровольческого танкового корпуса 5 июля участвовал в первом бою на Орловско-Курской дуге. Воевал Евстафий командиром танка Т-34 и на 4-м Украинском фронте. Освобождал Запорожскую область, г. Мелитополь. После чего в составе Южного фронта участвовал в наступательных боях за Перекоп, за которыми открывался Крым. Штурмом брали Турецкий вал, форсировали Сиваш и с ходу, с понтонов, в бой вглубь Крымского полуострова.

11 апреля 1944 года Евстафий был ранен в бою под Симферополем. Долго лечился в челюстном госпитале г. Свердловска. Выписан под чистую в сентябре 1944 года.

Привожу воспоминания Е.А. Долгих, напечатанные в альбоме Главного карьера под названием "Чтоб вишни цвели".

"На Крымских пляжах, поочередно подставляя бока первым, по настоящему теплыми лучам, загорала арийская раса. Вода в море была еще холодная, но вишни уже цвели. Прошитые осколками пуль, иссеченными осколками мин и снарядов, они упорно цвели наперекор всему: войне, засухе, разрушениям, бедной, давно не возделываемой почве, в которой было гораздо больше металла, чем так необходимым питательным веществ. По изуродованным стволам, из зарубцевавшихся ран струился и падал на землю вишневый сок. Вишни плакали молча. И все-таки они цвели. Цвели и цветением своим утверждали торжество жизни".

Стоял апрель 1944 года. 6-я гвардейская танковая бригада, оставив позади пыльные Краснодарские степи, форсированным маршем двигались в направлении Перекопа. Там, за Турецким валом разметал по Крымским солончакам свои недвижимые воды Сиваш, на крошечном пятачке, именуемый плацдармом, горстка храбрецов вот уже сутки отбивала яростные атаки фашистов. Им, отчаянным парням, некуда было отступать, им нельзя было отступать. Любой ценой, во что — бы то ни стало, они должны были удержать плацдарм до подхода наших танков. Танкисты спешили. Они торопили машины: "Скорее, скорее. Ну же, родные, не подкачайте!" И танки, будто они были заодно с людьми, неслись, ревя раскаленными моторами, вперед.

Вот и Сиваш. Прямо с марша танки устремились на переправу. Лязгают траки по стальным понтонам. Нетерпением и жаром пышут машины. А рядом взлетают к небу грозные фонтаны ила. Бурлит Сиваш, кипит, клокочет. Крепятся понтоны, встают на дыбы... То тут, то там сползают с них, запрокинувшись, танки и тонут в мертвом проливе. Но другие, уцелевшие продолжают идти. Вперед, только вперед!

Прильнув потным лбом к козырьку прицела, командир орудия Евстафий Долгих пристально следит за полем боя, выискивая цель.

Вот слева, оцетинившись, застучал пулеметом Дот. Справа, короткими перебежками, движется развернутая цепь вражеской пехоты. Длинной пулеметной очередью по цели: "Получайте, сволочи, крымский загар".

Бои, бои, бои... Вот уже над крышами зданий Джанкоя взвились красные флаги. Еще один советский город освобожден от фашистской нечести.

11 апреля в бою за город Симферополь был тяжело ранен в голову. А это было так.

Вперед ворвались танки, пехота поотстала. Немцы открыли ураганный артиллерийский огонь. Вдруг хлесткий удар снаряда, разорвана гусеница. Не теряя минуты, Евстафий вылезает из танка и начинает чинить трак. Пытается надеть гусеницу под свист снарядов и пуль. Вот гусеница уже надета, надо залезать в танк. Тут близкий разрыв снаряда, Долгих ранен. Очнулся он в медсанбате, и первым вопросом было: что с танком, где остальные члены экипажа, живы ли они?

Потом был госпиталь, полгода лечения.

Давно отгремела война, но не покидает память фронтовые события тех грозных лет. Ему часто снится, гулкие и хлесткие удары вражеских снарядов по танку, которые так и отдаются до сих пор. Как удары по пустой бочке кувалдой.

Всякий раз, беседуя с ветеранами, под конец спрашивая их: как они понимают слово СЧАСТЬЕ. Больше всех запомнился такой ответ: "... Великое счастье слышать, как смеются дети, весело звонко и беззаботно. В этом и есть наше счастье. Во время войны даже дети разучились смеяться..." Евстафий Арсеньевич к рассказанному непременно добавил бы: "... большое счастье видеть, как под мирным апрельским небом цветут вишни..."

“НАМ ДОРОГИ ЭТИ – ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ”

Воспоминания участника ВОВ инвалида 1-ой группы **Балуева Вениамина Константиновича**.

Когда я смотрю кинофильм “Они сражались за Родину”, я зримо вижу далекий июль 1942 года, как будто это я и мои боевые товарищи, проходят дорогами войны и снова песня: “Эх, дороги, пыль да туман, холода, тревоги да степной бурьян” освежает нашу память об овеянной войной юности. Начало войны меня застало учеником 10-го класса Кытлымской средней школы, и мы, комсомольцы класса, сразу же подали заявление о добровольном призыве. По мере того, как нам исполнилось 18 лет, нас призвали. Меня призвали 19 января 1942 года и направили в г. Свердловск на 2-ые радиокурсы, которые окончил в марте 1942 года. Сразу же нас направили в 164-ю отдельную танковую бригаду. Здесь надо вспомнить о том, что впереди меня их окончил Константин Кузьмич Дерябин, только он попал с курсов под Москву.

В конце июня 1942 года мы уже были на Донском фронте, где развернулись жестокие бои под Сталинградом. Нет надобности описывать все трудности движения на фронт. Начну прямо с фронтовых будней.

Сухие донские степи – пыль да бурьян, перекасти поле и сплошные бомбежки, – вот что в первую очередь отложилось в памяти. Это потом, когда мы немного повзрослели и освоились с фронтовыми буднями, начали понимать что к чему, да и было что взять со вчерашних школьников. Кроме романтики за душой мы еще не имели ничего.

Это сейчас с высоты своих 77 лет я осмысливаю свою юность. А тогда....

Раздумья, раздумья, раздумья – сколько их было за долгую жизнь.

В первые годы ВОВ танковые войска еще не имели своего Устава, да и практика еще нарабатывалась. Неглубокая донская балка (овраг), наш штабной автобус со знаменем бригады и комендантским взводом охраны стоит на виду боевых нарядов, а в километре от него нас ведут в бой, наши танковые батальоны – тяжелые не поворотливые “КВ” (Клим Ворошилов) и легкие юркие (Семидесятки). Горят, они на наших глазах, а над ними ведут бои фашистские самолеты, немцы бросают бомбы, а нам некуда деваться. Земля – матушка – наша спасительница, не когда в нее бросаться и искать укрытия.

Наша радиостанция “РСБ” смонтированная на полустанке ГАЗ-2, а стояла в 10 километрах от штабного автобуса, и ее 6-метровая антенна с растяжками – демаскировала нас, являясь прекрасным ориентиром для немецких самолетов-разведчиков.

Я, за пультом управления рации веду прием-передачу. Вот прилетела “Рама” – немецкий самолет-разведчик. Сбросила на нас четыре бомбы, а за ней появилась эскадрилья фашистских пикирующих

бомбардировщиков и началось светопреставление... А я за пультом, бросить нельзя, да и спастись некуда. Тогда за выдержку и самоотверженность получил свою первую награду – медаль “За боевые заслуги”.

Бригада после тяжелых боев, потеряв почти всю свою технику, вырвалась из окружения и отошла к Сталинграду. После переформировки, получив новую технику, танки Т-34, мы вернулись на Сталинградский фронт. Я попросился в танковый экипаж стрелком-радистом. Меня перевели, и я стал танкистом.

Воспоминаний о Сталинградской битве написано много, и нет нужды повторяться. Каждый бой-повесть, но об этом бое хочется вспомнить. Это было 10 января 1943 года. Тогда наш 164-й танковый полк (уже не бригада, а полк) вышел на исходные позиции в районе балки “Караватка”. На подступах к Сталинграду была сильно укрепленная осажденная фашистами высота “111 и 6”, которая мешала передвигаться нашим войскам к городу. Нам было приказано поддержать наступающую пехоту и взять высоту. Помню команду: “По машинам, заводи, пошел!” А дальше пошла не война, а мясорубка. От полка осталась одна машина, да и та покалеченная. Это сейчас память стерла детали погибших товарищей (вернее то, что осталось). Мы похоронили на высоте, а сами ремонтировали и снова в бой. За эту высоту я и получил орден “Красной звезды”. Не один я, весь экипаж был награжден.

Здесь, при личной встрече с Вениамином Константиновичем, выяснились некоторые детали. В районе Бекетовки, что южнее Сталинграда высота “111 и 6” находилась недалеко от тракторного завода. Болванкой шарахнуло по башне. Осколки брони осыпали нас. Меня ранило в лицо, еще спас от больших ранений шлем танкиста. Попал в медсанбат, который находился в Красноармейске – 25 км. от города.

Другой раз при бомбежке налетели самолеты горбачи. Их Рама навела. Начала бомбить. Я только закончил радиопередачу, побежал в 30 метрах в щель, а там людей набилось, что в бочке селедки! Тут взрыв бомбы. Я почувствовал адскую боль в тазу, и, подумав что, оторвало часть его, схватился за зад. Нет ничего все на месте. Это мерзлая земля шарахнула меня в зад. После меня еще контузило, и я побывал в госпитале.

Сталинградская группировка войск Паулюса полностью окружена. Враг мечется, ищет выхода, хочет вырваться из кольца. Наши войска не только крепко держали врага в “котле”, но и сужали колечко. Немцы, окруженные в Сталинграде, ждут своего спасения с юга, из района Котельникова, где противник сконцентрировал крупные танковые силы. Сам Гитлер обещал Паулюсу, что танки фельдмаршала Манштейна разорвут русское кольцо и выведут всех из Сталинградского “котла”.

Нам пришлось отразить немецкие наступления по деблокированию Сталинграда, призванные выручать окруженных фашистов в городе. Нас

С П О Р Т С М Е Н Ц 0 2

послали в наступление. Командование дало задание закрыть амбразуру ДОТа. Он не давал нашей пехоте подняться и наступать. Мы пошли, но, не доходя до ДОТа метров 70, наш танк подорвался на фугасе. А перед боем нас было только двое. Механик-водитель перед боем выпил нашу и свою долю и опьянел. Его сняли с танка и боя. Перед самой атакой прислали командира танка Володю Кравченко из Симферополя. Он выполнял роль механика-водителя, а я перебрался в башню. Взрыв фугаса. Все заволочило дымом. В танке был полный запас боекомплектов снарядов. Это 10 шрапнельных и 100 снарядов в ящиках. От взрыва башню заклинило. Пришлось наводить на амбразуру танком. ДОТ был уничтожен. Командир после взрыва фугаса стал вылезать из люка. Снайпер подстрелил его в голову. Мы вылезли из башни, бросились помогать командиру. Он был без памяти. Я его уложил на колени, перебинтовал голову. Он еще минут 40 жил, а затем умер. Танк наш полностью списан. В танке место радиста, было вырвано. Кулисы-рули для движения танка тоже взорваны. Осталась одна большая дыра. На месте водителя был командир, и его не стало. Под Котельниковым мы отражали немецкие контрнаступления. Вели тяжелые ожесточенные бои.

2 февраля 1943 года Сталинградская битва закончилась уничтожением и пленением трехсоттысячной армии. После боев нас снова отправили на переформировку.

В Тульском "Тиснинском" танковом лагере на формировке из нашего войска сделали первый тральный танковый полк. Наша задача заключалась в тралении минных полей и освобождении от мин проходы для наступающих войск. Переоборудовав танк тралами, в октябре 1943 года мы были направлены на Первый Украинский фронт. Вели бои за освобождение города Киева и правобережной Украины. Основные бои развернулись с юга и севера реки Днепра. 6 ноября Киев был освобожден. Переправлялись мы через Днепр около Дарниц на деревянных понтонах, около самого города Киева. За бои Киева наш экипаж был полностью награжден, а я медалью "За отвагу".

С боями мы продолжали дальше наступать, но сил нашего полка хватило только до города Василькова. После полк снова был отправлен на формировку в город Тулу. Я был снова контужен и получил легкое ранение. В Туле мы попали в 7-ю танковую бригаду. 30-ый учебный танковый полк. Осваивая тяжелый танк ИС-122 (Иосиф Сталин). В запасном полку нас застала ПОБЕДА.

Победа – сколько радости вернувшихся, горя и печали оставшихся на полях сражений...

"Снег да ветер, вспомним друзья, нам дороги эти позабыть нельзя".

Демобилизовался 25 декабря 1945 года. Я много болел. Поработал во многих местах. Был учителем Валериановской школы, Глубокой, в Ивделе, Качканаре в милиции, даже в Таджикистане, на Курнаачинском ГОКе и др...

Вышел на пенсию в 1983 году.

Работая над главой "Танкисты", я совсем случайно обнаружил одного участника этих боев. В Совете ветеранов его воспоминания мне не давали. А это было так.

Нас, ветеранов войны, пригласили в школу № 6 на встречу с одиннадцатиклассниками. Ребята готовили разные интересующие их вопросы по теме "Великая Отечественная война". Они задавали вопросы, а мы, на них отвечали. Получился своеобразный диалог старшего поколения с младшим. Ребят интересовала правда о войне. Ведь фальсификаторы истории немало затуманили голов. Беседе получилась интересной, а главное, я выявил еще одного участника танковых войск. Он оказался зенитчиком в танковых войсках, охранял танкистов от нападения с воздуха. Как я уже писал, в танковых войсках были разные специалисты: шофера, мотострелки, десантники и непосредственно танкисты. Круг участников танковых частей расширился, поэтому я решил изменить название "Танкисты" на более широкое: "Они воевали в танковых частях".

Зенитчик – Хоруженко Василий Емельянович

Родился 8 января 1922 года в Полтавской области. Призван в армию 4 января 1942 года. Находился в боевых действиях с 24 июня 1942 года по 12 мая 1945 года. Демобилизовался 1945 года.

Начинал бои на Волховском фронте минометчиком. Это было время, когда Вторая ударная армия Власова оказалась в окружении. Как в последствии выяснилось, Власов специально завел ее в мешок окружения. Наши дивизии было дано задание постараться ее вызволить. Линия фронта проходила около железной дороги. Немцы использовали железнодорожные рельсы для укрепления своих позиций. Рельсы были порезаны и пущены для укрепления передовой. Наши попытки пробить оборону не увенчались успехом. Только когда "Катюши" своими термическими снарядами пробили брешь на небольшом участке, советские части вклинились в оборону противника. Командование решило дать нашему полку три танка, а на танки подставились минометы 82 мм для устрашения противника.

Наша рота состояла из 15 минометов. И вот наш взвод отправили в рощу, где стояли выделенные полку танки. Мы пришли к ним. Наш командир обратился к командиру танковой группы, и тот разрешил устанавливать минометы на танки. Проволокой мы укрепили минометы, а все, что мешало, убрали с танка. И вот нам подали сигнал к наступлению. Наши танки двинулись в бой. Танкисты и мы открыли огонь. Первый танк дошел до передней линии, и его подожгли немцы.

Второй не дошел метров 150 и тоже загорелся. У нашего танка фашисты подбили гусеницу, и он закружился на месте. Мы не смогли удержаться на танке, все слетели с него. Вдруг смотрим: 9 самолетов, один за другим начали сбрасывать бомбы. Хотя не одна бомба не попала в танк, глиной забросало до неузнаваемости. Когда самолеты отбомбились, мы сняли минометы с танка и вернулись на свою огневую позицию. Все это происходило под интенсивным пулеметным огнем. Только к вечеру мы вернулись в свое расположение. Люди с нашей роты все это видели и посчитали, что мы все погибли, и передали в штаб об этом.

На Волховском фронте летом вода в болоте была непригодной для питья, а на нейтральной полосе был гражданский колодец. И вот возле колодца ловили языка. Ночью замаскировались, а днем, когда немцы приходили за водой, ловили их.

Ленинград был в блокаде. Нашу дивизию вместо формирования направили в наступление. Собрали всех артиллеристов, людей из хозяйственных частей: поваров, пекарей, писарей - и послали на выручку полка, который оказался в окружении. Нас повели через болото, где не было линии обороны, и мы зашли в тыл врага. С боями вывели полк из окружения. Меня ранило, и я попал в госпиталь на пересыльный пункт. Из госпиталя направили в Москву на формирование 7-го механизированного корпуса, который готовился к сражению с немцами на Орловско-Курской дуге. В госпитале пролежал 2,5 месяца до 8-го мая 1943 года.

В июне 1943 года нас направили под Орел. Здесь я попал в зенитный полк. Нашему полку было дано задание прикрывать танковые войска от немецких самолетов с воздуха. В этих боях летало столько самолетов наших и немецких, что трудно было определить, где свой, где фашист. Когда я воевал на Волховском фронте, столько самолетов не видел. Фашистские бомбардировщики в первую очередь пытались подавить зенитки, чтобы им не мешали зверствовать над нашими войсками. Вражеские самолеты с самого утра выискивали зенитные орудия и, обнаружив их, пытались любыми способами уничтожить. Чтобы меньше нести потерь, они чаще всего налетали со стороны солнца. Солнце ослепляло наводчиков и мешало точно наводить орудия на цель. Только наши танки пойдут в наступление, они летают как воронье и пикируют на них. А мы, зенитчики, не даем им спускаться ниже трех километров. А с большой высоты самолеты бросают бомбы не точно-большой разброс, а результат минимальный. Вот почему они в первую очередь стараются уничтожить зенитчиков. Тут уж нам достается, хоть мы и огрызаемся.

В боях за город Орел мы вели ожесточенные бои с 17 июля по 11 августа. Наша часть отличилась и получила звание гвардейской. Наш полк стал называться 288-й гвардейский зенитный полк. И все танковые бригады стали гвардейскими. В боях за город Орел наш полк сбил 10 самолетов.

В зенитной артиллерии был принят закон: во время налета самолетов на орудия нельзя уходить с позиций, даже если вражеский самолет бросил на нас бомбу.

Командир батареи следит за бомбами, куда они упадут. Если он убедился, что бомба может упасть на орудие, то он дает команду: "В укрытие!" А командиры орудий повторяют команду и сами первыми прыгают в укрытие. Такой порядок был установлен в зенитных войсках.

А если сбит самолет орудием, то зенитчики должны снять номер с самолета и отправить его в штаб полка. Только тогда этому орудию засчитывается этот самолет. Расчету, в котором я воевал, было засчитано 4 самолета. Один упал за линией обороны, и номер было невозможно снять. И когда подбитый самолет загорается, то летчик выпрыгивает на парашюте. И если он приземляется недалеко, то командир батареи приказывает старшине или командиру орудия брать машину и ехать ловить летчика. Когда его вылавливали, то отвозили в штаб полка. Некоторые летчики не сдавались, а отстреливались. Приходилось брать силой, а если это было невозможно, то его уничтожали. Вот еще один случай.

На Орловско-Курском фронте в погребе обнаружили немца, который ночью собирался подорвать нашу батарею. Как обнаружили? Повар среди сада установил кухню и готовил питание для нашей роты. Для командира батареи в котелке готовил вкусный обед, и когда закончил, пошел на огневую доложить нам об этом, что обед готов. По одному человеку с каждого расчета отправили за обедом, но повар, вернувшись с батареи, обнаружил, что исчез котелок с обедом командира батареи. Повар сразу доложил о происшествии. Поступил приказ выделить по два человека с каждого орудия для розыска того, кто своровал котелок. Долго искали, но все же обнаружили на крышке погреба свежий дерн. Было заметно, что тут есть яма, когда немец залазил в погреб, и закрывал за собой крышку, он оставил след. И все же солдаты, тщательно осматривали усадьбу, обнаружили маркировку. Когда открыли погреб и велели вылезать, он не подчинился приказу. Лишь когда пригрозили бросить гранату, он сказал по-русски: "Сейчас" и стал выбираться из погреба. Когда он вылез – его отправили в штаб полка.

Вспоминается такой случай: во время боев за реку Днепр наши войска наводили переправу через реку. Батарею приблизили к самой реке. Только закончили строительство, наш командир батареи решил перебросить одно из орудий на тот берег, без приказа командования. Тут налетели вражеские самолеты, и зенитки открыли огонь по ним. Командир полка заметил на противоположном берегу зенитку, которая стреляла. Он приехал на огневую батарею и, узнав про самостоятельность комбата, приказал вернуть орудие обратно. За самовольство комбату здорово влетело. Все приказы должны быть согласованы с командованием.

С сентября по октябрь мы были подчинены 60 армии. С боями освобождали левобережную Украину. Освободили города Нежин, Козелец, Остерн. Прошли более 200 километров. Корпус и наш полк были одним из самых первых вышедших к реке Днепр. 15 сентября был освобожден город Нежин. И корпусу и полку было присвоено звание Нежинских.

Однажды командование наше выбрало огневые позиции на лугу, недалеко от опушки леса. Трава была скошена, и сено было сложено в аккуратные большие копны. Вдруг над нами пролетел "мессершмид" и, не показывая, что обнаружил нас, улетел в лесной массив. Там он развернулся и на бреющем полете вылетел на наши позиции, и пулеметным огнем прошелся по зенитчикам, развернулся на новый ход. Командир батареи перевел на борьбу с этим "мессером" два орудия. Наша задача при появлении самолета встретить его огнем зениток. Вот мы услышали звук приближающегося самолета и были готовы открыть огонь, только он показался, как на встречу ему поднялась стена огня. От встречи с нашим снарядом самолет разлетелся на куски. От него ничего не осталось.

Мы только что взяли город Галин. Вышли на его окраину. Там организовали огневые позиции. Недалеко от нас километров в двух проходила автодорога. Вдруг она заполнилась колоннами движущихся немецких войск: машины, обозы на лошадях, другая техника. Батарея начала обстрел из своих зениток. А зенитка 37 мм – автоматическая, стреляет целыми сериями снарядов. Что было на дороге? Среди немцев паника. Люди разбегались, а мы вели интенсивный огонь по ним. Одна пара лошадей с передком даже прибежала к нам на батарею.

В 1945 году наш корпус окружил г. Опельн – промышленный город Германии. Там была офицерская школа, где училось много наших предателей. Курсантам приказали выходить из окружения с легким оружием: автоматами, пулеметами и минометами. Им предстояло пойти через наши позиции в г. Галин и Вильштава. На дороге они обнаружили нашу самоходку и танк. Отремонтировали их, в школе готовились всякие специалисты. Когда ночью подходили к городу Галин, посадили на танк и самоходку власовцев и заставили громко говорить по-русски. Это позволило им близко подойти к нашей позиции, так как мы думали, что идет пополнение. Мы находились на южной стороне, а они зашли с восточной. И только тогда они закричали: "Ура!". Мы поняли, что это не подкрепление. Началась рукопашная схватка. Наши были на верхних этажах, а они внизу. Солдаты стали бросать вниз гранаты.

Наши машины стояли внутри города. Немцы подскочили к одной машине и хотели ее завести, а наш шофер спрятался за машиной. Только немец подошел к машине, он схватил его за ноги и под машину, там его зарезал ножом. Этого немцы не заметили в суете. Машину не смогли завести и побежали дальше. А утром давай прятаться в подвалах.

Пришлось нашим солдатам их вылавливать. Выловили почти всех, ибо им не уйти дальше города. Они даже применили тактику прятаться в луже грязи, маскируясь убитыми. Один наш человек бежал и случайно наступил на немца, и убитый воскрес. Пришлось многих воскрешать, их оказалось порядочно.

Конечно, боев было много и разных, все в небольшом рассказе не опишешь. А ведь мы с боями прошли Украину, Польшу, дошли до Германии. На земле Германской нам пришлось сражаться с немецкими войсками, которые уже воевали на своих землях. Мне довелось прочитать книгу "Гвардейский, Нежинский и Кузбасский", которую дал мне Василий Емельянович. И у них были тяжелые бои за плацдарм на Днестре, за г. Бреслау, когда были окружены в городе 40 тысяч, бои в Опельской и Лейбицинской операции по направлению на Дрезден. В боях корпус нанес большие потери, но и сам тоже сильно пострадал.

В Берлинской операции, стремительно продвигались в направлении город Дрезден, овладели городами Вайсберг, Бауцен и другими населенными пунктами. Здесь мы участвовали в составе 28-ой армии. Крупная немецкая группировка генерала Вернера предприняла контрнаступление на нашем направлении, чтобы облегчить положение немецких войск под Берлином. Развернулись кровопролитные ожесточенные бои. Крупные потери были с обеих сторон, но с большим трудом противник был остановлен.

Наш 1-й Украинский фронт был направлен на разгром немецких войск в Чехословакию. Мы шли в сторону столицы Чехословакии, Прага.

В ночь на 9 мая радисты не отходили от радики. Мы уже слышали о капитуляции Германии, но фашисты не хотели сдаваться.

Гитлеровцы пытались оказать сопротивление, но были смяты нашими танками.

Но вот новость, долгожданная и выстраданная тяжелыми испытаниями, как бы ворвалась в после военную ночь.

- Товарищи! Москва сообщила, что война окончена! Ура! Победа! Радостное ликование охватило всех. Вверх полетели фуражки, шапки, взвились ракеты, загремели автоматные и оружейные салюты...

Так описывается этот день в книге: "Гвардейский, Нежинский, Кубанский". Но не все немцы сдавались в плен. Главной их задачей было улизнуть на Запад. Бои продолжались до 12 мая 1945 года.

Астахов Иван Федорович

Родился 26 мая 1926 года в Северо-Казахской области Ленинского района в селе Иваново-Петровке.

Призван в армию 2 февраля 1943 года. Служил на Дальнем Востоке ст. Раздольная. В этом же полку раньше служил сам Буденный в кавалерии. Потом меня в этом же году направили служить на станцию Шкотово, которая находилась на берегу Японского моря. Здесь вспоминается новый исторический факт: в паровозной, в топке в гражданскую войну японцы сожгли партизанского героя Сергея Лазо.

В мае 1943 года нас повезли на фронт. Доехали до Молотовской области (настоящая Пермская). Здесь, не доезжая до Перми 40 км, мы проходили курсы младших командиров. Закончив их через 3 месяца, получив звание старшего сержанта, отправились на фронт, в сентябре месяце. Прибыли в Кировоградскую область, что на Украине. Вот под городом Александрии мы попали под бомбежку. Здесь я получил первое крещение в своей фронтовой жизни. Попал в Особый 8 механизированный корпус в 67 бригаду танкистом 222 танкового батальона, наводчиком танкового орудия.

Прошел с боями Украину, Белоруссию, вышли в Польшу, а потом вели бои в Восточной Пруссии во 2 Белорусском фронте, командующим которого был маршал Рокоссовский.

Советские войска наступали в сторону Германии. Развернулись ожесточенные бои, которые не прекращались ни днем, ни ночью. Мы были на границе Восточной Пруссии. Часто мы попадали под бомбежку фашистских самолетов. В одном из боев наш танк был подбит, он загорелся. Пришлось вылезать из танка под сильным обстрелом врага. Был убит командир танка, я был легко контужен и попал в госпиталь, где-то в июне месяце 1944 года. Но вскоре снова попал в свою часть. Шло пополнение подразделения живой силой и техникой.

До декабря были на формировке части и стали готовиться к новым боям. Нашу часть приблизили к фронту. И вот 12 января 1945 года мы пошли в наступление. Форсировали реку Вислу, вели наступление на Кенигсберг. В настоящее время этот город называется Калининград. Он находится на берегу Балтийского моря.

В этих боях наш танк был снова подбит. Погибло два человека, а меня не задело. При наступлении погибло много наших солдат. Шли сильные кровопролитные бои.

Нам дали уже третий танк, и мы наступали в сторону реки Эльбы. Там мы встретились с американскими войсками.

В последних боях я остался живой и невредимый. Побывал я и в Берлине, после того как закончилась война, это было 9 мая 1945 года.

После войны служил в Белоруссии, в Вологде, на Урале и на "семерке" в Нижней Туре. Потом набрали кыштымцев и повезли в Томскую область, строить какой-то завод. Служил в Томской области до сентября 1951 года. Потом демобилизовали.

Воинское звание было старшина. Награжден орденами Отечественной войны, Красной звезды, Славы 3 степени, и еще многими медалями.

В Качканар прибыл к родным танкист Серышев Александр Григорьевич. Год рождения 21.11.1925 г.

Он служил на фронте 4 механизированной бригаде 3 Белорусского фронта. С января 1943 года по март 1950, был наводчиком танка. К сожалению, 1.12.2001 года он ушел из жизни.

Бармин Дмитрий Николаевич

Родился 8 октября 1917 г. в поселке Косья. В 1918 году Колчаковцы расстреляли отца, в 1920 году умерла мать, и он воспитывался у тети, которая проживала в поселке Промыслы Пермской области. В 1938 году был призван на службу в армию. Служил на Дальнем Востоке в городе Спасск-Дальний, служил там до 1942 года.

В 1942 году нас направили на запад в город Калугу. В то время город был уже освобожден, но бои продолжались под Смоленском.

В составе развед полка 326 стрелковой дивизии, в бою за деревню Пузановка я был тяжело ранен. В этом бою был тяжело ранен командир роты, и я взял на себя командование, и освободили деревню. Меня наградили орденом Красной Звезды и присвоили звание старшего лейтенанта.

Воевал я полтора года. В 1943 году меня направили в танковое училище в город Буй. Окончил училище в 1944 году в звании старшего лейтенанта (командир танка) 319 истребительной танковой дивизии, которая была в резерве и направлялась в Польшу. Там я встретил Победу.

Служил до 1946 года. Демобилизовался в октябре 1946 года. А в ноябре этого же года женился в поселке Промысла. Там и прожил почти всю жизнь. С женой прожили 55 лет. У нас трое детей, 7 внуков и одна правнучка. Все проживают в городе Качканар, и я теперь живу здесь.

В армии прослужил с 1938 года по 1946 год, всего восемь лет.

Семенов Иван Ильич

Из воспоминаний ветерана Великой Отечественной войны.

Родился 23 апреля 1923 года. Призван в армию Ялчикским РВК, Чувашской АССР. В мае 1940 года закончил Чебоксарское пед. училище.

В Советской армии служил с 14 мая 1942 года по 28 октября 1944 г. Уволен по ранению (третьему по счету). С мая по октябрь 1942 года обучался в Новоград-Волынском военно-пехотном училище, дислоцированным во время войны в городе Ярославле. В середине октября 1942 года все курсанты училища досрочно, без присвоения воинских званий были переброшены на защиту Сталинграда. Сначала я со всеми курсантами училища находился в обороне, в составе Донского фронта в качестве пулеметчика системы "Максим". 19 ноября 1942 года Донской фронт перешел в наступление. Фронт уже стал называться Сталинградским, ибо войска бывшего Донского фронта осуществляли окружение и уничтожение немецких войск и войск Германии, укрепившихся в Сталинграде и его окрестностях.

Немецкими войсками в то время командовал фельдмаршал Иахим Фон Паулюс. А нашим северо-западным крылом Сталинградского (Донского) командовал прославленный генерал Рокоссовский, ставший впоследствии маршалом Советского Союза.

В наступательном бою в операции по окружению войск Паулюса в декабре 1942 года под городом Богучар я был тяжело ранен в левую ногу.

После лечения в госпитале Балашова и Свердловска (эвакогоспиталь 1707). В мае 1943 года я по собственному желанию попал в бронетанковые войска. Пройдя ускоренный курс обучения в 19 ОУПСА (отдельный учебный полк самоходной артиллерии), я стал наводчиком СУ-85 (самоходные арт. установки калибра 85 мм).

Эти СУ-5 представляли собой модернизацию танков Т-34, только с приваренной башней и очень длинной пушкой, способной пробивать крепкую и толстую броню тяжелых немецких танков Т-4 "Тигров", средних танков "Пантера" и самоходок "Фердинант".

В 1943 году наш 19 ОУПСА располагался на окраине Свердловска, а точнее, на Березовском тракте. Расчеты конструкторов СУ на фронтах оправдались: пушки самоходок легко пробивали крепкую броню всех марок немецких танков.

Свою СУ-85 (САУ-85) я получил в одном из цехов Уралмаша. Стал я наводчиком в звании старшего сержанта.

После обкатки машин в окрестностях Свердловска, нас быстро погрузили на железнодорожные платформы, и наш эшелон через сутки прибыл в Москву в район города Люберцы.

Генеральный штаб Красной Армии направил нас в распоряжение Степного фронта, который после Курской операции стал именоваться Вторым Украинским фронтом. Из наших СУ-85 в основном был

укомплектован 1446 полк самоходной артиллерии, который был придан 29 танковому корпусу 5 Гвардейской краснознаменной танковой дивизии.

Основные соединения 5-й гвардейской танковой армии в начале боев на Курской дуге находились в резерве Главного командования Красной Армии. Несколько танковых бригад 5 ГКТА принимали участие в знаменитом танковом сражении под Прохоровкой, а мой 1446 самоходно-артиллерийский полк вместе с 29-м танковым корпусом развивал успехи Курской битвы после Прохоровки.

Мы принимали участие в форсировании Днепра в районе села Мишурино. Переправлялись мы на правый берег Днепра по понтонному мосту при шквальном обстреле немцев с берега и адской бомбежки немецких самолетов с воздуха. При воспоминании эпизодов форсирования Днепра невольно на ум приходят Пушкинские слова: "... и смерть, и ад со всех сторон".

Однако сорвать форсирование Днепра немцам не удалось. Переправившись на правый берег, наши танки, и самоходки сходу рванули в бой, по направлению огневых точек и преследованию отступавшего противника. Ясно, что при форсировании Днепра мы понесли немалые потери в живой силе и технике. Несколько танков и самоходок оказались в речной пучине. Наш 1446 самоходный артиллерийский полк лишился двух самоходок с экипажем.

Благодаря высокой маневренности, танки и самоходки командование бросало на главные участки Второго Украинского фронта. Мне в составе 1446 полка самоходок с танкистами 29-го и 18-го танковых корпусов довелось участвовать в освобождении многих городов и сел Правобережья Днепра. Запомнились бои за Кременчуг, Знаменку, Кировоград, Капитоновку, Звенигородку, Смелу, Шпалу, Умань, Корсунь-Шевченковский.

Еще свежи в памяти эпизоды нашей встречи с партизанами в Черном лесу перед боем за Знаменку. Совсем неожиданно на лесной поляне состоялась наша трогательная встреча с народными мстителями. После крепких объятий и радостных возгласов стали знакомиться и расспрашивать друг о друге, о командирах... На глазах у многих из нас блеснули слезы радости и умиления от неожиданной встречи.

Неподдельный восторг танкистов и партизан вызвало появление на поляне легендарного партизанского вожака Ковпака Сидора Артемовича в сопровождении улыбающегося командира 29 танкового корпуса Кириченко Ивана Федоровича и комполка наших самоходок Лулева Василия Николаевича. Забыв об осторожности (ведь мы фактически находились во вражеском тылу), мы все не сдержались от восторженных криков "Ура!" В воздух взлетели шапки, кепки, танкошлемы.

Запомнился от этой встречи и следующий эпизод, развеселивший танкистов и партизан. Изрядно озябшие командиры Кириченко и Ковпак решили согреться (дело было зимой 1943 года) начали бороться друг с

другом, а потом стали лопатить друг друга, как в боксе. Наш командир Лунев вместе с нами весело наблюдал над потехой старших командиров. Изрядно помотузив друг друга, стареющие и довольно грузные Кириченко и Ковпак подошли к моей самоходке и повисли на длинном стволе пушки. Генерал Кириченко приказал мне: "А ну-ка, наводчик, покачай нас на своем хоботе!" Покачать свою пушку вправо, влево, вниз мне не составило большого труда, т.к. поворотный механизм орудия был хорошо отрегулирован, обильно смазан и работал легко и безотказно.

Отдохнув и повеселившись со своими любимыми командирами, мы двинулись на Знаменку Кировоградской области.

А эта Знаменка и для нас и для немцев имела очень важное стратегическое значение как крупный железнодорожный узел. Воодушевленные встречей с танкистами и самоходчиками, партизаны буквально облепили наши грозные бронемашины.

В город Знаменку мы ворвались уже вечерними сумерками и с партизанским десантом. Под обстрелом противника на подступах к Знаменке некоторые из партизан были убиты, их безжизненные тела в разных позах лежали и висели на корпусах самоходок и шедших за нами "тридцать четверок", а уцелевшие партизаны соскочили с наших машин на ходу. Для нас же за крепкой броней не были страшны ни пули, ни мины, ни снаряды легких пушек.

Нашему экипажу довелось первым ворваться в город и вызвать паническое бегство немцев. За нами следовали "тридцать четверки". Примерно к 23-00 вечера город был полностью очищен от немцев.

Кстати, и партизаны Ковпака поспели вовремя. Командир 29-го танкового корпуса совместно с партизанами Генерал-лейтенанта Кириченко ИФ получил срочную радиogramму, в которой сообщалось об освобождении Знаменки танкистами 29-го корпуса совместно с партизанами. В той радиogramме сообщалось, что приказом Верховного Главнокомандующего Сталина, 29-у корпусу присваивается почетное звание Знаменского танкового корпуса.

Верховный Главнокомандующий объявил благодарность всем танкистам и самоходчикам, принявшим участие в освобождении Знаменки. Генерал Кириченко уже поздно ночью собрал танкистов и самоходчиков, чтобы сообщить нам приятную новость. На это сообщение мы отреагировали громким троекратным "Ура!" и аплодисментами.

Тут же генерал Кириченко приказал нашему экипажу выйти из строя и сообщил перед строем, что экипаж самоходки младшего лейтенанта Полякова (т.е. нашей СУ-85) награждается орденами Красной Звезды. На это сообщение мы проскандировали: "Служим Советскому Союзу!".

Это признание нашей заслуги вдохновило нас в дальнейшей борьбе с фашистами.

Под утро в город вступили подразделения пехоты, а 29-ый, уже Знаменский, танковый корпус вместе с нашим 1446 полком самоходной

артиллерии был переброшен на освобождение других населенных пунктов, на Правобережье Днепра.

Об освобождении городов Украины я уже описал ранее. Мы нацелились на областной центр Кировоград. Кировоград был освобожден 7 января 1944 года. Это совпало с Рождеством Христовым, о чем мы узнали из радостных приветствий жителей Кировограда.

Но наша радость в Кировограде была омрачена нелепой гибелью нашего заряжающего Брезгина Прокопия при массированном налете немецких самолетов на только что освобожденный город. Перед этим он бегал туда сюда. Знать было какое-то предчувствие, которое охватило его. Прямое попадание бомбы и его разорвало, хоронить было нечего, только сапог с ногой и кисть руки. И мы тут же все это зарыли в землю.

Уже спустя 30 лет на встрече с однополчанами 1446 САПа и 29 Знаменского танкового корпуса 5 ГКТА в Умани от самоходчика Ляпина я узнал, что, участие Брезгина Прокопия в освобождении Кировограда не забыто. В школе №1 этого города создана Аллея Славы, и на мемориальной доске, на стеле школы высечена фамилия нашего погибшего друга Брезгина Прокопия из Барнаула.

Корсунь-Шевченковское танковое сражение, в котором участвовал я, по своей стратегической значимости ожесточенных боев военные историки и теоретики вполне обоснованно назвали Сталинградом на Днепре.

За участие в боях за Корсунь-Шевченковский и за четыре подбитых "Тигра" я был награжден орденом Славы 3 степени. На подступах к Корсунь-Шевченковскому у села Турия в феврале 1944 года я получил тяжелое ранение в правую ногу с переломом малой берцовой кости. На этом и закончилось мое участие в Великой Отечественной войне, ибо я стал инвалидом ВОВ второй группы.

Записывая воспоминания Ивана Ильича об участиях в этих боях в Знаменке и Кировограде и в районе Пятихаток, я узнал, что в этих сражениях мы были рядом: только я был в пехоте, в 53 пехотной армии в 299 Харьковской стрелковой дивизии. И воевали в одном месте. Только я уже в конце января 1944 года попал в госпиталь, а Иван Ильич в феврале. Все описываемые места на Правобережье мне знакомы. Да, мир тесен: новый товарищ оказался побратимом по боям на Украине.

В этих же местах воевали танкисты Решетников Н.М. и Коннов И.Г. Чуть севернее около реки Днепр воевали качканарцы Фелистеев Н.И., Целищев Е.И., Черемных С.П. и другие. Там же был выброшен десант из моего призыва с Исовского района, из 3 и 5 воздушно десантных бригад, в которых были и наши качканарцы Бурылов А.С. и Жуковец Михаил дожившие до настоящего времени и другие кого я не знаю.

ОДНОПОЛЧАНЕ. “ОГОНЬ НА СЕБЯ”

Получил я ответ на мои письма от однополчанина Роскова А.А. Привожу некоторые краткие отрывки из писем. А их было достаточно. И можно было написать целую повесть. Но тогда я работал над своими книгами, и работы хватало. Через Алексея Андреевича получил около трех десятков адресов однополчан из стрелковой дивизии. Да и раньше я имел связь с председателем Совета ветеранов дивизии Ожерельевым В.П., который много мне прислал документов по истории нашего 299-й стрелковой дивизии. А нашел я его совсем интересно. Был на встрече на Куцевке в 1992 году. У одного товарища увидел знак 53 армии на груди. Я к нему с просьбой, дать мне адрес армии, который находился в Харькове. Пишу туда, дают адрес с Совета нашей дивизии в Воронеже. И так, шире и дальше. Привожу отрывки писем Роскова.

... Из письма узнал, что вы службу свою закончили на Дальнем Востоке. Все это верно, так как конно-механизированная группа действовала совместно с 53 армией. Некоторым частям дали зеленую улицу на Восток. А была ли там 299 ХСД, сам не знаю.

Я был призван в армию 2 декабря 1942 году, ехал в запасной полк один без команды. Он располагался в Марийской АССР на ст. Сурок. Ехал через Москву, где у меня украли сидор. Потом в запасной полк стали прибывать солдаты 1925 года рождения, освобожденные из заключения. Так что дистрофиков там насмотрелся. Строили землянки. Нас из Ярославской области оказалось четверо, мы были хорошо обуты и одеты.

Нас несколько человек послали на заготовку дров для совхоза. Мы пробыли там дней 15. Кормили сносно. Если взять меня, можно сказать пацаненка, то рост 146 и вес 46 кг. Можете сравнить с собой. А некоторых в запасном ветром качало. Занятий было мало. Кто был с 25 года, тех сильнее обучали. Ходили в атаку, кричали “Ура”. В феврале нас стали готовить в маршевую роту, обмундировали. Везли нас долго. Вот тут то стало похуже с питанием. Прибыли в дивизию, что стояла на пополнении, 1-го мая приняли присягу. Распределили нас по ротам и батальонам. Один попал в разведку, а мы трое попали в роту автоматчиков. Над нами еще смеялся комполка, называл нас “детским садом”.

Когда была дана команда двигаться на исходную, мы действительно двигались ногами к исходному рубежу. И если бы у меня не подвели ноги, то быть мне стрелком, а так я все время марша не отставал. То меня оставили в роте автоматчиков. Ты можешь представить солдата с винтовкой с примкнутым штыком.

Смешно сначала прибыли как бы сказать НА ПЕРЕДОВУЮ.

Стали укреплять траншеи, окопы, огневые точки итд. Не видно было немцев, ни взрывов снарядов. Это оказалось не передовая, а запасная линия на случай прорыва на Курском направлении.

Потом опять марши к Белгород В освобождении Белгорода наша дивизия не участвовала. Прошли по Белгороду без боев.

Дальше шли бои под Харьковым, где мне и пришлось участвовать. Мы обхватывали Харьков с севера и запада. И вот там-то произошел эпизод с наманганцами, "Брата убило". Далее вернулись к станции Пересеченная под Люботиным. Я сам чуть ли не сжог себя. Нашел трофейную ракетницу и хотел пульнуть в дно окопа. Но потом подумал, как я буду выскакивать, она ведь не спичка, а фосфор. Вот тут-то я увидел над балкой, где расположено село, наших "Ильюшиных". Они делали заход за заходом. Не даром немцы называли их "черной смертью". Вот в бою за это селение я потерял своего друга. Это случилось так: наш взвод оказался впереди, в чулке. Командир приказал отойти назад. Но Иван послал его подальше. И когда его окружили немцы, он подошедших фашистов и себя взорвал гранатой.

Дальше пошли бои за Полтаву, которую обошли стороной. Дошли до Днепра, стали форсировать. Было тяжело. Гитлер не хотел пропускать через свой 9 вал, где он сильно укрепился. Переправлялись, кто как мог. Плавсостав был никудышный. Раньше здесь был остров. Сейчас его нет. Тогда не было Кременчугской ГРЭС. Сейчас там затоплено. На Днестре я потерял другого ярославца. Рота наша распалась. Оставшихся перевели в стрелковый батальон. Был в охране НП полка. Меня контузило и засыпало песком, откопали. Меня спас Бодров, а может Бобров. Они с санитарями привели меня в чувство. Дальше пришлось двигаться до Днепра под огнем противника. Шаг два и ложись. Не было сил. Вот так и прозвали этот пятачок ДОЛИНА СМЕРТИ.

Ночью меня переправляли на другой берег. При переправе я застудил ноги, сначала не мог даже переобуться. Когда позволило время, я погрел ноги на солнце. И после стало хуже, и я не мог ступить на пальцы. Меня определили в блиндаж на переборку и чистку оружия. Я думаю песок враг оружия, а его и так не хватало, так как прибывало много новобранцев даже не обмундированных, не вооруженных – мобилизованных из освобожденных сел. Оружие добывали на месте.

А у меня с ногами все хуже и хуже. Тогда меня отправили в санроту, которая находилась в Золотнице. Она на схеме указана. Там я нашел чужую землянку – окоп и в ней находился как сурок. Выползал на завтрак, обед и ужин. Конечно, лечили, мазали. Получилась реакция холод и тепло, на обморожение. Так я и остался в санроте, сперва санитаром, а потом санинструктором. Бывало, посылали на прорыв в стационар батальона. Так я прошел в санроте до Молдавии, где мы долго стояли на отдыхе и пополнении.

Это описано в статье: "Они служили в одной роте".

Еще много писал Алексей Андреевич о боях – товарищах. Все это было памятно мне. Правда, другие истории, те же болячки мои с ногами и я попал в полевой госпиталь в НОВЫХ САНЖАРАХ.

Когда я был в Свердловском военном госпитале, я специально побывал у него дома. Там воспоминания у нас продолжались. Но в частях я был недолго, часто был в госпиталях, да и фамилии я почти никого не помню. Прибывают в часть все новые люди. Побывал я, и дома у Героя Советского Союза Петрищева в Москве, но его не застал дома. Он был на сборах по случаю Парада ПОБЕДЫ в Москве на Красной площади. Ходили строевым шагом, вновь учились. А было это накануне 40-летия Победы. А вот когда проезжал через Москву, часто разговаривал с ним по телефону, а живет он около Павелецкого вокзала.

А Героя ему дали за бои под Харьковом. Когда сложилась очень тяжелая обстановка, а он был на КП. Принял решение вызвать огонь на себя. Немцы понесли большие потери, а сам Петрищев оказался цел. Много моих однополчан жило в Москве и с пехотинцев и Кубанских казаков.

Со многими я встречался, переписывался, а в честь 40-летия ПОБЕДЫ мы с однополчанами 4 гв. Казачьего Кубанского кавалерийского корпуса встречались в Москве. Хотя нас было не так много, встреча памятна. Многие не смогли приехать, т.к. празднования проходили по всему Советскому Союзу и многие не смогли приехать. Я там не отходил от телефона, обзванивая тех, кто не мог прийти на встречу.

Они служили в одной роте

Из газетной статьи Н.И. Мелехина

Участник Великой Отечественной войны, ветеран Качканарского ГОКа В. Смирнов ведет большую поисковую работу, пишет историю войсковой части, в которой служил. Он неоднократно ездил на встречи с однополчанами, некоторые из них приезжали в гости к нему.

В апреле газета "Ветеран" напечатала объявление А. Роскова о розыске сослуживцев из 960-го полка 299-й стрелковой дивизии. Виталий Васильевич откликнулся на запрос, и накануне Дня Победы из Екатеринбурга в Качканар пришло письмо. Взволновало оно В. Смирнова, ведь с автором письма служил он в одной роте.

Есть события, которые не забываются. Одно из них – бои за высоту у села Полевого. Им было присвоено звание Героев Советского Союза, об их подвиге писали фронтовые газеты.

- Помню, – пишет А. Росков, – нашему взводу автоматчиков приказали идти на помощь защитникам высоты. Пошли и другие подразделения полка. Дело происходило вечером, и мы попали под свой минометный огонь. Немцы нас крепко потеснили, и офицер Петрищев

вызвал огонь на себя, чтобы отсечь противника. Таким образом, было одержано господство продвижения полка для освобождения Харькова. Дальше были бои у станицы Пересечной. Там я впервые увидел налет наших ИЛов на вражеские позиции. Они делали заход за заходом, стреляли из пушек и пулеметов, бомбили.

- При дальнейшем наступлении, – продолжает Александр Андреевич, – я потерял в бою своего земляка И. Смирнова, которого окружили немцы. Он, чтобы не быть пленным, подорвал гранатой и врагов, и себя. Это была моя первая потеря. А нас было трое в Ярославской области. Второй дружок, тоже Смирнов Алексей, получил тяжелое ранение на Днестре.

Помню, как погиб командир полка. Это уже после освобождения Харькова. Видимо, подорвался на mine, так как двигались мы без боев. Ты можешь понять – надо в бой, а командира с нами нет.

Его все любили.

Война – страшная школа жизни. Это не пустые слова, но подтверждение трагических случаев, происходивших на фронте.

“Помнишь, – обращается А. Росков к В. Смирнову, – в полку было много пожилых и молодых узбеков? И вот мы наступали под Харьковом, местечко Минводы. То ли совхоз, то ли еще что. Был сильный минометный огонь. Вдруг слышим крик: “Брата убили!” И сразу – большое скопление солдат азиатской национальности. На их крик немец еще усилил огонь. Поняли, и не одни узбеки, что толпится в бою нельзя, опасно.

Ты пишешь о боях за Днестр. Когда мы его форсировали, то выходили на остров посреди реки. Тогда я впервые увидел залп “Катюш”. Несколько снарядов упало в Днестр.

“Мне все в начале казалось игрой, – признается Алексей Андреевич. – Когда ехали на фронт, нас бомбили в Н. Осколе. Вечером стало светло, потому что “он” сбросил на парашютах осветители и стал бросать бомбы. И потом, когда мы переходили из второго эшелона на передовую, тоже попали под частичную бомбежку. Представьте себе: солдат прячется в кустах, а кругом жужжат и шлепаются рядом осколки. Забавно, не правда ли?”

Помню еще одну бомбежку. Мы были в резерве. Получили газеты и собрались их прочитать. А в это время немец начал бомбить. Я в суматохе потерял саперную лопатку и не выкопал ячейку. Упал я в небольшую ямку и вдруг чувствую: кто-то на меня упал. Ну, думаю хана, не вылезу скоро. Оказалось, прикрыл меня командир взвода Краснов. Так я научился беречь лопатку. С Красновым я расстался на Днестре. Там рота автоматчиков перестала существовать. Оставшихся в живых передали в стрелковые роты.

На пяточке за Днепром, в "долине смерти" сражалось много новобранцев из освобожденных сел. Первоначально им пришлось воевать, чем попало, потому что оружия на всех не хватало.

Однажды я находился в охране на наблюдательном пункте полка. От разрыва снаряда мой окоп разрушился, и меня засыпало. Обнаружили меня случайно. Связой командира и военфельдшер Бобров с санитарями привели меня в чувство. До берега, метров 200 я шел, падая через два шага. Ночью был переправлен в хозвзвод роты. Недели через две вернулся на правый берег.

После форсирования Днепра автоматчик Росков заболел, начал жаловаться на ноги. Подлечили его и оставили в санроте инструктором. В этой должности Алексей Андреевич дошел до Молдавии. За безупречную работу начальнику медслужбы полка дали отпуск на родину, а в сопровождающие назначили санинструктора Роскова.

Побывали мы с майором Капцовым в Калининской области, потом поехали к его жене в Тамбовскую область. Жена майора уговорила его отпустить меня на четыре дня к родителям. Я поехал, но в Москве сел не на тот поезд. Меня задержали. Забрали документы и велели явиться в милицию, а оттуда в военкомат. Сняли допрос, и ночью под конвоем – в Иваново. Сутки "губы", допрос, освобождение и через день – мандатная комиссия. Я просился в свою часть, а меня направили в запасной полк, как говорится, лошадям хвосты крутить. Я говорю, что на конях не ездил. Сказали, что буду пулеметчиком. Приехал в город Ковров. Там – баня, новое обмундирование. Погрузились мы в эшелон и поехали под Гродно. Там стоял 3-й Гвардейский кавалерийский корпус.

Наш корпус с боями дошел до Эльбы. В Восточной Пруссии я был ранен в голову и направлен в госпиталь. 11 декабря 1945 года был демобилизован. Прослужил три года. Приехал домой. Ни отец, ни мать, ни брат, меня не узнали. Еще бы! Уходил из дому совсем маленьким, аршин с шапкой, а за войну вырос.

- Виталий Васильевич, – заканчивает письмо А. Росков, – ты, наверно, помнишь, как в 1947 году Указом Президиума Верховного Совета СССР все фронтовики лишались льгот за награды. Не стало празднования Дня Победы, который вернули нам лишь в 1965 году. Медали раздали мы детям и внукам... Спасибо ныне покойному писателю С.С. Смирнову, который сказал о фронтовиках много хорошего. Да Левашов, ведущий рубрики "Победители", рассказывает о нас.

Письмо фронтового товарища взволновало Виталия Васильевича своей искренностью и теплотой, напомнило о былом.

В артполку

Огонь на себя! Хочется привести случай, произошедшим комполка Костылевым Е.А. Правда он тогда был лейтенант и командовал батареей. Получил я книгу от сына нашего командира, она называлась "Светлый человек". В ней все о командире полка Костылеве Евгений Арсеньевиче. Статью написал Духовный БС бывший начальник штаба полка. Привожу отрывок.

... "Я хорошо помню тот апрельский день 1942 года, когда в штаб тогда еще 267-го отдельного конно-артиллерийского дивизиона явился по назначению молодой офицер. Так уж получилось, что в тот день дежурным по штабу был я, тоже лейтенант. Вошедший четко по уставу отчеканил: Лейтенант Костылев прибыл для прохождения дальнейшей службы!

Ну, а после уставной "официальщины" мы разговорились. Оказалось, что Женя был не из числа новоиспеченных Ванек-взводных, только окончивших ускоренные курсы. Он уже и пороха успел понюхать, и образование у него было не чета многим: окончил сельхозинститут, заведовал лабораторией по генетическим исследованиям. Профессор, одним словом, окопники ему не чета! И все же он сходу влился в нашу боевую лейтенантскую семью. В нее, кроме меня, служившего тогда начальником разведки дивизиона, входили Андриан Коба и двое – Дмитриев – Песков, командир 3 батареи, и Смалиус, командир 1 батареи.

Эти еще безусые "боги войны" были мировыми ребятами. Немцу давали прикурить будь здоров! У каждого была своя война, но общим святым и высоким – стала наша Победа. Андриаща Коба, ставшим впоследствии командиром артполка 10 й кавдивизии, отдал за нее в боях под Одессой самое дорогое – жизнь. Дима Песков стал Героем Советского Союза в боях за Ростов на Дону. Но после тяжелого ранения к нам уже не вернулся. А мы, оставшиеся в строю 152го – ИПТАПа, так и шагали с ним, родимым, до самого последнего боя в этой великой и страшной войне.

Но как же безмерно далеко до этого было счастливого мига в ту холодную весну 42-го, когда лейтенанты пушкари обмывали фронтовыми ста граммами назначение Жени Костылева комбатом – 2!

Уже на второй день после этого события он получил боевое крещение в новом качестве в боях на реке Ея. Мы, честно говоря, немного волновались за новичка, но он свой первый комбатский экзамен сдал на "отлично". А после знаменитой конной атаки кубанских казаков генерала Б. Миллерова под станицей Куцевской о батарее Костылева заговорили все. С тех пор так и пошло "костылевцы". Это название с уважением произносили все, кто служил под началом Евгения, потому что оно стало синонимом мужества и отваги.

Сейчас на месте Куцевской атаки в конном строю стоит памятник – казак в лихо сдвинутой кубанке. Кажется, дай ему команду – и вновь птицей взвьется лихой конь. Каждый, кто проезжает мимо равнодушным не остается. Но мне кажется, надо бы рядом с этим казаком поставить и нашу противотанковую пушечку. Ведь она, милая во многом решила исход того боя, вошедшего в военные энциклопедии ведущих стран мира. Я много повидал и до, и после того сражения, но, поверьте, никогда не доводилось прикуривать от оружейных стволов – так они были раскалены от бешеного огня по немцам. Били мы кинжально, прямой наводкой, сойдясь с врагом почти лоб в лоб. Но Костылеву и это показалось недостаточным. Под сумасшедшим огнем он со своим наблюдательным пунктом выдвинулся буквально вплотную к переднему краю противника. Теперь каждый снаряд ложился точно в цель. Атакующие конники еще стремительнее развернули боевые порядки врага.

Но тут случилось самое страшное. Введя свежие резервы, немец неожиданно ударил с фланга. Горстка артиллеристов оказалась практически отрезанной от основных сил. Гитлеровские автоматчики начали окружать батарейный НП. Костылев организовал круговую оборону. В разгар боя он был ранен и принял верное единственное решение – вызвал огонь на себя. И здесь появилась в полной мере та особая суворовская черта, которую высоко ценят солдаты и без которой ни один офицер, будь он хоть семи пядей во лбу, никогда не станет настоящим командиром, а тем более военным начальником. Прежде чем назвать координаты для работы нашей артиллерии по рации, лейтенант Костылев убедился, что огонь причинит как можно меньший урон своим.

А теперь представьте наше состояние. Мы, его друзья – товарищи, били по нему – по Женьке! Немчура, отведав гостинцев наших пушек, конечно, драпанула. А потом потянулись долгие часы неведения. Рация Костылева молчала. Что там происходило, мы не знали. Лишь с наступлением темноты комбат – 2 вывел своих бойцов с крохотного, ислеканного нашими и вражескими снарядами плацдарма.

В нашу землянку он заявился весь в бинтах, сверкнув беззубой улыбкой и нарочитой суровостью, накатил вопрос:

- Пошто так погано стреляете, пушкарки? Ворон распугали, а мы то целы!

Мы во все молодецкие глотки расхохотались. На душе отлегло. Значит, еще повоюем, похлебаем пушкарских щец из одного котелка.

За летние бои наш казачий корпус получил звание "ГВАРДЕЙСКИЙ". Стали гвардейцами и мы, артиллеристы отдельного конно-артиллерийского дивизиона.

А вслед за этим пришло еще одно радостное событие. Мы по фронтовому обычаю обмыли первый орден Жени Костылева – Красной звезды. Молодые, быстрые на шутку, мы и такое торжество превратили в состязание балагуров и остряков. Хохотали, подначивали друг друга. Кто-

то из лейтантской братии, когда котелок со спиртом, где на доньшке лежал орден, до самого Костылева, озорно бросил:

- Жень, ты смотри, не проглоти награду с радости.

И тут услышал ответ: Не дожدهшься! К чему же я другие награды привешивать буду?

Как в воду глядел лейтенант. Награды и потом не обходили его стороной. Но все они были заслужены тяжким фронтовым трудом. Каждая пахла порохом, а не липой, как у деланных послевоенных стратегов, видевших бои издалека.

... Когда немцы развернули вторую лавину наступления, когда наши войска теряли целые армии, нам удалось остановить фашистские полчища на пути к грозненской и Бакинской нефти...

В то время газета "Красная звезда" писала о героях-казаках:

"Сыны советского Дона и Кубани беззаветно защищают каждую пядь земли. Они служат примером для всех защитников юга. Так должны вести войну с немцами все части Красной Армии.

Остановить немцев на юге можно! Их можно бить и разбить. Это доказали казаки, которые в трудные дни покрыли себя славой смелых, бесстрашных бойцов за Родину и стали грозной для гитлеровских захватчиков".

Поездка к однополчанам

В 1963 году мы с женой предприняли поездку по Средней Азии, такое турне: Алма-Ата – Ташкент – Табошары /Таджикия/ – Самарканд – Акташ – Актюбинск – Оренбург. Встречались с друзьями, товарищами и однополчанами по 152му арtpолку. В Оренбурге встретились с бывшим майором взвода управления, Шмариным Г.М. В Актюбинске жил Герой Советского Союза командир орудия Михаил Прохоров, в других местах наши соученики с Таней по Исовскому техникуму:

Юлия Фролова /Струнина/, наш преподаватель по геофизике Леонид Богданчиков, Маша Кравченко и другие.

Вот когда были у Худоярова в Акташе, то встретили гостеприимную многонациональную семью Хасана. Только перечисление национальностей говорит о многом. Узбеки, башкиры, дагестанцы, немцы, украинцы, и другие, которые мы уже позабыли. Да тогда в Советском Союзе жили миролюбивые и в дружбе как все народы. Не упрек настоящему: рознь, вражда, конфликты...

Во время поездок я записывал воспоминания моих боевых друзей, которые вошли в мои книги. Хасан Худояров прислал тогда газету на узбекском языке, и я долго не мог его перевести. Только когда один

товарищ из Средней Азии перевел эту статью А. Худобердиева и И. Рахметова. Вот она. 1984 год.

Гвардии старший сержант

Утреннюю зарю враг не нарушил. Бойцы целый день занимались своими делами. На фронте тишина долго не длится. В такие времена обе стороны готовятся к ожесточенным боям. Этого, конечно, понятно только бойцам, участвовавшим в войне.

Сын узбека. Хасана ака Худояров служил в том полку, который готовился к следующему бою за мост. Окопы и траншеи были готовы. Боеприпасы ждут своего часа. Бойцам, казалось, что в этот день солнце на белорусском небе долго держалось над головой. Солдаты целый день ждали врага как всегда осмотрительно.

Опускался черный ночной занавес. Все догадывались, что фрицы готовятся к предстоящему бою. Им надо вырваться из окружения, а на их пути этот только мост.

- Твои хитрости не пройдут, гад, – сказал храбрец рядовой солдат свердловчанин по имени Виталий, русский джигит. Ну, гад, подходи, покажись в свой рост, и получишь свою долю.

Слова сказанные Виталием со злостью к врагу и верой в нашу победу, у солдат появилась вера в победу, и зашевелилась смелость. Враг начал показываться. Шинели лягушачьего света подходили ближе и ближе.

Хасан ака как командир взвода еще думал о том, что как сделать, чтобы сослуживцы остались целыми и невредимыми до победы, до хороших дней. (Здесь надо напомнить, что под командованием Худоярова были только два орудия. (прим. Автора).

- В этот день стрельба не прекращалась целый день, – говорит Хасан ака, долго думая, допивая остывший в пияле чай. Утром начался тяжелый бой, фашисты атаквали без конца, сначала пехота, а после танки, их численность была больше.

Но джигиты нашего полка сражались как герои, выстояли и даже отбросили врага назад. Но это был последним боем. Бомбили вражеские самолеты. В этом бою за тот мост, что был рядом с городом Минском, я был ранен в ногу. Но у нас настроение было хорошее, потому что мы выстояли, сохранили мост и еще гнали врага дальше.

Хасан ака служил в корпусе кавалерии Кубанских казаков гвардейском 152 арtpолку. После 1943 года он был переименован в противотанковую, механизированную, артиллерийскую часть.

Он начал служить рядовым солдатом и дошел до старшего сержанта по службе. На фронте он был принят в ряды КПСС. Хасан ака участвовал

в боях за города, как Минск, Одесса, Ростов на Дону, Прага, Будапешт, Бухарест, Варшава. За бои был награжден орденом "Отечественной войны" 1 степени, медалью "За отвагу" и другими орденами и медалями. Кроме того, у него знак Гвардейца.

После войны он, как и все сослуживцы, участвовал в восстановлении и предприятий, мирно трудился.

Он в данное время работает в районном тресте "Облколхозстрой" механизированной передвижной строительной колонне, вот уже несколько лет. Гвардейскому солдату Х. Худоярову уже 64 года, но никто не даст ему столько лет, потому и он, хотя и на пенсии, продолжает работать вместе с молодыми парнями. Себя он показывает в общественных делах города, он считается председателем махаллинского совета имени Гагарина. Хасан ака гордится, что он боец-гвардеец.

В данное время он переписывается с фронтовиками тогдашнего времени с начальником штаба полка, проживающий в данное время в городе Ставрополе с Борисом Семеновичем Духовным и богатырем Виталием Васильевичем Смирновым, проживающем в городе Качканаре Свердловской области.

В гостях фронтовик-освободитель

Недавно доцент кафедры сельскохозяйственных машин тов. Степан Саакян был приглашен в г. Раздельная для участия в торжествах, посвященных 35-летию освобождения Раздельнянского района и города от фашистской оккупации. В многотиражной газете "Вперед", органа Раздельнянского райкома компартии Украины, с фотоиллюстрациями опубликованы статьи о радостных встречах общественности города с отважными фронтовиками-освободителями.

О суровых фронтовых днях при освобождении города Раздельная в своих воспоминаниях т. Саакян рассказал: "Первая гвардейская конно-механизированная группа войск генерала И.А. Плиева, в состав которого входил наш полк, во взаимодействии с 8-ой гвардейской армией генерала В.И. Чуйкова внезапным ударом, углублялась во вражеский оперативный тыл, неожиданно для противника, захватила город Новый-Буг и начала развивать дерзкие рейдовые операции в тылу врага.

Наши части, действуя в фашистском тылу, повсюду сковали крупные силы противника, не давая им опомниться. Мы настолько энергично преследовали противника, что он не сумел закрепиться для обороны ни на одном из промежуточных рубежей.

Город и крупный железнодорожный узел Раздельная явились самым важным стратегическим пунктом для гитлеровцев, а для нас самым важным ключом для освобождения Одессы.

Наступательные рейдовые действия Красной Армии в тылу врага очень затруднялись распутицей. То шли проливные дожди, то выпадал снег. Поля и дороги раскисли, реки и лиманы, которые часто встречались, вышли из берегов. Наши части, преодолевая все трудности рейдовыми маневрами, стремительно двигались вперед, нанося противнику удар за ударом.

3-го апреля 1944 г. выпал обильный мокрый снег, покрывая белым одеялом поля и застывших людей. Сутками неспавшие, насквозь промокшие, по колено в грязи люди спали на ходу не в силах толкать машины, кавалеристы дремали, головой наклонившись на гривы лошадей. Казалось, больше невозможно было трогать с места людей.

Поступил приказ командующего: "Всем ударным частям приложить все усилия до рассвета достичь окраины Раздельной. Не курить! Не стрелять!".

4-го апреля к рассвету вышли на окраину железнодорожной станции. Первый дом, куда мы ворвались, был полон спящими и только что проснувшимися немцами. Им и в голову не могла прийти возможность нашего появления. С вытаращенными от страха глазами они поднимали руки, не оказывая какого-либо сопротивления.

В воздухе искрилась ракета – сигнал о начале штурма железнодорожной станции и города, ударила наша артиллерия. Тяжелый

грохот катился по тишине утренней степи, колыхали разрывы, забилося пламя пожаров. Загремели пулеметные и автоматные очереди, образуя разноцветные строчки пулевых трасс.

За танками, под канонадой артиллерии, с обнаженными саблями к станции рвались казачьи кавалеристские эскадроны.

Возле одного дома из-за ограды со двора, по нашей наступающей группе открыли интенсивный огонь. Рядом со мной пали товарищи. Находясь на более благоприятном месте, напрягая все силы, огромным прыжком и перебежкой моментально очутился в кювете, идущем вдоль ограды. Без передышки пробежав по кювету во двор бросил одну за другой несколько гранат. Стрельба со двора в один миг утихла. К этому времени наши успели преодолеть ограду. Скопившиеся там немцы уже не могли оказать нам существенное сопротивление.

Ожесточенные бои на улицах и во дворах, как в центре, так и на окраине шли весь день. Лишь к вечеру сопротивление врага было сломлено.

Все линии железных дорог были забиты эшелонами с танками, орудиями, автомашинами, боеприпасами и другим имуществом. Ко многим из них были присоединены поезда, готовые к отправке. Один эшелон с танками, к которому был присоединен бронепоезд, тронулся и попытался уйти, но метким огнем наших танкистов и артиллеристов был подбит.

Кроме загруженных эшелонов, на железнодорожном вокзале и в городе мы захватили много складов с продовольствием, горючесмазочными материалами, боеприпасами и т.д., которые немцы не успели взорвать.

После взятия Раздельной без остановки мы круто повернули на юг, на Одессу...

Враг не смирился с потерей Раздельной, он предпринял отчаянные попытки вернуть ее. Движущиеся вслед за нами Советские части окончательно добивали врага.

5-го апреля столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам, освободившим город Раздельная, а нашему 152-му гвардейскому противотанковому истребительскому, дважды краснознаменному, орденов Кутузова и Суворова артиллеристскому полку, особо отличившемуся в этих суровых сражениях, было присвоено звание Раздельнянский.

Письмо ученицы Киевской школы ученикам

Пионерам -ученикам 4 В класса Беляевской средней школы № 1. Здравствуйте, дорогие ребята! Пишет вам пионерка-ученица 4 Г класса Киевской средней школы №175 , внучка ветерана Великой Отечественной войны, участника освобождения вашего города, от немецко-фашистских захватчиков, Махинько Антона Ивановича, с которым вы встречались в своем классе в апреле 1984 года. Рассказывая вам о своих боевых походах, в те тяжелые для нашей Родины времена, мой дедушка говорил вам, что он все эти свои боевые пути прошел с моей мамой, хотя ей тогда было одиннадцать месяцев, и обещал выслать свои стихи о том, как это было и воспоминания о боевых эпизодах

Однако по возвращении домой дедушка сильно заболел. Болеет еще и сейчас и очень просит вас извинить его за то, что он не выполнил своего обещания в срок. Это за него выполняю я. Меня зовут Вита. Вместе с дедушкой я тоже была в вашем городе, но заболела и прийти на встречу не смогла. Я бы вам сама прочитала это стихотворение. Стихов и рассказов о войне дедушка пишет много, и я люблю их читать. И вообще я люблю слушать об этом дедушкины рассказы и почти все, что он прошел в этой войне, знаю.

Мой дедушка начал свой боевой путь с самых первых дней войны и освобождение вашего города- одна из страниц его боевого пути. Осенью 1941 года он защищал Севастополь и был ранен. Весной 1942 года был ранен и контужен на Керченском плацдарме. Это было при обороне Крыма. Затем в составе 4-КККК участвовал в обороне станицы Кущевской, Краснодарского края и города Туапсе. В составе этого же корпуса воевал в тылах врага в Ставропольском крае. Один из его боевых эпизодов описан в книге Л.Русина «Казачья гвардия» (глава четвертая, статья «Новкус-Артезиан»). После боев в Ставропольском крае он участвовал в освобождении Ростова на Дону и Батайска (в начале 1943 года.). Под Батайском был ранен, но в госпиталь не уходил. Затем Перекопа 1943 года, города Раздельная, вашего города Беляевка и Одессы 1944 года. После освобождения Одессы, в составе этого же корпуса воевал за освобождение Белоруссии. В Белоруссии был тяжело ранен и после лечения уже не воевал.

Выше я сказала, что дедушка был на фронтах Отечественной войны вместе с моей мамой, хотя ей было всего 11 месяцев. Не в прямом смысле, конечно, а с ее фотографией. Когда моего дедушку забрали в армию, мамы еще не было на свете, а когда ей было 11 Месяцев, моя бабушка выслала ему фотографию. Дедушка заложил фотографию под щечки своего пистолета и она была всегда с ним. И когда дедушке

приходилось бить врага, и моя мама его тоже била. А бить врага за всю войну ему приходилось не один раз.

А самый яркий боевой эпизод, из всех рассказанных мне бабушкой, мне очень запомнился тот, в котором говорится, с какими извергами приходилось воевать нашим бабушкам и дедушкам и за что их бить.

Это было летом 1943 года. Когда бои шли уже за освобождение украинских городов и сел, нашим воинам, в том числе и дедушке, удалось внезапно освободить одно село в тылу врага, которое долгое время находилось под гитлеровской оккупацией. Перед глазами дедушки открылись невероятные картины, сами жители этого села, вооруженные кто чем, кто лопатой, кто ухватом, кто вилами ловили убежавших гитлеровцев и кого из них брали в плен, а на ком не оставляли ни одного и волоска на голове. Так они поступили там с гитлеровцем, который был в этом селе военным комендантом, на счету которого не один замученный житель. В том числе дети их мамы и бабушки. Потом они рассказывали моему дедушке, как этот фашистский изверг издевался над одной девочкой, а ее дедушки и бабушки, угрожая оружием, приказывал садиться рядом и смотреть на все это. Я считаю, что за это с этим фашистом нельзя было поступить иначе. Потому что, сколько бед нанесли они нашему советскому народу за время войны. Этот эпизод и побудил дедушку написать стихотворение, которое он и обещал вам выслать. Это стихотворение он назвал «Минута передышки»

*Была солдату передышка
Чуть-чуть, как будь то, бой притих
Он взял портрет своей малышки
И глядя в очи ей...*

Затих.

*Она все пристальной с портрета
Смотрела молча на отца
И где то там в истоках света
Мечтою слились их сердца.*

*Мое невинное созданье...
Где бродишь ты, жива ль сейчас?..
За что ты терпишь наказание-
Такой суровый, грозный час?...*

*А как мечту я ту лелеял!..
Вот так счастливо став отцом,*

Брожу с тобою по аллеям-
Среди садов среди цветов...
Средь песен птиц...-все трели, трели

И нет всех краше для меня
Того ростка, что я елею...
Что прорастает из меня,
С которым я иду аллеей,
Так бережно его храня.

А ты, обняв меня так нежно,
Играя с солнышком, искришь!...
Порой, как будь то бы, небрежно:
«Папа! Папа!- мне говоришь-
Играй со мной...
Играй, лесядка!...
Я побежал Ги-ги, ги-ги!...
А ты кричишь:
-Не-не, лесядка!
Беги,
Беги,
Беги!...

И я скачу, а ты хохочешь,
Все радостней, все веселей!...
Иной и жизни ты не хочешь-
Как мак цветешь среди полей.

Как мак цветешь...
Но вот...
Тревога.
По воле случилось это чьей?!
Какого дьявола иль бога
Такая нам с тобой дорога
И слезы льются, как ручей?

Они мне падают на сердце
И пуце вражеских мечей,
И жгут, и режут!...
О, младенцы!...
Я отыщу их - палачей!
Я запущу их злое сердце
Все нам посеянные смерти,

Их сотни газовых печей
Всю ненависть израненного сердца
И тысячу из тысячи мечей!

Я не умру. Убьет, я снова встану,
И буду жить
Наперекор врагам!
Сквозь тьму пройду, а солнца шар достану
И Миру Мир навечно передам.

Ну, а умру, убьет меня шальная,
Пробив мне сердце и на вылет грудь,
Ты не забудь, победу отмечая,
Позвать тихонько: Папа! Не забудь.
Пусть я не буду за столом с тобою,
Коль мне вернуться к дому не пришлось
Я встану там, как страж на поле боя
Чтоб жить борясь, храня тебя от боли
И смерть встречать тебе не довелось.
Откликнусь, знай, я стоном всей планеты
И вздрогнет в страхе, жаждущий крови
Живите вы, живите в мире, дети!
Но ты меня не забывай, зови.

Зови, когда тревожат боли,
Зови, когда и счастье пополам...
Я все ненастья поделю с тобою,
А счастье все я для тебя отдам.

А если стол ты праздничный накроешь
И, взяв бокал, подымешь за друзей,
Налей бокал и мой по верхний пояс...
Я подыму его, со смертью даже спорясь,
А только ты ... От сердца мне налей.

Еще одно стихотворение, которое я посылаю, дедушка посвятил встрече с Одессой. До войны он учился в институте в этом городе. А в 1944 ему пришлось его освободить, как свой родной город. Стихотворение он назвал «Любимая»

Одесса, здравствуй.
Здравствуй, дорогая!
Ты не забыла? Слышишь, это я ! .

А помнишь ночь, когда отряд встречали
Ты встала в ранах, боли не тая.
Сквозь боль тогда ко мне ты улыбнулась,
А я...

Слезу лишь отмахнул рукой.
Скалой стояла! Нет, не изогнулась
Под той звериной черною пятой.

Я не забыл твоих тех дней суровых-
Кровавый след фашистских палачей!
Зубами грыз их цепи и оковы,
Огонь глотал, чтобы с тобою снова
Видеть свет грядущего лучей.

А помнишь ты, когда с тобой прощаясь,
Я крикнул громко: «Жди меня, вернусь»!
Когда за все с фашистом рассчитаюсь
И уничтожу въедливую гнус.

Вот и вернулся. Здравствуй, дорогая!
Теперь узнала? Ну так обними!
Я шел сквозь бури, грозы, ураганы!...
Но сохранил тепло твоей любви.

Так разреши мне взять тебя в объятия
И поседеть с тобой у берегов.
Здесь крепким сном уснули мои братья,
Не опустив пред смертью голов.

Припомним дни когда, буран таранив
Ты меч держала в пламени огня!
Когда все цепи с ног своих срывала
И шла в неравный, палачей грома.

И были дни!... Взломала ты оковы!
Вставала там, где и стоять нельзя,
Так не за то ли, чтобы здесь же снова
Не умирали наши сыновья?

Привстанем здесь. С друзьями станем рядом
Я с ними был тогда не разлучим.

*Ты не буди их, пусть поспят отряды,
А мы над ними просто помолчим.*

Вот и все то, что дедушка обещал выслать. Пишите, понравились ли вам эти стихотворения? И вообще давайте переписываться со мной и моим классом. Если вам интересно, как я учусь? Учусь я на пять. Каждый учебный год я заканчиваю с похвальным листом. В этом году я закончила четвертый класс и перешла в пятый. Какие успехи у вас? Как вы проводите летние каникулы? Если вы захотите написать моему дедушке, пишите, он будет очень рад ответить на все ваши вопросы

Пишите, жду.

До свидания Вита Махинько.

14 июня 1984 года

ВETERАНЫ КАЧКАНАРА

ВETERАНЫ КАЧКАНАРА

Прядильщиков Александр Александрович

Родился 9 сентября 1923 года в пос. Косья Исовского района. Призван в армию Исовским РВК в августе 1942 г., служил до февраля 1947 г. Воинское звание – ст. сержант. Минометчик.

Участие в войне:

Свердловское пехотное училище август-октябрь 1942 г. – 35 стрелковая дивизия, 100 стрелковый полк – командир отделения 82мм миномета, октябрь-март 1945 г. – 8 гв. армия.

Севернее Сталинграда – Юго-Западный фронт 04.02.194_ г., Третий Украинский фронт – декабрь 1943 г., 1-й Белорусский фронт 20.10.1944 г. Новочеркасск – Кривой Рог – Одесса – река Висла – Люблин, Познань – река Одер и германские города.

Из благодарностей И.В. Сталина:

№344: в Померании и к крупным морским портам Штеттин и за форсирование Восточного и Западного Одера;

№350: Эггезин, Торгелов, Пазевальд, Штразбург, Темплин и важными опорными пунктами в западной Померании;

№351: Анклан, Фриндиан и Нойбранденбург – важными узлами дорог на территории провинции Мекленбург;

№352: Гранфсвальд, Трептов и Фюрстенбург;

№354: Ипиральзунд – важным узлом дорог и мощным опорным пунктом обороны немцев в провинции Мекленбург.

Имеет ранения 28.10.1943 г. – осколочное, два легких ранения 28.03.1943 г. и 19.03.1945 г.

Награжден орденами “Красная звезда”, “Славы” 3 степени и медалями “За отвагу” и “За боевые заслуги” и юбилейными.

Мы часто с ним вели беседы и вспоминали о днях минувших. Многое позабылось, ибо я еще не думал писать воспоминания. Вот пришлось к Лиде, его жене, обращаться за помощью. Она мне передала благодарности Сталина и статью Н. Мелехина “Гвардии сержант”.

... 19 ноября 1942 г. началось наступление Красной армии под Сталинградом. Наш земляк А. Прядильщиков участвовал в тех незабываемых и решающих боях.

- Под Сталинградом и получил первую награду – медаль “За боевые заслуги”, – вспоминает Александр Александрович. – Там же впервые был легко ранен. Семь дней не хватило Александру для окончания техникума. Доучиваться пришлось позже. Повестка военкомата призвала на войну. Направили в Свердловское пехотное училище, но офицером курсант Прядильщиков не стал, уйдя добровольно на фронт.

- Попал я, – рассказывает ветеран, в 35-ю стрелковую дивизию командиром отделения 82 мм минометов, а эта дивизия входила в состав 62-й армии, позже переименованной в 8-ю гвардейскую, которой командовал Василий Иванович Чуйков.

Сталинградская битва. О ней много рассказано, однако рассказ очевидца ценен и сейчас. Многочисленные воинские подразделения сражались не только на улицах города, но и за его пределами. Вокруг армии Паулюса сомкнулось огромное кольцо. Бойцы поднимались в атаку под возгласы командиров и политруков: “За Родину! За Сталина! Вперед, славяне!” Бывало ротами и батальонами ходили в разведку боем, из которой возвращались единицы, случалось, за день отбивали по несколько вражеских атак. Погибали десятками и сотнями. Это был массовый героизм.

Никто не задумывался об истинной роли товарища Сталина. Бойцы и офицеры истинно верили, что Тухачевский и его соратники расстреляны за предательство; что советское правительство не догадывалось об истинных намерениях Гитлера, поэтому война началась так неожиданно; что приказ №277 /введение заградотрядов/ нужен.

Минометчик Прядильщиков воевал храбро. Нередко корректировал огонь батареи, находясь на самых опасных участках боя. Навсегда запомнил Калач, Константиновку, Дебальцево, Горловку, Ровеньки, Синельниково. В составе 3-го Украинского от Сталинграда дошел до румынской границы, а после попал на 1-й Белорусский фронт. Освобождал Брянск, Барановичи, Люблин, Радом, Лодзь, Познань. “Славный час настал, мы пошли вперед”, – говорится в известной песне. Александр Александрович форсировал Днепр, Днестр, Вислу, за что получил ордена “Красной Звезды”, “Славы” 3-ей степени, медаль “За отвагу”. Награды омыты кровью: во время войны Прядильщиков был трижды ранен, в последний раз – тяжело. Осколок от снаряда носил в челюсти три десятилетия. Лишь в 1972 году этот военный подарок вырезал качканарский хирург. В рот между зубами еле проходила чайная ложка.

Александр Александрович честно прошел по дорогам войны, добросовестно трудился в мирное время, был геолог-разведчиком, старшим геологом Западного карьера.

Годы стирают память о многих событиях, но битву за город на Волге А. Прядильщиков никогда не забудет. Он был под Сталинградом, воевал за Родину, за будущее.

Газета “Качканарский рабочий”

“... Часто приходилось быть на наблюдательном пункте (“НП”). С командиром вычисляли, намечали ориентиры, репера, которые были пристреляны. Когда немцы шли в атаку, мы открывали огонь по наступающим, по прострелянным реперам. Я передавал по телефону. Бывало командиров не оказывалось на месте, вел стрельбу сам.

В одном селе мы держали оборону. Но нас крепко "жиманул" фашист. Пришлось схватывать приборы и деру". Как бежал, как отрывался, он мне рассказывал, но я не записал, поэтому не буду об этом.

После войны приехал на Косью – работал забойщиком. Потом учеба в Алапаевском техникуме, Качканарская геолого-разведочная экспедиция декабрь 1948 г. – октябрь 1953 г., Тагильская экспедиция октябрь 1953 г. – май 1988 г. Вышел на пенсию.

Барышников Аркадий Павлович

Родился 18 февраля 1923 г. в Удмуртской АССР, Пудельском районе, село Елово.

Призван в армию в декабре 1941 г.

Участие в боях:

Декабрь 1941 г. – март 1942 г. Первое Омское пехотное училище; 282 стрелковая дивизия 3-й отдельный пулеметный батальон по май 1942 г.;

Госпиталь 1327 май – июнь 1942 г. – пулевое ранение в руку;

Северо-Западный фронт: Старая Русса – Псков – охрана Москвы;

Лебедочный моторист-аэростатчик – 119 полк;

Август – ноябрь 1944 г. 872-й стрелковый полк.

Демобилизовали в 1942 г, снова призывали и снова демобилизовали в 1944 г.

Помнятся бои под Старой Руссой около фанерного завода, шли тяжелые ожесточенные бои. Завод находился на высоте. В этих боях погибло много людей. Только шесть раз Старая Русса переходила из рук в руки. Мы как пулеметчики находились на флангах и поддерживали огнем пехоту.

Это как раз тот Демьянский выступ, который немцы ни за что не хотели сдавать, который они считали плацдармом наступления на Москву. Хотя и Советские войска несколько разрывали выступ, немцы предпринимали новые контрнаступления и его восстанавливали. Только в 1944 г. Старая Русса была освобождена.

После второго призыва в армию находился на обороне г. Москвы. Был в аэростатных войсках лебедчиком. Ночью поднимали аэростаты, и немецкие самолеты часто попадали в эту ловушку. Погибло три или четыре самолета на наших аэростатах, особенно на канатах.

После демобилизации приехал на родину в Омскую область, работал на железной дороге паровозным кочегаром, машинистом в депо Ишим. В 1963 г. приехал в Качканар машинистом тепловоза и электровоза. На пенсию вышел в 1978 г.

Перминов Вячеслав Иванович

Родился 24 ноября 1923 г. в Кировской области, Свячинском районе, деревне Шлыки.

Призван в армию в марте 1942 г, демобилизовали в марте 1943 г. по ранению. Военная специальность – бронейщик-рядовой ПТР.

Воевал под Тулой с марта 1942 г. по 30 апреля 1942 г. г. Белев – Брянский фронт, Ржев – под Погорелым городищем пошли в наступление, где получил 10 августа 1942 г. тяжелое черепно-проникающее осколочное ранение с осложнением: абсцессом мозга и параличом.

Награжден орденом "Красной звезды", "Отечественной войны" 1-й степени и юбилейными медалями

Он вспоминает: "Мы шли с боя под Тулой. Следом за нами двигались мальчишка и девчонка, которые оказались немецкими лазутчиками. Они передавали сведения о трассе войск. Мы только уходим оттуда, налетают немецкие самолеты и начинают бомбить это место.

После они все же были разоблачены.

Особенно мне запомнилась бомбежка под Белевом, что под Орлом. Там мы попали в окружение. Налетели немецкие самолеты и страшно бомбили наши части. Земля ходила от бомбежек ходуном, все заволкло дымом и всюду шуршали осколки. Сколько наших погибло. Ужас! Я вышел из этой заварухи, но она осталась в памяти на всю жизнь. И сейчас я просыпаюсь, когда мне снится эта ужасная бомбежка".

После войны приехал на Ис и работал в клубе Артема до 1968 г. После в Качканаре в кинотеатре "Юность", 1980 г. – на обогатительной фабрике КГОК художником до сентября 1979 г., когда вышел на пенсию.

Соколов Борис Петрович

Родился 24 июля 1922 г. в Татарской АССР, г. Мамадыш.

В армии с июня 1941 г. по июль 1955 г.

Призван Мамадышским РВК.

Участвовал в боях:

С октября 1941 г. – оборона г. Москвы;

Февраль 1942 г. – май 1943 г. Московская зона обороны;

Май 1943 г. – март 1944 г. Орловско-Курская дуга, Центральный фронт, Первый Белорусский;

Март 1944 г. – февраль 1945 г. курсант Военно-Политического училища г. Горький;

Службы в Советских оккупационных войсках в Германии апрель 1945 г. – март 1950 г.

Прошел с боями г. Москва – Курская – Поныри – Гомельская область – г. Речица.

Награжден орденом “Красной звезды”, медалями “За отвагу”, “За оборону Москвы”, “За победу над Германией” и юбилейными.

Получил легкое осколочное ранение ягодицы в декабре 1941 г. Контузия в августе 1943 г.

“Это было под ст. Поныри. Пошли на передний край – был я командиром отделения радиобатареи. Шли ночью, утром чуть стало светать, мы заблудились и нарвались на немецкие окопы. Наскочили на навешанные банки от консервов. Командир взвода был ранен, мы со старшим радистом его вытянули и тащили до своих позиций. Так спасли жизнь командиру, который после был отправлен в госпиталь”.

Конечно, много можно вспомнить боевых эпизодов из военной жизни. Многие моменты были описаны в “Уральском рабочем” в августе 1988 г. в честь 40-летия победы на Орловско-Курской дуге.

После войны работал инструктором райкома партии г. Мамадыш, директором маслозавода – школа МВО, г. Серов – зав. Консультационного пункта торгового техникума, в 1961 г. прибыл в Качканар, был начальником отдела кадров ОРСа, СУ-7. Ушел на пенсию из КЗРГО в 1982 г.

Рогулькин Александр Иванович

Родился 1 июля 1926 г. в Ульяновской области, Сурском районе, с. Кувай.

Призван в армию Астрадомовским РВК Ульяновской области в декабре 1923 г., прослужил до апреля 1960 г.

Участвовал в боях:

Январь 1945 г. – май 1945 г. Венгрия, Третий Украинский фронт – озеро Балатон – г. Папа;

Река Раба – г. Вена в 9 гвардейской армии стрелком до 29 апреля 1945 г.

7 апреля 1945 г. был ранен в Австрии, осколочное ранение в руку. Лечился в госпитале в г. Бадене.

Награжден медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”, “За взятие Вены”, “За победу над Германией” и юбилейными.

“Особенно запомнилось форсирование реки Рабы на подсобных плотках, сделанных самими, а первые роты переплыли реку вплавь. А было это в конце марта 1945 г. Погода была прохладная. Немец огрызнулся.

Нам приходилось его выбивать из опорных пунктов, особенно на подступах к столице Австрии.

Пришлось много пострелять”.

После армейской службы работал в школьных учреждениях г. Нижнего Тагила до 1964 г, после работал на Валериановске в школе с 1964 г. по 1969 г.

В 1969 г. уезжал в Жигулевск, в 1970 г снова в г. Качканаре был директором школы №5. на пенсию вышел в 1985 г.

Карамеев Василий Петрович

Родился 25 мая 1926 г. в Горьковской области, с. Драницино.

Призван в армию Заветлужским РВК в ноябре 1943 г.

Служил в армии:

ДВК п/п 1121 152 мм до февраля 1944 г, артиллерист;

Март 1944 г. – 203 мм – Первый Белорусский фронт 8 гвардейская армия, связист, Первый дивизион. Прошел р. Висла – Люблин – Варшава – Познань – Берлин;

В 1121 пушечном артиллерийском полку, 184 гаубичной бригаде с февраля 1944 г. по декабрь 1946 г.

Награжден медалями: “За отвагу”, “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина”, “За победу над Германией”.

“Около Варшавы находилась “Цитадель”. Авиация не могла разбить укрепления, тогда несколько наших батарей 203 мм начали бить по одной цели с закрытых огневых позиций. Через НП – наблюдательный пункт, где находился командир, по телефону передавали данные командира разведки на батарею. Цитадель была разрушена.

Помню, мы ехали по дороге, вдруг невдалеке засветилась ракета. Мы не обращали на это внимания. Но когда начали взрываться снаряды на трассе, мы стали укрываться от огня, переживая момент обстрела. Невдалеке стояли два домика. Одни бросились в один домик. Мой командир побежал в другой, скомандовав: “Карамеев, за мной!” Но я только спрятался около первого домика. Но думаю: “Убьет, так всех на месте”. И не побежал за ним.

Тут один снаряд разорвался во втором домик, и убило командира. Случайность спасла мне жизнь”.

Жуков Федор Иванович

Родился 10 июля 1913 г. в Горьковской области, Гачинском районе.

Призван в армию Уинским РВК Пермской области.

Служил с июля 1941 г. по июль 1942 г.

Воевал в 547 стрелковом полку стрелком. Брянский фронт до марта 1942 г. С боями прошел от г. Тулы через Брянск – Смоленск.

Получил 16 марта пулевое и осколочное ранение в левую руку и контузию под г. Брянском.

Демобилизовали. Я уехал в поселок Лепу трактористом, работал в совхозе, МТС. Там же и вышел на пенсию в апреле 1984 г. с Чебаркульского металлического завода.

Волков Валентин Николаевич

Родился 17 ноября 1926 г. в Горьковской области, Тоншаевском районе, д. Золотавское.

Призван в армию в ноябре 1943 г. Рядовой пехоты, затем артиллерист.

Служба в армии:

99 ЗАП Навашинские лагеря – ноябрь – декабрь 1943 г.;

1-й запасной стрелковый полк декабрь – 1943 г. – март 1944 г. г. Красноармейск;

3-й Прибалтийский фронт 161 гвардейская стрелковая дивизия – Чудское озеро – Госпиталь – 9 учебный проезд;

Артиллерийский полк – декабрь 1944 г. – июнь 1945 г.

В боях получил контузию 16 июля 1944 г., переломы в декабре 1944 г.

“Приехали на фронт снайперами, но винтовок не было, послали на обслуживание 76 мм пушек. Таскали снаряды и все необходимое. В один из обстрелов немецкой артиллерии меня контузило. Переломало правую руку и ключицу. Удар в грудь. Она долго болела. Отправили домой”.

Демобилизовался в декабре 1945 г. Приехал в колхоз Горьковской области, работал в леспромхозе до 1964 г. Потом уехал в Качканар, работал в ГОКе: на аглофабрике – машинистом охладителя, на Западном карьере. Оттуда ушел на пенсию в 1983 г.

Карлиханов Данил Назарович

Родился 23 декабря 1924 г. в Башкирии, с. Карлыханово.

Призван в армию Белокатайским РВК.

Служил в армии с марта 1944 г. по ноябрь 1950 г.:

Сперва 5 полк аэростатной заграды с марта по декабрь 1944 г.;

Потом 11 отдельный дивизион аэростатного заграждения с декабря по июнь 1945 г.;

28 ВНОС телефонистом с июля 1945 г. по октябрь 1946 г.;

76 зенитный прожекторный полк июнь – ноябрь 1946 г.

Все время стояли на защите с воздуха города Баку.

“Был случай: в лебедке получился разрыв стопы. Невозможно было развернуть, получился выброс газа, получился подъем. Там были люди, но они не удержали стопу. При этом погибло 8 человек. Командир отделения пытался приостановить разрыв, но ничего не вышло”.

Демобилизовался в ноябре 1950 г. Сперва работал в Башкирии в колхозе, потом в Челябинской области по снабжению на железной дороге. На пенсию вышел в 1986 г. В Качканар приехал к дочери в 1989 году, работал в медсанчасти.

Тимошенко Петр Дмитриевич

Родился 17 августа 1926 года в Сумской области, г. Шостка, село Сабичево.

Призван в армию в октябре 1943 г. Воевал на 2 Белорусском фронте, 369 стрелковой дивизии, 236 отдельной противотанковой дивизии.

Места боев:

Река Проня – Могилев – Минск – Гродно, 49 армия с апреля 1945 г.;

50 армия 369 стрелковая дивизия Гродно – Кенигсберг – Сопот – Данциг – река Одер севернее Берлина.

Осколочное ранение в руку 2 апреля 1945 г.

Памятный эпизод из военной жизни:

“В результате наступления в Польше, в районе Померании, наша часть вышла на берег Балтийского моря. Здесь нас немец здорово прижал и окружил, мы отбивали его контратаки. Пришлось запросить по радиации помощь и доложить, что находимся на берегу Балтийского моря. Нам не поверили, говорят: “Принесите бутылку морской воды”.

Это были те бои, когда шло наступление на Берлин, и Первый Белорусский вышел на реку Одер, что в 80 километрах от столицы Германии. И немцы со стороны Померании контратаковали наступающие на Берлин части, стараясь помочь обороняющимся на Берлинском направлении. В марте завязались ожесточенные бои в Померании, в районе г. Данцига и в Восточной Пруссии. В результате нашего наступления на север Германии войска немецкие были оторваны от основных сил”.

Выход наших частей к Балтийскому морю разорвал фронт, и немецкие войска оказались прижаты и изолированы в Восточной Пруссии.

Шли ожесточенные бои. Вскоре подошла помощь пехоты и танковые части.

Нас направили с боями на восток к Балтийскому морю, мы шли, сжимая кольцо окружения. Нами были заняты города на побережье Сопот и Данциг. Шел разгром немецких войск в Восточной Пруссии и взятие г. Кенигсберга.

Был я рядовым артиллеристом. В августе 1945 г. был демобилизован.

Приехал в поселок Сигнальный, где в 1986 г. вышел на пенсию.

Крысов Иван Иванович

Родился 1 марта 1926 г. в Кировской области, Оричевском районе, деревне Крысовы.

Призван в армию в ноябре 1943 г. Старший сержант, артиллерист 152 мм пушки.

Прошел с боями, начиная от запасного 14 артиллерийского полка. В июне 1944 г. Второй Белорусский фронт – 321 артполк, 2 ударная армия – р. Нарва – г. Найденбург – Оленштейн – Эльбинг, Восточная Пруссия. 26 января 1945 г. под городом Эльбинг получил тяжелое ранение в грудь и осколочное ранение, получил контузию. Польша, Зольдау – Могилев эвакогоспиталь №4843. – Запасной полк, Белорусский военный округ и демобилизовался в январе 1948 г.

“Бомбардировка немецких самолетов под Эльбингом, пришлось испытать тяжелое положение. Наш полк гаубичный 152 мм двигался в направлении г. Кенигсберга. Вот налетели фашистские самолеты, начали бомбить и пикировать на наши войска.

Что было. Стало темно от взрывов, все затянуло дымом, и только взрыв и сверканье разрыва бомб на несколько секунд освещало нас. Земля колыхалась от взрывов. Нас вроде птенчиков поднимало над землей. Стало не видно ни наших тягачей, ни гаубиц. Все покрыто туманов от взрывов бомб. И здесь я был ранен.

Эта бомбежка на всю жизнь оставила память о тех мгновениях, о том, как были напряжены наши нервы. Хоть и покалеченый, но я остался в живых.

После демобилизации я работал на Ису в формировочном цехе формировщиков. А 1958 г. в Качканаре в СУ-2 на базе механизации, с 1966 – г. автотракторном цехе кГОКа. С 1981 г. на пенсии”.

Братчиков Константин Георгиевич

Родился 18 августа 1918 г. в г. Кушва Свердловской области.

Призван в Красную армию в январе 1943 г.

Воевал в городах Гумбиник – Вильнюс – Куанас – Трейшалаву – Партеништейн – Пилау – Кенигсберг.

135 отдельный механизированный батальон выполнял обязанности подчистки тылов фронта от разрозненных групп. В его распоряжении были автомашины, стрелковое вооружение, автоматы, минометы, пулеметы. В батальоне он служил сержантом, командовал отделением.

“После, когда узнали, что я на гражданке был механик, назначили механиком. На выявленные группы немцев наш батальон посылали, на уничтожение их.

Что особенно запомнилось, так это получение мною ранения 22 апреля 1945 г. Откуда ни возьмись, в наше расположение попала немецкая мина. Мы ее даже не услышали. Взорвалась невдалеке от нас. Один осколок пробил мне нижнюю часть щеки и задел челюсть. Другие осколки, почти не задев ноги, порвали сапог, разрезав его, словно ножом. Пострадали мы двое. Второй товарищ был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. Мне не хотелось уходить из части. Война кончалась. Мы находились в Восточной Пруссии.

Основные бои заканчивались, шло уничтожение отдельных групп. Старшина медчасти перевязал меня, и я просил не извещать командование о моем ранении.

Демобилизовался я из этой части только летом, в июне 1946 г.

Еще запомнился один эпизод.

В конце войны нам разрешили отправить посылку домой. Один пожилой повар-старичок решил послать вещи обносившейся за войну семье, особенно внукам. Недалеко была военная база, но она еще не была разминирована саперами. Он все же решил рискнуть и собрать посылку. Мы его отговаривали, но он пошел...

Война кончалась. На этой базе он нарвался на немецкую мину, которая взорвалась.

В результате от старого солдата мы еле нашли отдельные части тела. Таков результат. Хоронить было почти нечего. Он прошел всю войну, и в конце так трагично кончилась его служба. Ушла домой похоронка.

После демобилизации я уехал в Карпинск в трест Вахрушев уголь. Свердловский Горный институт окончил в 1960 г., а в Качканаре с 1961 г.”

Кармаев Михаил Маркелович

Родился 21 ноября 1924 г. в Башкирии, Болтачевском районе, деревне Курачево.

Призван Бураевским РВК в августе 1942 г.

Участвовал в боях с мая 1943 г. до окончания войны.

В 99 механизированном артиллерийском полку – орудийным номером Первого Украинского фронта, под Житомиром участвовал в отражении немецкого контрнаступления на г. Киев. Потом часть перевели на Первый Белорусский фронт, начиная с операции “Багратион”. Сильные бои были под Барановичами с июля 1944 г. по апрель 1945 г.

Прошел с боями г. Житомир – р. Проня Белоруссии в 33 армии, 222 артдивизии, в 66 артиллерийском полку связистом, начиная из Минска, наступали в сторону Литвы.

Награжден орденом Славы III ст., медалью “За победу над Германией” и “Отечественной войны” I ст.

Получил несколько ранений: 24.04.1945 г. в ногу и руку, пулевое ранение в руку на р. Одер-Шпрее и в ноябре 1943 г. под Житомиром.

Памятный эпизод:

Под рекой Свилось немцы пошли в контрнаступление цепью. Мы, артиллеристы, вели огонь по наступающим из орудий 122 мм. Немцы подошли на расстояние примерно 70 м от наших огневых позиций. Мы прекратили обстрел, стали вести автоматнo-пулеметный огонь. Нам помогли из взвода управления дивизиона. Немцы залегли.

После ожесточенного огня некоторые стали отходить, а некоторые стали сдаваться. От шквального огня им была смерть. А дело дошло чуть ли не до рукопашной.

Дошли до Германии и там встретили ПОБЕДУ.

В марте 1947 г. меня демобилизовали. Приехал в свою Башкирию. Работал в Мишкинском районе трактористом, был в леспромхозе, в городе Артемовске трактористом-будьдозеристом. На пенсию вышел в 1984 г.

Леднев Сергей Иванович

Родился 24 октября 1924 г. в Горьковской области, Ветлугинском районе, д. Дьячиха. Призван в армию в феврале 1943 г.

Воевал:

137 зенитный полк с февраля 1943 г. по июнь 1944 г.;

242 артиллерийский полк с июня по ноябрь 1945 г.;

Во Втором Прибалтийском фронте – Паневежиц – Митава – Елгава – наводчик 37 мм зенитного орудия. Младший сержант;

154 гвардейский полк с мая 1945 г. по март 1947 г., из него и демобилизовался.

Имею ранения: в июне 1944 г. осколочное в руку и левую ногу при бомбежке под Москвой, ст. Икель.

Стояли на охране сахарного завода Паневежиц. Дело было вечером. По появившимся самолетам мы открыли стрельбу из восьми батарей. Один самолет был сбит, упал рядом с нашей батареей. Оказался "Фокке-Вульф-190". Налеты вражеских самолетов были часты. Стреляли каждый вечер, потому-то они нападали все время вечером. На позиции лежали целые кучи стреляных гильз. После большого количества стрельб нам часто приходилось менять стволы.

Демобилизовался в марте 1947 г.

Приехал в г. Ветлугу, в деревне /колхозе/ работал на тракторе до 1949 г. Выучился на трелевщика леса, работал в Чадском леспромхозе до 1954 г. Приехал на целину в 1956 г. и обратно в поселок Вахтанг. В 1974 г. приехал в Качканар, работал в леспромхозе на пилораме. В 1978 г. получил инфаркт, перешел работать на шламохранилище. В 1984 г. вышел на пенсию.

Малышев Павел Федорович

Родился 14 февраля 1923 г. в Горьковской области. На фронт ушел 9 марта 1942 г. Служил в стрелковой дивизии. На младшего командира обучался 6 месяцев. Воевал под Сталинградом. В войне участвовал до самого конца. Проходил через Украину, Польшу, Белоруссию, Варшаву, Балтику, Берлин.

Первую медаль получил "За отвагу", вторую 02.10.1943 г. – "За оборону Сталинграда". После окончания войны служил 2 года. На груди Павла Федоровича сияют медали "За освобождение Варшавы", "За взятие Берлина" и др.

Сбил один самолет. Друзей было много: Шмарихин Николай Степанович, Новоселов Андрей и др.

Малышев был ранен в правое плечо, был контужен, болел малярией. Но в госпиталях долго не задерживался.

Помнит один день на фронте. Как-то мы настролялись по немцам. Знать, так крепко мы им насолили, что они направили на нас самолеты и начали бомбить наши позиции. Было много пострадавших, особенно лошадей с телегами, а после, оставшись без транспорта, мы на руках тащили технику, да притом на большое расстояние, пока мы не получили новый гужтранспорт. Было это еще во время моих первых боев.

Вот еще, при осаде Варшавы, когда мы вели бои за освобождение столицы Польши. В то время я был пулеметчиком. Немцы в контрнаступлении. В самый неподходящий момент у нас застряла пулеметная лента. Фашисты были уже недалеко от нас. Налетели самолеты, и началась бомбежка. Наши позиции немцы обстреливали из

всех орудий и минометов. Одна мина упала рядом. Я был контужен, в результате чего оглох на левое ухо.

Конечно много было боев, всего не расскажешь.

В 1947 г. вернулся домой. Работал в леспромхозе до 1962 г., после был продавцом. В 1963 г. приехал в Качканар, работал в ГОКе до 1978 г. После ушел на пенсию.

С женой Ольгой Николаевной познакомились в Горьковской области в деревне Горки. Есть сын Александр, две внучки и правнук Саша.

Важесов Леонид Федорович

Родился 15 апреля 1926 г. в Пермской области, деревне Зайцы.

Призван в армию в 1944 г. Воевал в 5 стрелковой дивизии, 200 стрелковый полк, в/ч 51139 и в/ч 5360.

Воевал в основном в Эстонии и Литве. Основная задача была борьба с бандитизмом с 1944 по 1951 г.

В этих республиках было много боев с бандами. Один бой запомнился особо, в Литве. Там решалась моя жизнь. В неравном бою я сошелся с руководителем банды в рукопашную схватку и одержал победу. За что был награжден орденом Отечественной войны 2 ст. Имею два ордена Отечественной войны 2-й ст., медаль "За победу над Германией". В Литве был ранен.

Работал в Качканарском ГОКе шофером по вывозке горной массы. Здесь же вышел на пенсию.

Шептюк Дмитрий Максимович

Родился 11 февраля в Краснодарском крае, Ейском районе, станица Колянская. Призван в армию в сентябре 1944 г.

Сперва попал в г. Соликамск в трудовую армию, весной 1942 г. был в Кунгуре – Саратове в роте хим. защиты 143 стрелковой бригады. В октябре воевал под Сталинградом. Заболел. Зимние условия, сырость и грязь подорвали здоровье. 19 ноября попал в полевой госпиталь, оказалась болезнь Боткина. Попал в 3-е Орджоникидзевское училище, но болезнь прогрессировала, в марте 1943 г. был снова направлен в госпиталь, а в сентябре 1943 г. меня комиссовали. Выявился туберкулез позвоночника.

Мы находились под Сталинградом. Немцы наступали. Я был связистом. В декабре 1942 г. в одном из боев наши пошли в контрнаступление. Появились советские танки с десантом. Я их насчитал 17 штук. Шли развернутым строем. Но что-то застопорилось, немцы

открыли огонь. В результате 10 танков загорелись, танкисты начали выскакивать из них, а кругом взрывы от снарядов. Разгорелся сильный бой. Мы все же заняли первую полосу обороны немцев. Подошло пополнение. Велась активная оборона. Наша разведка шла в тыл врага. Наши ряды поредели, от части нашей остались единицы. А после я заболел.

Вот когда мы шли ночью по селам. Население в основном было выселено, люди прятались в оврагах, землянках. Вот идем мы ночью и слышим плач женщин, жительниц села. Это слышать было жутко. В тиши ночи этот плач мне запомнился надолго.

Сперва работал в поселке Лабазка, а потом в мае 1958 г. работал в Качканаре в СУ-2, а в 1963 г. перешел в ГОК на дробильную фабрику, а потом в цех сетей подстанции. С 1978 г. на пенсии.

Шевелев Александр Васильевич

Родился 16 марта 1916 г. в Омской области, деревне Казанка. Призван Ревдинским военкоматом в марте 1941 г.

Сперва я был в отдельном автотранспортном командиром отделения.

В сентябре 1942 г. попал в 1162 артиллерийский полк шофером. Полк этот формировался под Москвой, потом был под Сталинградом – Донбасс – Перекоп и далее.

После ранения в позвоночник и контузии я уже не воевал

Награжден медалями “За боевые заслуги”, “За отвагу”, “За победу над Германией” и юбилейными.

После ранения работал в г. Ревде в автобазе, в охране, в ВОХРе. В 1958 г. переехал в Качканар.

Неустроев Александр Иванович

Родился 14 августа 1922 г. в Пермской области Чусовского района, пос. Бисертъ.

Призван в армию в октябре 1941 г. Зап. батальон г. Нытва, Волховский фронт, Чудово ноябрь 1941 г. лыжный батальон №173.

31 погранотряд под Ржевом, дальше Смоленск – Витебск – Новополец – обучался два месяца и воевал в роте снайперов. На счету 12 фашистов. Заболел, лежал в Москве. В ноябре 1944 комиссовали. Лежал в Ивановской области г. Кинжичи в феврале – апреле 1944 г.

Награжден орденами Отечественной войны 2 ст., орденом “Славы” 3 ст. Послевоенные награды орден “Знак почета” и юбилейными медалями.

Воспоминание Александра Ивановича:

“Мы ехали с Волховского фронта из Малой Вишеры. Под ст. Бологое на эшелон налетели немецкие самолеты. Поселок был забит войсками. Началась бомбардировка. Рванули вдоль железной дороги. Смотрим, летят “чемоданы” один-два-три... мы уже были в полутора километрах от станции, но и до нас долетел осколок.

Шли мы двое суток без пищи. Падали лошади, не выдерживали нагрузок. Мы их зарезали на еду. Только пришли на огневые позиции – и сразу наступление. Со стороны немецких позиций слышен их разговор. Пока мы подходили к огневым позициям, половину нашего состава выбили. Остановились. Часа два постояли. Потом снова пошли в наступление. Заняли первые позиции, но нас немцы снова выбили. Отошли на старые позиции.

Еды не было никакой. Через 6 часов едут верховые. Оказалось, это командир дивизии, подполковник. Поздоровался: “Ну как, солдаты?” А мы двое суток не ели!

Тогда он старшего лейтенанта разжаловал и сказал: “Чтобы через 30 минут кухни дымили”.

И правда, через полчаса накормили нас гороховым супом с мясом.

Пошли в наступление. Там меня ранило в левую ногу осколком. Перевезли в госпиталь в г. Иваново, а потом в Кинешму. Там закончилась моя военная деятельность. Комиссовали.

Приехал в свой поселок Бисерть, работал в артели местной промышленности до 1947 г. После перешел в геологическую партию. Проработал год. Был в Алапаевске на заводе прокатов, а с 1962 г. в Качканаре работал в ЖДЦ до 1989 г.”

Патласов Илья Андреевич

Родился 1 августа 1926 г. в Башкирии, Аскинского района, с. Куяшты. Призван в армию в ноябре 1943 г.

Попал сперва в г. Чкалово, в 136 ЗАП в пограничный полк Западной Украины в мае 1944 г. Варшава – Познань – Франкфурт на Одере – Берлин – река Эльба. Наша часть находилась за фронтом. Я был снайпером.

Мы в основном вели проверку документов и охрану тыла.

Был награжден медалями “За взятие Берлина”, “За освобождение Варшавы” и “За победу над Германией”.

Демобилизовался в октябре 1950 г.

Прожил в Башкирии до 1984 г., после приехал в Качканар, работал в ЖКО и ушел на пенсию в 1986 г.

Субботин Николай Александрович

Родился 8 декабря 1923 г. в поселке Глубокая около Иса. Призван в армию 12 мая 1942 г. Демобилизовался 1 июня 1947 г.

В сентябре 1942 г. попал под Сталинградом в 226 стрелковый полк Донского фронта. Был ефрейтором.

С февраля по сентябрь 1943 г. воевал в 736 зенитном артиллерийском полку 2 Украинского фронта, в 191 отдельном зенитном дивизионе был до конца войны.

После войны служил в 415 зенитном полку в Польше. Оттуда и демобилизовался.

Мои фронтовые дороги проходили от Сталинграда /госпиталя/ после осколочного ранения в ягодицу 19 ноября 1942 г.

Украина, ст. Поворотино – Купянск – Шепетовка – Стрый – Станислав – Перемышль – Бреслау и за рекой Одер под Берлином в 90 км. Закончилось участие в войне.

Особенно памятным стал такой фронтовой случай:

Фашистские бомбардировки, которые старались уничтожить нас, зенитчиков, мешавших им бомбардировать наши войска. И мы отражали налеты немецких самолетов, не давая им прицельно отбомбиться.

Вот мы подошли к г. Бреслау, крупный немецкий центр Силезской промышленности. Там была окружена большая группировка немцев, и они пытались оттуда улизнуть. Мы находились недалеко от немецкого аэродрома, с которого взлетел самолет. Мы, зенитчики с 85 мм орудий, начали по нему стрелять. Один снаряд попал в бак. Самолет взорвался. Это был большой транспортный самолет.

Сперва, как только попал в него снаряд, он несколько снизился, а потом начал набирать высоту, а после взорвался и упал от нас в 150-ти метрах. Самолет загорелся. В нем хотело улететь из окружения в основном командование, но все сгорели там.

Да, много было за время войны разных случаев нашей борьбы с немецкими самолетами. Еще особенно запомнился бой под Повориным. Вот где нам пришлось пострелять. Расход снарядов достиг 200 штук. Орудия сильно раскалялись. Пришлось принять тактику: одни стреляют, другие охлаждаются орудия, а после попеременно начинали стрелять.

Немцы пытаются маневрировать под огнем зенитчиков, из-за этого бомбежка их была неточна.

После нескольких таких боев нам много раз приходилось менять стволы орудий. Они не выдерживали темп выстрелов, выходили из строя.

Демобилизовался 1 июня 1947 г., приехал домой, устроился на гидравлику в поселке Ис, в июне 1957 г. начал работать в Качканаре в СУ-1 до 1961 г. Потом перешел в ГОК на Главный карьер кочегаром, потом аглофабрика, Западный карьер. Оттуда ушел на пенсию.

Награжден орденом "Отечественной войны" 2-й степени, медалью "За отвагу", а в Качканаре награжден орденом "Трудового Красного знамени".

Косарев Михаил Савелович

Родился 23 ноября 1923 г. в Курганской области Мокроусовского района, с. Дмитриевка. Призван в армию в августе 1941 г.

Попал в лыжный батальон под Москвой. В результате боев в Калининской области был ранен в феврале 1942 г. После лечения был отправлен в отпуск для выздоровления в Уральский военный округ, где находился до 1944 г. Был снова призван в действующую армию. В июле 1944 г. воевал под Минском во Втором Белорусском фронте командиром отделения пехоты в звании сержант.

С боями прошел Белоруссию, Польшу, Литву, уже с Третим Белорусским фронтом – Восточную Пруссию – г. Гальдеб, шли до г. Кенигсберга в 39 армии.

После боев в Восточной Пруссии нас перебросили на Дальний Восток. Мы попали под командование маршала Р.Я. Малиновского, и наш путь с боями пролегал через Малый Хингал, порт Дальний и Порт-Артур. Был в пехоте также командиром отделения.

Демобилизовался в октябре 1945 г.

Вот несколько воспоминаний о боях Михаила Савеловича:

"В Восточной Пруссии мы шли в атаку, я находился в автороте полка. Солдат было мало. Часть попала в окружение, и мы вырывались из него. Было нас человек 150. С боями мы прорвались из окружения и вынесли знамя части. Бой был тяжелый, и многие остались на месте боя.

Еще. Как-то в одном месте развернулись ожесточенные бои. Командир дивизии поставил нам задачу – не пропустить немцев через наши порядки и отогнать их. Мы двинулись в атаку. Завязалась рукопашная схватка. Кто кого. Наконец-то немцы не выдержали нашего натиска и отошли вглубь своей территории.

К нам подошло подкрепление, и мы продолжали наступление вглубь Восточной Пруссии к г. Кенигсбергу. Фашисты были разгромлены. После боев мы немного отдохнули и погрузились в эшелоны, которые шли на Восток.

Я был награжден двумя орденами "Отечественной войны" 2-й степени, медалями "За отвагу", "За взятие Кенигсберга".

Демобилизовавшись, приехал в Курганскую область, потом в г. Норильск. Сперва работал шофером, а потом машинистом бурового станка на Вишнегородском руднике. В Качканаре работал с 1958 по 1965

г. во взрывпроме, потом перешел на Северный карьер /1968-1974 гг./ На пенсию ушел из ЖДЦ с Южной станции, где был слесарем”.

Домашев Борис Николаевич

Родился 5 февраля 1926 г. в Азербайджанской ССР, г. Еврах.

Призван в армию Кировобадским РВК в ноябре 1943 г. В армии прослужил с ноября 1943 г. по май 1952 г.

В боях участвовал с октября 1944 г. сперва на Белорусском фронте в 33 армии, 64 стр. дивизии в 433 стрелковом полку автоматчиком. Прошел с боями: река Висла – Сандомирцкий плацдарм – Лодзь – Краков – Познань – река Одер – Зееловские высоты в 80 км от Берлина – Франкфурт на Одере.

Награжден медалью “За боевые заслуги”.

Борис Николаевич вспоминает боевые эпизоды:

“Дело было в Польше. Мы шли с боями. Пред нами было одно село, где засели немцы. Послали разведку, я попросился с ними. Меня взяли. Не доходя до села, попали под обстрел. Залегли в кювете. Открыли ответный огонь. Сообщили разведчики своим о контакте с противником. Подошел батальон. С боем село было захвачено.

... Дело было под Новый год. Мы шли с боями от г. Люблина до реки Висла. Потом шли до реки Одер. Остановились около нее. Строили землянки, рыли окопы, через нас проходили части на Одерский плацдарм.

Во Франкфурте на Одере произошел случай. Меня послали на позиции минометной батареи. Не доходя до позиции, я встретил группу фашистских диверсантов. Я их обстрелял и успел уйти. С другой стороны тоже шел солдат в мою сторону, он наткнулся на них, обстрелял. Немцы ретировались в свою сторону. Но в этом бою мы с солдатом захватили немца, он стал языком.

... После Зееловских высот подошли к Берлину в районе одного кладбища. С боями было захвачено два квартала, и вышли мы к реке Шпрее. В этом месте мы узнали о ПОБЕДЕ. Но с отдельными группами немцев были стычки еще до 17 мая.

После стали на демаркационную линию с союзниками. Там простояли два года. После нас передали 8 гвардейской армии. Я был начальником электростанции при штабе до 1952 г. В мае демобилизовался.

Сперва работал в г. Кировобаде, в 1960 г. переехал на Урал в пос. Ис, с 1968 г. – в Качканар на Западный карьер, а после работал в цехе здоровья до пенсии”.

Якушев Игорь Иванович

Родился 15 сентября 1924 г. в г. Невьянске. Призван Исовским РВК. В армии с 14 июня 1942 г. по январь 1946 г.

С боями прошел с 15 июля 1942 г. Калининский фронт, в 95 отдельном Гвардейском дивизионе.

От г. Ржева 1943 г. – Воронежский фронт – прорыв до Среднего Донца – Ст. Оскол – Обоянь – отступление до г. Курск.

Первый Прибалтийский фронт 1944 г. – Витебск – Полоцк – Смоленск в составе 20 гв. минометной бригады, 1-й гвардейской дивизии 1-го Белорусского фронта до Берлина. После победы на Западе направили в ДВК. С боями Гродеково – Муданзян.

Награжден орденом “Красной звезды”, медалями “За взятие Берлина”, “За победу над Германией и Японией”.

Получил осколочное ранение в январе 1944 г. в спину и 18 апреля 1945 г. в ногу под Берлином.

Запомнились бои под Духовщиной. Был я в части “Андрюши” М-31. Стреляли с нейтральной полосы по скоплению немецких танков. На позицию нам помогли солдаты затащить машины, а когда стрельнули, выводили технику через болота по бревнам. Немцы по нам стреляли болванками, т.к. техника наша им была непонятна.

... Боевое крещение мы получили под Ржевом. Огневые позиции нам не удалось выполнить полностью. Только начнешь копать – вода. Вот немцы нас заметили, начали обстреливать. Тут же они вызвали авиацию. Они появились со стороны солнца и начали нас долбить. После нескольких заходов техники почти не осталось. Она была покалечена. Да и людей было побито крепко. Вся местность покрылась убитыми и ранеными. Это был просто кошмар. Почва покрылась кровью. Из-за этого боя от нашего дивизиона почти ничего не осталось. 12 боевых машин как ни бывало.

Первый раз был ранен на огневой позиции под Берлином при бомбежке, когда мы двигались колонной на огневые позиции.

После войны работал в пос. Ис токарем, мастером литейного цеха. В 1962 г. в апреле приехал в Качканар на КЗРГО токарем. В 1979 г. вышел на пенсию.

Сашко Петр Федорович

Родился 13 октября 1920 г. в пос. 60 км Н.-Лялинского района. Призван в армию в октябре 1940 г. и демобилизован в марте 1946 г.

Участвовал в боях на Прибалтийском фронте /Рига – Шауляй/, в июне 1941 г. был ранен, попал в плен. Был в Германии в стройбате.

В начале войны, были на самой границе. Началось отступление, проходили через Ригу. Мост через Даугаву был заминирован, как только мы прошли. Следом за нами шли немецкие танки. Как только они зашли на мост, наши его взорвали. Когда мы проходили по улицам Риги, по нам стреляли с верхних этажей зданий прибалты. Пришлось развернуться и вести огонь по зданиям, откуда шла стрельба по нам. Зенитными орудиями. Рига выглядела в эти дни притихшей, как бы затаившейся. Даже днем не открывали ставни. На улицах совсем не было видно жителей.

Бомбардировщики врага с наступлением светлых дней в сумерках черными стаями плывут над крышами домов. Сигнальщики, как регулировщики, сидят на чердаках, указывая воздушным разбойникам цели. Рвутся бомбы. Наши колонны обстреливаются с крыш. Здорово помогала нам зенитная часть, которая развернулась и прошлась снарядами по засевшим пятой колонны. После этого мы без потерь проехали по улицам города. Здорово помогали разведчики, которые выкуривали их оттуда.

Бывало, мы открывали огонь по домам, по окнам, и оттуда часто сами гражданские выволакивали мерзавцев и отдавали в наши руки. Цевильные показывали места, где спрятаны пулеметы, ленты и гранаты, выручали нас. Но это было редко.

Мы шли уже трое суток, отступая. Я не спал эти дни, вел тягач с орудиями и боеприпасами. Навстречу шел наш танк, я заснул, и мы неожиданно столкнулись. Проснувшись, остановил тягач. Гусеницы сошли, но поломки не было, они были только немного погнуты.

В сентябре 1941 г. меня контузило и ранило, и я попал в плен. 25 лет работал в АТЦ в ГОКе и оттуда ушел на пенсию.

Смирнов Сергей Павлович

Родился 29 августа 1920 г. в Горьковской области, д. Булдышиха.

В армии пробыл с октября 1940 г. по октябрь 1944 г. ст. сержантом санинструктором.

Прошел части в армии:

58 погранотряд ДВК до октября 1942 г., Орловско-Курская дуга –

Поныри – 120 мм минбатарей 11 армии, 16 стрелковая дивизия;

18 августа 1943 г. был ранен, госпиталь;

2-й Белорусский фронт – 46 стрелковый полк – Орша;

23 июня 1944 г. ранен, госпиталь в г. Горький.

20 октября демобилизован по ранению.

Награжден медалью “За отвагу”.

Ранения:

18 августа 1943 г. в ногу и бедро, лежал в Иваново;

23 июня 1944 г. в руку и плечевой сустав, язык и выбило зубы.

... Запомнился холод и голод в 1943г. весной. В одном бою я как санинструктор оказывал помощь раненым, через мои руки прошло около 30 человек. Бинтовал, оказывал первую помощь и утаскивал раненых в овраг. Потом уходил на передовую и снова оказывал первую помощь. Когда я вернулся в овраг, там уже были две девушки и врач.

Я снова вернулся на передовую. На другой день и меня ранило самого, 23 июня 1944 г. Это было под Оршей. Раненого меня ребята несли три километра до медсанбата. Там стояло три палатки с ранеными. Через сутки меня увез кукурузник прямо с носилками в г. Смоленск.

После демобилизации работал в колхозе до марта 1963 г., после работал в Кировском леспромхозе в с. Опарино, а в июле 1966 г. приехал в Качканар, работал на шихтоподготовке. На пенсии с 1975 г.

Саутин Геннадий Иванович

Родился 6 января 1920 г.

Призван в армию 20 августа 1940 г. Демобилизован 20 мая 1946 г.

Служил в 165-м горнострелковом полку старшим телефонистом с августа 1940 г. по май 1943 г. на Сахалине.

С мая 1943 г. по май 1946 г. находился в 845 отдельном батальоне связи. Мы находились на границе с Японией между Северным /нашим/ и Южным /японским/ участком Сахалина. Были оборудованы фортификационные сооружения на пограничной полосе. Нас от японцев отделяла небольшая речушка. Были отдельные стычки с японцами, но главные события начались в август 1945 г., когда наши войска перешли границу. Начали наступать на юг в сторону Корсакова. В основном, вдоль железной дороги. Местность лесистая и мало развитых автомобильных дорог. Летом еще погода ничего, но вот приходит зима, особенно февраль, начинает дуть сильный ветер, и появляются большие снежные заносы. Тем более в лесной зоне. Передвижение между поселками почти замирает.

Как связисту ему много приходилось вести телефонную связь за наступающими частями.

Как-то раз на одном перекрестке дорог был сооружен лесной завал. И у нас прервалась связь. Нас троих с младшим командиром направили на исправление связи. Оказывается, японцы это специально подстроили, чтобы захватить связистов.

Вот мы подошли к завалу, а он был очень высокий. Нагромождены деревья прямо с корнями, я полез на него, держа в руках провод. Тут японцы открыли огонь. Завязалась перестрелка, японцы не выдержали и

ушли. Они не просчитали, что к обрыву провода движется группа солдат. А я, находясь на верху завала, на верхушках деревьев, на корни деревьев, покрытые мхом. Перед этим я позвонил по телефону, проверил связь. Командование приказало, чтобы мы дальше двигались. Вот тут возобновились выстрелы, пули попали в аппарат, мне в руку. Когда свалился с верхушки на корни, то получил перелом ступни. Меня отвели к санинструктору, который оказал мне первую помощь и отправил в госпиталь. Ноги были синие. Пролежал месяц в госпитале, а после снова в свою часть.

Война окончилась. Мы несли дежурство на объектах и на различных постах. По лесам бродили разбежавшиеся самураи.

Интересно рассказал Г.И. Саутин о местах боев. Я на Южном Сахалине был в тех же краях. "Мы шли со ст. Победино, находящейся на бывшей границе, до Корсакова. Там мы заготавливали лес на строительство военного городка. В самом Корсакове, где было место расположения их части, похоже, мы с полком "Катюш" прибывали тоже. Это было рядом с аэродромом Морской авиации. Правда, названия тогда были японские, а когда мы прибыли на Южный Сахалин в 1947 г. с материка, были уже наши, русские названия.

Дальше, – продолжает свои воспоминания Геннадий Иванович, – как-то я шел на дежурство на коммутатор, а идти до него далеко, через небольшой лесок. Вот тут на дороге я встретился с бывшим белогвардейцем. После освобождения Южного Сахалина их было много, а также много японцев и корейцев. Правда, когда уж мы приехали на Сахалин, то всех японцев вывезли в Японию, но корейцы остались. Так вот, они мне встретились на дороге. На коммутатор я шел без оружия. Я отворачиваю вправо, он тоже вправо, я влево, он влево. Так мы с ним встретились нос к носу. Я вижу, у него что-то в кармане, на вид оружие. Он, зная, хотел чем-то поживиться, а со мной ничего не было. Тогда он сказал: "Ну ладно, иди". Минуты были тревожные и предбоевые... Но все обошлось. Он удалился. Такова была у меня встреча с бывшим белогвардейцем.

А по лесам и дорогам еще долго шастали японские солдаты. Место было болотистое, сырое, и там я прихватил кожную болезнь, которая еще сейчас меня мучает.

Награжден медалями "За боевые заслуги", "За победу над Японией", "К 100-летию Ленина", а в мирное время на строительстве Качканара получил орден "Знак почета" №745359 в 1971 г. В Качканаре с 1967 г. работал в ЖКО электриком.

В Качканаре работают мои сыновья: на Северном карьере работает Александр, во взрывном цехе – Владимир и есть еще Анатолий".

Ерикалов Владимир Николаевич

Родился 26 августа 1921 г. в пос. Суражевка Слободненского района Амурской области.

Был призван в армию 22 июня 1941 г. Благовещенским РВК. До этого работал в артели "Пищевик" – делал баранки.

Попал в учебный отряд подводного плавания в Тихоокеанский флот. Прошел курсы водолаза-подводника, курсы трюмного машиниста на подводных лодках. Находились недалеко от г. Владивостока.

Из-за тяжелого положения на западных фронтах нас всех отправили с Востока на Запад. Около г. Молотова /Пермь/ нас задержали и направили в Бершедские лагеря, где мы прошли курсы минометчиков 82 мм, а затем на фронт. Попал в 12 гвардейский стрелковый полк. В боях с июля по август 1943 г. получил легкое ранение в правую лопатку и попал в эвакогоспиталь №4677, пролежал с августа по ноябрь 1943 г. После выздоровления меня списали, и попал я в 910 отдельный саперный батальон. Участвовал в боях по минированию и разминированию с ноября 1943 г. по январь 1944 г. В январе 1944 г. попал в госпиталь с кожной болезнью, ноги покрылись коростами. А работа была земляная, грязь, сырость, меня отправили в госпиталь №1117 на излечение, где находился с января по апрель 1944 г.

В апреле 1944 г. попал в 1236 стрелковый Выборгский полк автоматчиком. Брали г. Выборг. 24 марта 1945 г. снова получил легкое ранение в левую ягодицу. После выздоровления попал в Восточную Пруссию, и снова госпиталь, эвакогоспиталь. Лечился до августа 1945 г.

И с августа по ноябрь 1945 г. попал в морские склады связи 2080, которые находились в г. Москве, стрелком. В ноябре 1945 г. демобилизовался.

Помнится, в Восточной Пруссии мы вошли в г. Данциг, а наше знамя осталось в тылу. Нужно было принести знамя в полк. Меня послали за ним. Я сел на велосипед и поехал. Ехал по разбитой снарядами дороге. Тут надо мной разорвались 4 снаряда шрапнели. И меня ранило в ягодицу. Пришлось ковылять обратно в часть. Оказали медицинскую помощь и отправили в госпиталь.

Имею медали: "За отвагу" от 30 апреля 1944 г., "За боевые заслуги" от 26 февраля 1945 г.

Пьянков Григорий Иванович

Родился 11 апреля 1927 г. в Челябинской области, Богаряжский район, с. Лазиро. Призван в армию в октябре 1944 г. Богаражским РВК.

Сперва направили в Бершедские лагеря, попал в учебную часть, нас обучали на младших командиров.

5-6 апреля выехали на Восток, мы попали в формировку в г. Краткино в стрелковую дивизию №277, в 380 стрелковый полк. Обслуживали 82 мм и 120 мм минометы.

В августе нас подогнали к границе на ст. Мучная Приморского края. Уже 9 августа началась война с Японией. И мы пошли в наступление г. Туэтин. Наше наступление шло через Корею, небольшие горы около оз. Хасана. Дошли до Гирина.

Но война быстро кончилась, и мы 8 месяцев находились в Корее. Стояли на охране различных объектов, вылавливали несдавшиеся части в горах и лесах...

Нужно форсировать реку. Мост был взорван. Рубили лес, переправлялись на плотках. Очищали от групп самураев леса и сопки.

В марте 1946 г. нас перевезли на свою территорию, находились в разных местах: Кроскино, Мучная, Уссурийске, стояли недалеко от станции Лазо.

Демобилизовался в апреле 1951 г. в звании старшины. Награжден медалью "За отвагу".

Приехал в Челябинскую область, учился в с/х школе механизации на комбайнера. В Качканар приехал в 1989 г.

Половченя Григорий Петрович

Родился 7 февраля 1926 г. в Минской области, Стародоргском районе.

Был призван в армию Стародоргским РВК в августе 1944 г. Попал в 383 запасной стрелковый батальон г. Кирова. Обучался в августе-сентябре месяце на пулеметчика системы "Максим". Был рядовым. Попали на формировку дивизии в г. Люблин. Оттуда нас направили на 1-й Белорусский фронт на Вислу.

В январе 1945 г. пошли в наступление. Я был в 95 стрелковой дивизии, 90 полку, во 2 батальоне, в 6 роте.

12 января началось наступление. Перед нами была река Висла. Пошла артподготовка, и мы пошли по льду, но он от взрывов снарядов был разрушен, вот по этой кошаре мы двигались. События развивались стремительно, мы быстро продвигались по территории Польши, подошли к реке Одер. Было это около г. Франкфурт. Заняли оборону, дошли до середины апреля 1945 г.

20 апреля командир взвода посоветовал обойти вражеский пулемет, который не давал нам наступать. Дал задание уничтожить его. Мы двигались овражком, который тянулся около окопа пулеметчиков.

Подошли близко, командир посылает меня подползти к окопу и уничтожить оружие. Я взял автомат, гранаты и два диска. Положил их в карман телогрейки и пополз к нему с тыла. Они стреляли по нашим войскам, но бросать гранаты было еще далековато. Полз метров десять. Прислушался, слышу, немцы разговаривают в окопе. Размахнулся и бросил гранату, она взорвалась. Подполз посмотреть, хотел еще обстрелять из автомата, но он дал осечку. Тихо. Подполз к окопу, вижу – пулеметчик погиб. Забрал у него наш русский пистолет ТТ. Здесь наш взвод окопался в полный профиль. В это время перед нами прошли наши разведчики. Один разведчик был знакомый с нашей роты Каменев. Я показал ему пистолет ТТ, и в это время мы услышали команду: "Вперед!", и он с ним побежал вперед. Но я его догнал и забрал пистолет обратно.

В это время, когда я бежал, то потерял лопатку. Утром дали команду окопаться в полный профиль, а лопатки нет. Огляделся кругом, метрах в 20 увидел свою лопатку. Решил ее взять и начал окапываться. Подошел, взял ее, только стал подыматься, пуля в руку. Лопатка упала, сам свалился на землю.

Потом короткими перебежками стал догонять своих. Там меня перевязали, отправили в санроту.

Это было 21 апреля 1945 г. Перед этим мы дошли до Армянского плацдарма и с боями дошли до Зееловских высот. Ранение получилось тяжелое, сквозное, затронуло предплечье с повреждением кости.

Перевязали меня и отправили в санроту. Она находилась в лесу километрах в полтора. Потом на пункт Люблин. Сформировали поезд и увезли на Украину в г. Полтава, госпиталь №5801, лечился на пересыльном пункте два месяца, а оттуда забрали в авиацию в 42 БАО, г. Волчанск.

Здесь я встретил ДЕНЬ ПОБЕДЫ. Потом отправили в Харьковскую область – Белая Церковь – Кривой Рог. Был связистом в комендантском взводе по охране штаба и охране знамени авиатранспортной гвардейской дивизии.

В октябре 1950 г. демобилизовался. Приехал домой в Старые дороги. 10 лет работал в колхозе, потом ушел на целину Кокчетавская область, г. Аркарык. Работал плотником. В 1965 г. перешел в ГОК в Рудный, был машинистом окомкователя, с 1968 г. – на окатыши. Заболел в 1971 г., сперва обрезали левую ногу, а потом и правую. Стал инвалидом.

Клещенок Виктор Васильевич

Родился 7 ноября 1928 г. в Белоруссии, Минской области, Крупском районе, Ухвальтский с/с, д. Вязок. После оккупации немецкими войсками Белоруссии деревня оказалась захвачена немцами. Белоруссы не

смирились с оккупацией и начали вести борьбу с немецко-фашистскими войсками. В Белоруссии развернулось партизанское движение. Стали организовываться партизанские отряды. Население включилось в эту борьбу. В том числе и Виктор помогал партизанам, сперва был связистом партизанского отряда, а потом ушел в партизанский отряд "Славный", с февраля по 26 июля 1944 г. находился в нем и участвовал в боях партизан с немцами.

Клещенок был награжден медалью "Партизан Великой Отечественной Войны" 2 степени, а также медалью "За победу над Германией".

В марте 1944 г. он получил осколочно-касающееся ранение головы во время перехода железной дороги Минск – Бобруйск.

В.В. Клещенок рассказывает: "До поступления в отряд "Славный" жил в деревне Малый Вязок и был связным этого отряда, а в феврале перешел бойцом в отряд. С боями отряд проходил по Могилевской, Минской и Брестской областям. По мере приближения к фронту наш отряд отходил в глубь территорий, захваченных немцами. Громили гарнизоны, внезапно захватывали деревни. И фриц бежал из сел. Мы подрывали железные дороги, бензосклады и различные немецкие объекты.

Как-то мы передислоцировались на Запад при переходе железной дороги Минск – Бобруйск. Мы уже перешли железную дорогу, как нам вдогонку прилетела мина и осколком меня ранила, двух человек убило, а троих ранило.

Нередко мы неожиданно заходили в село, фашисты сонные выскакивали из домов, бывало, в одних подштанниках.

Началом организации нашего отряда послужило прибытие группы Красной армии в количестве 60 человек. Это была спецгруппа, в основном люди госбезопасности, а впоследствии к нам присоединилась группа парашютистов в количестве 30 человек. Основной их ролью был сбор разведанных. "Царица разведки", так мы называли их...

То, что я пережил, очень тяжело, даже многие военнослужащие армии не испытали этого. Особенно копать. Налетала на лицо, и чувствовалась сладость от нее на губах. А немцы часто нас бомбили.

После освобождения нас Советскими войсками я работал в колхозе в Минской области до декабря 1948 г. Потом служил в вооруженных силах в армии до декабря 1951 г. После демобилизации работал кочегаром МПС, а в марте 1956 г. приехал в пос. Ис, а потом работал в ГОКе, в ЖДЦ, а на пенсию ушел 7 ноября 1983 г.

Медяник Константин Иванович

Вот другой представитель партизанского движения, который воевал в Словакии. По мере освобождения территорий, оккупированных немцами,

партизаны уходили вглубь страны, где разрушали коммуникации врага, мосты, наносили удары по гитлеровским войскам.

Летом 1944 года в Словакии началось восстание, которое охватило большой район в Низких Татрах с центром в Банска Быстрица. К этому времени Украинский штаб партизанского движения подготовил для переброски в немецкий тыл первую боевую группу чехов и словаков численностью 100 человек. Наряду с ней были переброшены советские, а также смешанные – советско-чехословацкие группы, насчитывавшие в целом свыше 500 человек. В августе польско-чехословацкую границу перешли соединения В.А. Карасева и М.И. Шукаева, отряд Л.Е. Беренштейна. Они пополнились словацкими участниками Сопrotивления и сыграли заметную роль в восстании. Выросшие из небольших групп в отряды и бригады, они стали ядром антифашистских повстанческих формирований из местного населения. Партизаны действовали в тылу немецких карательных войск, сражались на фронтах, удерживая границы освобожденной территории. Советские транспортные самолеты снабжали восставших снаряжением, оружием. Немцы не смирились с этим. Начались жестокие бои.

В этом-то районе и оказался Константин Медяник. А попал сюда вот как. Их везли из Донбасса на работу на заводы в Германию. Но когда эшелон пересек польско-чехословацкую границу, он оказался в районе восстания. Константин был поражен, увидев советский красный флаг на одном из домов. Повезло! Тогда-то он и ушел в партизаны.

После подавления восстания партизаны ушли в горы и держались там до освобождения страны Советской Армией.

...Я не раз беседовал я с Константином Ивановичем, хотелось подробно описать те бои в Словакии. Но он болен, лежит парализованный. Раньше мы с ним переписывались с советским военным журналистом Питерским в Праге. Тот просил прислать ему воспоминания о действиях партизан в Чехословакии. Мы выслали ему бандероль с воспоминаниями и фотографиями партизан, участвовавших в Словацком восстании. К сожалению, я не оставил копий этих записей. Поэтому приходится воспользоваться заметкой П.Т. Засобы "Шли на подвиг партизаны", опубликованной в газете "За большую руду". Небольшая эта заметка взволновала до глубины души. Константин Иванович несколько раз перечитал волнующие строки: "Прага. "Дом генерала Асмолова" – так называется мемориальный музей в Низких Татрах в Ломинской долине, который на днях вновь принял посетителей. Здесь 40 лет тому назад находился штаб Словацкого национального восстания, который возглавлял генерал Алексей Никитович Асмоллов".

Низкие Татры, Ломинская долина... С 45 года не бывал там К.И. Медяник, но хорошо помнит те места, помнит названия населенных пунктов, помнит партизан-побратимов.

Очаги сопротивления вспыхивали и разгорались во многих оккупированных фашистами странах. Вот и в Чехословакии родились партизанские отряды, бойцами которых были люди разных национальностей. Они бежали из лагерей смерти, уходили из городов и деревень, собирались в лесах и горах, вооружались. Постепенно из разрозненных групп вырастали крупные отряды народных мстителей.

Когда 19-летний Костя Медяник пробрался к партизанам, в Чехословакии уже во всю действовал объединенный штаб партизанского движения.

- Откуда ты, парень? – спросил Медяника командир.

- Из России. Сбежал из поезда, нас на работы в Германию везли.

Когда гитлеровцы вторглись в нашу страну, они занялись безудержным грабежом на оккупированных территориях: вывозили в свой Фатерлянд оборудование, одежду, продукты, рабочую силу. Среди многих других молодых ребят и девчат увезли на чужбину и Костю. Немцы стремились выбить из советских юношей и девушек дух непокорности. Не добились своего!

“Тов. Медяник неоднократно был на боевых заданиях, – говорится в боевой характеристике, – во время выполнения одного из них был ранен”.

После выздоровления Константин командовал отделением разведчиков. Ходил в расположение противника, добывал важные сведения, брал “языков”. А когда пришла Советская Армия, был зачислен в одну из ее частей. Военная служба К.И. Медяника закончилась лишь в 1950 году.

Около 20-и лет Константин Иванович работал на комбинате машинистом тепловоза. И после выхода на заслуженный отдых не оставил производства, только сменил специальность.

Годы уходят, а память о героических делах остается. Бывшему партизану Великой Отечественной войны не довелось в мирное время побывать там, где он сражался, где пролил свою кровь. Однако мысленно Константин Иванович там, в Чехословакии, и в День Победы будет незримо присутствовать на митинге в Низких Татрах.

Два месяца продолжалась битва партизан за освобожденные районы. Советские войска пытались пробиться до района восстания. Сражения были ожесточенные. Гитлеровцы держались крепко. Партизаны были вынуждены отступить в горы. Наш 2 Украинский фронт к этому району подошел с юга Венгрии только к концу 1944 года. А 4 Украинский, заняв Закарпатскую область, остановился в позиционной борьбе, потеряв 90 тысяч солдат.

Об одном из таких моментов Константин Иванович вспоминает:

- В 1944 году воевал в Чехословакии в партизанском отряде. Однажды Альпы мы переходили. Веревками перевязывались. Пурга была страшная! Многие погибли... Опасный переход! Когда одолели все-таки тот хребет, он (погибший в последующих боях друг Константина) сочинил

прямо на наших глазах стихотворение, понимаешь ты. И вот я все, каждое слово запомнил – память тогда хорошая была.

И Константин Иванович напел из души рвущиеся слова, рожденные в снегах далеких гор, после превратившиеся в песню:

*Там, где гор с тучами
обнялись,
Партизаны красные
поклились
Бить фашистов-варваров
до конца
Не жалеть ни пороха,
ни свинца...*

Константин Иванович рассказывал такой случай. Одна партизанка из ПТРовского ружья подбила немецкий бронетранспортер и захватила раненого фрица, который вез важные документы в штаб. Долго тащила его на себе, пока не подошли партизаны и не помогли ей доставить “языка” в штаб подразделения.

В партизанах Медяник был с 23 августа 1944 по март 1945 года, когда они соединились с частями Советской Армии под городом Брезно. Мне запомнились две встречи с партизанами – участниками Словацкого восстания. В январе под Пуканцами, которые трижды переходили из рук в руки, на освобожденную нами территорию к своим родным приходила девушка и приносила важные данные о противнике. Вторая встреча была уже в марте. Мы тогда стояли в одном селе, и хозяйский сын-партизан приносил нам сведения о противнике. Об этом я писал в своей книге “ИПТАПОВЦЫ”.

Как-то я прочитал воспоминания одного врача – участника Словацкого восстания. Вот о чем он рассказывал. Тяжелая доля выпала раненым партизанам. Медсанбатов нет, о госпиталях и говорить нечего. Раненые лежали в землянках, вырытых где-нибудь в чаще леса или в горах. Сперва партизаны еще посещали их, потом были оттеснены гитлеровцами, и раненые оказались предоставлены сами себе. Кругом рыскали фашисты. Продукты доставали в окрестных селах, но с каждым днем это становилось делать все трудней – предатели сообщали немцам о приходе партизан.

На попечении этого врача оказалось около десятка тяжело раненых, и только сам врач да солдат могли как-то охранять землянку. Медикаментов никаких, обезболивающих лекарств нет. И так продолжалось два месяца. У одного из раненых началась гангрена. Врач пилой ампутировал ему ногу, потом лечил подручными средствами – гнилушками да корой дуба. И ведь выжил партизан! А через два месяца, когда немного окрепла часть раненых, начали пробираться к своим. Через горы, снега, через кордоны немцев, таща на себе тяжелораненых... Вышли!

Какую же волю надо было иметь, какую силу духа, чтобы преодолеть все это и победить свою слабость, боль, все невзгоды!

Пахтеев Геннадий Андреевич

Родился 17 сентября 1925 года в деревне Колосиха Варнавинского района Горьковской области. В армию был призван в январе 1943-го, служил до мая 1948 года. В боях участвовал с марта 1943-го по сентябрь 1945-го. Служил в 17 отдельном зенитном артиллерийском батальоне, сопровождал в конвое пароходы по Волге, в конвое по железной дороге от Мурманска до Беломорска. В марте 1944 года в составе 3 Белорусского фронта сопровождал эшелоны, в частности от станции Унеч до Кенигсберга.

Вот как вспоминает Геннадий Андреевич один эпизод из своей боевой биографии:

- Стояли мы на станции Вильнюс. Рядом с нашим эшелоном остановился эшелон с боеприпасами. Налетели 15 немецких самолетов, начали бомбить. Мы вели огонь по фашистским бомбардировщикам. В это время начали рваться бомбы и снаряды в соседнем эшелоне. Осколки разлетались далеко окрест. Я получил ранение в губу, руку и был контужен. Это случилось 15 сентября 1944 года. А в орудийном расчете я был наводчиком-прицельным.

После демобилизации Г.А. Пахтеев работал в леспромхозе «Горлес», а в 1970 году приехал в Качканар. Трудился здесь плотником в РСЦ ГОКа, вышел в 1982 году на пенсию. Потом работал еще 5 лет в «Уралчерметремонт».

Филистеев Николай Иванович

Родился 15 февраля 1924 года в городе Кушве. Призван в армию в сентябре 1942 года. В составе Калининского фронта участвовал в сражении под Великими Луками. Получил тяжелое ранение под станцией Чернозем 27 февраля 1943 года.

- Тяжелые воспоминания остались от боев с Яско-Кишиневской группировкой. Наш 1712 артполк ожесточенно сражался с немцами. Мы попали в окружение, и наша батарея потеряла все четыре орудия и 3 «Студобеккера», много полегло и солдат...

Но помнится и другое. Был как-то такой смешной случай. Ночью один товарищ из орудийного расчета стоял на посту и вдруг заметил какое-то движение. Как положено окликнул: «Стой! Кто идет?» Тишина. «Стой!

Стрелять буду!" Вновь никакого ответа. Начал стрелять. Оказалось, он тяжело ранил корову. Мы потом долго смеялись над ним. До войны Николай Иванович работал в Кушве, Полевском и Пышме, а после войны – в Качканаре, начальником участка связи.

Плотников Геннадий Николаевич

Родился 3 декабря 1927 года в деревне Пашуты Котельничского района Кировской области. Призван в армию в ноябре 1944 года. Воевал в составе 143 стрелкового полка 5 стрелковой дивизии войск НКВД 1 Прибалтийского фронта. Участвовал в операции по ликвидации Курляндской группировки противника в марте 1945 года, а после войны до демобилизации служил в 143, 288 и 36 полках войск МВД-МГБ, занимавшихся разгромом банд в Прибалтике.

...По данным органов безопасности г. Мадона Латвийской ССР 25 декабря 1947 года в одном из лесных массивов для празднования католического Рождества должна была собраться банда из 12-15 человек. Геннадий Николаевич выехал туда в составе подразделения. Прибыли ночью. Машины оставили километрах в трех от предполагаемого места сбора "лесных братьев" на хуторе. Дальше подразделение повел проводник.

На рассвете обнаружили бункер, охраняемый часовым. Начали окружать бункер, в это время часовой что-то заметил и поднял тревогу. Окружить бункер не удалось. Подразделение начало преследование банды. Завязалась перестрелка. Перед Плотниковым оказался большой муравейник. Он залег за ним. В это время один из бандитов бросил в бойца гранату. Она попала в муравейник, и это спасло солдата – он отделался легким ранением в ногу. Банда была в основном ликвидирована.

После демобилизации Геннадий Николаевич работал в Нижнем Тагиле, на руднике III Интернационала, на шахте Капитальной. В апреле 1963 года приехал в Качканар, работал взрывником на ГОКе. Отсюда 3 декабря 1977 года вышел на пенсию. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени, орденом Ленина и девятью медалями.

Кузьминов Василий Федорович

Родился в 1923 году в Белгородской области. В армию призван 10 марта 1942 года, а уже 18 марта этого года воевал на Калининском фронте в 362 стрелковой дивизии, 1206 стрелковом полку командиром

расчета 82-мм минометов. Участвовал в боях за город Калинин, станцию Селижарово, районный центр Нелидово, г. Белый и Ржев – в этом направлении наша дивизия наступала.

Под Ржевом мы остановились и держали оборону. Получали пополнение, вооружение.

Калининские леса богаты дарами природы. Мой товарищ Марченко как-то насобирал грибов, а разбирался в них не очень. Сварил все в котелке, поел. Ночью надо идти в боевое охранение, а он корчится, встать не может. Пришлось нести его на носилках в медсанбат. К счастью, парня удалось спасти. А получилось так потому, что мы глубоко вклинились в оборону немцев, дорог, конечно же, никаких, и продукты нам частенько не могли доставить, поэтому приходилось жить на подножном корму. Так было месяца полтора, пока не проложили лежневку, только после этого снабжение улучшилось.

В ноябре 1942 года меня приняли в члены ВКП(б). А в январе 1943-го я был направлен в штаб армии на сборы-учебу заместителей командиров батарей по политчасти. А потом мы все, курсанты, были направлены командованием на формирование 7 механизированного танкового корпуса РК в окрестности города Солнечногорска. Здесь мы получили снаряжение и в октябре по железной дороге были направлены под Харьков.

Дошли до Днепра, форсировали его, заняли "пяточок" на правом берегу и вступили в бой. Освободили Пятихатку, Лозоватку. Развивая наступление, подошли к окрестностям Кривого Рога. Но дальше пройти не удалось. С утра попали под сильную бомбежку, а ночью враг сосредоточил на правом фланге наших войск ударную группировку с целью взять нас в кольцо. Но мы успели выйти из охвата и заняли прочную оборону в Лозоватке. Не пропустив врага здесь, мы вновь перешли в наступление в направлении города Кировоград. Однако вскоре снова пришлось отступать. Привели себя в порядок, был короткий отдых. Снова пошли в бой. На этот раз освободили Кировоград и ряд других населенных пунктов.

Затем была операция по окружению и уничтожению Корсунь-Шевченковской группировки противника, Яско-Кишневская операция, наконец, окружение и разгром Кишиневской группировки, форсирование реки Серет, вступление в Румынию, Болгарию, Венгрию, разгром фашистов в Будапеште. Мы держали внешнюю оборону, форсировали Дунай, после пошли на г. Мишкольц. Там были жестокие бои. Враг отчаянно сопротивлялся уже в последней смертельной агонии. Освобождали Чехословакию, выступили на помощь участникам восстания в Праге. Здесь встретили День Победы над фашистской Германией.

Короткий отдых, путь своим ходом до Польши, а там нас погрузили в вагоны и направили на Дальний Восток, на границу с Китаем,

оккупированным Японией. Отсюда 9 августа 1945 года мы начали наступление. Сходу смяли японских пограничников, за три дня преодолели горы Малого Хингана и вышли на тактический простор в направлении города Мукден.

3 сентября боевые действия закончились. Япония подписала капитуляцию. Я воевал в должности командира роты 120-мм минометов.

Наш 7 механизированный корпус под командованием генерала Каткова и мой 614 минометный полк прошли большой боевой путь от Солнечногорска до Праги и до Порт-Артура. За время боевых действий я был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалями "За отвагу", "За боевые заслуги".

После войны работал секретарем сельсовета, председателем колхоза, строил фабрику по выработке удобрений в Березниках, а затем по комсомольской путевке был направлен на освоение целинных и залежных земель в Казахстан, где участвовал в создании мощного зерносовхоза "Булаевский". Здесь было распахано, обработано и засеяно в одно лето 22 тысячи гектаров. Награжден Почетной грамотой Казахской ССР, медалями "За доблестный труд", "За освоение целинных и залежных земель". За восстановление и развитие народного хозяйства получил вторую медаль "За доблестный труд".

Моя жизнь прошла в ратном и мирном труде. Я отдал свои силы, чтобы наша страна была краше и богаче. И мне радостно сознавать, что сполна отдал себя Родине.

Токарев Иван Федорович

Родился Иван 8 февраля 1926 года в селе Аскино Башкирской АССР. Перед войной окончил 7 классов, дальше учиться не пришлось – отец погиб под Ленинградом в 1942 году, и он остался старшим из четырех детей в семье. 15-летний кормилец пошел работать в леспромхоз. Как и все мальчишки тех лет, он переживал, что война закончится без него. Но война затребовала его – в ноябре 1943 года он был призван в армию. Служил вначале в 365 запасном стрелковом полку в автоматной роте под Оренбургом, а в мае 1944-го отправился на фронт. Попал в минометный полк, действовавший в составе 3 Украинского фронта, заряжающим, в марте был переведен в 78 артиллерийский полк, в полковую разведку. Войну закончил в Австрии. А дальше обратимся к публикации в газете "Руда" "И слава его наша".

"Почти 50 лет бывший артиллерийский разведчик Иван Федорович Токарев испытывал чувство неловкости, досады, обиды. Особенно это ощущалось в дни празднования Победы, когда собирались ветераны,

рассказывали о боях, своих наградах, ранениях. Нет-нет, да и хотелось Ивану Федоровичу поведать о своем боевом пути, о тех же боях и ранениях. Его, конечно, слушали, ему поддакивали из вежливости. Но увы, так уж повелось на Руси: без бумажки ты букашка... Да, воевал. Но как, дескать, воевал?

Давно махнул Иван Федорович на то обстоятельство, что был представлен почти одновременно в марте 1945 года к двум высшим знакам солдатской доблести – ордену Славы III степени и медали “За отвагу”, но награды так и не получил. Таких случаев во время войны тысячи было. Разбомбило, например, штаб, где лежали наградные документы. Убило или тяжело ранило того, кто награждал, и того, кого награждали.

С этим ладно. Но как быть с тем, что в одном из боев был одновременно ранен в живот, в правое колено, в правое легкое, плюс контузия. Пришла пора оформить инвалидность, а оснований нет...

Из Центрального архива Министерства обороны в 1986 году приходит документ: “Сведений о ранениях или контузии не имеется”. Истину о ранениях и необходимости предоставления инвалидности установили начальник Екатеринбургского госпиталя ветеранов войны С.И. Спектор и врач Г.А. Каргополов. Разыскался и след награждений.

“19 февраля 1945 года при отражении атак в районе Клайк Меденау... тов. Токарев работал заряжающим, под яростным огнем первым из расчета бросился в рукопашную схватку и огнем своего автомата и гранатами уничтожил противника. Израсходовав патроны и гранаты, продолжал отбиваться прикладом автомата. В этом неравном бою тов. Токаревым было уничтожено 12 гитлеровцев... Награжден орденом Славы III степени”.

Это выписка из наградного листа к приказу по 2 гвардейской дивизии, 78 артиллерийского полка, что действовали в составе 3 Украинского фронта под командованием маршала Толбухина.

Более всего поражает в этом документе одно слово: «работал». Да, война прежде всего – тяжелая солдатская работа.

Орден Славы и медаль “За отвагу” были вручены Ивану Федоровичу Токареву в Качканаре в 1993 году, то есть через 48 лет со дня их представления”.

А вот еще один эпизод боевой биографии Токарева, рассказанный им самим:

- Это было перед самым окончанием войны, в апреле 45-го. Мы тогда находились в Австрии, там были концлагеря с пленными. Моему командиру разведки сообщили, что большое здание в нейтральной зоне – это немецкий ресторан и что там работали наши девушки, из России, сейчас их закрыли в подвале.

Командир взял с собой добровольцев, среди которых был и я, и ночью мы отправились туда. Когда подошли, обнаружили в здании немцев.

Завязался бой. Фрицев мы выбили. А когда открыли металлические двери подвала, увидели на цементном полу наших девчат почти без одежды. Две из них были уже мертвы, а оставшихся четырех мы вынесли из подвала...

Служил Токарев до июня 1950 года. Потом учился в вечерней школе, в техникуме, в вузе. Много лет проработал в строительных организациях Куйбышева (Самары). В 1981 году приехал к дочери в Качканар да так и остался здесь. Несколько лет работал начальником городского жилищно-коммунального хозяйства.

Никифоров Михаил Федорович

Михаила война застала 15-летним подростком в Латвии. Здесь он родился – его предки переехали в Курляндию еще в XIX веке.

Жизнь в оккупации сложилась трагически. Фашисты расстреляли мать, и Михаил ушел к партизанам, был связным. А после освобождения Прибалтики в 1944 году его призвали в Советскую Армию. Хоть и недолго довелось ему участвовать в боях, успел хватить лиха – ранение, госпиталь. Победу встретил в Восточной Пруссии. Однако армейская служба для него еще не закончилась – демобилизовался только в 1950-м, уже в Удмуртии.

С Качканаром связал судьбу в 1964 году. Работал бригадиром участка на аглофабрике.

- Жарища, пылища на "железной цепочке", – вспоминает он. Очень тяжело было поначалу.

Но, несмотря ни на что он так и работал здесь до выхода на пенсию – цех стал для него родным.

Зворыгин Геннадий Ефимович

Военная судьба Геннадия Ефимовича Зворыгина типична для молодых людей его поколения. Родился в 1925 году в деревне Трушаны Кировской области. В 1943-м был призван в армию и направлен во 2 Ленинградское пехотное училище. В августе того же года, не закончив училища, попал на фронт. Довезли новоиспеченных солдат до станции Козельск Калужской области, где и состоялось их распределение по частям. Попал молодой боец в 668 артиллерийский полк, который входил в состав 2 Белорусского фронта, в орудийный расчет рядовым.

- С того момента и началась моя фронтовая жизнь, – вспоминает Геннадий Ефимович. – Наш полк участвовал в освобождении городов Карачев, Почеп, Унеч Гомельской области. Далее предстояло

освобождение Белоруссии – готовилась наступательная операция под кодовым названием “Багратион”. Она началась в июне 1944 года. К этому времени я был переведен из расчета орудия связным при батарее. После длительной артподготовки оборона немцев была прорвана, и началось освобождение городов Белоруссии – Жлобина, Бобруйска, Барановичей и других.

Осенью 1944 года я получил осколочное ранение в ногу – отправили в госпиталь. После госпиталя попал в 406 отдельный батальон связи в составе 3 Белорусского фронта, и в январе воевал уже в Восточной Пруссии, в направлении на Кенигсберг. После ожесточенных боев наши войска овладели Кенигсбергом, но еще много времени ушло на преодоление сопротивления оставшихся фашистских группировок. Никогда не забыть мне солнечный день 9 мая 1945 года. Стало удивительно тихо, и везде объявляли по радио: Германия капитулировала, а значит, конец войне! Радости и ликования не было конца.

Геннадий Ефимович награжден медалью “За отвагу” – за взятие города Унеч Брянской области, орденом Красной Звезды – за прорыв обороны противника и форсирование реки Друть, орденом Отечественной войны I степени – за взятие города Браунсберга, а также медалями “За взятие Кенигсберга” и “За победу над Германией в Отечественной войне 1941-45 гг.”

В 1959 году он приехал на комсомольско-молодежную стройку в Качканар. Вначале строил города, а в 1966-м устроился на комбинат, на обогатительную фабрику машинистом мельниц и грохотов. Здесь и проработал до 1981 года. Заработал медаль “Ветеран труда”.

Трудовую династию Зворыгиных на комбинате продолжает сын Геннадия Ефимовича Анатолий, который работает старшим мастером на дробильной фабрике. Он тоже ветеран труда, почетный металлург. Внук Александр также пошел по стопам отца и деда – заочно учится в Уральской горно-геологической академии и работает на дробильной фабрике.

Екимов Станислав Григорьевич

Родился 19 января 1921 года. Майор в отставке, ветеран, инвалид войны. Воевал помначштаба (ПНШ-2) 1180 стрелкового полка 350 и Житомирской Краснознаменной, ордена Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии. Участвовал в контрнаступлении советских войск под Москвой (февраль-апрель 1942 года). Летом этого года дивизия вела тяжелейшие бои в окружении в районе Жиздра-Козельск. Затем (зима 1942- весна 1943-го) – наступление в средней излучине Дона,

освобождение Кантемировка, Шевченко, Купянска. Летом 43-го года в составе Степного фронта дивизия участвовала в освобождении Харькова, Павлограда, в битве за Днепр. В этих боях Екимов был ранен в обе ноги. После долгого лечения в госпиталях вернулся домой на костылях инвалидом I группы. А его дивизия, пройдя дорогами войны более 7000 километров, участвовала во взятии Берлина и в освобождении Праги.

- Самыми запомнившимися были бои в средней излучине Дона в декабре 1942 года, – говорит Станислав Григорьевич. – В результате успешной операции наших войск враг тогда был вынужден отказаться от попыток деблокировать окруженную группировку Паулюса.

Помню крутой западный берег Дона. Скаты его облиты водой, образовалась сплошная ледяная корка. Минные поля. Колючая проволока. Захват плацдарма на правом берегу по фронту дивизии осуществлял наш полк. Ночью разведчики и саперы выбрались на лед реки, долбили его финскими ножами. Убедились, что он выдержит атакующих бойцов. Сделали проходы в минных полях. На рассвете ударила наша артиллерия. Еще не успел смолкнуть грохот разрывов, как был дан сигнал к атаке. Бойцы бросились вперед. Но на середине реки попали под кинжальный пулеметный огонь вражеских дзотов. Атака захлебнулась, огонь прижал солдат к замерзшей глади реки...

Мой однополчанин сержант Василий Прокатов стремительным броском добрался до вражеского дзота и забросал его гранатами. Пулемет захлебнулся на секунду, но тут же вновь ударил по наступающим. Тогда Прокатов бросился на амбразуру. Так погиб на воронежской земле вологодский парень. Ценой своей жизни он спас товарищей и посмертно стал Героем Советского Союза.

После захвата плацдарма командир полка майор Фролов поручил мне ответственное задание: ночью, не зажигая фар, провести мехколонну из 12 машин, обходя хутора и деревеньки, под Кантемировку, куда ушли танки прорыва. Мы должны были соединиться с ними для совместной атаки по взятию этого стратегического железнодорожного узла. Наступление нарастало.

Как-то в кругу ветеранов Станислав Григорьевич рассказал приведенный выше эпизод. И тут председатель городского Совета ветеранов Ю.А. Кораблев воскликнул:

- Так я знаю этого Героя! У нас на Вологодчине в городе Харовске есть улица имени Василия Прокатова, школа его имени, в которой я учился. У меня на родине очень чтут память этого героя-комсомольца.

Так встречаются история и современность.

С.Г. Екимов награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, орденом Дружбы народов и 16-ю медалями. О его работе в ветеранских организациях я писал в первых главах.

Циплаков Иван Иванович.

Родился 15 августа 1921 года в селе Ашоп Пермской области. Работал в Кунгурском леспромхозе старшим механиком. 5 августа 1941 года был призван в армию Юго-Осокинским РВК. Попал в 272 стрелковую дивизию, которая вскоре была направлена на Калининский фронт. Прошел с боями от Ржева до Великих Лук автоматчиком. 12 ноября 1942 года был тяжело контужен. А было это так.

Шел ожесточенный бой за один населенный пункт. Сперва как всегда «заиграла» Катюша. Предвестник наступления. Мы пошли в наступление. Огонь катюш прошелся по позициям фашистских войск.

Мы оказались недалеко от вышки НП-наблюдательный пункт, с которого руководил боем офицер-майор. Он отдавал приказы подразделениям. Я был в пяти метрах от него.

Вдруг немцы заметили нас и открыли артиллерийский огонь. Один снаряд разорвался рядом с майором и он был убит, а меня тяжело контузило. Подбежали санитары, как меня увезли в санчасть, я уже не помню. Лечился около г.Горького. А в апреле 1943 года был комиссован.

Здесь надо вспомнить о ровесниках Ивана Ивановича с 1921-22гг. Это они приняли самые первые бои с фашистами, от самой границы отражая атаки немцев. Это они похоронили немецкий «блиц-криг», т.е. молниеносной войны Германии против русских.

Это поколение несло большие потери, после войны их осталось около одного процента выживших.

В Качканаре живут единицы людей тех лет, среди них Агуреев, Питателев, Циплаков, Хоруженко и др. Одни прошли концлагеря, другие сражались под Москвой, Ленинградом и на юге России. На своих лечях они вынесли все эти тяжелые бои первых дней отступления.

УЧАСТНИКИ БИТВ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

УЧАСТНИКИ БИТВ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Советский Военно-Морской Флот с первого дня войны стал надежной опорой сухопутных войск не только на всех морских и речных стратегических направлениях, поддерживая их в оборонительных и наступательных боях своей мощной дальнебойной артиллерией, корабельной и береговой. Из состава моряков формировались бригады и отдельные батальоны морской пехоты. Надводные и подводные корабли, морская авиация, прорывая минную и артиллерийскую блокаду на морях, реках, озерах, вели и другую необходимую военную работу: питали армии горючим, продовольствием, боеприпасами, перебрасывали отдельные части, соединения, целые армии водным путем к месту их дислокации.

Советские моряки воевали всюду. Не было ни одного крупного сражения, в котором не участвовали бы воины, гордо носившие тельняшку или бескозырку. Москва, Ленинград, Одесса, Севастополь, Новороссийск; Арктика, Приазовье; Прут, Днепр, Дунай до самой Вены и Баварских Альп; Болгария, Румыния; Белград, Будапешт; Одер, Шпрее, Берлин; Сунгари, Корея, Порт-Артур, Сахалин, Курилы... Советский флот и его моряки сражались на воде и под водой, в воздухе и на суше.

Флот за время боевых действий высадил 110 морских оперативных и тактических десантов, громил конвои противника, топил его транспорты с войсками, техникой. Над морями в небе он уничтожил 5509 самолетов противника, потопил более 1300 боевых вражеских кораблей и вспомогательных судов.

...С 9 августа 1945 года стремительно стали разворачиваться события на Дальнем Востоке. Войска Забайкальского, 1 и 2 Дальневосточного фронтов нанесли мощнейшие удары по противнику, и он стал быстро откатываться от границы вглубь Манчжурии.

Вступили в битву с врагом и моряки-тихоокеанцы. Военно-Воздушные Силы флота нанесли массированные удары по северокорейским городам Юки, Расин, Сейсин. Здесь базировалось до 40 японских кораблей, включая эсминцы и подводные лодки. Летчики, возвращаясь с боевых заданий, докладывали, что акватории портов полыхали гигантскими факелами... Как призраки, вырывались из темноты ночи торпедные катера, и оглушительные взрывы торпед сливались в единую какофонию со свистом и грохотом авиабомб...

Японское командование прекратило все морские перевозки. Флот принял морские десанты, высадив их в тыл отступающих японских войск на побережье материка, а также на Южный Сахалин и Курильские острова.

Вот качканарцы, которые участвовали в боевых операциях Военно-Морского Флота. Здесь следует оговориться, что из 1500 участников

прошедшей войны в Качканаре сегодня осталось живущих около 200 человек, моряков – около 10-и.

Кушков Иван Семенович – Балтийский флот, воевал на лидере «Ленинград».

Лапина Валентина Сергеевна – «Дорога жизни», Ладожская флотилия и Балтийский флот.

Муравский Сергей Семенович – Тихоокеанский флот, часть РАП.

Пермяков Илья Изосимович – Северный флот, подводник.

Попов Василий Алексеевич – Тихоокеанский флот, морской охотник.

Нечаев Петр Савелович – Тихоокеанский флот, морской охотник.

Черепанов Аркадий Ильич – Северный флот.

Шмыга Андрей Иосифович – Восточная Пруссия – Тихоокеанский флот – Корея, морская пехота.

Ведерников Федор Васильевич – Тихоокеанский флот, авиация.

Виноградов Мартын Назарович

Семенов Николай Михайлович – Крым, Керченско-Феодосийская операция, десант.

Михайлин Василий Никитич – Совгавань, береговая артиллерия.

Рогозин Михаил Васильевич – Северный, Тихоокеанский флот, транспортные перевозки.

Пантюшев Павел Евстафьевич – Черноморский флот, крейсер «Кутузов», поход в Югославию.

Кушков Иван Семенович

Родился в 1923 году в деревне Титковцы Шестаковского района Кировской области. Работал вначале в колхозе, а потом – в леспромхозе. В 1942 году взяли в армию. Попал в Северный флот, на Соловецкие острова.

- Сперва был в учебном отряде, а когда сложилось тяжелое положение с Ленинградом, нас, целый эшелон матросов, направили на защиту города, – вспоминает Иван Семенович, – Под бомбежками, под обстрелом по Ладожскому озеру добрались до Ладожского и расположились в лесу. Это было в ноябре 1942-го. Нас обнаружила немецкая разведка и навела на нас самолеты, которые начали бомбить этот район. Погибло 28 моряков, было много раненых.

Ночью нас погрузили на транспорт, набили, как сельдей в бочку, переправили на ленинградский берег. Так мы прибыли в Ленинград. Я попал на лидер «Ленинград». Это был самый воинственный корабль Балтийского флота.

Ленинград жил в блокаде. Я видел, как погибал с голоду и холоду, от бомбежек и немецких обстрелов народ.

В 1943 году участвовал в прорыве блокады. Только после этого город начал оживать. Сперва была узкая полоска свободной территории, где была проложена узкоколейка. А окончательно прорвали блокаду 19 января 1944 года, а 28 января Ленинградская область была полностью освобождена. Следом началось освобождение Прибалтийских республик.

Вот некоторые эпизоды из моей военной жизни.

В 1943 году, когда я был вахтенным на корабле, вдруг увидел, что к кораблю подплывает морская мина. Не теряя времени скинул с себя бушлат, прыгнул за борт и осторожно оттолкнул ее от корабля. Потом поднял тревогу, и вся команда, все 450 человек начали работу по обезвреживанию мины: орудийными выстрелами расстреляли ее и спустили шлюпку, которая подобрала меня. За это меня наградили медалью Нахимова. Тогда я был в звании старшины и руководил котельным отделением.

Второй случай. В одном из боев в моем котельном отделении лопнуло несколько трубок, по которым пар поступает к механизмам винта. А этих трубок в котле ровным счетом 5888. Об этом я тут же доложил капитану корабля. Он дал мне команду: "Устранить аварию и доложить!" Я скомандовал закрыть все 28 форсунок и спустить воду, а сам надел асбестовый костюм и полез в верхний коллектор котла. Жара невыносимая! Зная район, где протекли трубки, я с помощью заглушек устранил аварию и вылез из коллектора. Дал команду пустить насосы. Котел начал заполняться водой, утечки из трубок не было. Мы быстро подняли пары до нормального давления. Я осмотрел все кругом: все в порядке. Об этом доложил капитану корабля. Он сказал: "Молодец!". А после по ходу службы перед всем личным составом объявил о награждении меня медалью "За боевые заслуги".

Демобилизовался в 1948 году. А до демобилизации обучал вновь прибывших матросов.

Кроме медалей имею орден Отечественной войны II степени, медаль "За оборону Ленинграда" и многие юбилейные.

Кроме этого, корабль, на котором служил И.С. Кушков, участвовал в освобождении Моонзундских островов, которые были освобождены после высадки на них десанта. Эта операция продолжалась 2 месяца. Противник при поддержке своих кораблей отчаянно сопротивлялся. Но наши войска при поддержке авиации и флота упорно продвигались вперед. Освобожденные острова до конца войны служили нашим морякам базой для походов на немецкие порты Балтийского моря.

Ведерников Федор Васильевич

Родился 1 января 1919 года в поселке Ис. Призван в армию в ноябре 1939 года из г. Березники с четвертого курса химико-технологического техникума. Демобилизовался в мае 1946 года.

- После призыва был направлен во Владивосток в школу младших авиаспециалистов (ШМАС), - вспоминает Федор Васильевич. В 1940 году направлен в 41 авиаполк в Совгавань мотористом самолета СБ в звании младшего сержанта.

В 1944 году мы получили новые самолеты – пикирующие бомбардировщики. А полк наш получил новый номер – 55. Я уже был старшим механиком самолета. В 1945 году наше звено (3 самолета) получило приказ занять аэродром в тылу японцев на Южном Сахалине. Аэродром был нами захвачен, и мы держались там до конца войны.

Во время бомбардировки нас японской авиацией был контужен, несколько дней был без сознания, а потом оказалось, что у меня потеря памяти. Но, в конце концов, все обошлось благополучно. Однако память все-таки ухудшилась. До сих пор фамилии, имена людей плохо запоминаются.

Был на фронте на Южном Сахалине в звании старшего авиамеханика. Наш полк входил в состав Северной Тихоокеанской флотилии (СТОФ).

После демобилизации приехал на Ис, поступил на третий курс Исковского техникума, учился на электромеханика. В 1948 году окончил техникум и был направлен по распределению в Среднюю Азию, на урановые рудники.

В 1955 году вернулся на Ис, в мае 1957-го устроился на работу в Качканар главным механиком СУ-1. На Качканаре работал механиком завода ЖБИ, главным механиком треста "Качканаррудстрой", начальником базы механизации, и.о. директора завода ЖБИ, слесарем "Уралдомремонта", председателем профсоюзной организации и инженером производственного обучения.

В апреле 1989 года вышел на пенсию.

Шмыга Андрей Иосифович

Родился Андрей в Западной Белоруссии, Гродненской области Свислочского района, деревня Доброволя в 1923 году, в семье рабочего а она тогда входила в состав Польши. Но в сентябре 1939 года эти земли были присоединены к СССР. Район, где он жил, стал пограничным. Когда началась война, здесь действовали как советские, так и польские партизаны.

После освобождения Западной Белоруссии нашими войсками в 1944 году Андрей был призван в Советскую Армию и попал в морскую пехоту. Прошел с боями по Восточной Пруссии до Кенигсберга. В ноябре был контужен, лечился в Литве, потом снова фронт. 21 января 1945г. был тяжело контужен. Лечился в Каунасе, Москве, Улан-Уде. 4 июля выписался из госпиталя, попал в часть ст. Мальта в Иркутской области, потом на станции «Зима» проходил старшинскую морскую школу. Отсюда направили на войну с Японией. На 1-й Дальневосточный фронт. Форсировали реку Уссури, овладели городами Мишань, Гирин, Яньзы, Харбин, Чанчунь, Мукден наступали по направлению Порт-Артура. Мне запомнился день уже после капитуляции. Нас шесть человек послали вместе с Китайцами разбирать ткацкую фабрику. Станки мы помещали в ящики, а чтобы они не болтались залаживали мануфактурой и разными сортами ее: шелк, сукно и т.п. ящики отправлялись на Урал Грузили на узкоколейку прямо на фабрике. Считаю, что многие этой мануфактурой оделись и были рады этому. А, может кто из уральцев разгружали эти вагоны «с приветом из Манжурии». Живые свидетели откликнитесь. После войны работал в Исовском совхозе управляющим отделением.

Черепанов Аркадий Ильич

Родился я 15 января 1922 года в пос. Верхняя Тура. В 1937 году мы переехали на Ис.

Перед призывом в армию нас обучали военному делу. На Ису была парашютная вышка, так мы на ней тренировались, готовились к прыжкам. И вот 22 июня 1941 года началась война с Германией. В июле я был призван в армию, и нас, группу призывников, направили на Северный флот. Обучались в Мурманске. Граница была рядом. Над городом часто появлялись вражеские самолеты. Изучал я азбуку Морзе – как телеграфную, так и световую. После обучения был направлен на базу Полярную на Кольском полуострове.

Служил на эскадренном миноносце. Наша задача была – сопровождать транспорты и караваны судов, в основном, на Новую Землю. А вражеские военные корабли барражировали по всему Баренцеву морю, заходили даже в Карское. Недалеко от Мурманска проходила граница с Финляндией, и нам приходилось его защищать. Полуостров Рыбачий был наш, а напротив – через бухту уже вражеская земля...

Демобилизовался Аркадий Ильич в апреле 1947 года. Командование вручило ему Похвальное письмо, в котором говорилось:

“Расставаясь с Вами, командование части и весь личный состав выражают Вам свою искреннюю благодарность за Вашу долговременную честную службу на морских рубежах Советского Заполярья. Вы были лучшим воспитателем, прекрасным организатором и честным исполнителем всех заданий, возложенных на вас командованием. Вместе с нами Вы прошли великое моральное и физическое испытание в минувшие годы Великой Отечественной войны. Боевые друзья будут с гордостью вспоминать о Вас как о лучшем друге.

Вы были честным и справедливым командиром-коммунистом, отдавая все свое умение и силы за великое дело партии Ленина-Сталина. Только с такими воинами, как Вы, наши Вооруженные Силы смогли разгромить врагов на Западе и Востоке. Ваш боевой опыт и опыт по воспитанию молодых матросов будет служить программой в нашей дальнейшей практической работе по воспитанию молодых кадров.

Мы будем уверены, что все эти качества командира-большевика Вы вложите в мирный созидательный труд советского народа, на выполнение сталинского плана новой пятилетки, в дело дальнейшего укрепления мощи нашей любимой Родины и материального блага советского народа. Мы уверены, что Вас не устроят никакие трудности.

До свиданья, дорогой товарищ Черепанов А.И.

Примите наше спасибо за Вашу доблестную службу и наши наилучшие пожелания в мирном созидательном труде.

Крепко жмем Вашу руку!”

Свое приветствие уходящему в запас воину-североморцу, одному из своих лучших военкоров прислала и краснофлотская газета “Огонь!”

Попов Василий Алексеевич

Родился в 1924 году в деревне Елкино Нижнетуринского района в семье рабочего. Призван в армию в августе 1942 года. Рассказывая о нем, я пользовался очерком журналиста Г. Краснопевцевой “Морская душа” в газете “Качканарский рабочий” и его личных воспоминаний, которые он написал по моей просьбе.

“Может начать с детства?.. Кажется, давно ли оно было, но сколько воды с тех пор утекло и как изменилась жизнь! Нынешняя детвора вряд ли представляет себе босоногого парнишку из деревни Елкино и большую дружную семью. Есть ли теперь такие семьи, где десять человек: отец и мать, шестеро детей и две бабушки живут под одной скромной крышей и не жалуется на тесноту. А кормилец в семье один.

Отец был старателем. Что знают об этой профессии юные слушатели Василия Алексеевича? Зато он, старший из детей, рано приобщился к этому

труду. В 14 лет освоил мутилку. Это такая деревянная колода в старательском станке, с помощью воды отделяющая платину от породы. Два года "старался" подросток вместе с отцом. В 16 лет его приняли матросом на драгу № 29. А если ты матрос, значит вся грязь – твоя. Засорилось что-нибудь – "Васька, беги!". Корень вместе с землей попал в дражный ковш – "Васька, сбрось!". И Васька тяжелым багром цепляет этот корявый корень, сбрасывает его на палубу, а оттуда – за борт.

Борт, корма, палуба, матрос. С юности привык Василий к этим словам и не знал еще, что где-то его уже ждет настоящее море и не дражный, а Тихоокеанский флот.

Уже шла война, металла стране требовалось больше, и старателей из Елкино перевели на Маломальский, на драгу № 33. Семь километров пешочком – туда, 12 часов на рабочем посту – и семь километров обратно. Василий уже был масленщиком. Как и все, уставал, недоедал и недосыпал. Но, как и все, знал: работает ради фронта, ради победы.

А в 1942-м старших Поповых призвали в армию: отец ушел в апреле, а Василий – в августе. И осталась мама одна с малыми да старыми. Путь Василия лежал на восток. Почти месяц в товарном вагоне, полуголодные, добирались они до Владивостока. Зеленый свет был лишь для встречных составов, которые спешили на запад с войсками и техникой.

И вот Дальний Восток. Сначала рубили капусту и копали картошку для флота. Потом комиссия, баня, флотская одежда, учебный отряд на острове Русском. Выучился Василий на радиста, потом освоил радиолокацию и стал радиометристом. Зорко наблюдали они за небом и морем.

- Японцы постоянно угрожали: в наши бухты заходили их подводные лодки, в небе летали их самолеты, – говорит Василий Алексеевич. – Нам было приказано: ни единого выстрела, чтобы не спровоцировать войну на Дальнем Востоке, когда на западных фронтах идут жесткие бои".

-Трудно было первое время, Япония угрожает войной, а мы еще молодые, необстрелянные... – продолжает ветеран. –Днем изучали оружие, учились стрелять, а ночью создавали оборону: рыли в сопках убежища, укрытия и окопы. Питались одной рыбой и крабами, что доставали со dna морского. Голод был страшный, но выжили, и войны не случилось.

Значительно позднее, но вступить в войну с Японией все-таки пришлось. Василий служил тогда на "морском охотнике". Не раз его небольшой команде в 18 человек приходилось брать на борт до 250 морских пехотинцев и забрасывать их десантом на занятые врагом побережья. Японцы боялись их, называли "морскими дьяволами", старались не допустить десанта, жестоко обстреливали "морских охотников". А те

старались подойти к берегу скрытно, ночью, и высадить морских пехотинцев незаметно для врага. Но это удавалось редко. Чаще береговая артиллерия обнаруживала наши суда и открывала по ним шквальный огонь. Гибли корабли, гибли люди. Дважды пострадал и корабль, на котором служил Попов. Но задачу свою «морские охотники» выполняли всегда. Василий Алексеевич участвовал в освобождении корейских портов Сейсин, Расеин, Юки...

В боевой обстановке Василий умело и надежно держал связь с командиром, с соседними «охотниками», с наблюдателями, со своим штабом, проявляя хладнокровие, внутреннюю собранность, бесстрашие.

21 день длилась война с Японией, а погибло в ней около ста тысяч человек, – говорит Василий Алексеевич. – Ведь кроме Тихоокеанского флота в ней участвовали фронты: Забайкальский под руководством маршала Малиновского, 1 Дальневосточный, которым руководил маршал Мерецков, и 2 Дальневосточный во главе с генералом армии Пуркаевым... Порт-Артур мы тоже брали десантом. Там, в Порт-Артуре, я и служил до весны 1947 года.

А 3 мая 1947-го он был уже в родном Елкино. Потом добывал уголек в Волчанске, а после работал на Ису. Радовался мирной жизни, женился. За десять послевоенных лет прошел путь от секретаря комсомольской организации Исовского прииска до инструктора горкома партии.

22 мая 1957 года в горком партии пришел управляющий трестом «Качканаррудстрой» М.В. Левитский: «Мне нужен начальник отдела кадров». Ему указали на Попова: «Дела передашь потом, а завтра выходи на работу в трест». Пришел Василий Алексеевич на работу в контору, размещавшуюся в одном из нижнетуринских общежитий, а там один управляющий, других работников еще не было. Левитский сказал:

- Найди коменданта, пусть покажет комнату для отдела кадров. За пять дней нужно принять на работу 150-200 человек и отправить их в Валериановск. Оттуда и будем начинать строительство.

Новоиспеченный начальник отдела кадров с первым заданием справился успешно. Выпросили на Нижнетуринской ГРЭС бортовые машины (своего-то еще ничего не было) и по старой бушуевской дороге поехали на Валериановск. На головной машине трепетал на ветру яркий транспарант «Даешь Качканар!»

Городу юности, нашему Качканару, Василий Алексеевич посвятил всю остальную свою жизнь. Строители знают его и как бессменного секретаря партийной организации треста «Качканаррудстрой», и как первого начальника отдела кадров.

Пантюшев Павел Евстафьевич

Рассказ очевидца

Скорбящая фигура из бронзы, гребной винт судна и надпись «Любовь к Родине и верность присяге были для вас сильнее смерти». Такой мемориал находится на братском кладбище в городе Севастополе. 611 фамилий погибших моряков перечислены на стеле. Они погибли 10 лет спустя после окончания Великой Отечественной войны – в 1955 году в результате мощного взрыва затонул флагман Черноморского флота восьмипалубный линкор «Новороссийск». Павел Евстафьевич рассказывает:

- Наш крейсер «Михаил Кутузов» стоял на бочках восточнее постоянной стоянки линкора «Новороссийск». Вернувшись из длительного похода (обычные учения) команда готовилась ко сну. Поздно вечером вернулся и линкор. Все шло, как обычно. Большинство офицеров, кроме дежурных, перед субботой покинули корабли – сошли на берег к родным. Погода стояла осенняя. Из-за большой влажности было прохладно, но дождя и ветра не было.

И вот в два часа ночи 29 октября 1955 года, когда мы мирно спали, вдруг прозвучал мощный взрыв под днищем в носовой части линкора. Вода потоком хлынула в пробоину. Создался дифференциал на нос, а потом и резкий крен на правый борт.

Нас разбудили крики: «Новороссийск» тонет!». Мы соскочили с коек и бегом бросились на верхнюю палубу. Ночь. Виден темный силуэт линкора. Потом увидели, что носовая часть корабля медленно погружается в воду. Паники особой среди личного состава не было. Все находились на боевых постах. Казалось, стоит полная тишина, но на душе беспокойно. Курим, строим догадки. Наши ребята спустились в кубрики, оделись потеплей, так как стало прохладно. Я последовал их примеру. Через час или чуть больше услышали по громкой связи: «Личному составу, у кого есть карманные фонарики, построиться на юте у левого борта». И еще: «Баркас к трапу!». Моряки вслух высказывались: «Эх, кабы у меня тоже фонарик был...». Мы искренне хотели помочь людям в беде. Несколько «счастливчиков» отправились помогать команде линкора бороться за живучесть корабля. Ушли только опытные ребята, прослужившие на флоте 3-6 лет. (В то время во флоте служили семь лет.)

Как выяснилось потом, вахтенным офицером на линкоре был лейтенант Виктор Лаптев, не бывавший в критических ситуациях. Только через полтора часа на место прибыл исполняющий обязанности капитана корабля Григорий Хуршудов, также не имевший достаточного опыта, до недавнего времени ходивший на небольших судах.

Еще все можно было поправить. В Севастополь высадился целый "десант" высоких чинов во главе с командующим флотом вице-адмиралом Виктором Пархоменко. Но противоречивость приказов доделала то, что не смог сделать взрыв – решающим приказом, окончательно затопившим "Новороссийск", стал приказ буксировать его на мелководье в сторону Графской пристани, до которой было с полкилометра. Переборки корабля не выдержали натиска воды, но люди продолжали самоотверженно бороться за его живучесть. Крен увеличивался. "Новороссийск" стал медленно переворачиваться. Моряки прыгали в воду. Говорили, что кто-то, не умеющий плавать, чудом вскарабкался по борту и остался в живых на киле...

Многотонная, длиной более двухсот метров туша линкора накрыла суденышко с крейсера "Михаил Кутузов". Заживо погребенными оказались моряки на нижних палубах, в трюмах, котельной... Страшной была и смерть новобранцев, разместившихся в носовом кубрике – взрыв перекрыл им выход и приговорил к мучительному удушью. Говорили, что еще несколько дней был слышен стук в корабле. И все это происходило на глазах горожан, собравшихся на набережной и с ужасом наблюдавших агонию одного из лучших кораблей флота. Соседние корабли прожекторами освещали поверхность воды. По ней плыли люди – кто куда. Спасательные суденышки подхватывали плывущих, оказывали им первую помощь. Многих засосало воронкой, когда линкор опрокинулся...

Перевернувшийся линкор очень долго находился на месте бедствия на плаву. Его никуда не утаскивали. Днем и ночью было организовано дежурство – подбирали всплывшие тела. На Черноморском флоте это был последний линкор – больше их уже не строили.

Через несколько десятилетий в печати стали появляться кое-какие сообщения об этом трагическом событии. Приведу некоторые.

После случившейся трагедии, как положено, к расследованию ее причин приступила правительственная комиссия во главе с заместителем председателя Совнаркома Вячеславом Малышевым. Итоги ее работы были рассекречены лишь несколько лет назад. Из документов становится ясно, что "козлом отпущения" во всей этой истории стал главком ВМФ Николай Кузнецов – очень уважаемый на флоте человек. Он был разжалован, а затем и вовсе отправлен в отставку. А такие люди, как тот же Пархоменко или член военного совета флота Николай Кулаков не только остались на руководящих постах, но даже продолжили свою карьеру.

А что послужило причиной взрыва на линкоре так и остается до сих пор неизвестно. Первоначальная версия о том, что взорвались топливные цистерны, или рванули артиллерийские погреба, не подтвердились. Затем возникло предположение о заложенной мине. Все вспомнили о докладе, в котором говорилось об обнаружении на "Новороссийске" заваренного

отсека, которого не было на чертежах. Однако характер взрыва исключает возможность его действия изнутри. Тогда, может, торпеда? И это не подтвердилось. Если взрыв "Новороссийска" был все же террористическим актом, то кто был в нем заинтересован?

В архивах тех лет почему-то затерялся еще один весьма необычный факт: на одной из бочек, погруженных на крейсер "Керчь", было обнаружено взрывное устройство. По расчетам экспертов "Керчь" должен был взорваться 7 ноября.

Что объединяет "Керчь" и "Новороссийск"? Оказывается оба эти корабля итальянского происхождения, оба перешли к нам в качестве трофеев. Беспечность охраны на "Новороссийске" вполне могла создать условия для работы диверсионной группы. Интересно, что вскоре после взрыва за некую операцию в Риме была награждена высшими орденами Италии группа аквалангистов.

При встречах с сослуживцем Александром Гетманенко мы часто вспоминали те тревожные дни, делились появившимися новостями об этой трагической истории.

Встреча с Г.К. Жуковым

Первая моя встреча с прославленным маршалом состоялась при праздновании Дня Военно-Морского Флота 14 июля 1957 года. Георгий Константинович принимал тогда парад на Неве в Ленинграде.

Мне посчастливилось участвовать в переходе отряда кораблей Черноморского флота под командованием контрадмирала Тюняева по маршруту Севастополь – Ленинград – Севастополь вокруг Западной Европы с заходом в порты Югославии. Отряд возглавлял флагманский крейсер "Михаил Кутузов", на котором я проходил службу.

В праздновании также участвовали корабли Балтийского и Северного флотов. Стояли мы у разводного моста через Неву, слушали торжественную речь и поздравления маршала Жукова, производили салют. Погода была отличная. По набережной Невы ходили тысячи людей, среди них было много иностранных гостей. Приятно было общаться с ленинградцами – гостеприимными, вежливыми, интеллигентными людьми, петь вместе с ними песни, веселиться. Запомнились пионеры, посетившие наш корабль, доставившие всем нам большое удовольствие своим выступлением.

В эти дни мы колонной под звуки духового оркестра посетили памятник Михаилу Кутузову, в частном порядке сходили в Эрмитаж, любовались Невским проспектом. На мощном катере командующего Балтийским флотом "Альбатросе" сходили на экскурсию в город Калининград.

Вторая встреча с Г.К. Жуковым была более длительной и произошла на крейсере "Куйбышев", когда его в 1957 году сопровождали морским путем в Федеративную Республику Югославию. Перед прибытием Министра обороны на крейсере всюду наводили идеальный порядок: драили, чистили. Много раз мыли с мылом коридоры, закоулки, лопатили мокрую палубу, подкрашивали борта... Чистоту офицеры проверяли белоснежными носовыми платками. Мы тогда еще не знали, что для Министра обороны, Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР это путешествие будет последним в таком ранге, что Н.С. Хрущев "позаботится" о нем.

С нами в походе был ансамбль Черноморского флота, который давал концерты. На одном из них присутствовал и Жуков в сопровождении прекрасной особы средних лет. Мы тогда не столько слушали выступление ансамбля, сколько разглядывали этого легендарного человека. Мне он запомнился на всю жизнь, как, впрочем, и всем моим сослуживцам: среднего роста, крепкого телосложения с мужественным лицом и коротко стриженными волосами. Он не торопясь шел по расстеленной вдоль правого борта до самого юта ковровой дорожке.

Для них были поставлены кресла. Мы же размещались на принесенных с собой легких одноместных раскладушках. По выражению лица Георгия Константиновича было видно, что выступлением ансамбля он доволен.

Жил маршал в каюте командира корабля по правому борту. Обычно по трапам положено передвигаться только бегом, а возле его каюты нам было приказано ходить бесшумно.

По приходу в Югославию мы встали на рейде недалеко от берега. Услышали салют береговых орудий в честь высокого гостя и произвели ответный салют с корабля. Г.К. Жуков был доставлен катером на берег и позднее прибыл в Белград.

Вот первая моя статья в газете, с которой все начинается все мои воспоминания и были написаны книги: "Иптаповцы", "Под гусеницами танка", "Истоки". И последняя заключительная работа автора.

ДОРОГИЕ МОИ ОДНОПОЛЧАНЕ

Из почты страницы "Патриот":

Проходят годы, летят... И вот уже мы из безусых пареньков превращаемся в дедов, выходим на пенсию. Растет поколение внуков.

Снова на западе бряцают оружием. В памяти всплывают години тяжкие.

После войны судьба разбросала нас кого куда. Мы потеряли друг друга в круговерти дел и времени и тем более радостно встретить друзей – фронтовиков, вспомнить с ними о былом, просто поговорить.

Долго искал я своих однополчан. Искал я, но нашли меня. Нашел друг, с которым вместе прослужили около пяти лет. Был в Свердловске в командировке, зашел в адресное бюро, и через пять минут ему дали мой адрес.

И вот письмо. Оно навеяло много воспоминаний. Последняя наша встреча была в 1950 году во Владивостоке. Моя дорога лежала домой, а его, окончившего военное училище, направили в часть. Теперь он уже подполковник в отставке, живет в Тамбове.

Это письмо друга подтолкнуло меня на новые поиски однополчан...

Еду в Омск по туристической путевке. Захожу в адресное бюро. Ищу своего друга, с которым вместе прошли по военным дорогам Венгрии и Чехославакии, были заряжающими одного орудия.

И вот долгожданная встреча. Рассказы, воспоминания...

- А помнишь, когда мы брали снаряды из ящика, чтобы зарядить пушку, вдруг невдалеке разорвался немецкий снаряд, тебя осколком плашмя стукнуло по ягодице? Ты не мог сидеть, а мы хохотали...

- А помнишь, когда немецкий самолет бросил на нас бомбу, мы на полном ходу из автомашины выпрыгивали в кювет? Ничего, обошлось...

- А помнишь, как нам пришлось ночью вытаскивать своего убитого командира с нейтральной полосы?..

- А помнишь ?

Если я что – то не мог вспомнить, то он говорил: " Ну, Смирнов..." Хотя мы и были фронтовыми друзьями, но всех своих однополчан звали только по фамилиям.

Дни и ночи шли в воспоминаниях, разбуженная память не давала спать.

Теперь мы с другом – Александром Сизовым, шофером совхоза Омской области – ежегодно встречаемся то у него, то у меня.

А поиск продолжается. Как – то я был на курорте в Трускавце, встретил ветерана из Армавира. Начал спрашивать про наш корпус. Товарищ не был в нем, но знает Тимонина, который является членом комитета ветеранов войны города. Посылаю ему письмо со своим адресом, получаю ответ, а в нем адрес другого однополчанина, Ильи Павловича Гряды, бывшего писаря

нашего полка. От Гряды я получил адреса четырех фронтовиков, в том числе и моего бывшего командира батареи Ивана Ивановича Шевченко. Ура! Я нашел своих однополчан. Нашел совет ветеранов нашего 4-го Гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского орденов Ленина и Красного Знамени, орденов Суворова и Кутузова корпуса.

Шло время. У меня уже было около двух десятков адресов моих однополчан.

Вот и встреча в 1980 году в Москве со своим бывшим комбатом, а позже помначштаба полка И. И. Шевченко, проектировщиком Московского метро, лауреатом Ленинской премии, а также с командиром разведки нашей батареи москвичом Владимиром Григорьевичем Ницкевичем. С последним мы расстались перед концом войны, когда он был тяжело ранен в Малых Карпатах. Сейчас фронтовик инвалид, но продолжает строить Москву.

Вспоминается тот день, когда мы с другом А. Сизовым были свидетелями разыгравшейся драмы. Командиру взвода управления лейтенанту Колесникову был дан приказ выдвинуться вперед и руководить огнем батареи. В группу входили разведчик Ницкевич, корректировщик Иван Николаевич Прядко и разведчик Александр Пономарев. Группа двигалась по кромке леса. Немцы заметили ее открыли, открыли огонь из миномета. В результате Колесников был смертельно ранен. Получили тяжелые ранения и все остальные.

Переписываюсь с полтовчанином Иваном Николаевичем Прядко, инвалидом, ветераном, теперь пенсионером. Он пишет, что "до сих пор все воюю по ночам, встаю мокрым, все болит, сердце останавливается. И медицина не в силах помочь..."

Ищем А. Пономарева из Новосибирска. Но, оказывается, там он сейчас не живет, обосновался где – то на Кавказе.

Капитан Шевченко дал адреса батарейцев Василия Павловича Овраха – краснодарца, пенсионера, бывшего командира орудия и связиста Семена Ильича Лаптева.

Узнал о намечаемой встрече ветеранов нашего корпуса в станице Куцевка. Стал к ней готовиться. Решил сделать схему боевого пути нашего корпуса для однополчан, как сувенир. Пришлось основательно поработать. Много перебрал литературы о Великой Отечественной войне, где упоминается корпус. Хорошим подспорьем послужили благодарности Главнокомандующего Сталина нашему корпусу. 18 раз Москва салютовала в честь казаков - гвардейцев.

Честью по памяти, так как с Белоруссии и до конца войны я воевал в составе корпуса, частью с помощью однополчан, особенно начштаба Б.С. Духовного, я восстановил схему боевого пути и поехал на встречу в Куцевку.

Как мне были благодарны однополчане за эту схему!

Друг по батарее В. П. Оврах сообщил дату новой встречи. Еду в Краснодар. Даю телеграмму, чтобы встречал. Узнаю или не узнаю его через 37 лет? Выхожу из вагона и вижу: стоит товарищ, осматривает пассажир. Да это же Оврах! Тут же на перроне обнимаемся, у обоих слезы на глазах. Радость встречи!.. Люди идут, смотрят на нас, останавливаются. Мы не обращаем внимание ни на кого...

-А я думал, - говорит Оврах, - не узнаю тебя, хотел по селектору объявлять. Нет, думаю, попытаюсь узнать.

Снова вижу нашего Овраха, весельчака, участника всех наших заповок на привалах, на отдыхе. Вместе мы прошли войну, начиная с Белоруссии, а в полку он с самого формирования. Прошел от Кубани до Праги. Несколько раз был ранен, награжден орденами Отечественной войны и Красной Звезды, медалями.

В Краснодаре побывали у однополчан, в том числе в семье комиссара нашего полка Давыдова, недавно ушедшего из жизни. Смотрели альбомы. Кто есть кто? Да, за 37 лет много воды утекло, люди изменились... Оказывается, и раньше были встречи однополчан, а я на ней в впервые

Но дата встречи оказалась не 2-го, а 20-го. Приглашает меня Оврах ехать к нему на Черное море на неделю, где он работает летом в санатории. Обидно, но некогда. Дни, отпущенные на встречу, кончаются. Еду домой.

Через несколько дней приходит приглашение на встречу. Как быть? Ехать, не ехать? Советуют ехать. Решился – еду! Не часто в жизни бывает такое.

Еду в станицу Куцевку на место встречи. Оно выбрано не случайно: 40 лет назад здесь вел тяжелые бои.

Из исторической справки: "За четыре дня боевых действий 31 июля – 3 августа 1942 года на берегах реки Ея кавалерийский корпус уничтожил более четырех тысяч гитлеровцев, свыше 100 автомашин, 15 танков и много другой техники противника. Оборонительные сражения в районе Куцевской, Шкуринской и Канеловской задержали на четыре дня продвижение гитлеровцев в сторону Краснодара, дали возможность ряду других соединений избежать окружения, закрепиться на новых оборонительных рубежах..."

За умелые боевые действия, за организованность и отвагу личного состава 27 августа 1942 года Кубанскому казачьему корпусу, всем его дивизиям и полкам было присвоено звание гвардейских.

И вот там, где 40 лет тому назад катился смерч войны, лязгали гусеницы танков, ржали кони, рвались снаряды, строчили пулеметы, собрались августовским солнечным утром ветераны войны, казаки - гвардейцы.

Станица Куцевская гостеприимно встретила тех, кто приехал в третий раз на большой праздник фронтовой дружбы, чтобы почтить память однополчан, побывать на местах боевой славы.

Три дня, которые мы провели в станице, были переполнены событиями. Встречи с однополчанами с однополчанами, посещение мест боев, возложение гирлянды славы к мемориалу нашего корпуса, осмотр музея боевой славы, встречи с трудовыми коллективами, с учащимися школ. Присутствовали мы и на большом спортивном празднике, посвященном встрече однополчан. Для нас дал концерт Кубанский казачий хор, был организован торжественный вечер.

Все эти дни мы спали только два – три часа в сутки. Везде шли воспоминания о боях и походах, о товарищах. Всюду слышны были возгласы: "И я там был..." Ведь мы сражались на одном участке, брали одни и те же населенные пункты. Фронт корпуса растягивался в наступлении не широко. Все мы были рядом.

Были и у меня встречи с однополчанами. Захожу как – то в столовую. Смотрю знакомое лицо.

- Федоров?

- Я!

- Из сто пятьдесят второго?!

- Да...

Я встретился с офицером нашего полка, работающим в Кошехабле (где когда – то стоял наш полк), военруком школы.

Или еще. Как – то выхожу из школы, вижу: стоит группа однополчан, оживленно разговаривают. Подхожу. Один спрашивает: "Узнаешь" Внимательно всматриваюсь, мелькают в памяти события и лица. "Борис Семенович!... А меня рядом сосед окликает. Смотрю, вспоминаю: "Семен Ильич!" Обнимаемся, целуемся, жмем руки.

Борис Семенович Духовный, бывший начальник штаба полка, теперь полковник в отставке, пенсионер. Другой – Семен Ильич Лаптев – бывший радист с нашей второй батареи, с кем вместе прошли мы по городам и селам Венгрии и Чехословакии. Теперь он директор крупного совхоза.

Всего из нашего полка на встрече было 11 человек.

Смотришь на своих фронтовых товарищей – посидевшие, постаревшие, некоторые едва ходят, многие инвалиды, но кто смог – приехали на встречу со своей боевой молодостью.

Вот как пишет Б.С. Духовный о встрече в Кущевке: "Еще в памяти наша встреча. Поистине незабываемое событие в нашей жизни. Хотя нас было мало, но переживаний – предостаточно. Знаете, я заметил: встречаешься с родственниками, и всегда без слез, а вот на встрече с боевыми друзьями в горле все время ком, и только силой воли сдерживаешь при таких встречах слезы..."

Хочется привести отрывки из писем о войне.

И. К. Мачнев. "Так много отобрала у нас война в молодые годы. Все отдали, что могли, все, что от нас требовалось выполнили".

А. И. Махинько. *“В историческую победу, в защиту Родины и мы с вами внесли посильную лепту”.*

Н. В. Хворостянная, у которой брат погиб на моих глазах. *“Смерть не раз смотрела вам в глаза, но обходила стороной. В этом нет вашей вины. Низкий вам поклон...”*

В судьбе и на теле каждого из нас война оставила свои следы.

Проходят годы. Часто нам, фронтовикам, приходится встречаться со школьниками, вести беседы. Вспоминаешь о Великой Отечественной войне и не можешь без боли в душе рассказывать о прошедшем. Нервы на пределе, перехватывает дыхание и не можешь минуту, другую вымолвить слова.

Бывает, глядя кинофильмы о войне, люди переживают, но не верят, что может быть такое. Нет, было. И даже трудней. Особенно тяжело в первые минуты боя, когда надо поднимать в атаку, когда попадаешь под бомбежку. Но в разгар боя находишься в таком состоянии, что порой не можешь восстановить в памяти происшедшее. Только некоторые товарищи рассказывают об отдельных моментах.

РОГОЗИН Михаил Васильевич

ЖИЗНЬ ДЛЯ ВОСПОМИНАНИЯ

Март 1943 год

О. ХАНКО

Лишь только долгие дни
В жизни моей
Будут знать одни
Тетрадные строки в черновой.

Сперва ребёнок, дитя
Рос, в юношу вырастал
И, наконец, перед вами - моряк я
Такую вот книгу писал.

Дайте! Дайте! Волю!
Развяжите вы руки мои
Тогда морскую пучину в строках своих
Для счастливой русской земли воспою!

Нет предела зла,
Пока под немцами наша земля
Но счастливого времени
Добьемся мы с вами, друзья!

Глава 1

С юных лет об армии вспоминаю,

*а теперь сердцу радости нет,
когда сам ряды ее пополняю.*

Яркие солнечные лучи серебристым сиянием осветили заспанные лица ребят. Некоторые сладко спали на голых нарах, а некоторые, лежа лицом вверх, уносились воображением к своей далекой домашней жизни – много было среди нас таких, у кого дома, на родине остались жена и дети. «Как они будут жить? Что с ними?» – вертится в потаенных уголках сознания человека, лежащего здесь, пока что в гражданской форме. И вдруг проскользнет по темному лицу радостная усмешка – вспомнилось, видно, что-то особенно дорогое. Приподнявшись на одном локте, обводишь взглядом людей, собравшихся со всех концов Советского союза. Кто они? И кто ты? Вот лежит паренек. В изголовье – вещевого мешок, одет он в старенький пиджак, на ногах старые же сапоги – видать, из рабочих. Он тоже не спит, глядит своими карими глазами куда-то вдаль, вспоминает, наверно, просторы родной, неопишимо красивой реки Невы. Другой, такой же молодой, спит крепким сном. Одет он в хороший костюм, при галстукe – городской. Взгляд упал на дверной проем, в котором появился загорелый среднего роста моряк, осматривающий новое пополнение заботливым взглядом. Тяжело вздохнув, я снова опустился на спину. Взгляд упал на грязный потолок старинного церковного здания, тело дрогнуло в какой-то радостной судороге, и в голове промелькнула мысль: «Неужели скоро оденем эту форму? Разве можно вчерашнему рабочему быть моряком? А если послала Родина, значит честь и слава. Значит это так! И скоро голубой воротник заплещет на ветру как морская волна, отражая отблески солнечного серебристого луча. Бескозырка с золотой надписью: Морпогранохрана Н.К.В.Д. – наполнит нас гордостью...»

Где-то за решетчатыми железными окнами ласково чирикали воробьи, синицы. Солнышко поднималось выше и выше. Была уже половина восьмого, когда раздалась команда стоящего в дверях младшего командира. От его басистого голоса по всем комнатам пронеслось эхо. Все, как подстегнутые хлыстом, быстро спрыгнули с коек, собираясь идти в путь с чемоданами, наполненными разным домашним барахлом. Руки работали быстро, каждый укладывал все необходимое в свой маленький «багажник». Видя, что пополнение задерживается, командир отделения дал четкую команду: «Отставить чемоданы, быстро строиться во дворе.» Для нас, гражданских, военное слово показалось

строгим, никто не осмелился ослушаться, и тут же один за другим мы сбежали по грапу вниз. Глаза ослепил солнечный свет. Перед взорами нашими предстало старое церковное здание, которое встречало и не таких как мы, но хранило свои тайны внутри старинного кладбища. Строясь по двое, старались в строю оказаться поближе к друзьям или знакомым. Все существо наше было охвачено радостью, сердце каждого билось от волнения.

Командир объяснил, что через некоторое время мы отправляемся.

Наш путь лежал мимо старого кладбища. Справа была церковь, в которой располагался клуб. По обе стороны узкой дороги железные, мраморные, деревянные каменные оградки окружали могилы, на коих виднелись надгробные плиты. Высеченные на них имена свидетельствовали о том, что на кладбище погребены и шведы, и русские, начиная с 1600 года. Некоторые могилы были разрушены, плиты исчезли. Это место казалось еще более таинственным из-за прекрасного тенистого сада, в котором среди раскидистых высоких деревьев росли кусты душистого шиповника.

Скоро узкая кладбищенская дорога слилась с широкой трактовой. Как мы узнали позднее, вела она из города Ленинграда в Шлиссельбург.

Еле перебирая непослушными ногами, мы все же старались идти в ногу. На секунду ровный чеканный звон вылетал из-под идущего в ногу строя и уносился ветром куда-то вдаль. Но тотчас кто-нибудь, забывшись, терял такт, и снова ряды колыхались, а по шоссе неслась дробь, похожая на звон молотков в кузнице. Тогда на помощь приходил командир отделения, который счетом: «Раз, раз, раз, два, три!» — наводил в строю порядок. Минув железнодорожное полотно, мы оказались во дворе двухэтажного здания, стоящего на окраине города. Здесь было много нагруженных машин, повозок, запряженных лошадьми; везде располагались красноармейцы. С крыльца до нашего слуха доносился смех группы краснофлотцев, обсуждавших нашу форму. Сначала мы были смущены их поведением и непонятным словом «салаги», но после плотного завтрака, который ожидал нас, и мы включились в общий разговор, на морском языке — «травлю». Потом снова построение, и снова звучат непривычные слова: интендант первого ранга, капитан-лейтенант... Что это за слова — непонятно! Пришлось прислушиваться к разговорам.

Командир сообщил, что нас ожидает баня, после которой мы скинем своё гражданское одеяние и оденем морскую форму. А пока идем по брусчатке, с непривычки часто «теряем ногу» из-за какого-нибудь разини, приехавшего откуда-нибудь из темного угла — глухой деревни, не видевшего никогда города. Да и сами то и дело глазами по сторонам, поглядывая на кварталы двухэтажных домов, из окон которых смотрят на наш качающийся строй смеющиеся лица людей.

Пройдя два моста, сделав поворот направо, останавливаемся напротив крыльца трехэтажного здания – штаба. Командир отделения идет с докладом, а мы тем временем любуемся замечательным садом. Через некоторое время, когда из дома вышли два начальника, мы отправляемся дальше, куда-то на берег озера. Увидев вывеску «Городская баня», наш разномастный народ заметно оживляется, лица розовеют толи от хорошего настроения, толи от сияния апрельского солнца. Не проходит и полчаса, как мы сдаем свое гражданское платье интенданту второго ранга, который оценивает его. Мы же свернув одежду и привязав к ней бирку, идем мыться. Хорошо помывшись, по очереди выходим из парилки и получаем форму, в которую одеваемся тут же. Выходящего встречают дружным смехом, шуточками – невозможно узнать в форме.

Появляется командир отделения и предлагает сходить на Ладожское озеро. Мы стоим на берегу. Морской ветерок обдает нас своей соленой влажностью. Вдали колеблются на пенистых волнах кажущиеся совсем маленькими пароходы. По правому берегу, на расстоянии 20 км. виднеется высокий морской маяк. По левому берегу, на островке в самом русле Невы стоит старинная краснокаменная крепость. Внутри нее – пусто, но у берега разгружалась какими-то людьми баржа. Среди нас возникли разговоры о шведах, которые хотели эту крепость взять, и о наших, что отбивали героически атаки врага.

Через некоторое время мы возвращаемся в часть, шурша новенькой белой робой. После обеда нас расформировали повзводно. Каждый командир отделения рассказывал, как его фамилия, какие существуют порядки, где отделение будет размещаться и т. д. До вечера мы готовили свои койки, получали постельные принадлежности, наводили порядок в кубрике – устраивались. Я попал к хорошему командиру – С. Кольскому. Он не ругал своих бойцов за проступки, а старался растолковать все простым доступным языком. Он долго рассказывал в свободное время о своей жизни на Украине, об учебе в мореходной школе, которую закончил на отлично. Сейчас он сам, по приказу командования, обучает здесь новобранцев.

После крепкого ужина мы все идем на работу в овощехранилище, где приходится засыпать картофель в мешки и грузить их на машины. В 20 часов работы заканчиваются и мы, умывшись, идем в столовую на собрание. Перед нами выступил начальник школы, майор, фамилии которого я не помню. Своим тихим голосом он пояснил, что помещение, в котором мы разместились, нужно будет переоборудовать под школу, подготовить к занятиям учебные классы. «Школа сейчас находится в 50 км. отсюда, и всем нам придется хорошенько поработать, преодолеть все трудности, чтобы выполнить поставленную правительством задачу,» - сказал в заключении начальник школы. После коротких выступлений младших командиров собрание заканчивается, и мы идем отдыхать по

своим койкам. Лежа в постели, долго еще прокручиваю в воображении картинки прошедшего, наполненного впечатлениями дня. В голове мелькают обрывки мыслей о доме, но сон скоро перебарывает, и я засыпаю.

Просыпаюсь от звонкого голоса дудки, ранее никогда не слышанного. Вместе с друзьями быстро одеваемся и заправляем койки, проводим утренний туалет. Так начинается наша служба, наша жизнь согласно распорядка: завтрак, погрузка соломы, обед, мертвый час, затем новые работы. Наш взвод отправляется на погрузочные работы в старую школу. Чтобы не сломать часы, я оставляю их в тумбочке, с собой в карман шинели беру только полотенце.

Строиться выходим на берег Невы, где ждут нас катера МО – малый охотник. На них выходим в море, многие впервые в жизни. На всех причалах кипит работа: погрузка и выгрузка различных материалов. Со всех сторон раздаются гудки буксиров, тянущих баржи вверх и вниз по Неве, сирены катеров. Обогнув небольшой мыс, катер пристает к берегу, где находится сигнальная вышка. Здесь катер принимает на борт двух старших лейтенантов и следует своим курсом. Шумный город стоял, омываемый полным жизни морским прибоем. Развернувшись, катер вошел в канал и продолжал путь по синей, сверкающей от солнечных лучей, зеркальной поверхности. От форштевня отходили две небольшие волны, постепенно утихая, они лизали сухие песчаные берега. Из-под винта летели глыбы пены, оставляя за собой далекий след. Вдруг машины катера взревели, последовал толчок, и мы остановились – ворота шлюза были закрыты. Лейтенанты отправились за разрешением открыть ворота. А между тем собралось еще около пяти буксиров. Матросы, сошедшие с них, рассказали, что этот канал строился во времена Екатерины 11, а выше находится канал, выстроенный во времена Петра 1, создателя русского флота.

Мой взор обратился на берега канала. По всему левому берегу тянулись различные склады, около которых валялись старые громадные якоря.

Получив разрешение, мы помогли рабочим с помощью лебедки открыть ворота. Снова загудели моторы катеров и буксиров, готовых в любую минуту ринуться вперед. И наш катер идет дальше по чистой, тихой водной поверхности. Как хорошо припекают солнечные лучи! Ветер обдаёт наши зажженные радостью лица свежим дыханием. Под звуки рокота мощного мотора мы запеваем песню. Лейтенанты и старшина ведут какой-то веселый разговор, с их лиц не сходят улыбки. Над каналом пролетают стаи каких-то крикливых птиц, наши взоры обращены на них. Вдруг раздается выстрел мелкокалиберной винтовки, одна из птиц, кувыркаясь, летит вниз и падает где-то в кустах набережной. Второй выстрел был произведен старшиной, но он, видимо промазал, так как лейтенанты засмеялись. Вскоре припекающие солнечные лучи

разморили нас, и потянуло на разговоры о доме, о семье. Видя такое дело, сидящий среди нас старшина, заводит свою травлю о том, что происходило с ним в море. «Вот идем, - говорит он, - возле этих же берегов, солнечные лучи спят глаза. Вдруг впереди, на середине озера замечаем какой-то черный предмет. Надо немедля обследовать! Подходим ближе и в бинокль различаем силуэт плавающей мины. Докладываем командованию по радиации и получаем приказ отбуксировать ее как можно осторожней на мель, где можно было бы ее или взорвать, или разрядить. Через несколько минут на помощь к нам прибыли два краснофлотца на двойке, пришвартовали конец и начали тихим ходом буксировать смертельный груз. Расстояние было метров 100 – 150, опасно было, но задачу командования выполнили!»

Только закончил он свой рассказ, как раздался сигнал, и катер причалил к берегу. Старшина посмотрел весело на берег и сказал: «Пришли ребята, вылезать по одному осторожно». Выстроившись на берегу по двое, отправились вслед за старшими лейтенантами и через полкилометра приблизились к каналу, построенному Петром Первым, о котором слышали на катере. Канал был настолько узок, что через него были перекинута сходы. По ним мы и прошли по одному друг за другом.

Уже начинало смеркаться, солнце садилось где-то далеко за горами. Деревья стояли как живые, набухали почки, наполненные соком, согретые весенним знойным солнцем. Теперь же, на закате, они замерли в безмолвии. Наш путь лежал мимо старинного, построенного Петром Первым маяка. Он был сооружен из кирпича и железных прутьев и был настолько крепким, что ни время, ни ветры не разрушили его. Мы расположились в двухэтажном деревянном здании, где было общежитие. К тому времени совсем стемнело. Ужинать пришлось при свете ламп. На ужин была соленая рыба и вареная картошка, и всего было вдоволь. Спали в казарме, где сон приходит мгновенно.

Где-то за горами вставало яркое радостное солнце нового дня. Поднялись в 7 часов, после завтрака разошлись на работу. Одна группа налаживала мосты над каналами, другая носила мебель к берегу. Затем нужно было перенести мебель на другой берег и погрузить в машины. Все работали очень быстро, торопились закончить работу к обеду. К 12 часам работа была завершена, до 14 часов грузили машины. Тогда мы отправились в город Шлиссельбург. Сначала шли строем и с песнями, постепенно стали растягиваться и отставать. Шли мы небольшой группой и весело разговаривали. Две истории мне особенно запомнились. Попытаюсь их повторить. Младший командир с улыбающимся лицом рассказывал мастерски, как артист. Отбросив русые волосы назад, плотнее прижав бескозырку, он травил:

– Я был такой же, как и вы – молодой матрос. Начинались первые уроки, порядков и устава я не знал. А пришлось быть дневальным, – он шел впереди, и каждый старался подойти поближе, молодые матросы

боялись пропустить хоть слово из его рассказа. – Раздурившиеся ребята опрокинули ведро и пролили воду. Взял швабру, стал затирать. И в это время возьми да и зайди начальник школы. Вот тут-то я и растерялся: докладывать или не докладывать?

Он поправил правой рукой съехавшую на затылок бескозырку. Запотевший лоб обдувало свежим ветерком, прядь светлых волос упала ему на лоб. Но он не замечая этого продолжал травить:

– Смотрю, начальник подходит ко мне и интересуется, почему не докладываю. Я удивляюсь: «А разве можно докладывать, когда я швабрю?» Начальник сам смотрит удивленно:

– Конечно можно! Давайте попробуем: вы будете вместо меня, а я буду за дневального. Сейчас входите с улицу, – и он начал швабрить вместо меня.

– Пошел, как было приказано, на улицу, а там ребята курят. Я к ним. Да и забыл про майора. Когда вспомнил, прошло уже минут семь. Захожу в коридор – слышу команду: «Смирно!» Бросив швабру, майор бежит докладывать. Я не растерялся, возьми и скажи: «Вольно, вольно. Продолжайте швабрить.» Сначала думал, что получу нагоняй, но все засмеялись, засмеялся и сам майор, отправившись по коридору в классы, – тут наш рассказчик вытащил платок, вытер пот с лица и, остановившись, скомандовал: «Отдых». Отдохнув немного, строем пошли по окраине города. Ноги отказывались идти, и мы кое-как тащились.

В части для нас был приготовлен ужин из 3 блюд. Покушав плотно, вышли на свежий воздух. Вдруг меня вызвали к дежурному. Он вручил мне мои найденные документы, но часов не оказалось нигде. Доложил о потере, дежурный обещали поиски возобновить, но мер так и не принял.

День за днем шли так же спокойно, как и на гражданке. Все время было заполнено работой по строительству школы. Вскоре основные работы закончились, но без приказа Москвы учеба не начиналась. Зато весь день теперь был посвящен строевым занятиям, шла подготовка к параду. Тяжело в учении, легко в «бою» – пришло время проверить строевую подготовку, на которую было потрачено много человеко-часов. И вот 29 апреля 1940 года весь личный состав школы повзводно с оружием вышел на плац. На воображаемой трибуне стоял наш майор – начальник школы (фамилию, простите, забыл), другие начальники. После некоторой тренировки, начали двигаться повзводно, показывая, чему научились. Прошли сначала с оружием на плече, приветствуя начальство, как полагается по уставу. Затем строем, ряд от ряда на расстоянии 2 метров, держа винтовки на руке. После нескольких тренировочных проходов перед трибуной, прокричав несколько раз приветствие, идем в часть отдыхать и готовить обмундирование.

Вечером была проведена заключительная беседа о предстоящем параде. Минуты и часы тянулись долго, но вот – отбой. Надо бы заснуть, но мысли далеко-далеко. Наверно, каждый сейчас в мечтах там, на своей

родине. Пусть она окружена лесами, горами, пустынями, но она дороже всех, самая близкая, родная. Каждый вспоминает, как эти дни встречал со своими родными, за столом, за веселым разговором, а в день 1 мая под красным знаменем шел со своим селом, деревней или прииском к своей трибуне и слышал о своих достижениях. А потом всеобщее веселье, клуб, жена, гости! И тяжело вздохнув, перевернувшись на другой бок, крепко засыпает, забывая все гражданское, как давно прошедшее.

Отбой в тот день был произведен рано, но и подъем был в 5 часов. Покушав, сразу же идем на площадь, где проводим последнюю репетицию. Она проходит, как мечтал начальник школы. Возвращаемся назад с песнями по пустым улицам Шлиссельбурга, где люди только просыпались после сладкого сна.

Полдвенадцатого все 8 рот выстраиваются парадными колоннами. Во главе каждой – командир. За ним – в шеренгу по четыре – краснофлотцы с винтовками на плечах. На каждом блестит морская форма, подогнанная по фигуре. Праздничные лучи первомайского солнца и радостные улыбки играют на лицах крепких моряков и их командиров. Мы горды от того, что впервые участвуем в параде... Вот духовой оркестр грянул походный марш. Высокое древко морского пограничного флага взвилось над головами идущего впереди начальствующего состава школы. Сверкают трубы оркестра. По шоссе раздается чеканный звон парадного шага. Голос запевалы разорвал теплый воздух, и грянула песня. Люди, шли по тротуарам, останавливались и всматривались в стройный порядок колонн, идущих одна за другой на расстоянии 5 метров. Звуки оркестра и шум голосов слились в одну торжественную мелодию, и она понеслась над улицами скромного городка.

Наша школа первой вышла на городскую площадь. За ней двигались военные и гражданские колонны, последними шли школы. Всюду были видны плакаты и транспаранты, пестрели букеты цветов. На трибуне стали появляться руководители различных предприятий и организаций. Первым начал свое выступление начальник нашей школы. Голос выступавшего несся из репродукторов, установленных на домах. Затем выступили другие руководители. Последним было громкое ясное выступление ученика 8 класса. После этого колонна за колонной расступились, давая возможность пройти нашим взводам. Мы же, развернув свои флаги, вышли на площадь, взяв винтовки на руку. Проходя чеканным шагом мимо трибуны, где наш начальник выкрикивал какой-нибудь лозунг, мы, как один, кричали троекратное: « Ура ». Пройдя по площади, развернувшись в проулке, мы снова выходим к трибуне с винтовками на плечах, приветствуем собравшихся звонкой песней и идем домой в школу. После обеда каждому было предоставлено свободное время, вечером мы смотрели в клубе картину. Так закончился наш праздничный день.

Жизнь между тем продолжалась, все шло своим чередом. Солнечные теплые дни согревали землю, распускались почки на деревьях, зеленела трава. Вот на полянке появились нежные первоцветы. Воздух наполняется чистым ароматом зелени, во всем ощущается волшебство человеческой жизни, сердце наполняется радостью от красоты летней природы. А у меня возникают трудности – моя борода растет слишком быстро, и приходится бриться в парикмахерской через день. В последнее время нас заставляют бриться самих, для чего закупили в Ленинграде бритвы для тех, кто не имел своих. Сначала очень резался, но приходилось терпеть. А нашу парикмахерскую закрыли.

15 мая 1940 г. рано утром нас выстроили во дворе повзводно, и начальник зачитал новый приказ из Москвы, которым определялась наша дальнейшая судьба. Приказ был встречен холодно, но приказы не обсуждаются. Приказ – есть закон для военного человека. После некоторой разъяснительной беседы военком школы стал выкрикивать нас по списку, и курсанты, выходя из строя один за другим, становились туда, куда им указывали. К одной из таких групп примкнул и я. Через некоторое время нас снова разбили на взводы, новые командиры составили списки своих подчиненных, только тогда нас пустили. До самого обеда перетаскивали своё имущество в новые кубрики. После обеденного « мертвого часа » нас выстраивают повзводно на улице, и мы направляемся в церковь, переоборудованную в спортзал. Выстроив нас по обеим сторонам площадки, старший лейтенант сдал рапорт майору. Начальник школы разъяснил нам, зачем собрал здесь личный состав школы. Закончив свою краткую речь, он начал объявлять фамилии отличников, которым торжественно вручал боевое грозное оружие. Получая из рук командира винтовку, каждый клялся беспощадно бить врага и, если надо, умереть за любимую Родину. Каждый стоящий в строю мечтал об оружии, но не для всех мечты стали действительностью, т. к. оружие давали только заслуженным товарищам, отличникам боевой и политической подготовки.

На следующее утро все, кто получил оружие, или военную технику, как принято говорить у военных, собрались в небольшой уютной комнате, где посредине стоял стол для чистки винтовок. Курсанты весело вели между собой разговор:

- Как, ребята, женка-то нежная или грязная?- с вопросом обратился русский невысокого роста паренек, держа промеж ног свою законсервированную « марусю », как он ее называл. Подошел старшина, взял в руки его винтовку, стряхнул темноватым локотком пыль и, ловко перебросив ее, вынул затвор, наставил в оконное пространство. Так начал он осмотр оружия.

За окном весело чирикали свободные желтогрудые синички, перелетали они с ветки на ветку, и нежная зеленая травка наслаждалась прелестью солнечных лучей. Юношеское сердце билось в груди,

стремилось выскочить и вдоволь налюбоваться волшебной красотой природы. До чего же все красиво устроено природой, с любовью. А бойцы рабоче-крестьянской Красной армии и военно-морского флота в здании клуба торжественно принимают присягу.

Клуб украшен различными лозунгами, в комнатах повзводно краснофлотцы принимает присягу, они клялись любить родину, свой народ, тов. Сталина, быть преданными своему солдатскому долгу, учиться отлично, и, если понадобится, отдать жизнь для победу. «Сегодня мой праздник, сегодня я стал бойцом, именно сегодня началась новая моя жизнь,»- размышлял я. Стоя вместе со всем взводом прислушивался к своему сердцу, которое билось, как точный механизм часов. Очередь дошла до меня. Приподняв винтовку, четким шагом подхожу к величественному тексту присяги, который был подписан самим Сталиным! Разве тут не будешь волноваться! Какая честь оказана мне, простому рабочему пареньку! Подойдя к тексту присяги, где стояли уже фамилии моих товарищей, я переложил винтовку с правой руки на левую и начал читать: « Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, принимая присягу торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным бойцом...» Эхо наполняло зал, стояла мертвая тишина. Мне очень хотелось многое, многое сказать. Закончив чтение присяги, я еще раз взглянул на него горящими глазами, веря, что все сделаю, как присягал. Быстрым движением ставлю свою фамилию рядом с фамилиями своих товарищей и, повернувшись, иду в строй. На чистом полу отражаются бледные лучи солнца, проникнув через тюлевые шторы. Так началась моя новая жизнь – жизнь краснофлотца.

Вечером празднично одетые идем в клуб, где демонстрируется кинокартина «Чапаев».

Назавтра рано утром начались занятия групп по специальностям. Это были суровые дни. День за днем вводились все новые приказы, распоряжения, которые были направлены на укрепление боевой дисциплины. С утра до поздней ночи шли занятия в классе, плац на время был забыт. Но это было время ожидания больших перемен.

Глава 2

С вечера было пасмурно. Изредка тусклые лучи просачивались сквозь грозные тучи. Теплый ветерок раздувал пыль. Сердце стучало и, как вся природа, просило перемен. И толстые, пузатые тучи предвещали ночью дождь. И за три месяца, прошедшие с присяги произошло множество изменений в моей жизни. Чтобы описать все, понадобилось бы тонна бумаги...

Вот передо мной письмо моего двоюродного брата, которого я никогда не видел, но в его письме – все чувства, им испытанные. Письмо написано ровным почерком, в нем чувствуется обида и боль. Еще маленьким ребенком он лишился матери. Для того чтобы жизнь его не оборвалась, отец его, Костя, нанял кормилицу. Через некоторое время – дело молодое – Константин женился на одной из женщин, которые обещают любить, жалеть, ухаживать за ребенком, как за своим. Но эти клятвы не исполнились. Только у нее появился свой ребенок, как к Шурику. Более того, – он стал ей ненавистен и, выбрав момент, она пытается его отравить. Но мать Кости спасла ему жизнь. Как давно это было. И вот теперь передо мной его письмо. Станция Баранча. Завод Вольта. Школа ФЗУ. Мерзлякову Александру Константиновичу. Я читаю адрес и не верю своим глазам – какой он большой! Он такой же воин, как и я, вдобавок уже ранен! Когда мы встретимся, это будет дружеская беседа двух братьев.

А вот второй брат учится в военно-политическом училище им. Фрунзе. Мне всегда нравились характерные для него быстрота и решительность. Воспоминания о нем всегда со мной, в глубине моей памяти. А брат далеко. Его адрес теперь: БССР, п/я 555/ 80, Рогозину Анатолию Васильевичу. Прервав воспоминания, я отложил два готовых письма в сторону и, сладко зевнув в кулак, пошел в кубрик, где стоял храп с посвистыванием. Быстро раздевшись, я погружаюсь в сонное забытие темной ночи.

Утром после подъема нам приказывают быть к обеду в полной боевой готовности. Наш взвод должен заступить на охрану парада в г. Ленинграде. Мы были уже полностью готовы, у всех форма была разглажена и пригнана. Но как только мы вышли из ворот школы, хлынул дождь и окатил нас с ног до головы. Возвращаться было поздно, иначе опоздали бы к поезду, и мы решаем ехать так. После парада идем с песней по площади к Зимнему дворцу. Обед прошел в саду, а затем снова на вокзал. Домой добрались поздно, уставшие, голодные, запыленные.

Потянулись дни учебы, обещая нам великую будущность. Пришло время отправлять посылки домой. Наша гражданская одежда хранилась на складе и смешно порой было видеть изъеденные крысами пальто или костюм – куда их отправишь, только в мусор! Но все-таки триста посылок с разными адресами были готовы к отправлению. Какие чувства овладеют теми, кто, получив посылку, найдет в ней знакомые вещи сына, брата или мужа? Думаю, без слез не обойдется.

Вот уже сданы все экзамены. Подходит время распределения по разным флотам Советского Союза. Куда направили меня, оставалось загадкой до самого последнего момента. Оказалось, что наша судьба – ехать на Дальний Восток. Перед отъездом был организован вечер, на котором присутствовали партийно-комсомольские организации города Шлиссельбурга. Звучали пламенные речи, многие курсанты на этом

вечере получили воинские звания, в их числе был и я. Оркестр исполнял песни, танцы и марши. Сердце было наполнено счастьем! В завершении праздничного вечера была показана кинокартина, а потом желающие могли остаться потанцевать. Это был поистине запоминающийся вечер! Теперь мы были уже не курсантами, а младшими командирами. От нас требовалась особая выправка, четкость.

А построенное нами снова пришлось ломать, снова грузить на платформы имущество, а группы одна за другой разъезжались к месту службы, в разные концы необъятного Советского Союза. Наша группа распрощалась с начальством, уезжающим вместе со школой в Махачкалу, и, остановившись в Ленинграде на 5 дней, отправилась на Дальний Восток. Все эти 5 дней мы провели с пользой для себя. Сопровождающий нас младший лейтенант показал нам город. Не осталось места, где бы мы не побывали. Кроме задержки с оформлением документов, на нервы действовали только частые воздушные тревоги, которые заставляли нас на улицах города и заставляли бежать в укрытие. Только на шестые сутки нам удается продолжить свой путь, и теперь он лежит в Москву. Здесь в нашем распоряжении только вечер, и, чтобы не терять ни минуты, мы отправляемся смотреть столицу. Сначала решили посмотреть мавзолей, к которому уже тянулась большая очередь. Но сколько бы ни пришлось стоять, мы не могли отменить этого посещения! Площадь наполняли гудки автомашин, снующих в разных направлениях. Мы с восхищением разглядывали толстые могучие стены древней крепостной стены, когда над Красной площадью раздался звон Кремлевских курантов. Очередь у мавзолея великого Ленина замерла, все взоры обратились к почетному караулу, люди восхищенно смотрели на четкие, красивые движения воинов. Кремлевские звезды блестели в оранжевых лучах яркого солнечного дня. Мы идем дальше, в мавзолей, проходим мимо стеклянного гроба, где покоится тело великого человека, создавшего нашей Родины. Он лежал как живой. После мавзолея мы, пройдя собор Василия Блаженного, спустились к мосту через Москва реку и долго любовались Кремлем, окруженным зеленью.

До самого вечера мы бродили по московским улицам, а затем отправились на поезд, который повез нас по знакомой дороге на Урал. В Кирове были поздно вечером, но все равно успели обежать все торговые лавки, где продавались, в основном, игрушки. Купив съестного, снова сели в поезд. В Свердловске надеялся найти кого-нибудь из родных, но напрасно. Многих же встречали отцы, матери, жены... Было немного обидно.

До Владивостока ехали без пересадок. Прибыли утром. И только к вечеру предстояло добраться в «гнилой угол», где жили в палатках краснофлотцы: одни приехали из отпуска, другие, как мы, спешили к месту назначения. Все вместе мы будем дожидаться парохода, чтобы добраться в часть: кто в Петропавловск, кто на Сахалин, кто на острова.

Ждать пришлось долго. Построившись по два, мы вышли в город из порядком надоевшего вокзала. Шумный городок встретил нас гудками паровозов, пароходов, звоном трамваев, шумом автомобилей, мотоциклов. Шум этот напоминал полюбившийся за время учебы, ставший родным, город Ленинград и Москву с ее памятниками старины.

Перейдя тракт, остановились против двухэтажного каменного здания. На первый взгляд оно напоминало школу. В садике суетились какие-то люди в морской форме. Здание было окружено оградой, вдоль которой прогуливались дамы. А наши ребята, балагуры и весельчаки, отпускали в их адрес «супризные» слова, оценивая походку и телосложение. За этим счастливым смехом незаметно пролетело время, пока наш провожатый улаживал все вопросы.

После обеда из штаба войск НКВД пришел краснофлотец на смену нашему младшему лейтенанту. Пришло время прощаться с провожатым, которому предстояло возвращаться в Шлиссельбург. Мы сели в трамвай, и он, дав звонок, тронулся с места, понес нас к центру города. За окном мелькали люди, красивые дома с балконами. Около берега на причале стояли могучие боевые корабли, на реях которых плескали военноморские флаги с боевыми вымпелами. На палубах видны были матросы. В эти секунды гулко билось сердце, ощущая радость от сбывающейся мечты.

Трамвай остановился. Выйдя из вагонов, мы построились и отправились в тот самый «гнилой угол». Солнце зашло за черные зигзагообразные горы. Мы вошли в ограду. На волейбольной площадке шла игра. Через пару минут мы уже располагались в палатках на спаренных койках. Не успели мы уложить вещи, как рассыльный позвал на ужин. После ужина все занимались, чем хотели: играли в волейбол, беседовали, некоторые смотрели кино. За вечер можно было узнать кто, куда и зачем едет, но мы на столько устали, что, как только застелили простыни, залегли спать. Вечер был тих, я думал о своих друзьях, и мысли были вольные. Весь следующий день нам разрешили отдыхать, чиститься, приводить себя в порядок. Настал вечер, который провели, просматривая кинокартину. На следующий день едем уже на хозяйственные работы в город. Целых пять суток прошло в ожидании нашего списания. Только на шестые сутки сообщили, что нас пятерых списывают в морской порт во Владивостоке. Снова забилось сердце, и снова не было до конца ясно, куда именно. День ото дня люди разъезжались, на их месте появлялись новые – мы назвали наше пристанище «перевалочная база».

На другой день за нами пришел командир отделения береговой команды, и с ним мы пошли снова в город, где по-прежнему стоял шум. Трамвайная остановка – и мы бежим на 37 причал, где на швартовых стоят корабли и пароходы. Сначала мы подумали, что нас списали на них, но когда прошли старый баркас, который был когда-то грозой Черного

моря, увидели небольшую баржу. Спустились в центральный кубрик, где нам сразу отвели койки, и мы стали располагаться как дома. Это была баржа № 10 и на ней жила хозкоманда порта. Нос десяти представлял собой длинный таран, этим тараном в давние времена корабль наткался на вражеский, и тот тонул, получив пробоину. Сейчас можно было четко видеть всю переднюю часть тарана, разукрашенную различными вырезами старинных художников. Как рассказывали старые слухачи, на этом корабле стояла одна пушка, а еще на нем плавал Ворошилов, ставший маршалом Советского Союза. Вот на этом суденышке мы оставались месяц с лишним. Каждый день мы получали новое задание: сегодня уделывали кубрики, готовя к предстоящей зиме, завтра – наряд по камбузу и т. д. Так начиналась моя карьера на новом месте.

Через несколько дней, проведенных здесь, в кубрике, мы почувствовали приближение холодов, и старшина береговой команды ценой многих усилий находит две печки, которые опять же нам приходится устанавливать. Постепенно поручения становятся все более ответственными: начинаю ходить дежурным по столовой, рассыльным по порту, что повышает мою требовательность к себе и к своему наряду. За время этой работы я познакомился с несколькими новыми товарищами и расположением порта.

Темные осенние ночи оканчивались холодным утренниками, бухта изредка начинала затягиваться тонкой коркой льда.

Из дальнего длительного похода возвращался боевой корабль «Д». Он очень мне понравился, и всегда вечером, выходя на полубак своей баржи, я часами любовался его красотой, чистотой и дисциплинированностью его команды. «Вот бы где служить!» – тысячу раз возникала в моей голове одна и та же мысль. И тут же звучал ответ: «Куда мне такому!» И я продолжал смотреть на ночные синие оттенки бледной лунной ночи, колеблющиеся на поверхности волн. Они были для меня признаком волшебной сказочной морской жизни. Когда волна с силой налетала на деревянный борт, мне представлялись бушующие громады Тихого океана в дни бури. Но постепенно море словно улетучивалось, и в туманном мозгу, как во сне проходила передо мной прошлая жизнь. Так, постояв на палубе, послушав городской шум и шум прибора, я уходил спать.

Однажды утром в порту раздался сигнал тревоги. Некоторые катера тут же снялись со швартовых и вышли из бухты на полном ходу. Через пару минут стало известно, что в море катер пробил себе борт, наткнувшись на подводные камни. Благодаря решительной смелой команде брешь была своевременно устранена. После обеда пострадавший катер, наполовину затопленный водой, пробуксировали в порт. Он пришвартовался у корабля «Н», сразу же начали работать

водолазы, заделывая пробоины. А подошедший вечером кран поднял катер на стену для дальнейшего ремонта.

Так шло время на новом месте. Несколько солнечных ясных дней сменилось чередой хмурых, холодных – за повседневными заботами незаметно наступают предновогодние дни. Мы рассчитывали встретить Новый Год в привычной обстановке. Но в канун праздника меня, вызвав в ОХО, известили о списании на корабль «К». Как я рад был! От таких новостей сердце мое билось, как птичка, готовая улететь в любую минуту. Значит, мои желания и мечты сбылись! Значит, я буду настоящим моряком! Значит, увижу новые пристани, города и морское приволье!

Придя в кубрик, стал готовить свои вещи. Но вот я готов, сажу, жду, когда мне скажут, что пора идти. Сидя в своей комнате, я уносился воображением к 1 Мая, когда вся бухта была заполнена боевыми кораблями. Были видны силуэты эсминцев, лидеров, тральщиков, подводных лодок, выстроенных в кильватер друг другу. Я вспоминал, как торжественно проходил праздник! Он был, пожалуй, самым торжественным в моей жизни. В тот день утро было такое же, как сегодня, в Новый Год – солнечное. Мы с товарищами шли по возвышенности, глядя на боевые корабли. Со стороны завода появились два катера, которые прошли вдоль кораблей. Приветствуя их, вся команда кричала: «Ура! Ура!» Это проходил командующий тихоокеанским флотом – вице-адмирал Юмашев. После смотра с кораблей раздаются залпы, а затем начинается парад сухопутных войск, проходящих по Ленинской, возле трибуны. В воздухе слышен гул ястребков, проносящихся прямо над головами. Парад открывают в первую очередь смелые, отважные моряки, которые, блестя штыками, ловко демонстрируют свои боевые достижения. Стройными рядами, чеканя шаг, идут тихоокеанские моряки – гроза врагов. Следом за ними – колонны автомашин, конников, пехотинцев – сила и мощь Красной армии. Заканчивали парад гражданские, одетые в разнообразные костюмы, идущие по площади с песнями и плясками. Глядя на них, мы радовались: счастливая Родина, счастливый в ней народ! «Счастье свое никому никогда не отдадим, пока бьется в груди сердце, пока в теле есть хоть капля горячей крови!» – так говорят воины, так думает весь многомиллионный советский народ, давая клятву своему любимому другу, товарищу, учителю и вождю тов. Сталину.

Такими вспомнился мне день 1 Мая: в радостных поздравлениях.

И все же, Новый Год пришлось праздновать на старом месте. Лишь через два дня я получил направление, остальные документы и пошел на корабль «К».

Возле проходной

Пришлось ожидать, пока придут с корабля и принесут пропуск на территорию завода. И наконец я на корабле. Докладываю дежурному командиру о прибытии и иду знакомиться с кораблем. Мечты осуществляются. Тихий туманный день встает над бухтой, большие тучки

сыплют мелким сухим снежком. Бухта покрывается тонким зеркальным льдом. В новых условиях я встречаю я пушистую бархатную красавицу-зиму. Так идут дни мирного строительства, учебы, овладения техникой, которую доверил мне народ. Миссия комсомольца – бойца предстоит мне, и она будет выполнена.

Глава 3

Проходил 1940 г. Тихий океан только изредка, после небольшого шторма не мог долго успокоить синие просторные воды свои. Где-то далеко слышен грохот разбивающегося о громады скал вала, и тогда вода фонтанами бьет вверх, осыпая мелкими капельками белые каменные плиты. Волна энергично уходит назад, унося все, что ей под силу, а потом с размаху хочет покорить жизненное пространство земли. Где-то по курсу N идет сторожевое судно, охраняющее морские советские рубежи. Его «уши» слышат глубоко под водой, его «глаза», как у тигра распознают врага, где бы он не находился. Кто этим ведает? Простые русские ребята, чекисты-моряки. Грозно гудят машины, винты пенят воду, отбрасывая ее далеко назад, и, бурая, она столбом несется вслед за кормой. Жизнь течет спокойно мирно. Командиры и краснофлотцы закаляют свою волю, развивают сообразительность, тренируют расторопность, справляясь со всеми трудностями боевой походной жизни.

Стояла солнечная тихая погода. Лучи солнца серебрились на глади синей прозрачной воды. Через несколько минут на горизонте показалась черная пузатая туча, и обдало соленым влажным морским ветром. Море тут же запестрело гребешками пены, заволновалось. Все кругом заволкло туманом, постепенно начал накрапывать дождь. Я спускаюсь вниз сделать короткие записи в своем дневнике. Думаю при этом, что, подобно природным условиям, меняется и жизнь человека, и его мечты.

- 25 апреля 1941 Встали в док.
- 18 мая Подготовка к испытаниям и выход из дока.
- 21 мая Заправка горючим, съестными и прочими запасами.
- 22 мая Выход в море на испытание машин.
- 27 мая Подготовка корабля к походу. Выход на испытания.
- 3 июня Выход в море на уничтожение дивизии, остался на берегу для получения продуктов на два месяца.
- 5 июня Выход в Славянку на стрельбы.
- 6 июня Переход из Владивостока в Петропавловск через Лаперузов пролив, который проскочили ночью. Дорогой видели много японских рыбацких шхун и три больших парохода. Шли вместе с кораблем «Д»
- 9 – 10 июня Ходили в Петропавловск.

11 июня	Переходили из петропавловской бухты в бухту Торью за горючим.
16 июня	Стояли по готовности три.
20 июня	Прибыли в Николаевск на Амуре.
2 июля	Вошли в бухту Нагаево.
7 июля	Ходили на берег в г. Магадан.

Самое слово «Камчатка» служит у нас нарицательным названием всего отдаленного, заброшенного, отсталого. Богатый край был некогда дик, пустынен, нищ. В сравнении с его прошлым, ярко выделяются поразительные достижения социалистического строительства. И сейчас красуется эта богатейшая местность своими городами. Стою на полубаке. Солнечные лучи отражаются от чистой блестящей палубы, затрудняя мои наблюдения за природой.

Шли полным ходом двумя машинами. Дул зюйд-вест. Свист антенн от него напоминал вой волков в зимнюю непогоду. На корабле, как в обычные дни шли занятия и работы. В море была слабая зыбь, солнце в зените напоминало, что время полдень. Его лучи ослепляли сигнальщика, которому то и дело приходилось надевать очки, чтобы вести наблюдение, но зато замечательно пригревало всю вахтенную службу вместе с командиром. В синей пучине отражались разноцветные солнечные отблески. Командир сидел в штурманской рубке, наблюдая за точными приборами. Штурман снимал размеры кранциркулем и переносил их на другую карту, что-то коротко записывая в своем блокноте. Этот рослый человек был старшим лейтенантом, штурманом дальнего плавания. На другом конце стола сидел сигнальщик, утомленный двухнедельной ходовой вахтой. Лицо у него было смуглое, жизнерадостное, со следами черных чернил от ручки, которой он вел записи в вахтенном журнале, переписывая с какого-то листка бумаги: в 12^{00} компасный 118° отвесный 92° (А - 3°). Прилив 3 метра, виден берег.

В 15 ч. мы входили в бухту Нагаево, где все было, на первый взгляд, по-старому: крича сиренами ходили автомашины, люди куда-то спешат, краны в бухте со скрежетом ведут разгрузку кораблей, находящихся у причала. Все крутилось, словно колесо, все спешили куда-то, нельзя понять куда. Но у всех появился какой-то серьезный взгляд, все стремления людей теперь – отдать свой долг Родине. Ведь идет война, а если так, то все для фронта, все для победы!

Пришвартовались к причалу и, подав трап на берег, расходимся по дудке боцмана. Вскоре на верхней палубе нашего корабля появилась группа краснофлотцев, они любовались природой, наблюдали за парходами, которые вели разгрузку какой-то боевой части с ее пушками, лошадьми, походной кухней. В ту минуту все стояли молча, и вдруг тишину нарушил чей-то голос: « Вот бы сюда эту пташку!» Все, как по команде, повернули головы. По правому борту нашего корабля стоял

Перед моими глазами письмо брата Анатолия, который служит на западе. Его адрес: г. Смоленск В П У им. Молотова, П/Я 21/4 Рогозину А.В. Он пишет:

«Привет из г. Смоленска в г. Владивосток. Здравствуй Михаил. Письмо твое получил, за которое очень благодарю и сразу спешу на него ответить. Миша, во-первых, хочу сделать тебе замечание на твои оправдания – это зря, ибо нужно просто признать, что маленько заленился, а потому не писал. /... / Я лично думаю сейчас учиться до самой старости и также тебе советую.

Праздник провел хорошо. 22 / II – 41 г. вечером получил от Тони телеграмму, где она поздравляет с 23 годовщиной нашего училища и меня. Я ей телеграмму не послал, а написал в этот же день письмо. От Алевтины письма тоже получаю. Но вот с Петром дело обстоит хуже. Я ему написал два письма, он на них ответил. Но после этого на моих 2 письма почему – то он не отвечает. Видимо, не может писать. Сам знаешь, он ведь неграмотный. Михаил, он обижается, что ты ему не пишешь писем. Ведь ты ему брат и должен его не забывать. Я надеюсь, что после моего письма ты сразу ему напишешь, он будет очень рад.

Тоня сейчас переехала на Именовский участок, и адрес их сменился. Пиши им по новому адресу. Может у тебя его нет, тогда пишу: Свердловская область, Нижне-Туринское почтовое отделение, пос. Именовский, др№ 32, Гаврилову А.Н.

Миша, вот я что тебе хотел описать, с приветом брат Анатолий.
Целую. 4/ III 41года.»

Такие слова одного родного брата заставляют задуматься о многом. Пишет еще его двоюродный брат Мерзляков. Пусть также письмо останется в памяти. Вот адрес: Исовской район, пос. Ис, Песчанка, ул. Сталина, д.43, Мерзлякову.

« Здравствуй Михаил.

Во-первых, благодарю тебя за письмо и деньги, высланные т. Тоне. Я сейчас живу на Песчанке на квартире у бабушки Дунаихи, так как т. Тоня уезжает на Именовский. Жизнь моя проходит хорошо, пока зимой физкультурой занимаюсь мало, иногда в спортзале играем в волейбол, а так все больше время бываешь на работе. Михаил, т. Тоня написала тебе в письме, что я увлекаюсь девушками. Это совершенно несправедливо. Она тебе в следующем письме или же вместе с моим пропишет опровержение. Это они написали шутя. Михаил, посылаю тебе фотографию своего коллектива, но с условием, чтобы ты нам послал фотографию в полный рост. Михаил, посылаю тебе обязательство писать регулярно, задержек не будет. Ко дню Красной Армии и Военно-морского флота т.Тоня послала приветственную телеграмму тебе и всем краснофлотцам. Меня просили

помочь с текстом, мы его составляли с Валентиной Пильщиковой, и она ходила телеграфировать. Пока до свидания, с приветом Саша.

19 / III 41г.»

Такие письма с радостью перечитаю я и они, если будем живы.

Не успев перечитать эти два письма, получаю третье и тороплюсь вписать его сюда. Это письмо от самого близкого и родного человека – моей сестры, которая стала для меня родной матерью. Так много ласки проявила она ко мне, так много горя разделили мы с ней вместе. Даже зять, которого в прежних главах описываю, как чужого, кажется сейчас родным. Да, русский народ – все свои! Вот эти строки малограмотной моей старшей сестры. Пишу подлинно с письма.

« Добрый день, мой милый мальчик. В первую очередь я должна тебя отблагодарить за твою заботу обо мне, за твои гостинцы – за денежный перевод. Миша, у меня в тот день в аккурат было 2 рубля денег, и я не знала, когда Саша мне пошлет. Вдруг приходит почтальон и говорит, что мне письмо и перевод от Рогозина Михаила. Я тут же заплакала от радости. Миша, ты обо мне больше всех заботишься, как родной сын о своей матери, а я так рада, что не одна. Видимо, я еще нужна, верно, Миша. Это единственный теплый уголок – ваша сестра. А кроме меня о вас никто не позаботится и никто не приласкает вас, и никто так горячо не поплачет о вас, как ваша сестра. Миша, когда приехал Николаич, он не поверил, что Миша мог так много послать денег. Когда прочитал письмо, поплакал. Я за ним наблюдала, он раз 7 принимался читать твое письмо. Миша, еще раз повторяю благодарю за твою заботу. Миша, мы посылаем тебе фотокарточку, хотя не так важно, но все же карточка. Миша, мне от тебя хотелось получить фото во весь рост. Миша вы об этом подумайте, мне будет веселей, если я от вас что-нибудь получаю. Я забываю скучать. Толя пишет часто. Миша, пиши мне письма, чаще, хотя 2 строчки, я и то буду рада. Если куда уплывешь, то телеграфируй, что жив, я о тебе больше забочусь – ты ведь на границе. Пока до свидания, мой любимый мальчик, целую.

Твоя сестра Тоня.»

Пишу последнее письмо от Анатолия из г. Смоленска. Адрес старый. Вот оно коротко: «Здравствуй, Миша, шлю тебе свой братский привет и спешу сообщить, что письмо твое получил, за которое очень благодарю. Прости за то, что так долго не отвечал, Ибо мне было некогда сдавал гос. экзамен. Подробности написать не могу, так как времени всего 3 часа до отъезда, а я должен хоть по маленькой записке написать всем. Ты мне больше не пиши по этому адресу, я тебе вышлю новый, как только приеду в часть. С приветом, твой брат Анатолий. 29/ 5-41г.

Вернусь снова к корабельной жизни.

Утро 5 октября 1941г. После завтрака и приборок раздалась дудка сниматься с якоря. Только успели пришвартоваться к пирсу, как снова раздалась дудка боцмана: всей команде переодеться в форму «три». По случаю выходного дня мы выстраиваемся по большому сбору. Сначала становлюсь возле боевой части четыре но, старшина Кузницын приказывает строиться по Бч, после чего я становлюсь на своё место. Не прошло и несколько минут, как раздаётся команда «Равняйся». Команда выровняла строй, вслед за этим послышалось «Смирно.» а потом и «Вольно!» Стоя в строю, ожидая появления командования я стал двигаться и услышал шёпот Самохрапова:

-Что ты ворочаешься, команды «вольно» ведь не было?!

-А вы разве не слышали, ответил я. Он только сейчас ослабил напряжённое тело, вытянувшись по стойке «смирно», рассмеялся:

-А я и не заметил!

Через несколько минут снова раздалась команда: «Смирно! Равнение направо» Повернув головы направо, мы встречали командира – капитан-лейтенанта Сизова и его помощника старшего лейтенанта Платонова.

Тот, дойдя до середины строя сдал рапорт: «Тов. Капитан-лейтенант! Личный состав вверенного вам корабля выстроен по большому сбору. Дежурный по кораблю ст. лейтенант Корнилов».

Затем оба повернулись к краснофлотцам и, приложив руку к фуражке, громко, четко произнесли:

«Здравствуйте товарищи командиры и краснофлотцы!» Все кругом замерли, только слышно было, как каждый набирает воздух в легкие и вдруг, как выстрел, пронеслось над бухтой короткое: «Здраст!» «Вольно,» - тем же голосом произнес командир. Принимал командование ст. лейтенант Платонов: «Командирам Бч два шага вперёд!» По кораблю пронесся дробный звук. Выйдя из строя, командиры Бч приняли стойку «смирно». Послышалась другая команда: «Первая шеренга два шага вперед марш!» Вот тут начался осмотр. А воздух в это время был накален солнечными лучами, которые, как алмаз сверкали отражаясь в чистой прозрачной воде. На небе не было ни облачка, купол неба был синий-синий. В городе то и дело слышны были гудки паровозов, вой автомобильных сирен, звон трамваев, лязг крана, поднимающего катер на берег.

В бухте вода была гладкой, как зеркало. Ее нарушал только буксиришко, что сновал туда - сюда, перевозя народ с одного причала на другой. Его называют еще «речным трамваем». В воздухе, где – то у горизонта, устанавливая дымовую завесу, то показывался то исчезал самолет, выписывая в небе дымом слова. В городе и на кораблях бьет ключом рабочий день, Пока я рассматривал окрестности, комиссия уже заканчивала свою

работу. Часть, которой я заведовал, была признана хорошей. Осмотр окончен. Идем обедать, а после – свободное время. И если пройти по кораблю, то увидишь как каждый занят своим: вот сидящий на банке Люмоков штопает свою робу, Гонтарь, старшина 2 статьи, штурманский электрик, гладит форму “три”, видно, готовится к увольнению. Направо и налево, во всех кубриках кипит работа. Этот корабельный день называют у нас днем краснофлотца. Вечером часть личного состава идет в увольнение, в город, а часть остается смотреть кино.

25 ноября 1941 г. становимся в док.

Глава 4

С новым 1942 победным годом! Стою на вахте. Проходящих поздравляю с новым годом. Сменяюсь в 9 часов, завтракаю и отправляюсь писать 5ю главу 2й книги. Звучит дудка обедать. Выдаю хлеб. От Зоткова услышал новость; от самоубийства скончался Александров. Сначала я не поверил т.к. видел его недавно. За обедом никто не издал ни звука об Александрове. На диване сидели Холодов и Лютиков, слышали как играл на рояле ст.2 статьи Седов и еле слышно переговаривались об убийстве. В 12 заступаю на вахту, где встречаюсь с вестовым, старшиной краснофлотцем Совосьяновым. Он рассказал, что Александров застрелился из нагана Бодрова, который оставил его в каюте, уйдя умываться. Пуля прошла сквозь грудь, видимо угодила в сердце, крови было совсем мало. Записки никакой не оставил. В 13.50 пришли двое военных один из общего отдела, военюрист 3 ранга. К вечеру труп увезли, куда не знаю.

Вечером смотрели кинокартины: «Верные друзья» и «Киноконцерт».

2/1.42 Было затишье 20° мороз, без ветра.

4/1.42 Выходной день. Кузницын проверяет винтовки. Я пишу книгу IV «Жизнь для воспоминания» с утра до поздней ночи. Есть какая-то вера. Не как для писателя, а как для любителя, самоучки. В 15⁰⁰ смотрели кинокартину «Трактористы», в 19⁰⁰ – «Счастливый путь» и в 23³⁰ «Парень из тайги». Только после просмотра пошел докладывать на счет завтрашнего дня. За несвоевременный доклад получил выговор от лейтенанта Шека.

5/1.42 Прекрасное солнечное ароматное утро. На наших часах – три, наверно, стоят. До обеда мы занимаемся, после обеда я иду в порт. На трамваях много народу – иду по Ленинской пешком. В порту имел грубый разговор с интендантом 2 ранга Захарченко, за что чуть не получил «на чай».

6/1.42 С утра идем в порт, но начальника не застаем. Отвезли дрова капитан-лейтенанту Сизову. Долго искали его квартиру по Пушкинской д.95, кв.4. Вечером получил продукты, доставил с попутной

машиной на корабль и заступил на дежурство по камбузу. Вызвал меня к себе лейтенант Шек, предупредил о крупном разговоре с ним.

7/1.42 После камбуза смотрели кино «Подруги». В 22⁰⁰ вызвал в каюту лейтенант Кутарев. Разговор был особый, важный.

9/1.42 Утро. Все идут на физзарядку, а я опять спускаюсь писать эти строки, чтобы запечатлеть прошедшее. На вечерней на поверке объявили: ст. лейтенанту Платонову присвоили звание капитан-лейтенант, Лозневому – военинженер капитан-лейтенант.

10/1.42 Сильный холод и ветер, который к вечеру стихает. Пришло пополнение из трех человек: Свещников, Жаворонков, Ермолин. Вечером смотрим кино «Гроза». Ложусь спать. Мечтаю о скорейшем списании на берег.

12/1.42 Всею командой делали покрытие донной части корабля патентом №2. Работа длилась 2 часа. Вечером лейтенант Шек принес приказ о списании на берег Еремеева, Гавриленко, Замниборщ, Грищенко.

14/1.42 Сегодня сошли на берег списывающиеся. Еремеева не отпустили, т.к. он задолжал многим деньги.

15/1.42 Сегодня должны отплыть. Подготовка шла весь день и закончилась только к вечеру. Около 16⁰⁰ начали запускать воду. Отношу Сизову и Платонову шубы.

16/1.42 В 12 часов начали выводить из дока корабль, остановились посреди бухты, т.к. одному буксиришке не справиться, а другие тянут другие корабли. Мороз крепчает до 25°, лед быстро застывает.

17/1.42 Стоим на старом месте. Нет воды, еще не умывались. Берем три тонны у буксира. Продолжается обыденная жизнь. Мороз усиливается, но ничего, требуется закалка. Вечером смотрим кино: «Болотные солдаты».

18/1.42 Выходной день. Стоим на старом месте. Лучезарное солнце отражается от синего поля льда, отбрасывает на борт корабля алые блики. Я иду в город по недавно образовавшимся глыбам.

Днем к нам подошел ПС – 120.

В кубриках команда чувствует себя свободной. Вот, например, Сайковский, старшина 2 статьи Ефремов, Седов – готовятся к завтрашней политбеседе. Егоза, краснощекий, полный, жизнерадостный в те дни, когда не качает. А если началась бортовая или килевая качка. Его можно увидеть только в постели. Некоторые краснофлотцы прозвали его ученым за то, что он всегда перебирал какие-нибудь книги. С начала навигации 1941г. он изучал немецкий язык и часто можно было слышать: « зер гут», « дас бух», «шрайбен» и т.п. Когда язык ему надоедал, он обращался к физике. Тогда было слышно: « плотность жидкостей», «количество воды, вытесненное

каким-либо телом», «расширение тела при нагревании» ... и все это рассчитывалось математически. Эта горячка у него проходит за месяц, и он берется за геометрию. Неделю доказывает теоремы. Но и это ненадолго. Кровь остывает, геометрию сменяет новое увлечение. Вот и сейчас он роется в шкафу библиотекаря – краснофлотца Елисеева, где ищет книги классиков.

Вечером работаю над третьей книгой. Прервав работу, иду посмотреть кинокартину «Путь к солнцу» и вторую – «Москва». Перед сном выхожу на палубу. Хорошее чистое небо наполнено мигающими звездами. Где-то за городом пронизывают небо лучи прожектора. Я иду спать.

19.1.42. Обкалывали ото льда 2 буксира, один из которых ходил под географическим флагом. С 14.00 после аврального сигнала начали двигаться к Дальзаводу. Остановились около эсминца «С». Подойти к пирсу не могли, поэтому пришвартовались рядом, бросили трап на эсминец.

29.1.42. Тепло. С утра на физподготовке изучали новый прием рукопашного боя. К вечеру небо затянуло черными тучами, палубу покрыл пушистый снег.

Перед обедом встретил мичмана Самогонова. Он подавал списки в мортпорт на списание с корабля. Хотя еще 15.11. мне сообщили, что я в этих списках, оказалось, что это не так.

30.1.42. Повстречал нашего воспитанника, 15 летнего парнишку. Он был худощавый, низкого роста, в форме старшины 1 статьи. По глазам вижу, что очень бойкий и неустрашимый малый. Он поселился в каюте старшин.

1.2.42. Встретились с воспитанником в каюте. Он рассматривал альбом Кузицина. Из разговора я узнал, что он с 2 лет - в приюте, матери не помнит; а с 4 лет он воспитывался в Кронштадте.

2.2.42. Вызвал воспитанника в провизионку. Он согласился рассказать свою биографию. Но разговор был прерван Климовым и Шеком.

3.2.42. Перебирал огурцы на верхней палубе. Предложил юнге. При сходе с корабля он по-детски приветствовал флаг. Сегодня же узнаю, что его списывают на океан.

4.2.42. Сегодня удалось съездить на шестой километр. Одетый в валенки и шубу Выдрин убеждал, что я, одетый по-летнему, замёрзну в кузове, но я чувствовал себя прекрасно. Машина шла по городу, поворачивая то вправо, то влево, останавливаясь на контрольных постах. Дорогой попадаются военные люди. На открытом месте ветер усиливался, вот тут-то меня и пробирает дрожь.

По правой от дороги тянется низменность с озёрами, здесь же расположены подземные склады, обнесены каменной стеной. По крутым извилистым поворотам машина движется вверх. Через несколько минут мы на самой вершине сопки и вся местность видна как на ладони.

Вся местность изрыта учебными окопами, рвами, загородью из проволоки и т.д. Отсюда спускаемся вниз, вот, наконец, и то, что нам нужно 6 километр. Здесь, в замаскированных подземных складах и ледниках получаем все необходимое и едем домой, только другой дорогой, которая шла по берегу. По обе стороны стояли домики, напоминающие китайцев, и улица называлась Китайской. Через некоторое время, выехав на окраину города, мы увидели иную картину: дома большие, кругом ларьки, вывески над которыми гласили: "Ремонт обуви", "Колбасный ларек", "Книжный", "Продукты". Около них толпились люди.

Подъехали к 3х этажному дому, у крыльца которого стояла скульптура: девочка и мальчик с книжками. Над парадной дверью надпись: "Учительский институт".

Наша машина вновь выходит на ленинскую, светофор дает путь, и мы снова вливаемся в гуцу машин. Скоро мы снова на причале.

6.2.42.

Получив приказание доложить старшему политруку Яршеко о том, что Шаройко находится в порту, я постучал в каюту.

Сделав доклад, я собирался, было идти, но услышал команду:

-Рогозин, обождите!

-Есть обождать! – ответил я, повернувшись к политруку.

-Вы откуда приехали? – спросил он после паузы.

-С Урала, - тихо ответил я.

-Но Урал большой, - улыбнувшись, уточнил Ярешко, – Какая область, - район?

-Свердловская область, Исовской район. Он что-то быстро писал в тетради, затем начал перебирать книги.

-У вас на родине беженцы есть? – снова заговорил он.

-Не знаю.

-Как так? Разве у вас нет связи с родными? Кто у вас остался на родине? – словно допрашивая, спросил он.

-Только сестра. Два брата на фронте.

-Откуда вы знаете, что они в армии? Продолжал он.

-Переписываюсь с сестрой. От нее и узнал.

-Мать, отец есть?

-Нет.

-Можете идти, - произнес он, не глядя на меня.

Быстро повернувшись, я вышел. Только в коридоре я почувствовал себя свободным. Тысячи мыслей промелькнули в голове, пока я шел до своего кубрика.

8. 2. 42. Сегодня ушли кататься на лыжах. До обеда смотрели кино: « Иван Иванович сердится » и журнал « Тихоокеанский флот », после обеда – « Парень из тайги ».

10. 2. 42. Работал по БЧ. Болтали на разные темы, потом заспорили: съест ли Блинов две большие луковицы. В результате я проспорил пятьдесят рублей.

20. 2. 42. Получил письмо от сестры. Она пишет, что Анатолий был ранен, лежал в госпитале под Москвой. Петр в Кирове, где идет формирование новых частей. Шурик, двоюродный брат, окончил школу М. К. С., Костя Гаврилов десять раз ходил на врага и семь раз был в штыковой схватке, несколько раз был ранен, сейчас приехал домой на излечение. У Бурукова Аркашки родилось два пацана, хотя он сам-то с двадцать четвертого года. Скотину оторвало руку. Братик болеет ногами. « Я сильно поседела, - пишет сестра, » - так что не узнаете ». Аля работает на Лабазе, в магазине. Прочтя такое письмо, не мог не послать тысячу рублей.

21. 2. 42. День прошел как все остальные. Вечером смотрели кино « Ошибка инженера Кочина » и « Таинственный остров ». После кино в 00 часов всех задержал дежурный – у него был приказ капитан-лейтенанта Сизова объявить команде, чтобы все были готовы по форме три, будет торжественный подъем флага. До трех часов ночи готовили форму, не легли, пока все не было готово.

22. 2. 42. Дудка « Подъем ». Оделись по форме три, выпили чай без сахара (его нет уже пять дней). Дудка « построиться по большому сбору ». Бежим на ют, выстраиваемся по БЧ. Через некоторое время выходит капитан-лейтенант Сизов, дежурный отдает рапорт.

После поздравления с 23 годовщиной Красной Армии, подняли флаг.

В честь выходного дня решили заполнить дневник, но Кузницын ходит и ворчит, как старая старуха, придирается к каждому пустяку.

Смотрели «Танкер Дербент». После кино началось собрание, посвященной 23 годовщине РККА.

После чая смотрели кинокартину «В тылу врага».

25.2.42. Идет снег. Сегодня комсомольское собрание. Присутствовать не пришлось, т.к. утерять билет.

26.2.42. Был пасмурный день. Валил снег. Ходил в город, там, на 37 причале видел бронепоезд с надписями: "За Родину", "За Сталина". Мелькнула мысль." Побольше бы таких, раздавить быстрее гитлеровскую сволочь".

1.3.42. Третий месяц 42 года. Из дома нет писем, не знаю, получили ли деньги.

Снова была стычка с Кузнициным.

Была хорошая погода. Весь день провел в беготне: на фабрику, по порту... . Вечером нужно было заплатить членские взносы, но билета нет. Сердце билось, к лицу приливалась кровь.-что делать?! Постучал в какоту Сажнева, после

разрешения вошел. У него сидел ст. 2 статьи Андреев. Хоть разговор и был неприятный, но говорить пришлось в открытую:

- Тов. Сажнев, - начал я объяснять. - Вышла большая неприятность, не знаю, как это вышло, но я утерял билет.

По его лицу пробежала волна злости.

- Вы понимаете, какое теперь положение? - после небольшой паузы он продолжал. - Вашим билетом может воспользоваться враг! Я сейчас никому не скажу, а вы до завтрашнего дня найдите!

Расписавшись в ведомости, я поспешил уйти.

- Через несколько минут поисков, я нашел свой комсомольский билет там, где и не думал. Я был очень рад этому. И эту радость трудно описать.

5.3.42. *Люди стоят над жизнью моей,
Чтоб прах успокоить в тайне морей.
В душе, в мечтаний тысячи дней
Представлю сердце только ей.*

*О ненависть, ты, как секира, остра,
А пуля хуже немецкого костра.
Чтобы успокоить душу пера,
Я с грустью пишу эти слова.*

*Разве в мечтаний было о немцах, тогда,
Они убивали, вешали и творили нечеловеческие дела.
Мы не будем терпеть немецкого сапога
"Смерть немцам", - слова русского богатыря.*

*Груды трупов мирных людей,
От истязаний, от казней текут реки разных кровей,
Из рабских мозолистых рук славянских людей.
За все это ты, воин, бей этих дикарей.*

8.03.42. Сегодня лейтенант Шек похабным путем утащил черновик, где было описано как они поступают со многими. Я уже готов к взбучке.

9.03.42. На улице морозно, но мы вышли на зарядку в тельняшках.

13.3.42. Рукописи мои отдали ст. полит. руку Ярешке. Мысленно ругаю Шека, который все это устроил. Но будет и на нашей улице праздник.

21.3.42. После большой приборки лейтенант снова застал меня за писаниной и добродушно спросил:

- Пишите?

- Да.

- Вам бы надо дальше учиться, а то много ошибок.

-Я знаю. Для того и черновик.

После осмотра он вышел. Днем была небольшая стычка с Кузницыным. Получил письмо из дома: деньги они получили. Анатолий находится на Крымском фронте, Петр в Кирове, Шурик отбыл из Москвы в неизвестном направлении.

После ужина смотрели фильм « Мы из Кронштадта », « 6 киносборник».

Делаю маленький перерыв в дневнике. Хочу запечатлеть письма от родных, фотопереписку с сестрой.

« 23.02. Добрый день мой мальчик. Очень рада, что получаю от тебя письма. Вот уже 3 письмо от тебя. Я так рада, что не знаю, как тебя благодарить. В первую очередь я должна поздравить тебя с праздником. Ведь вас у меня четверо, и все вы состоите в доблестных рядах РККА. Поздравляю твоих товарищей, они нам такие же братья, как и вы. Передай от меня, сестры, привет им, от всей материнской души. Вы нам все дороги, мы всем сердцем боеем за вас. Миша, письма я получила. Толя лежал в лазарете, два раза был ранен. Тоня.»

Такие нежные слова может писать только любящая сестра.

Второе письмо – от старого кореша. Разве мы мечтали, что будем служить на Дальнем Востоке, конечно, нет.

« 8.03.1942 г. г. Хабаровск.

Добрый день!

Здравствуйте, старый дружок Михаил Васильевич.

Шлю дружеский армейский привет. Получил твой адрес. Решил написать письмо, хотя ты мне на последнее не отвечал. Почему, не знаю?!

Я писал из Хабаровска. Живу хорошо, служу при штабе дивизии в комендантском отделении. Много писать не буду. Опишу подробно, когда получу от тебя ответ. Адрес : г. Хабаровск, главный почтампт, п/я №52 жду, с приветом Василий.

Пиши, Мишка, а то скука паршивая.

Этот старый корешь, знакомый мне с 4 класса вплоть до отъезда в армию.

4.4.42. Ходил в порт получать продукты. Заступил на службу. Смотрели кинокартину "Ночь под Петроградом". После кино стирал.

14.4.42. Ходил в продсклад. После обеда пошел на 44 причал. Из-за учебно-химической тревоги задержался на 2 часа. У меня не было краснофлотской книжки, и мне пришлось ждать, когда дежурный произведет смену караула. Тут сообщили об аварии. В это время над городом поднялось 10 аэростатов. 3 из них оборвалось. Видимо, как и объявляли, их расстреливали из пушек. В этой неразберихе он не стал разбирать мой вопрос, а попросту сказал: "Иди в свою часть, пока не поздно". Я так и сделал.

Подписался на военный заем на 200 рублей.

30.04.42. Все эти дни занимался покраской. Некоторое время был в конфликте с Кузницыным и Шеком. Но, видно, такая моя участь. Терпеть! Терпеть! Терпеть!

1.05.42. Утром делаем торжественный подъем флага и слушаем приказ. Потом расходимся по своим рабочим местам. Вот уже месяц, как я не могу сесть писать продолжение книги "Крепость №". Чувствуется острая нехватка бумаги, а мыслей в голове много.

3.05.42. Утро. Впервые здесь вижу туман.

7.05.42. Сильно не везет в эти дни. Надоело получать замечания за замечание. Руки опускаются, ничего не хочется делать. Хочется быть на свободе, дышать свежим воздухом.

Отношение ко мне очень холодное. Наверное, хотят, чтобы я бросил писать, но никогда! Пусть хоть 20 человек следят. Я буду бороться.

21.5.42. Прибыло пополнение. Я уже готов и не сегодня-завтра буду на берегу. Прощай, голубое пространство, прощайте берега, прощай море, которое никогда не забудется.

Застывшая в жилах кровь растает, как сосулька, на деревянной соломенной крыше от знойного солнца.

Снова возвращаюсь к письму, которые идут пока по адресу:

Тихоокеанский флот, военно-морская почта 1004 п/я №3.

13.4.42. Здравствуй, дорогой брат Михаил, Шлю тебе братский привет и желаю успехов в твоей жизни. Миша, я очень долго добивался твоего адреса. Сегодня получил письмо от Алевтины, она сообщила твой адрес, и я сразу пишу тебе письмо.

Надеюсь, что ты его получишь.

У меня постоянного адреса нет, когда будет, постараюсь сообщить.

Пару слов о себе.

С первого дня Отечественной войны сражаюсь на фронте с немецкими городами, был ранен, лежал в госпитале в Сочи, сейчас вновь еду на фронт добивать немецкую сволочь. Можешь, браток надеяться, что им от меня мало не будет. На своем боевом счету имею 120 солдат, 30 офицеров, плюс к тому 47 автомашин, 14 мотоциклов, 2 танка. Сейчас думаю пополнить свой боевой список. Давай, браток договоримся бить по уральских.

Ты бей на море, а я со своими танками буду их бить на суше! Пусть знают все, как дерутся уральцы-советские воины. Миша, Петр тоже на фронте, так что будем драться все трое. Миша, высылаю тебе фото. Твой брат Анатолий, крепко по братски целую. Пишу из Воронежа.

Второе письмо было от Петра.

Здравствуй дорогой брат Михаил. Вас. Сообщаю, что я нахожусь недалеко от Кирова. От Тани получаю письма, но редко, а от Анатолия

не могу адреса добиться. Сестра написала, что у него адреса нет, а вот твой адрес прислала.

Теперь сообщаю, что живу хорошо, ожидаю еще лучше, плохо только из-за табаку. На деньги не купишь очень дорого. Нельзя ли у вас добиться и послать на воинскую часть.

Здесь табак 60 руб. стакан и то на обмен. Дорогой брат, я вас прошу постараться достать.

Пока больше писать нечего, жду ответа. Мой адрес: Удмуртская АССР, Пермская область, ж. Д ст. Пудель, п/я №1 Рогозину.

Письмо, конечно, писал не брат, а кто-то другой, так как он сам неграмотный.

Третье письмо от кореша Василия Корякина.
10.03.42 г.Хабаровск.

Добрый день!

Здравствуйте, старый кореш, с дружеским приветом краснофлотцу Рогозину М. Вам известный Василий Корякин.

Михаил, вчера получил твоё письмо, за которое большое дружеское спасибо. Я значит не ошибся, что ты всё ещё пишешь свои поэмы.

Конечно, кто на что горазд. А я вот просто не знаю, чем заняться.

Немного о жизни. Живу я пока ничего. Иначе сказать нельзя: с питанием неважно, воротничок спадает, но ничего, переживём.

Насчет веселья – лучше не надо. В городе знаком с девушками, правда, мало приходится быть вместе, но иначе тоже нельзя. Из дома получаю письма от мамы, да от Лиды Мочаловой, Ольги Ошихминой. Они пишут. Как товарищи. А та, с которой проводил время – не хочет написать письмо. Но и черт с ней.

Ну пока до свидания, с приветом твой старый дружок Василий Корякин.

28.5.42. Ходил в город. По возвращении узнал, что с корабля списывается группа краснофлотцев: Прокопенко, Шаройко, Задков, Паршин, Еловских, Синюков, которому наложили взыскание, что он неправильно стоял у политрука, так что в препроводительной было указано об аресте на 15 суток. Вечером они попрощались с нами. Провожая их глазами, я мечтал о собственном списании.

29.5.42. Время было к вечеру, когда меня вызвал лейтенант Шек.

Бросив писать ведомость, я побежал узнать, зачем вызывают, обменявшись со своими – Гонтарем и Мирошкином предположениями.

-Пишут, значит очень хорошо, поскорей бы! – спокойно сказал я, хотя сердце билось в груди.

- Да и меня бы списали отсюда, - сказал Гонтарь, навалившись на решётку лифта.

Подходя к каюте лейтенанта, подождал, когда выйдет Кузницын.

Лейтенант что-то писал и как только я вошел, по его лицу пробежала ехидная улыбка. Он как обычно порылся в книгах, а потом сказал:

- Вы знаете, что вас списывают с корабля, и ваша давно задуманная мечта сбывается?

- Да, знаю, - ответил я, скрыв свою радость.

- Кто вам сказал?

- Я знаю уже давно, - смело ответил я, глядя в иллюминатор на водную гладь.

- Если вам это известно, идите приготовьте дела к передаче, к вечеру завтрашнего дня вы должны быть наготове.

Весь вечер прошел в подготовке к отъезду. В постели мечтал о будущем: где, куда, как?!

30.5.42. С утра началась работа ревизионной комиссии, но я не участвовал, хотя и склонялся от нечего делать. В 17.00 иду к политруку Ярешко, который встретил меня благосклонно. Разговор шел о моей писанине. Он указывал на отрицательные стороны. Он предложил мне работать на новый лад, читать больше книг Добролюбова, Чернышевского, а потом назвал и тех авторов, книгами которых были заполнены его полки: Тургенев,

Горький и другие. В конце беседы он рассказал о своей жизни. "Сперва работал в шахте, катал вагонетки. Эта непосильная работа выматывала последние силы. Через год стал гонщиком, наконец, получил возможность учиться. После школы вернулся в шахту уже техническим работником. В армии также проходил школу МКС, после чего работал младшим командиром. В 30-ом году снова был призван в армию, учился на курсах, которые закончил лейтенантом. Проходит несколько лет и присвоили звание политрука, потом старшего политрука

Так постепенно из землекопа дошел до комиссара. «Наша беседа на этом прервалась. – Мне пора было сходить с корабля. После ужина попрощались со всеми корешами, сошли с корабля и направились на трамвайную остановку.

Я был рад и одновременно взволнован, тайные мысли о том, куда я попал, и где буду служить, тонули в шумной толпе, заглушались свистками машин, гудками трамваев. Солнечные июньские серебристые лучи нежно смотрели вслед нам, уходящим с котомками. Как чудесно сейчас в лесу, где птицы наполняют воздух своим пением, а вокруг тишина и покой, - мечтал я – как хорошо здесь проводить время в уединении, в размышлениях о любви.

Поле устлано разноцветным ковром от цветов исходит аромат и кажется, что ты попал в сказку. Хочется в такие минуты стать маленьким,

резвиться, отдыхать в пахучей траве, мечтать. Но я не вольная птица – летать не могу. Я не синица, чтоб любить только лето, я не соловей, чтоб петь песни для влюбленных, я не медведь спать в берлоге зимой и не заяц, чтобы перескакивать пни, убегая от врага. Я должен быть горным орлом, чтоб в любую минуту отразить атаку врага. Я должен внезапно победить смелостью и отвагой...

Как еще я могу передать все, что накопилось в душе, чем переполнено мое сердце!!!

Прощаюсь я сейчас с голубоватым морским простором, с чудесными утесами, о которые разбиваются морские волны и замысловатыми фонтанами рассыпаются над скалистыми уступами. Прохладная волна обдаёт твой корабль, вот он уже скрылся в туманном морском облаке. Кажется, что ты сбился с курса, но какой-то невидимый штурман даёт направление и корабль снова у жизни. Так и я скоро буду в новой жизни.

Сердце бьется, как молот в кузне, мысли летят далеко, глаза смотрят на дорогу, ноги идут вперед.

Содержание

	Стр.
Боевая и трудовая слава качканарцев	1
От Автора	3
Книги Виталия Смирнова	4
Из истории ветеранского движения в городе Качканаре	7
Не стареют душой	10
Ветеранам качканарцам	12
«Об этом забывать нельзя». Выдержки сокращенно	13
В запас не ушли	14
Всероссийской общественной организации ветеранов войны и военной службы 45 лет	16
Воспоминания Бориса Александровича Оберюхтина	21
Это было под Минском	22
Пакет	24
На фронт	30
Три дня в пехоте	30
Ложная позиция	31
Ночью в секрете	33
В наступлении	35
Сон в руку	37
Гибель напарника	37
Под гусеницами танка	38
В медсанбат	39
Герасимов Петр Власович	41
Шутки Курека	42
Бои на юге Европы	43
У войны-не женское лицо	48
Женщины Качканара на фронтах ВОВ	49
Фронтовички Качканара	51
Соколова Галина Андреевна	52
Литвиненко Нина Федоровна	54
Девушки из «Красного Креста»	56
Без вести пропавшие	59
Встреча	61
Носова Ольга Ивановна	64

Корьякина Марья Ивановна	65
Седайкина Анна Ильинишна	66
Никиша Мария Николаевна	67
Шубик Зинаида Иосифовна	67
Неволина Ида Тихоновна	68
Плюснина Татьяна Михайловна	69
Оборона Москвы	70
Воспоминания ветерана войны бывшего старшего сержанта Мамонтовой Алевтины Сергеевн	71
Новоселова (Нагаева) Алевтина Семеновна	72
Шулепова Анастасия Евдокимовна	76
Литингмей Нина Александровна	80
Стольниковая Анна Илларионовна	81
Максимова Александра Владимировна	84
Фомкина Ольга Степановна	84
Бурмистрова Елена Спиридоновна	85
Веретина Александра Васильевна	86
Токарева Любовь Николаевна	88
Медовщикова Зинаида Григорьевна	89
Чеснокова Нина Ивановна	90
Барсохина Валентина Васильевна	90
Брылунова Полина Ефимовна	91
Береснева Клавдия Васильевна	91
Мальгина Анна Яковлевна	92
Пименова Мария Николаевна	95
Попова Лидия Павловна	96
Широкова (Ремезова) Анастасия Васильевна	99
Панова Рима Петровна	101
Мотузова Устинья Семеновна	103
Ларионова Анна Денисовна	106
Кулакова Анастасия Борисовна	109
Харина (Корнеева) Любовь Аверьяновна	111
Буторина Анна Николаевна	112
Малявина Антонина Степановна	112
Слюсарь Александра Степановна	112
Колбина Пелагея Петровна	115
Алласте Евдокия Николаевна	117
Беляева Екатерина Петровна	117
Выступление учителя Валериановской школы Голиковой В. при открытии обелиска в поселке Валериановском (краткое изложение)	118
Фотографии	120

Они воевали в танковых войсках	155
О танкистах	156
В Третьей гвардейской танковой армии	157
Послевоенные встречи Федосеева Алексея Андреевича	163
Танкист Илья Коннов	164
Из пехоты в танкисты	166
Танкист Николай Решетников	170
Во Второй гвардейской армии	176
Танкисты	179
В танковом училище	179
На Орловско-Курской дуге	180
Донбасс. Таврия	182
Перекоп	186
Освобождение Крыма	188
“Нам дороги эти – позабыть нельзя”	190
Зенитчик – Хоруженко Василий Емельянович	193
Астахов Иван Федорович	198
Бармин Дмитрий Николаевич	199
Семенов Иван Ильич	200
Однополчане. “Огонь на себя”	204
Они служили в одной роте	206
В арtpолку	209
Поездка к однополчанам	211
Гвардии старший сержант	212
В гостях фронтовик-освободитель	214
Письмо ученицы Киевской школы ученикам	216
Ветераны Качканара	223
Прядильщиков Александр Александрович	224
Барышников Аркадий Павлович	226
Перминов Вячеслав Иванович	227
Соколов Борис Петрович	227
Рогулькин Александр Иванович	228
Карамаев Василий Петрович	229
Жуков Федор Иванович	229
Волков Валентин Николаевич	230
Карлиханов Данил Назарович	230
Тимошенко Петр Дмитриевич	231
Крысов Иван Иванович	232
Братчиков Константин Георгиевич	232
Карамаев Михаил Маркелович	233

Леднев Сергей Иванович	234
Малышев Павел Федорович	235
Важесов Леонид Федорович	236
Шептюк Дмитрий Максимович	236
Шевелев Александр Васильевич	237
Неустроев Александр Иванович	237
Патласов Илья Андреевич	238
Субботин Николай Александрович	239
Косарев Михаил Савелович	240
Домашев Борис Николаевич	241
Якушев Игорь Иванович	242
Сашко Петр Федорович	242
Смирнов Сергей Павлович	243
Саутин Геннадий Иванович	244
Ерикалов Владимир Николаевич	246
Пьянков Григорий Иванович	246
Половченя Григорий Петрович	247
Клещенок Виктор Васильевич	248
Медяник Константин Иванович	249
Пахтеев Геннадий Андреевич	253
Филистеев Николай Иванович	254
Кузьминов Василий Федорович	254
Токарев Иван Федорович	256
Никифоров Михаил Федорович	258
Зворыгин Геннадий Ефимович	258
Екимов Станислав Григорьевич	259
Циплаков Иван Тванович	261
Участники битв военно-морского флота	262
Кушков Иван Семенович	264
Ведерников Федор Васильевич	266
Шмыга Андрей Иосифович	266
Черепанов Аркадий Ильич	267
Попов Василий Алексеевич	268
Пантюшев Павел Евстафьевич	271
Рассказ очевидца	271
Встреча с Г.К. Жуковым	273
Дорогие мои однополчане	275
Рогозин Михаил Васильевич	280
Жизнь для воспоминания	280

В. В. Смирнов
"СОРОКОВЫЕ ОГНЕВЫЕ"

Лицензия на издательскую деятельность № 00784
выдана 20 января 2000 г.

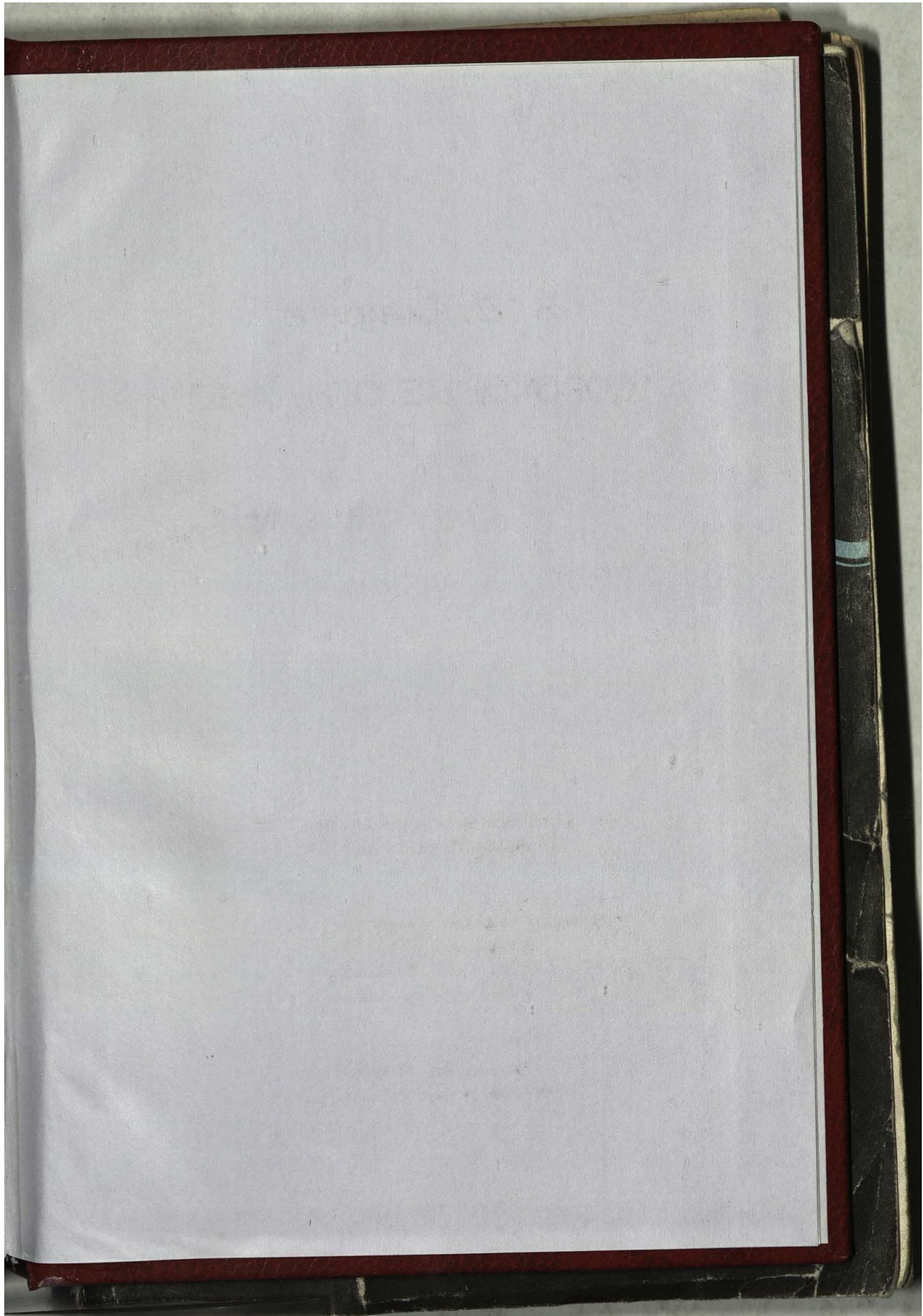
Книга набрана и сверстана в администрации г. Качканара.

Формат 60 x 90 1/16. Бум. офс. № 1

Офсетная печать. Объем 20 п. л.

Тираж 130. Заказ 2107.

Нижнетуринская типография
624221 г. Нижняя Тура, ул. Скорынина, 17

В. В. Смирнов:

СОРОКОВЫЕ ОГНЕВЫЕ

